

**Министерство финансов Российской Федерации
Всероссийская государственная налоговая академия**

**М.А. Кузнецов,
З.Д. Деникина,
А.П. Захаров**

История и философия науки

Учебное пособие для аспирантов и соискателей

Москва – 2005

ББК

Рецензент: заведующий кафедрой «Философия» Московского авиационного института (государственного технического университета), профессор, доктор философских наук **Ю.В. Крянев**

Кузнецов М.А., Деникина З.Д., Захаров А.П.

История и философия науки: Учебное пособие. – М.: ВГНА Минфина России, 2005. – с.

В учебном пособии рассматриваются основные проблемы общенаучной дисциплины «История и философия науки»: понятие науки, исторические типы наук, основания науки, структура и динамика науки. Значительное внимание уделено социально-гуманитарному знанию, истории и философии права и экономики.

Издание предназначено для аспирантов и соискателей.

**Утверждено и рекомендовано решением
Научного и учебно-методического совета ВГНА
в качестве учебного пособия
(протокол № от)**

© ВГНА Минфина России, 2005

© Кузнецов М.А., Деникина З. Д., Захаров А.П.

Введение

В подготовке кадров высшей квалификации произошли существенные изменения. Введен кандидатский экзамен по общенаучной дисциплине «История и философия науки». В связи с этим подготовлены программы кандидатских экзаменов по данной дисциплине, которые были одобрены президиумом Высшей аттестационной комиссии Минобразования и утверждены приказом Минобразования от 17.02.2004 г. № 697.

Все это определяет необходимость подготовки новых учебных пособий для аспирантов и соискателей. Если раньше ими сдавался кандидатский экзамен по философии и имелись многочисленные варианты учебников и учебных пособий, то в настоящее время аспиранты и соискатели располагают лишь программами кандидатских экзаменов «История и философия науки» и то лишь в части «Философия науки». Отсутствие учебных пособий может стать серьезным фактором в подготовке к сдаче кандидатского экзамена.

Отмеченное выше обстоятельство определило необходимость подготовки данного учебного пособия. Но каким должно быть учебное пособие? В результате проведенных дискуссий постепенно выкристаллизовалась идея трех уровней общенаучной дисциплины «История и философия науки».

Первый уровень – это общие проблемы философии науки. Он является обязательным для аспирантов и соискателей ученых степеней всех научных специальностей. Независимо от той или иной специализации у научной деятельности имеется общая проблематика. Аспирант или соискатель должен знать эту проблематику, уметь ее анализировать. Речь идет об основных мировоззренческих и методологических проблемах науки как таковой. Необходимо уметь рассматривать науку в ее основаниях, в ее социокультурном контексте, в ее динамике и историческом развитии.

Философия науки является одной из наиболее активно развивающихся отраслей философского знания. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, тем, что в системе современной культуры наука играет, несомненно, ключевую роль. Академик В.И.Вернадский неоднократно подчеркивал, что мы живем во время примата науки над другими формами духовной культуры. С этим можно согласиться, имея в виду то огромное влияние, которое оказывает наука на мировоззрение современного человечества. Во-вторых, наука является важнейшим фактором развития общества, его хозяйства и экономики. Наукоемкие производства, инновационная деятельность требуют специалистов высокой квалификации. В-третьих, научная деятельность и все то, что связано с наукой выделяется в качестве специальной сферы деятельности, занимающей значительное место в жизни современного общества. Научное мировоззрение существует наряду с другими видами мировоззрения, выполняя свои специфические задачи. Философия, как мыслящее мировоззрение, выходит на всеобщие проблемы бытия и познания, исходя из которых, возможно, осознать цели и задачи научного познания. Цели и задачи изучения общих проблем

философии науки состоят в том, чтобы помочь аспиранту и соискателю подойти к феномену науки с более широких мировоззренческих позиций, обратив внимание на природу этого феномена, его оснований. При этом следует уделить особое внимание проблемам современной науки, ее места и роли в развитии современных обществ, необходимости смены типов научной рациональности, системы ценностей.

Второй уровень общенаучной дисциплины «История и философия науки» связан с рассмотрением определенных отраслей научного знания: математических естественнонаучных, технических, социально-гуманитарных.

С учетом отраслевой направленности в данном учебном пособии рассматриваются философские проблемы социально-гуманитарных наук. Эта часть кандидатского экзамена обязательна для аспирантов и соискателей ученых степеней всех научных специальностей, относящихся к социально-гуманитарному блоку наук. Проблема специфики социально-гуманитарного знания стала активно обсуждаться сравнительно недавно, хотя идея этого знания уходит свои корнями в античную культуру. Аспирант и соискатель должен знать выработанные в истории мысли подходы к анализу социально-гуманитарного знания, специфику объекта и предмета социально-гуманитарного познания. Как известно, в этом знании особая роль принадлежит ценностям. В связи с этим возникает широкий круг вопросов, связанных с выяснением природы ценностей, роли коммуникативности, объяснения и понимания, веры и сомнений в социально-гуманитарном познании. В конечном счете, речь идет об особенностях исследовательских программ социально-гуманитарных наук.

Третий уровень общенаучной дисциплины «История и философия науки» - это уровень специальности, по которой аспирант и соискатель будет выполнять свое научное исследование. В данном учебном пособии речь идет об экономических и юридических специальностях. История и философия экономики, история и философия права – молодые и перспективные направления роста исследований философии науки. Осознание существа философско-методологической проблематики избранной специальности позволит аспиранту и соискателю предметно выполнить свое диссертационное исследование.

Разделы 1 и 2 написаны профессором, доктором философских наук М.А. Кузнецовым, раздел 3 – история и философия права написан доцентом, кандидатом философских наук З. Д. Деникиной, история и философия экономики – доцентом, кандидатом философских наук А. П. Захаровым.

Раздел 1. Общие проблемы философии науки

Глава 1. Предмет и основные концепции современной философии науки

Феномен науки. Основные аспекты бытия науки

Среди множества явлений культуры наука, несомненно, есть самое мощное. Возникнув из глубины веков, она стала одним из самых действенных и мощных факторов современного развития общества. Она оказывает самое непосредственное влияние на все стороны современного бытия человечества. Без науки невозможно представить дальнейшее развитие мировоззрения. Наука – мощный фактор развития современной экономики. Наука определяет содержание образовательного процесса. Технические приложения науки прочно вошли в современный быт человека.

Сама наука в целом представляет сложнейшее явление. Поэтому не так просто дать ему определение. Акцентируя внимание на цели и задачи науки, можно дать следующее определение: наука – это специфическая деятельность по производству и получению новых знаний. Акцентируя внимание на специфику научной деятельности, можно предложить такое определение: наука – это специализированная эмпирическая и теоретическая деятельность, направленная на получение истинного знания о мире. Принимая во внимание нормативную сторону научной деятельности, можно прийти и к такому определению науки: наука – это деятельность, регулируемая идеалами и нормами получения, объяснения и построения научного знания.

В рамках философии науки принято выделять три аспекта бытия науки: наука как познавательная деятельность, как социальный институт, как особая сфера культуры.

Изучая науку в ее первом аспекте, обращаем внимание на специфику научной деятельности. Научная деятельность – это когнитивная (познавательная) деятельность, имеющая своей целью получение нового знания. Если для производственной деятельности ее конечным продуктом является товар, то для научной деятельности – новое знание в виде научных фактов, обобщений, гипотез, теорий. Коренное отличие научной деятельности от других видов деятельности в том, что она устремлена к получению нового знания. В сфере производственной деятельности один и тот же продукт может многократно воспроизводиться, что для научной деятельности является неприемлемым. Она всегда устремлена к новизне, в неизвестное и ради этого и существует.

Научная деятельность имеет строго определенную свою структуру: субъект исследования, объект и предмет исследования, средства и методы исследования, результаты исследования. Субъект исследования – это тот, кто

исследует. Под субъектом исследования принято понимать не только отдельно взятого ученого, но и целые научные коллективы, научное сообщество (Т. Кун). Объект исследования – эта та часть реальности, которая исследуется научным сообществом. Наука стремится познать весь мир в его многообразии, но в реальной практике познания речь идет лишь об определенной его сфере, «срезе». Ученый всегда отдает себе отчет в том, что существует сфера непознанного, которая, как показывает практика научной деятельности, не сужается, а, напротив, расширяется. Образно говоря, чем больше мы знаем, то тем самым входим в соприкосновение с еще большей сферой непознанного. Предмет познания – это те свойства и закономерности, которые мы изучаем в объекте познания. Поэтому объект познания по своему объему и содержанию шире, чем предмет познания. Можно сказать, что объект познания – это определенная целостность, а предмет познания – это лишь часть этой целостности.

Существует множество предметов познания по отношению к одному и тому же объекту. К примеру, общество как определенная целостность является предметом исследования множества наук: экономических, социальных, политических и т.д. Это приводит к дифференциации научного знания, к необходимости узких специализаций, что вполне обоснованно. Однако на определенных этапах научного познания возникает необходимость синтетических обобщений, интеграции наук, что, несомненно, является прорывом в познании объекта. В этом проявляется одна из закономерностей научной деятельности. Сразу познать объект в его целостности и определенности невозможно, и поэтому мы разбиваем (конечно, мысленно) на определенные его части, которые исследуем. Познавая эти части и углубляясь в изучение их природы, мы сталкиваемся с необходимостью перейти к познанию целого, что дает качественно новые знания об объекте познания. Современные прорывы в научной деятельности как раз и связаны с переходом к целостному познанию. Поэтому приоритетными направлениями считаются проводимые исследования на «стыке» наук. В качестве примеров можно привести такие известные науки как физическую химию, биохимию, биогеохимию и т.д.

Средства и методы познания – это «инструменты», «орудия» научной деятельности. В производственной деятельности мы убеждаемся, что от инструментов и орудий деятельности очень много зависит. Прорыв в этой сфере ведет к крупнейшим преобразованиям общества. Современное общество немислимо без информационных технологий, без использования высокоточной техники, лазерной технологии и т.д. В научной деятельности в свое время использование телескопа и микроскопа привело к существенному прорыву. Для современной научной деятельности, включающей в себе эмпирическую и теоретическую, все более значимыми становятся средства и методы теоретического исследования. Традиционные методы исследования как наблюдение и измерение дополняются методами моделирования, позволяющими существенно расширить горизонты познания, включив временную составляющую. В случае наблюдения мы привязаны к предмету исследования, моделирование снимает эту ограниченность, позволяя на основе

моделей его проследить во времени и пространстве, а тем самым получить более полную информацию.

Результатом научной деятельности являются научные факты, эмпирические обобщения, научные гипотезы и теории. Это, образно говоря, и является «продукцией» научной деятельности. Научные факты – это выявленные и соответствующим образом выраженные (на основе специализированного языка) объективные процессы. Они являются основой для последующих эмпирических обобщений, синтезирующих многочисленные научные факты в определенную систему знания.

По мнению, академика В.И. Вернадского, научные факты и эмпирические обобщения являются основой науки, входят в качестве основной части в научный аппарат. А все остальное – гипотезы и теории являются лишь временными строительными «лесами», которые необходимо вовремя видоизменять в связи с ростом научных фактов и эмпирических обобщений. Реальная практика научного познания свидетельствует о важности и взаимосвязи и того и другого. Без строительных «лесов» нельзя построить новое здание науки. К примеру, без новых идей и гипотез нельзя было бы построить основания квантовой механики. Идея кванта М. Планка, постулаты Н. Бора, принципы неопределенности В. Гейзенберга и дополнительности Н. Бора явились теми строительными «лесами», которые и позволили создать квантовую механику.

Возможны три основные модели научной деятельности: эмпиризм, теоретизм, проблематизм¹. Согласно первой модели, научная деятельность начинается с получения эмпирических данных о предмете исследования, а лишь следует их логико-математическая обработка, которая приводит к индуктивным обобщениям. Эта модель научной деятельности имела своих представителей: Ф. Бэкона, Ст. Джевонса, Г. Рейхенбаха, Р. Карнапа и многих других ученых.

Большинством современных философов науки эта модель научной деятельности отвергнута: она не универсальна, внутренне противоречива.

Прямой противоположностью эмпиризму является теоретизм, считающим исходным пунктом научной деятельности некую общую идею, рожденную в недрах научного мышления. Научная деятельность представляется, как имманентное конструктивное развертывание того содержания, которое имплицитно заключается в исходной идее. А эмпирический опыт призван быть лишь одним из средств конкретизации исходной теоретической идеи. Такое понимание научной деятельности развивали Р. Декарт, Г. Гегель, А. Уайтхед, а в современных школах философии науки ее представителями являются Дж. Холтон, И. Лакатос и др.

Модель научной деятельности, как проблематизм, наиболее ярко выразил К. Поппер. Согласно этой модели, наука есть специфический способ решения теоретико-познавательных проблем. Исходным пунктом такого рода деятельности является научная проблема. Научная проблема – это существенный эмпирический или теоретический вопрос, формулируемый в

имеющемся языке науки, ответ на который требует получения новой, как правило, неочевидной эмпирической или теоретической информации.

Отмеченные выше «модели» научной деятельности выделяют те или иные ее стороны. Для современного понимания научной деятельности характерен аспект инновационности. Как важнейшая часть инновационной деятельности, наука представляет собой последовательную реализацию следующей структуры: фундаментальные исследования, прикладные исследования, полезные модели, опытно-конструкторские разработки. Звено «фундаментальные исследования», занимающее в общей структуре инновационной деятельности не более десяти процентов всего объема исследований, имеет своей непосредственной целью получение новых научных знаний. Однако современное общество интересуется не просто научными новациями, а максимально полезными новациями, которые можно будет использовать в сферах его жизнедеятельности. К примеру, теоретические разработки по теории информационных процессов, несомненно, были научным прорывом в неизвестное, но для общества они стали представлять особый интерес с появлением информационных технологий. Эти технологии стали активно использоваться во всех сферах жизни современного общества.

Наука в обществе приобретает статус социального института. Наука не только дисциплинарно организована, но и социально организована. Одним из таких проявлений является статус научного работника, система подготовки кадров высшей квалификации. Время отдельных ученых любителей давным-давно ушло; наука стала значимым социальным институтом со своей иерархической структурой.

Следует обратить внимание и на третий аспект бытия науки как особой сферы культуры. В систему культуры входят такие ее составляющие: религия, философия, нравственность, искусство. Многие исследователи отмечают, что все большее значение в системе культуры приобретает наука. И сфера ее влияния все больше расширяется. Система образования, экономическая деятельность, социальное и политическое прогнозирование, разработка фундаментальных проблем мировоззрения в настоящее время не мыслимы без науки.

Иногда возникают даже опасения: «не становится ли наука, возникшая как часть культуры, над самой культурой, упраздняя тем самым все остальные ее составляющие?» Вопросы, несомненно, имеющие основания для их постановки. Но следует различать науку как органичную часть культуры, взаимодействующую со всеми другими ее частями, без которых немислимо ее развитие, от того, как и на основе каких предпосылок используется наука. Было время, когда позитивизм, исходя из ложных посылок, хотел заменить мировоззрение наукой. Было время, когда была предпринята попытка статус научной идеологии придать марксизму-ленинизму.

Действительность оказалась более «разумной» (Гегель), а тем самым и необходимой. Наука как часть культуры занимает свое достойное место со своими особенностями и своими функциями, и она немислима без других составных частей культуры. Как скажем, немислимы ветви дерева без его

корней и ствола. Наука, несомненно, относится наряду с философией, религией, нравственностью и искусством к «корням» культуры.

Следует, прежде всего, уяснить, что в основе науки находится особое отношение человека к миру. Мир можно эстетически созерцать, воспринимать его красоту и гармонию и на основе художественных образов и представлений их выражать. О мире можно философски размышлять, на основе рефлексии пытаться ответить на вопросы о природе мира, его субстанциональных оснований, о месте человека во Вселенной, о смыслах жизни и предназначении человека.

Мировоззрение является сложнейшей системой представлений, учений, убеждений, эстетических и духовно-нравственных оценок. В системе мировоззрения наука занимает достойное место.

Но в чем заключаются особенности научного мировоззрения? Этот вопрос звучал неоднократно в истории философской и научной мысли. И были даны разные ответы в зависимости от того, как рассматривалась наука. Если она включалась в натурфилософию, то отличие научного мировоззрения понималось лишь в степени умозрительности и всеобщности. С этих оснований Аристотель различал первую философию (впоследствии понимаемую в качестве метафизики) и вторую философию (впоследствии понимаемую в качестве науки). Если наука, что было характерно для позитивизма, противопоставлялась другим мировоззренческим формам, то научное мировоззрение трактовалось как выражение зрелости человеческого духа, сознания. Эти идеи развивал О. Конт и его последователи, считая, что только научное мировоззрение отвечает задачам дальнейшего развития человечества.

Эти подходы, несомненно, были односторонними и не учитывали специфику научного мировоззрения. Вопрос специфики научного мировоззрения обсуждался и в научной среде. К примеру, В. И. Вернадским в его лекциях по истории современного научного мировоззрения, которые были прочитаны студентам Московского университета в 1902 – 1903 года. Он видел не столько отличие научного мировоззрения от других мировоззренческих форм, сколько неразрывную их взаимосвязь. При этом, научное мировоззрение понималось не в качестве уже законченного, ясного, готового. Оно рассматривалось в его конкретно-исторических формах, в процессе своего становления, влияния на него других мировоззренческих форм: философии, религии, искусства.

Научное мировоззрение, как считал В. И. Вернадский, не тождественно истине. Истину ищет не только наука. Поэтому неверно полагать, что научно, то и служит выражением чистой и неизменной истины. Истина – это, скорее всего, идеал, не всегда достигаемый. И только некоторые небольшие части научного мировоззрения, выраженные в неопровержимо доказанных фактах и их эмпирических обобщениях, по сути дела являются научными истинными. А все остальное – гипотетические и теоретические построения являются лишь вспомогательными «лесами» возводимого храма науки и научной истины.

Как отмечал В. И. Вернадский, «именем научного мировоззрения мы называем представление о явлениях, доступных научному изучению, которое

дается наукой; под этим именем мы подразумеваем определенное отношение к окружающему нас миру явлений, при котором каждое явление входит в рамки научного изучения и находит объяснение, не противоречащее основным принципам научного искания».²

Обратим внимание на два аспекта научного мировоззрения. Во-первых, из многообразия отношений человека к миру наука выбирает гносеологическое, субъектно-объектное отношение. Лишь в рамках этого гносеологического отношения рассматриваются вопросы научной истины. Во-вторых, само гносеологическое отношение должно подчиняться основным принципам научного исследования.

Наука из всего многообразия явлений предпочтение отдает тем, которые эмпирически изучаемы и проверяемы. То есть все то, что может быть обозначено термином «естественное явление».

В современной философской и научной среде ведутся дискуссии: что считать научным или ненаучным? Это не простой вопрос. В нем не все ясно и однозначно. К примеру, с позиций каких критериев проводятся различия между научным и ненаучным? Да и сама наука неоднородна. В ней имеются разные научные школы, которые различаются своими критериями оценки научности. Есть так называемая «ортодоксальная» наука, но есть и научные школы, занимающие новаторские позиции.

Момент догматизма и консерватизма необходим самой науке, чтобы отстаивать уже завоеванные позиции и способствовать их укреплению, но науке также необходим момент творческого дерзания, выдвижения новых идей (включая и «сумасшедших») с тем, чтобы идти вперед.

Представляет в связи с этим интерес позиция В. И. Вернадского по этому вопросу. В истории человеческой мысли всегда существовала такое явление, как мистические прозрения и откровения. Как правило, отношение к ним в научной среде негативное. В. И. Вернадский считал, что с мистическими прозрениями и откровениями следует считаться, так как в них, возможно, выражены элементы будущих мировоззрений, элементы будущей науки. И «научное мировоззрение охвачено борьбой с противоположными новыми научными взглядами, среди которых находятся элементы будущих научных мировоззрений...»³

Если ученый отстаивает лишь то, что было известно науке уже вчера, то тем самым он забывает о новаторском, творческом характере науки, для которой не должно быть запрещенных тем или явлений. К примеру, под влиянием ряда философских школ (позитивистского и материалистического направлений) считалось, что мысль есть свойство материи, но само это свойство не обладает материальностью. Материальность в то время сводилось к вещественной, а позже под влиянием научных открытий и к энергетической форме. Но как быть с мыслью? Считать ее нематериальной, хотя и связанной с материальными процессами работы головного мозга человека? На этом, как известно в то время настаивал диалектический материализм, основные положения которого по этому вопросу были сформулированы В. И. Лениным (Ульяновым) в работе «Материализм и эмпириокритицизм».

В. И. Вернадский, как творчески мыслящий ученый, не согласился с точкой зрения, исключающей мысль из сферы научных исследований. По его мнению, мысль должна быть объектом науки (будущей) в той же мере, как вещество, энергия, а сейчас и информация.

В среде современных ученых получает поддержку точка зрения о том, что наука не должна отгораживаться «глухой стеной» от других форм исканий истины. Считается перспективным привлечение древнейших учений, отличающихся от современных учений более широкими космическими основаниями.

В связи с этим обратим внимание на существенные различия между древнейшими учениями и наукой, ведущей свой отсчет от эпохи Нового времени. Ментальная структура древней науки разительно отличается от ментальной структуры науки, интенсивно развивающейся с Нового времени. Как считал М. Элиаде, если целью духовной науки древнейших культур было искание бессмертия, самопознание, то целью современной науки, заявившей о себе с эпохи Нового времени, становятся задачи прагматические, связанные с познанием и использованием законов Космоса, законов вещественно-энергетической реальности.⁴

Обращает на себя внимание и тот факт, что в первоначальный период эпохи Нового времени еще сосуществовали две разные ментальные структуры. Одна, идущая из глубины веков. Другая ментальная структура, только зарождающаяся, определяющая свои основания. На творцов науки того времени существенное влияние оказывали и обе ментальные структуры. И.Ньютон был убежден в том, что вначале Бог сообщил нескольким избранным тайны натурфилософии и религии. Затем это знание было утрачено; позднее оно было обретено и воплотилось в мифах и сказках, но может быть научно возвращено с помощью опытов и строгих научных методов.

В современных исследованиях по истории формирования науки в Новое время отмечается, что имело место сопряжение магико-герметической традиции, ведущей мифологический отсчет своего происхождения от легендарного Гермеса Трисмегиста, и экспериментально-опытных исследований, проводимых в соответствии с новыми идеалами и нормами научного исследования. Здесь еще нет четкой демаркации между наукой и магико-герметической традиций. «Для людей XV1-XV11 вв., – как считает А. Койре, – все естественно и нет ничего невозможного, так как все понимается магически и сама природа – не более чем магия с Богом как высшим Магом».⁵

Эта мировоззренческая ситуация продолжалась где-то до середины XV11 века. Но позже натурфилософские и мистические «контексты» науки уже будут выноситься за ее пределы, хотя возможность новых «смешений» всегда будет оставаться.

Все это свидетельствует о том, что в сознании европейского общества начала XV11 в. идея науки и идея магии не слишком отличались друг от друга, что вело к присутствию на равных правах различных моделей знания. Они свободно взаимодействовали друг с другом, вступая в отношения то сотрудничества, то соперничества и конкуренции. В этой, так сказать

«предпарадигмальной» (Т. Кун) стадии науки элементы научного метода соседствовали с элементами герметизма и эзотеризма.

Но когда оформились механическое естествознание и вслед за ним и механическая философия, их разрыв с герметизмом и различного рода эзотерическими учениями стал неизбежным. Выражением этого разрыва и стал декартовский дуализм, предписывающий несовместимость материи протяженной, действующей по механическим законам, и субстанции мыслящей, духовной. Механико-математическая картина мира изгоняет герметизм и мистицизм. В герметическом мировоззрении мир воспринимается изнутри ума и трактуется как ум, идея, дух. В рождающемся механистическом мировоззрении дух, ум всячески изгоняется из природного мира. «Если маг-герметист «овнутряет» мир, то ученый-естествоиспытатель, напротив, его «овнешняет», превращая в доступный для надежного знания «объект» (объективация мира в науке)».⁶

Современная наука продолжает выражать ментальную структуру, сформировавшуюся в Новое время. В ее основе - субъектно-объектное отношение человека к миру. Специфику этого отношения уловил немецкий философ И.Кант, сравнивая ее с отношением судьи и свидетеля. Ученый, как и судья, задает вопросы, предполагая, что природа, как и свидетель, не намерена раскрывать свои тайны. Опыт есть своего рода «дознание», расследование. Ученый выдвигает версии, гипотезы, но решающее значение имеют опытные данные, своего рода «вещественные доказательства».

Следует обратить внимание и на то, что научное мировоззрение, утвердившись в своих основах в эпоху Нового времени, не является однородным и целостным. В нем, по сути, с самого начала были представлены две формы научного миропонимания. «Можно видеть, - отмечал В.И.Вернадский, впервые обративший внимание на различия двух форм научного мировоззрений, - в представлениях человека о Космосе два синтеза, по существу совершенно разных, находящихся на разных стадиях своего развития и едва ли совместимых между собой. С одной стороны – отвлеченное представление физика или механика, где все сводится в конце концов на немногие нашими органами чувств и даже нашим сознанием не охватываемые в образной форме представления об эфире, энергии, квантах, электронах, силовых линиях, вихрях или корпускулах... Эта абстракция является удобной формой научной работы, входит в научное мировоззрение, но не охватывает его всего, не проникает даже все области естествознания, она явна неполна, как неполны по сравнению с природными объектами все отвлеченные и идеальные создания человеческого разума, всегда упрощающие реальные объекты, подлежащие нашему изучению... Наряду с этой – физической – картиной Космоса всегда существует другое о нем представление – натуралистическое, неразложимое на геометрические формы, более сложное и более для нас близкое и более для нас близкое и реальное, которое пока тесно связано не со всем Космосом, но с его частью – с нашей планетой, то представление, какое всякий натуралист, изучающий описательные науки, имеет об окружающей его природе. В это представление всегда входит новый элемент, отсутствующий в

построениях космогоний, теоретической физики или механики, - элемент живого».⁷

Если физическое миропонимание обращено к механическим и физическим свойствам, то натуралистическое (биосферное) мировоззрение рассматривает сложные системы, организованность которых является функцией живого вещества как определенной совокупности живых организмов. В моделях мироздания, формируемых физическим научным мировоззрением, главными действующими факторами являются температура, плотность, элементарные частицы, термоядерные процессы и т. д. Живые организмы, биогеохимические процессы, эволюция, включая цефализацию (непрерывный рост нервной системы и мозга в эволюции видов), организованность и т.д. – действующие факторы природного мира в биосферном мировоззрении.

Долгое время натуралистам казалось, что нельзя совместить живое и неживое, что между ними имеются непреодолимые противоречия. Биосферное мировоззрение соединило в сопряженное единство живое и косное вещество, формами которого и выступают сложнейшие природные системы от биогеоценозов и почвы вплоть до биосферы Земли.

Рождающееся в последнее время новое научное мировоззрение, контуры которого еще не вполне определены, хотя тенденции явно намечены, делает шаг в сторону соединения физического и биосферного мировоззрений, вводя представления о Разумной Вселенной. Вполне закономерный шаг в этом направлении был сделан В.И. Вернадским, который, развивая учение о биосфере, ввел в науку ноосферные представления. Если исходить из принципа единства мира, понимая вслед за П.Тейяром де Шарденом, что каждое явление, наблюдаемое на Земле, имеет космические корни, то вполне допустимо положение о Разумности Космоса. Если на Земле идет процесс перехода биосферы в ноосферу, то этот процесс имеет космические основания. Сам Космос, о чем свидетельствуют современные научные концепции, находится в процессе эволюции, по отношению к которой вполне допустимо положение о переходе от простейших форм к Разумной Вселенной. Астрономия, физика и астрофизика и другие естественные науки, изучающие явления и процессы космической организованности, постепенно восходят от простейшего к более сложному. Было бы величайшей ошибкой считать, что изученные физические свойства исчерпывают суть космической организованности и на этой основе считать биосферные и ноосферные явления Земли в качестве необъяснимого исключения. Логично предположить другое, что Космос сложился не только как физическое явление, но и как Разумная Организованность с ее определенными Законами. Научное мировоззрение, восходя к исследованию все более сложных явлений, становится все более целостным, синтетическим. Уже недостаточно знать только отдельное, частное. Эти задачи имели значение на этапе углубленного научного исследования частных явлений. На современном этапе развития науки приоритетное значение имеет целостный подход к сложным явлениям. В связи с этим возникает необходимость, интегрируя достижения отдельных научных направлений, выяснить законы целостности. И научное мировоззрение вполне обоснованно опирается на понятия живого

вещества, организованности, разума, а не только традиционных понятий как вещество, сила, энергия и т. п.

Прослеживая тенденцию становления и развития научного мировоззрения, нельзя при этом забывать о том, что научные искания включены в более широкий мировоззренческий и гносеологический поиск, идущий в обществе. Здесь имеет место взаимодействие разных форм мировоззрений, принимающих в зависимости от конкретно-исторических условий характер монолога, диалога. Монолога, когда одна мировоззренческая форма навязывает другим свое видение. Диалога, когда созревает необходимость совместного поиска ответов на ставящиеся самой жизнью вопросы. Последнее предпочтительнее. Исторически наука развивалась именно так. На нее оказывали влияние философия, религия, искусство. Но и сама наука открытыми истинами, приобретающими качества общезначимости, оказывала влияние на религию, философию, искусство. Как заметил В.И. Вернадский, «научное мировоззрение развивается в тесном общении и широком взаимодействии с другими сторонами духовной жизни человечества. Отделение научного мировоззрения и науки от одновременно или ранее происходившей деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства невозможно. Все эти проявления человеческой жизни тесно сплетены между собою, и могут быть разделены только в воображении».⁸

Таким образом, наука может быть понята как определенный тип мировоззрения, находящийся в процессе своего становления и развития. Имея свои специфические особенности, научное мировоззрение взаимодействует с другими мировоззренческими формами, испытывая не только их воздействие, но и оказывая на них свое влияние.

Наука как предмет философских исследований.

Эволюция подходов к анализу науки

На вопрос о том, «что такое наука» в ее истинности и необходимости может дать только философия. Эмпирическое многообразие исторических форм бытия науки не может быть основой ее «эйдоса». Ибо развитая сущностная форма является «ключом» для понимания эмпирических форм, а не наоборот. Известная формула «практика является критерием истины» верна лишь тогда, когда речь идет о развитой форме практики. К примеру, современное эмпирическое бытие России не является критерием ее истинного бытия. Ее истинное бытие еще не дано эмпирически, а поэтому должно быть выражено в ее «эйдосе». В диалектико-логическом аспекте эта проблема соотношения понятия и эмпирической данности была понята Платоном и Гегелем.

В истории философской мысли имеются несколько различных философских подходов к осмыслению природы науки, не потерявших свое значение и по сей день.

В античной культуре одним из первых на специфику науки обратил внимание Аристотель (384-322 гг. до н. э.). Конечно, уже существовали

подходы к данной проблеме, которые были намечены Пифагором, Анаксагором, Платоном. Однако мыслители до Аристотеля еще оставались в пределах натурфилософской схемы единого знания, и поэтому специфика науки ими не выделялась.

В трудах Аристотеля еще нет термина «наука», а речь идет о знании («эпистеме»), о размышлении («диано́йя»), а также о мудрости («софия»). По его мнению, не всякое знание является научным. Знание, полученное из сферы опыта и чувственности, не может принадлежать «эпистеме». Древнегреческий мыслитель полагал, что в этой сфере невозможна никакая мудрость. Наука может быть лишь в сфере размышления.

Современное понимание науки существенно отличается. Научное знание включает в себя и опытную часть. В античной культуре отсутствовало экспериментальное естествознание, и основное внимание обращалось на другие критерии знания, прежде всего, в работах Аристотеля на логические критерии (логический закон непротиворечия рассматривался им как высшее начало познания).

Аристотель обращает внимание на то, что научное знание есть знание причин явлений. «Всякое рассудочное познание, или такое, в котором рассудок играет (хоть) какую-нибудь роль, имеет своим предметом различные причины и начала, указываемые иногда с большею, иногда с меньшею точностью» (Метафизика, У1, 1). В зависимости от степени приближения к точности, а тем самым к необходимости и всеобщности, проводится различие между «первой философией» и «второй философией». Если «первая философия» постигает первые причины и дает знание в его всеобщности и необходимости, то «вторая философия» (то, что можно назвать «физикой») исследует уже более частные причины. Как отмечает сам Аристотель, «Физика занимается предметами существующими самостоятельно, но предметы эти не лишены движения; у математики некоторые отрасли имеют дело с объектами неподвижными, но такими, пожалуй, которые не существуют отдельно, а даются в материи; что же касается первой философии, то она рассматривает и обособленные предметы, и неподвижные» (Метафизика, У1, 1).

Но первая философия ценнее физики, ибо она имеет своим предметом наиболее ценный род сущего. Первая философия, или метафизика, постигает первопричины, и она существует ради самой себя. И причины возникновения метафизики и науки несколько разные. Философия, по мнению Аристотеля, начинается с удивления. Науки появляются, когда имеется досуг, время для размышления. Поэтому науки трактуются как наилучший способ проведения досуга.

Аристотель различает три рода наук: теоретические, практические и творческие. «Всякое мышление направлено либо на деятельность, либо на творчество, либо носит теоретический характер» (Метафизика, У1, 1). Мыслитель различает две части разумной души: «эпистемикон» и «логистикон». Если первая ее часть направлена на необходимое, то вторая часть, взвешивая и рассуждая, принадлежит к сфере человеческой деятельности.

Древнегреческий философ также различал разные виды «делания». Первое «делание» («праттейн») связано со свободным выбором, а второе («пойейн») направлено на выполнение художественного или технического замысла. Из этого вытекает различие между «пойэсис» как творчеством и «праксис» как деятельностью в узком смысле слова. Поясняя эти различия, Аристотель отмечает: «Творческое начало находится в творящем, будь то ум, искусство или некоторая способность, а деятельное начало – в деятеле как его решение, ибо сделанное и решенное – не одно и то же» (У1, 1). К наукам практическим мыслитель относит этико-политическую деятельность. К творческим наукам относятся те, которые связаны с «технэ». Они возникли раньше других наук. Ибо сначала были изобретены «искусства», удовлетворяющие насущные потребности. Если науки теоретические существуют ради самого знания, то науки практические и теоретические ориентированы на применения знания.

Деятельности и творчеству Аристотель противопоставляет созерцание. Теоретические науки – это науки созерцательные, умозрительные, направленные на познание причин и оторванные от опыта и производственной деятельности. К ним относятся «первая философия», или метафизика, «вторая философия», или физика и математика.

Таково содержание одной из первых концепции «науки», которую развивал Аристотель. В этой концепции каждый вид науки имеет свои особенности, свой предмет исследования. Здесь науки несводимы друг к другу. Наиболее ценятся науки умозрительные, а среди них выделяется метафизика, которая, как считает Аристотель, ценнее всего. Менее ценными являются физика и математика. Критерием ценности выступает умозрительность, степень выражения сущего, его причин.

С этой точки зрения, наука есть результат деятельности рационального мышления. Источником рационального знания не может быть ни чувственный опыт, ни практическая или творческая деятельность, обремененная теми или потребностями. В качестве такого источника выступает само мышление, стремящееся познать причины в их всеобщности и необходимости.

Новое время представляет особый интерес для философско-методологического анализа. Здесь формируется не только наука в качестве относительно самостоятельного мировоззрения и отрасли знания, но и определяется философия науки в качестве отрасли философского знания. До этого наука пребывала либо в системе натурфилософии, либо в системе теологических воззрений. Относительно самостоятельной наука впервые становится лишь в эпоху Нового времени, окончательно определив свой статус с момента создания механики как науки и механической научной картины мира.

Новый статус науки вызывает необходимость новой формы взаимоотношения философии с наукой, необходимость философской рефлексии над основаниями науки. В то время наиболее актуальными были методологические основания науки, к которым в силу разнородности самой науки, наличия в ней опытно-экспериментальной и теоретической

составляющих, можно было подходить с двух сторон. С позиции эмпиризма и разработки индуктивной методологии научного исследования, либо с позиции рационализма и определения оснований теоретического исследования.

Первый подход с наибольшей степенью полноты был осуществлен известным английским философом и ученым Ф. Бэконом (1561-1626), задумавшим грандиозный проект по Великому Восстановлению Наук. При этом речь не шла о том, чтобы буквально восстановить науки в их исторических формах античной и средневековой культур, а о создании опытного фундамента для наук, на котором можно было бы построить величественное здание наук.

О том, как это могло быть сделано, и в каких формах могло быть осуществлено, Ф. Бэкон пишет в «Новой Атлантиде». Образом науки для него является «Соломонов дом», целью которого «является познание причин и скрытых сил всех вещей; расширение власти человека над природою покуда все не станет не него возможным».⁹

Одна из заслуг Бэкона состояла в определении разума, способного решать научно-исследовательские задачи. Он подвергает резкой критике исторический разум, выявляет его основные «идолы», которые препятствуют становлению научного разума. Дело в том, что исторический разум во многом решал гуманитарные, философские и теологические проблемы, по своей сути умозрительные и в какой-то степени схоластические. На смену ему, по мнению Бэкона, должен придти научный разум, вооруженный логикой и методологией индуктивного исследования.

Одним из препятствий на этом пути являлась аристотелевская логика с ее нацеленностью на анализ форм мышления. Как заключает Бэкон в главном своем труде «Новый Органон», эта логика бесполезна для научного исследования. Ее бесполезность заключается в отсутствии четких понятий; она по своей природе ориентирована на гуманитарную сферу, а не на природную реальность. Цель новой логики Бэкон видит в том, чтобы открывать не аргументы, а искусства, не следствия, вытекающие из сформулированных принципов, но сами принципы.

Только научный разум, как считает Бэкон, может решить новые задачи, связанные с активным отношением человека к природе. Античная культура стремилась к созерцанию природы, а средневековая культура в познании природы не видела особого смысла. Культура Нового времени воспринимает человека как слугу и интерпретатора природы и для решения практических задач необходимо научное понимание мира. Вместе с тем подчеркивается, что природа бесконечно выше чувства и разума по утонченности своих проявлений.

По мнению Бэкона, следует провести разграничение между антиципациями природы и интерпретациями природы. Антиципации природы – это понятия, которые сконструированы «скороспело и без обдумывания» и поэтому они научно несостоятельны. Интерпретации природы, напротив, выводятся из вещей на основе научного исследования.

В разграничении антиципаций природы и интерпретаций природы по сути дела впервые ставится проблема о разграничении натурфилософии и

научного понимания природы. Натурфилософия умозраительно постигает природный мир, и свое миропонимание выражает на основе антиципаций природы. Наука же, основываясь на методе, по мнению Бэкона, прежде всего, индуктивном, выражает свое миропонимание в качестве интерпретации природы.

К основаниям науки можно было подойти и с позиции рационализма, с точки зрения задач теоретического естествознания. Р. Декарт (1596-1650), как и Ф. Бэкон, основной недостаток тогдашнего естествознания видит в отсутствии надежного метода. Но в отличие от Бэкона, его внимание направлено на методы теоретического исследования. Об этом он пишет в «Рассуждении о методе» и «Правилах для руководства ума».

В качестве своего предшественника по проблеме метода науки Декарт отмечает Г. Галилея (1564-1642), который, по его мнению, добился больше успехов по сравнению с остальными, но не подошел к вопросу систематически. Сам же Декарт, стремится предложить четкие и вполне обоснованные правила, использование которых приведет к истинному познанию природы¹⁰.

Первоначально он перечисляет двадцать одно правило, но затем их сводит к четырем основным. Первым правилом является правило очевидности: «никогда не принимать ничего на веру, в чем с очевидностью не уверен; иными словами, старательно избегать поспешности и предубеждения и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению». Речь идет об интуитивной очевидности, которая выражает прочное понятие ясного и внимательного ума, являясь порождением «естественного света ума».

Второе правило научного метода выражает требование аналитического исследования: «разделять каждую проблему, избранную для изучения, на столько частей, сколько возможно и необходимо для наилучшего ее разрешения». Необходимо разделять сложное на такое простое, знание о котором столь ясно и отчетливо, что ум уже не может разделить их на большее число частей.

Третье правило вводит требование синтеза, и оно «заключается в том, чтобы располагать свои мысли в определенном порядке, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу». Синтез, тем самым, имеет логические основания. Именно ход мысли определяет последовательность восхождения от простого к более сложному явлению.

Четвертое правило выражает требование полноты проведенного научного исследования. Декарт отмечает: «Последнее правило – делать всюду перечни настолько полные и обзоры столь всеохватывающие, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено».

В своей совокупности отмеченные правила, как считал Декарт, определяют основания научного метода и позволяют его применять в теоретическом исследовании.

В методологии теоретического познания сомнению Декарт отводит существенную роль. Необходимо было не только установить основные правила научного метода, но сделать шаг к их применению, а, следовательно, подвергнуть сомнению все предшествующее знание. Прежде всего, подвергается сомнению знание, основанное на чувствах, так как, по мнению Декарта, ничто не является таким, каким оно представляется нашим чувствам. Так же подвергается сомнению и все остальное знание.

Однако Декарт четко различает путь научного сомнения и путь философского скептицизма. Если для скептицизма сомнение есть цель, то для Декарта сомнение есть лишь путь, чтобы приобрести уверенность. И он обретает уверенность в самом мышлении. Ибо человек есть мыслящая субстанция, орудием ее действия и является мышление.

Все это означало и новый поворот в дальнейшем развитии не только науки, но и философии. Отныне, если исходить из идей Декарта, субъект познания должен будет не только метафизически обосновывать свои достижения, но искать основания ясности, отчетливости, а тем самым и истинности, утверждаемым им теоретических положений. Философия начинает приобретать качества гносеологии и методологии научного познания. И первая определенность мысли, сформулированная как *cogito*, определяет все последующие правила научного метода. Рациональность становится основанием развития мировоззрения и культуры Нового времени, а затем и эпохи Просвещения.

Одной из наиболее разработанных концепций философии науки, качественного нового периода бытия самой науки, является кантовское осмысление природы научного знания. Если в эпоху Аристотеля научное знание виделось лишь в умоглядности и рационально-логической своей выраженности, то во времена И. Канта (1724-1804) наука заявила о себе в более разнообразных аспектах: эмпиричности своих оснований, субъектности, практической значимости.

Кант исходит из того, что всякое наше познание начинается с опыта, но отсюда не следует, что знание целиком происходит из опыта¹¹. Немецкий философ имел в виду позицию эмпиризма и рационализма, заявленную в самом начале эпохи Нового времени учеными и философами Ф. Бэконом и Р. Декартом. В решении вопроса об источниках научного знания в то время были выявлены две позиции: опытного происхождения знания, на чем, как известно, настаивал Ф. Бэкон, и рационального происхождения знания, имеющим своим источником сам разум. Данную точку зрения развивал Р. Декарт, подчеркивая решающую роль теоретического конструирования знания. Не чувства и опыт дают нам знания, а сам разум, способный методично и в математической форме выразить знание.

Заслуга И. Канта состояла в синтезе этих позиций. Поэтому он, с одной стороны, подчеркивает, что познание начинается с опыта, но, с другой стороны, в самом знании имеется его априорная составляющая, независимая от всякого опыта.

Это была, безусловно, новая постановка вопроса, позволяющая прояснить природу научного знания. Если исходить из позиции эмпиризма, то, по мнению Канта, нельзя объяснить ключевые характеристики научного знания: его истинность, необходимость его положений, всеобщность научных утверждений. Ибо опыт никогда не дает своим суждениям истинную или строгую всеобщность; он сообщает им только условную и сравнительную всеобщность. Если какое-нибудь суждение мыслится как строго всеобщее, то оно является априорным суждением, так как оно не выведено из опыта.

Современное прочтение этой проблемы выводит на критерии различения эмпирического и теоретического, на понимание их разной предметной обусловленности. Эмпирическое знание связано с опытной данностью предмета, с невозможностью выйти на всеобщие логически значимые утверждения; теоретическое знание отличается тем, что его предметом уже не является эмпирический объект. В качестве предмета выступают абстрактные, идеализированные объекты, по отношению к которым возможны всеобщие значимые утверждения.

В кантовском понимании, в науке всегда есть ее опытная основа, дающая материал для научных суждений, но сами научные суждения, претендующие на всеобщность, выражены в априорной форме.

Эта проблема волновала по сути дела всех мыслителей до Канта. Но лишь Кант в ее решении более радикален и принципиален. Законы науки не выводятся из опыта, а, наоборот, опыт выводится из них. Это решение было дано задолго до того, когда реальная практика развития науки в XX веке показала, что теоретическое исследование определяет принципы и направления эмпирического исследования.

В цепочке проблем, поставленных Кантом, заслуживают внимание вопросы, связанные с активной ролью субъекта в процессе познания, о синтетическом единстве апперцепции как высшего принципа применения рассудка, о различении феноменального и ноуменального. В решении этих проблем немецкий мыслитель вносит новое, не потерявшее свою значимость и по сей день.

Для понимания природы деятельности рассудка, выступающего в качестве познавательной способности основанием естествознания, Кант вводит в качестве высшего принципа основоположение о синтетическом единстве апперцепции. Необходимость этого принципа вытекает из следующего умозаключения: знание заключается в определенном отношении данных представлений к объекту. Объект есть то, в понятии чего объединено многообразное, охватываемое данным созерцанием. Но всякое объединение представлений требует единства сознания в синтезе их. Следовательно, единство сознания является основой превращения представлений в знание¹².

Роль данного основоположения, по Канту, заключается в том, что оно выступает основой всякого рассудочного познания, на нем основывается все дальнейшее применение рассудка, и оно не зависит ни от каких условий чувственного созерцания. Иначе говоря, основа научного познания заключена не в объекте, а в субъекте, в его рассудочном познании. Но научное познание не

субъективно, так как трансцендентальное единство апперцепции есть то единство, благодаря которому все данное в созерцании многообразное объединяется в понятии об объекте. И его, как считает Кант, следует отличать от субъективного единства сознания, представляющего собой определение внутреннего чувства.

Позже, особенно в феноменологии, будет осознано, что в самом сознании имеется интенциональность, направленность его на предмет, который не дан в эмпирической чувственной форме, а как любили повторять неокантианцы, «задан». Сознание способно быть предметным сознанием и эту его особенность Кант выражает принципом трансцендентального единства апперцепции.

К числу значимых проблем, проясняющих пределы научного познания и их предметную обусловленность, относится различие феноменального и ноуменального. Кант исходит из того, что рассудок как основа науки многое берет из самого себя, но с единственной целью применения в опыте.

Как известно, наука скептически относится к тому, что эмпирически не проверяемо. Основоположения чистого рассудка содержат в себе только чистую схему для возможного опыта. Условия истинности рассудка заключены в этом. Но рассудок, занятый лишь своим эмпирическим применением и не размышляющий об источниках своего собственного знания, не в состоянии определить самому себе границы своего применения.

Кант выходит на проблему границ науки, на проблему необходимости философского осмысления этих границ, а, в конечном счете, на проблему места и роли науки в системе знания вообще. Для решения поставленной проблемы Кант и вводит категории феноменального и ноуменального. Рассудок может все свои априорные основоположения и понятия применять только эмпирически, т.е. к миру феноменального. Предметной областью науки являются явления, выступающие как предметы возможного опыта. Вне этой предметной области, считает Кант, основоположения и понятия рассудка не имеют никакой объективной значимости и могут восприниматься лишь как игра воображения. Поэтому рассудочные основоположения и понятия никоим образом не могут иметь трансцендентное применение, выходящее в сферу иной предметности – мира ноуменального.

Кант предостерегает против возможных иллюзий, когда положения науки стремятся отнести к миру сущностей, вещей в себе. Рассудок, конечно, может создавать представление о предмете самом по себе, но так как предмет необходимо мыслить при помощи рассудочных понятий, допускающих лишь эмпирическое применение, то рассудок тем самым ошибочно принимает совершенно неопределенное понятие умопостигаемого объекта за определенное понятие сущности, которую можно познать научно. В силу того, что ноумен как вещь в себе не является предметом научного исследования, то такого рода представления, развиваемые рассудком, могут иметь лишь негативный смысл. Положительный смысл ноумен, как считает Кант, имел бы лишь тогда, если бы у нас была бы способность интеллектуально созерцать вещь в себе.

Как известно, Канта обвиняли в агностицизме за то, что он указал пределы научному познанию и развеял гносеологические иллюзии насчет безграничных возможностей познания. Можно сказать, что безграничные возможности даны лишь в возможности, а не в их действительности. Мир познает субъект, ограниченный целями и задачами познания. Мир, который он познает, имеет свои основания, свои цели и задачи, далеко не совпадающие с целями и задачами познающего человека. Мир, используя выражения Канта, лишь свидетельствует о своем существовании, не стремясь при этом раскрыть свою сущность. Но не потому, что мир не хочет раскрыть свою суть, а лишь потому, что эту суть не способен воспринять человек. И он получает ответы лишь на те вопросы, которые сам ставит перед миром.

Наука, с этой точки зрения, есть лишь определенное видение мира, обусловленное определенными нормами и правилами. Как судья, наука, опирается на выработанные нормы и правила, на основе которых выстраивает свои суждения.

Гегелевское понимание науки отличается от кантовского понимания. Если для последнего лишь только наука может претендовать на истинность, а для метафизики (философии) истинность проблематична, то для Гегеля наука есть лишь одна из ступенек приближения к истине. Эта «ступенька» носит эмпирический, опытный характер и во многом беспомощна по отношению к использованию мыслительных форм.

По Г. В. Ф. Гегелю (1770-1831), действительной и единственной наукой является сама философия, не отвергающая при этом значение опытного материала, который предоставляет наука. «Мнение, будто философия находится в антагонизме с осмысленным опытным знанием, - отмечал Гегель, - ... это мнение является скверным предрассудком. Философия признает эти формы и даже дает им оправдание. Мыслящий ум не только не отвращается от их содержания, а углубляется в него, учится и укрепляется на них, как и на созерцании великих явлений природы, истории и искусства, ибо это богатое содержание, поскольку оно мыслится, и есть сама спекулятивная идея»¹³.

С точки зрения гегелевской философии, имеет место различие между наукой и философией, как по содержанию, так и по форме. Всеобщее и бесконечное является содержанием философии, а частное и единичное служит основанием для науки. Если, с точки зрения формы, наука опирается на рассудочное познание, то философия – на спекулятивное мышление. Противоречия между наукой и философией могут иметь место, когда наука выходит за свойственные ей пределы, облекая свое эмпирическое содержание в категории и делая его зависимым от них.

Дело в том, что на рассудочной ступени познания невозможно достижение истины в силу неразвитости используемых форм мышления. «Важный отрицательный вывод, - подчеркивал Гегель, - к которому пришла рассудочная ступень всеобщего научного развития, что на пути конечного понятия невозможно опосредствование с истиной, приводит обыкновенно к последствию, противоположному тому, которое в нем непосредственно содержится. Вместо того чтобы привести к удалению конечных отношений из

области познания, это убеждение имело своим последствием исчезновение интереса к исследованию категорий, отсутствие внимательности, осторожности при их применении»¹⁴.

В этом случае возникает не критическое отношение к имеющемуся научному материалу. И на основе скудной категории, как непосредственность (речь идет об эмпирическом, опытном материале), выносятся суд по отношению к истине. В силу того, что истина не дана непосредственно, и ее необходимо как-то выразить, как отмечал Гегель, предпринимают ее исследование, исходя из неизвестно откуда заимствованных предпосылок, а также путем не критического использования обычных определений сущности и явления, основания и следствия, причины и действия, и т.п.

Итогом такого отношения, как к науке, так и к философии является негативный результат – уход от истины. Философией, по мнению Гегеля, нельзя пренебрегать, ибо она раскрывает путь к истине, осознает действительное содержание науки и мышления в целом, определяет природу используемых в науке мыслительных форм. Перейти от имеющегося эмпирического материала к научному знанию невозможно без философского понимания процессов постигающего мышления. Поэтому недостаточно руководствоваться только рассудком, так как он по своей природе не критичен. «Но не критический рассудок обнаруживает ... свою недостаточность даже в простом схватывании определенно высказанной идеи; он так мало сомневается в содержащихся в нем самом предпосылках, что оказывается неспособным даже просто повторить за наукой голый факт философской идеи. Этот рассудок странным образом совмещает в себе две несовместимые черты: его поражает в идее полное несовпадение и даже явное противоречие с его собственным способом употребления категорий, и в то же время он не подозревает, что существует и применяется другой способ мысли, нежели тот, который свойственен ему, и что поэтому он должен мыслить иначе, чем привык»¹⁵.

Говоря о философии и науке, следует, прежде всего, определиться с их предметностью. Для науки предметностью является опытный материал, а для философии – мыслительный материал. Но отсюда не следует, что философия не должна признавать науку. Она не отбрасывает в сторону эмпирического содержания наук, а признает его, в определенной степени пользуется им, преобразуя и делая его своим собственным содержанием. Для понимания этого отношения вполне подходит диалектическая категория «снятия».

В основе взаимосвязи философии и науки находится «снятие». Суть этой взаимосвязи Гегель видит в том, что «эмпирические науки, с одной стороны, не останавливаются на наблюдении *единичных* явлений, а, двигаясь навстречу философии, с помощью мысли обрабатывают материал: отыскивая всеобщие определения, роды и законы, они готовят, таким образом, содержание особенного к тому, чтобы оно могло быть включено в философию. С другой стороны, они понуждают само мышление перейти к этим конкретным определениям. Воспринимая содержание эмпирических наук, и снимая свойственную им форму непосредственности и данности, мышление есть вместе с тем *развитие* мышления из самого себя. Философия, обязанная, таким

образом, своим развитием эмпирическим наукам, сообщает их содержанию существеннейшую форму *свободы* мышления (*априорную* форму) и *достоверности, основанной на знании необходимости*, которую она ставит на место убедительности преднайденного и опытных фактов, с тем, чтобы факт превратился в изображение и иллюстрацию первоначальной и совершенно самостоятельной деятельности мышления»¹⁶.

Как видно, Гегель выше ценит и ставит философию, а наука по сути дела становится лишь помощницей в определении опытного материала для выражения спекулятивных идей. Но философия, не довольствуясь научным материалом, возвышает его до уровня идей. Здесь господствует всеобщее и спекулятивное. Немецкий мыслитель приходит к выводу, что только философия представляет собой подлинно единую науку, а науки эмпирические не обладают целостностью и могут быть соединены лишь как агрегат, т.е. случайно и эмпирически.

Таким образом, гегелевское понимание природы науки исходит из главенствующей роли философии по отношению к эмпирическим наукам, материал которых должен быть развит с точки зрения спекулятивных идей. Поэтому наряду с естествознанием, изучающим природный мир, необходима философия природы. Если первое основано на наблюдении, то второе на мышлении. И они различаются между собой лишь формами и приемами мышления.

Гегелевское понимание науки вызывало протест, особенно в условиях бурного развития наук. Новое прочтение места и роли наук в этих условиях дал французский ученый О.Конт (1798-1857).

Контовское понимание науки исходит из введенного им закона трех стадий развития человеческого духа. Согласно этому закону, человечество, как в целом, так и индивид, проходят теологическую, метафизическую и позитивную стадии духовного развития. «Изучая развитие человеческого разума ... от первого его проявления до наших дней, - писал О.Конт, - думаю, я открыл великий основной закон... Этот закон состоит в том, что каждое из наших основных понятий проходит, необходимым образом, три теоретически различные стадии: стадию теологическую, или фиктивную; стадию метафизическую, или абстрактную; стадию научную, или позитивную...»¹⁷. На теологической стадии явления рассматриваются как результаты действия сверхъестественных сил; на метафизической стадии они объясняются действием абстрактных сущностей, идей или сил. Только на позитивной стадии человеческий дух, поняв невозможность достижения абсолютного знания, не вопрошает более, каковы источник и судьба Вселенной, каковы внутренние причины феноменов, а ищет и открывает, комбинируя рассуждение с наблюдением, их действующие законы, т.е. неизменные связи последовательности и сходства.

По Конту, цель науки состоит в исследовании законов, что имеет и практические следствия. Формула науки такова: «Наука там, где есть предвидение; предвидение там, где есть действие; эта простейшая формула

точнейшим образом выражает общую связь между наукой и искусством и полноту смыслов этих двух терминов»¹⁸.

Вместе с тем Конт убежден в теоретической природе научных познаний и тщательно отделяет их от технико-практических знаний. Истинная наука состоит по существу из законов, а не только из фактов, ибо первые устанавливаются и санкционируются вторые.

Положив математику в основу всех наук, Конт располагал науки по мере их усложнения: астрономия, физика, химия, биология, социология. Как известно, и до него предлагались различного рода классификации наук Аристотелем, Ф.Бэконом. Если для Аристотеля основанием была умозрительность, а для Ф.Бэкона мыслительные способности (память, воображение и рассудок), то для Конта в качестве основания служила предметность самой науки, объект, ею изучаемый.

В классификации наук Конта философия не занимает особого, отдельного места. Ее задача состоит в точном определении духа каждой из наук, открытие их связей и отношений, суммирование принципов в соответствии с позитивным методом. Стало быть, философия всецело сведена к методологии наук; она есть рациональное средство, делающее очевидными логические законы человеческого духа.

Г. Спенсер (1820-1903) развивал идеи Конта по вопросам обоснования наук, их соотношения с религией и философией. По его мнению, религия и наука являются двумя полюсами мысли: негативным и позитивным. Если заслуга религии состоит в неустанном стремлении к последней истине, а ее задача – поддерживать смысл тайны, то заслуга науки в том, что она постоянно помогала и вынуждала религию очиститься от нерелигиозных (анимистических, магических) элементов, а ее задача - все дальше расширять познание относительного.

Философия в работе «Основные начала» Спенсером определяется как познание на ступени максимального обобщения. Научные истины, развивая и совершенствуя познание, все же существуют раздельно. Истины философии соотносятся с каждой из высоких истин науки так же, как каждая из них соотносится с самой скромной из научных истин. Как каждое обобщение науки консолидирует более узкие обобщения собственного раздела, так философские обобщения консолидируют широкие обобщения науки. Поэтому, как считает Спенсер, философия является финальным продуктом процесса обобщения, идущего от связи между наблюдениями к разработке все более широких положений вплоть до универсальных суждений. Если наука – частично унифицированное познание, то философия – полностью унифицированное познание.

Как известно, позитивизм включает несколько школ. Если первая школа сосредоточилась на разработке общих проблем науки, а сама наука в аспекте самых общих обобщений научных истин приобрела статус позитивной философии, то вторая школа позитивизма в лице эмпириокритизма и махизма обратила внимание на решение гносеологических, теоретико-познавательных

проблем науки. Эти школы объединяет стремление избавиться от метафизики, т.е. философии, понимаемой в качестве метафизики.

Но попытки построить научную гносеологию привели к тому, что ее основой стала позиция субъективного идеализма, которая в философии была заявлена задолго до появления позитивизма. По мнению Э.Маха (1838-1916) и Р.Авенариуса (1843-1896), наука начинается с опыта. Но как понимать опыт? По мнению Маха, опыт сводится только к чувственности, ощущениям. Аналогичную позицию занимал и Авенариус. Исходя из данной предпосылки, выводится цель науки: предложить человеческому существу максимально возможную и полную ориентацию развитой во всех отношениях чувственности. Наука, как считал Мах, возникает всегда как процесс адаптации идей к определенной сфере опыта. Результаты процесса – элементы мышления, способные представить эту сферу как целое.

В качестве источника развития науки называются разногласия между мыслями и фактами или разногласия между мыслями. Научные проблемы решаются с помощью гипотез. Роль гипотез заключается в том, чтобы они вели к новым наблюдениям и новым исследованиям, расширяя тем самым наш опыт. «Адаптация» мыслей к фактам трактуется как наблюдение, а взаимная «адаптация» мыслей друг к другу понимается как теория.

Из научного познания всячески изгоняются онтологические философские утверждения. Вместо понятий «причина», «субстанция» употребляется понятие «связь». «Остается один тип устойчивости – связь (или отношение). Ни субстанция, ни материя не могут быть чем-то безусловно устойчивым. То, что мы называем материей, есть определенная регулярная связь элементов (ощущений). Ощущения человека, так же как и ощущения разных людей, обычно взаимным образом зависимы. В этом состоит материя», - заявляет Мах¹⁹.

Наука Махом трактуется как выражение принципа «экономии мышления». Ясное и полное научное описание делает бесполезным повторный опыт, экономит тем самым на мышлении. Вся наука имеет целью сэкономить опыт, мысленно репродуцируя и предвосхищая факты. Поэтому, как считает Мах, наука должна оставаться в экспериментальной сфере, так как относительно чего невозможно подтверждение или опровержение, к делу не относится.

Вполне понятно, следуя принципу «экономии мышления», к делу не относятся философские онтологические утверждения, которые всячески изгоняются из сферы науки. Но авторы этих концепций забывают, что их утверждения по поводу науки являются так же философскими. Рефлексия по поводу целей и задач науки является философской, так как исходит из более широких оснований.

Неопозитивизм в качестве третьей школы позитивизма продолжил практику «изгнания» философии из науки. Но в отличие от махизма и эмпириокритизма, сферой изгнания стал язык науки. Эти вопросы активно обсуждались Л. Витгенштейном (1889-1951), Р. Карнапом (1891-1970) и другими представителями так называемого «Венского кружка». Вся

совокупность возможных суждений подразделялась на два подкласса: научных, к которым применимы процедуры проверки на их истинность либо ложность; ненаучных (псевдопроблемы), к которым относились метафизические (философские) утверждения. К последним утверждениям не применима научная проверка.

Философия, как и в первом и втором позитивизме, теряла свою прежнюю самостоятельность и в лучшем случае сводилась к анализу языка науки.

В современной философской и научной литературе представлено многообразие подходов к науке. Среди них можно выделить четыре основные, которые имеют свои традиции в истории философии и науки. Во-первых, это – релятивистская концепция, широко представленная в прагматизме и инструментализме. Представители данного направления восприняли традицию софистов и скептиков, заложенную в античной культуре. По мнению В. Джемса, назначение мышления состоит в том, чтобы переходить от одного фрагмента опытного исследования к другому. Истинность связана с выгодностью. Как считает В. Джемс, «истина какого-либо состояния означает именно этот процесс выгодного вождения... Когда какой-нибудь элемент опыта ... внушает нам истинную мысль, то это означает лишь, что мы позже или раньше сумеем с помощью этой мысли войти в конкретную обстановку опыта и завязать с нею выгодные связи»²⁰. Но в этом случае исчезают объективные критерии проверки истинности научного знания, ненужным становится требование научной экспертизы, основывающейся на независимости проверки достигнутых результатов исследования.

В качестве второго направления философии науки следует указать фаллибизм, исходящий из идеи погрешимости знания. При этом речь не идет о том, что научные конструкции знания бывают ошибочными, а о том, что они изначально погрешимы. Согласно Ч. Пирсу, познание не обязано начинаться с самоочевидных истин, оно может начинаться с любых положений, в том числе и ошибочных. В ходе исследования, по его мнению, происходит корректировка исходных предположений, и вероятность знания тем самым повышается. Однако вероятность знания понижается, когда выдвигаются новые предположения.

Идеи данного направления философии науки развивали Д. Агасси, К. Поппер, Дж. Уоткинс. Долгое время творцы науки обращали внимание на то, что наука непогрешима в своих положениях и выводах. И только А. Эйнштейн открыто заявил, что наука способна ошибаться. По мнению представителей фаллибизма, наука ценна своей восприимчивостью, открытостью, своей готовностью отбросить ошибочные представления и заменить их новыми, которые так же необходимо с помощью методологических операций подвергнуть проверке на их ошибочность.

Третьим направлением философии науки является эволюционная эпистемология, которая переносит идеи эволюции на процесс познания и достижения знания. Основателями этого направления считают К. Лоренца и К. Поппера. Эволюция научного знания рассматривается в качестве составной части единого эволюционного процесса, который включает как биологическую

эволюцию, так и эволюцию человеческого сознания. Особый интерес представляют синергетические концепции, трактующие научное исследование как самоорганизующуюся систему.

В качестве четвертого направления следует назвать концепции научной рациональности, возникшие как оппозиция к идеям фаллибизма. Идеи этого направления развивал И. Лакатос. Как известно, проблеме научной рациональности большое внимание уделяли неопозитивисты. Дискуссии по этому вопросу показали, что нельзя сводить знание только к чувственному и эмпирическому, ибо оно включает и «общезначимые» истины. Однако в какой сфере знания эти истины выражены? Здесь возможны также различные подходы. Современные сторонники концепции научной рациональности осознают необходимость рассмотрения науки в системе других рациональностей, что подразумевает включение принципов релятивизма и фаллибизма как некоторых инструментариев рациональности²¹.

В русской культуре вопросы науки стали обсуждаться лишь с XVII века. Ярким примером тому может служить научная деятельность М.В.Ломоносова (1711-1765), который развивал «метод философствования», основанных на учениях об атомах.

В работе по проблемам истории науки в России В.И. Вернадский (1863-1945) отмечал то, что в научном движении не участвовали православное духовенство и поместное дворянство. Научная работа проводилась представителями свободных профессий – профессоров, врачей, аптекарей, учителей, инженеров, деятельность которых признавалось государством²².

Центром организации научных исследований была Академия наук. Вначале, как считал Вернадский, Академия наук ставила перед собой разные задачи, начиная от собственно научной деятельности и завершая вопросами преподавания, подготовки и издания учебников. Реформа, проведенная в 1803 году, позволила Академии наук больше внимания уделять собственно научным задачам, но, не снимая участия ее членов в работе высшей школы. Одной из задач была и популяризация научных знаний, издание календарей и первых газет, в которых публиковались популярные научные статьи. С 1818 года начинается рост научной деятельности и уменьшение значимости научно-популярной деятельности Академии наук. Менялась и конструкция самой Академии наук. Одно время (1747 г.) были попытки превратить ее в Академию художеств и прикладных знаний. В 1764 году была образована отдельная императорская Академия художеств, но вплоть до 1805 года при Академии наук сохранялась «Гравильная палата». Связь Академии с придворным миром закончилась в царствование Екатерины II.

Более широкие вопросы соотношения философии и науки стали обсуждаться лишь, начиная со второй половины XIX века. Выявились многообразие точек зрения, диапазон которых колебался между двумя крайностями: позитивизмом и теософией. Если в первом случае философия теряла свою самостоятельность, то во втором – она синтезировалась с наукой, теософией.

Остановимся на философском осмыслении места и роли науки Н. А. Бердяевым (1874-1948), исходя из работы «Философия как творческий акт»²³.

Автор рассматривает несколько аспектов проблемы взаимоотношений науки и философии. Прежде всего, он критически анализирует «мечту» философии стать научной. Действительно, как свидетельствует история развития философии, многие философы размышляли о том, как, и при каких условиях, философия могла стать научной. Как известно, эту проблему один из первых исследовал И. Кант в работе «Критика чистого разума».

Бердяев констатирует, что современное сознание одержимо идеей «научной» философии, оно загипнотизировано навязчивой идеей «научности». Но попытки решить эту проблему приводят к схоластике. «Схоластический принцип и есть принцип господства школьности, научности, наукообразной рациональности над философией и над всей культурой своего времени. Содержание наукообразной рациональности меняется, но принцип остается все тот же»²⁴.

В этом случае имеет место господство формы над содержанием. Все богатство идей и подходов, все попытки постичь и выразить мудрость, к чему всегда стремилась философия, пытаются уложить в «прокрустово ложе» научной рациональности. Против этого решительно и восстает Бердяев. *«Философия ни в каком смысле не есть наука и ни в каком смысле не должна быть научной».*

В этом утверждении мыслитель категоричен. Философия должна быть философской, а не научной. Философия – первороднее, исконнее науки; она ближе к Софии.

С другой стороны, наука – неоспоримый факт и никто не сомневается в ее ценности. Но в ценности и нужности научности можно сомневаться. Как отмечает Бердяев, наука и научность – совсем разные вещи. Научность есть перенесение критериев науки на другие области духовной жизни, чуждые науке.

Каждая сфера духа, мировоззрения имеет свои критерии. Никто не станет возражать против требования научности в науке. Да и в ней, как отмечает Бердяев, имеет место плюрализм научных методов. Методы естественных наук имеют другую природу по сравнению с методами исследования социальных явлений, наук о человеке.

Бердяев развивает точку зрения, что научность (но не наука) есть выражение необходимости, по сути дела рабство духа по отношению к низшим сферам бытия. «Наука есть специфическая реакция человеческого духа на мир, и из анализа природы науки и научного отношения к миру должно стать ясно, что навязывание научности другим отношениям человека к миру есть рабская зависимость духа»²⁵.

Чтобы жить и развиваться, человек должен познавать мировую данность. Наука есть познание необходимости через приспособление к мировой данности, и познание из необходимости.

Иные основания у философии. Она, как считает философ, есть выражение свободы духа и его творчества. Философия ищет истину, а не истины.

Философия любит мудрость. На вершинах философского сознания София входит в человека. Заветной целью философии всегда было познание свободы и познание из свободы. Философия есть принципиально иного качества реакция на мир, чем наука. Философия есть искусство познания в свободе через творчество идей, противящихся мировой данности и необходимости и проникающих в запредельную сущность мира.

По мнению Бердяева, наука в своих основах и принципах, в своих корнях и вершинах может зависеть от философии, но никак не наоборот. Допустима философия науки, но не допустима научная философия. Познание мудрости выше познания логического.

В своих основах мысль о различии философии и науки вполне зрелая, ее основанием служит вся история философской и научной мысли. Однако не все так однозначно, как считает Бердяев, разводя науку и философию по сферам необходимости и свободы. Научный прорыв в неизвестное есть также выражение свободы. Конструирование идеализаций, интуитивное проникновение в суть явления, моделирование и т.п. – все это вряд ли назовешь рабским следованием необходимости. Да и само философствование должно считаться с необходимостью. Проблемы, обсуждаемые философией, во многом обусловлены необходимостью.

Социологический и культурологический подходы к исследованию науки

Изучение феномена науки в рамках самой науки началось лишь с XIX века. Одной из первых была работа Г. Спенсера «Происхождение науки», в которой отмечалось, что наука возникает вместе с появлением государства, а развитие знания происходит на основе расширения практического опыта человека.

Как научная дисциплина, история науки стала формироваться лишь во второй половине XIX века. В связи с этим становится актуальным вопрос: как изучать историю науки? Сложились разные подходы к феномену науки, которые можно подразделить на: а) науковедческое направление, ставящее своей целью всестороннее, опирающееся на исторические источники, рассмотрение феномена науки, ее зарождения, процессов становления и развития; б) философско-научное, выделившееся в качестве самостоятельного направления философских исследований и получившее известность как философия науки, ставящее своей целью выяснение сущностных и всеобщих характеристик науки, ее оснований, закономерностей развития и т.п.; в) социологическое и культурологическое направление, рассматривающее науку в контексте культуры.

В рамках социологического и культурологических направлений можно говорить о двух направлениях проведения исследований науки²⁶ Первое направление – экстерналистское – ставило своей целью выявление связей между развитием общества и развитием научных знаний. На необходимость такого подхода обратил внимание историк науки Б. М. Гессен на 11 Международном конгрессе (1931 г., Лондон), рассматривая социально-экономические корни механики И. Ньютона.

Создавая первые программы историко-научных исследований, экстерналисты акцентировали внимание на: хронологическую систематизацию, описание механизма возникновения прогрессивных идей, изучение социально-экономического контекста развития науки.

Второе направление, получившее название интерналистской или имманентной, отстаивала противоположную точку зрения, что наука развивается в результате своей внутренней эволюции благодаря изменениям способов мышления. После опубликования «Этюдов о Галилее» (1939 г.) А. Койре стал признанным лидером интерналистского направления в историографии науки, объясняющего развитие науки исключительно интеллектуальными факторами. «Мне кажется, - отмечал он, - тщетным желание вывести греческую науку из социальной структуры городов. Афины не объясняют ни Евдокса, ни Платона. Тем более Сиракузы не объясняют Архимеда или Флоренция – Галилея»²⁷.

На современном этапе многих исследователей истории науки беспокоит вопрос о перспективах развития этого направления в условиях наличия разных подходов. Многообразие подходов, как известно, лишь способствует развитию исследований. Как заметил Лиу Дунь, вице-президент Международного союза по истории и философии науки, в своем выступлении на Международном Конгрессе (Мехико, 2001 г.): «Можно сказать, что конфронтация двух альтернативных подходов – интернализма и экстернализма – не ослабляет нашу дисциплину, а напротив, порождает такую историю науки, которая создает эффект своего рода калейдоскопической дисперсии».²⁸

С точки зрения социологического и культурологического подходов обращается значительное внимание на темпы роста научных исследований. Наука растет очень стремительно — по экспоненциальному закону, т. е. таким образом, что за каждое энное лет ее количественные характеристики возрастают в несколько раз. Особенно это характерно для XX столетия. Общее число статей в научных журналах всего мира удваивается за 12–15 лет. Число научных работников удваивается: в Западной Европе — за 15 лет, в США — за 10 лет, в бывшем СССР — за 7 лет. Итогом такого темпа роста является тот факт, что современное поколение ученых составляет 9/10 суммарной численности всех ученых, когда-либо живших на Земле.

Темпы роста науки видны и на примерах научных открытий. Крупнейший социолог XX века П. Сорокин в работе «Социокультурная динамика» приводит обобщающие показатели, характеризующие темпы роста научных открытий. Если в периоде 1791- 1800-х годов общее число научных открытий составляло 149, то в начале XX века (1901- 1908-е гг.) цифра возросла до 552.

Эта картина роста науки выражает ее общие контуры. Но наука состоит из различного рода научных дисциплин и направлений, которые имеют свои особенности роста. По мнению П. Сорокина, кульминация роста, принимая во внимание число и значение научных открытий, в различных областях естественных наук была достигнута в следующие годы: в математике – 1726 - 1750-е годы; в химии – 1851 - 1875-е годы и 1900 - 1940-е годы; в астрономии –

1876 - 1940-е годы; в геологии – 1851 - 1875-е годы; в биологии – 1811 - 1875-е годы; в медицине – 1880 - 1899-е годы²⁹.

Конечно, вместе с наукой растут и другие количественные характеристики: общая численность людей и общий объем производства материальных ценностей. Но по темпам роста наука значительно обгоняет их. Темпы роста населения, производства и науки, как считают специалисты, находятся в примерной пропорции 1:2:4. Однако с территориальным распределением прироста дело обстоит иначе: высокий прирост населения приходится в основном на страны с низким приростом производства и практически нулевым вкладом в мировую науку³⁰.

Человечество уже сейчас представляет собой весьма интегрированную систему. Доля людей, занятых непосредственно в сфере науки, пока еще невелика даже в высокоразвитых странах — от 0,5 до 1%. Сейчас она быстро растет, однако рано или поздно рост ее, очевидно, замедлится, она выйдет на постоянный уровень, величину которого трудно предсказать. Высказывается мнение, что этот уровень не превысит 25%.

В современной России, стремящейся стать социально и духовно обновленной страной с рыночной экономикой и демократическими институтами власти, положение с наукой нельзя назвать удовлетворительным, хотя в последнее время предпринимаются активные шаги, как в финансировании научных исследований, так и в определении перспективных направлений развития отечественной науки. Российская наука, которая в советский период ее развития была значимой частью международной науки, несомненно, должна вновь занять свое достойное место в мировом научном сообществе. Для этого имеются все необходимые предпосылки. Нужна только воля и целеустремленная работа.

Рост науки проявляется в росте количества производимой ею информации. Первые научные периодические издания начали выходить во второй половине XVII в. К началу 60-х годов XX века их суммарное число составило 50 тыс. Всего в них было опубликовано 6 млн. статей. Общее число зарегистрированных патентов и авторских свидетельств превысило 13 млн. Современная Россия, несмотря на бедственное финансовое положение научной сферы, сохранила свое место в мировом массиве публикаций - 7-е место (3,7 процента мировых публикаций).

Признание и оценка значимости науки выражается через присуждение престижных премий. Одной из них является Нобелевская премия. Российские и советские ученые неоднократно были лауреатами этой престижной премии: И.П. Павлов в 1904 г., И. Мечников в 1908 г., П. Черенков, И. Франк и И. Тамм в 1958 г., Л. Ландау в 1962 г., А. Прохоров и Н. Басов в 1964 г., Л. Канторович в 1975 г., П. Капица в 1978 г., Ж. Алферов в 2000 г., В. Гинзбург и А. Абрикосов в 2003 г.

Важным представляется процесс формирования самосознания науки, понимание ее своей ответственности за будущее человечества. Став мощнейшей, как отмечал В.И. Вернадский, геологической силой, преобразующей биосферу в ноосферу, наука ответственна за эти процессы. Она

вполне может способствовать переходу к сознательно разумному и ответственному регулированию взаимоотношений человечества с биосферой.

Социологический и культурологический подходы являются, безусловно, важным шагом к формированию самосознания науки. Философия науки, не отрицая значимости этих исследований, предлагает рассматривать науку с более широких мировоззренческих, гносеологических, методологических и аксиологических оснований.

Вопросы для самопроверки

1. В чем заключаются особенности феномена науки?
2. Каковы основные формы бытия науки?
3. В чем заключаются особенности научного мировоззрения?
4. Каковы критерии науки ввел Аристотель?
5. В чем заключаются основания науки по Ф. Бэкону?
6. Какие основные правила научного метода по Р. Декарту?
7. Как понимал предметность науки И. Кант?
8. Какие основания взаимосвязи науки и философии выделял Гегель?
9. В чем заключается позитивистская концепция науки? Какие этапы ее эволюции?
10. Какие современные концепции науки разрабатываются в западной философии?
11. В чем особенности понимания науки в отечественной культуре?
12. В чем особенности социологического и культурологического подходов к науке?

Глава 2. Наука в культуре современной цивилизации

Традиционалистский и техногенный типы цивилизационного развития и их базисные ценности

Современное человечество не мыслимо без науки, которая не имеет ни национальных, ни культурных границ. Она стала мировой наукой, достижениями которой пользуются все народы и государства. Однако с точки зрения приоритетов и ценностей следует ввести различие двух основных типов развития: техногенного и традиционалистского. В культурологическом аспекте речь идет о различии двух культур: восточной и западной.

Данная схема, которая принята в отечественной философско-методологической литературе, носит несколько условный характер, ибо в современном мире традиционалистские черты, проявляющиеся в системе жизненных ценностей, уживаются и дополняются техногенными чертами. Современное человечество не мыслимо без развития науки и техники, что не означает того, что наука и техника определяют все его содержание. Цели жизни современного человечества не сводятся только к проблемам науки и техники. Вслед за Н.А. Бердяевым науку и технику можно понимать как средство,

помогающее решать возникающие проблемы. Конечно, наука революционизирует не только сферу производства, но и оказывает влияние на многие другие сферы человеческой деятельности.

В ряде публикаций ставится вопрос о том, насколько был необходим техногенный путь развития? Была ли ему альтернатива? Ответ на эти вопросы не лежит на поверхности. У тех культур, которые изначально обладали знанием о возможностях не техногенного развития, интерес к техногенным достижениям не столь велик. У других же культур, которые этим знанием не обладали, появилась потребность техногенного развития, построения такой системы ценностей, которая бы стимулировала бы такой вариант развития. В связи с этим отметим работу Аргуэльеса Хозе «Фактор мая. Внетехнологический путь». В разделе «Технология и преобразование» автор отмечает: «Когда мы говорим об истории или об историческом прогрессе, мы имеем в виду историю развития технологии. То же относится и к нашим представлениям о цивилизации – большинство людей склонны считать признаком цивилизованности жизни уровень комфорта, обеспечиваемого существующими технологиями... Подобные рассуждения приводят к сомнительным утверждениям о превосходстве человека, живущего в пригороде и имеющего автомобиль и телевизор, над выкрашенным охрой и киноварью аборигеном, поющим вечные монотонные песни неподвижным, но живым скалам где-то в далеких и диких краях... Может быть, ловушка технологического прогресса заключается в том, что мы создаем для самих себя такую среду обитания, в которой единственный воспринимаемый человеком ограниченный диапазон частот исходит от им же сотворенных искусственных предметов? Что, если западная цивилизация кроется в сенсорной изоляции, которая серьезно нарушает нашу способность воспринимать новое?»¹. С точки зрения развиваемой автором концепции, согласно которой фаза технологического развития должна смениться посттехнологической, что предполагает восстановление гармонии с природой. «Это возвращение ни в коем случае нельзя представлять как отказ от цивилизации; оно означает процесс духовного очищения, более высокоразвитую стадию нашего бытия»².

Дадим характеристику традиционалистского и техногенного типам развития, основываясь по этому вопросу на работах В.С. Степина³. Техногенная цивилизация является довольно поздним продуктом человеческой истории. Долгое время эта история протекала как взаимодействие традиционных обществ. Лишь в XV-XVII столетиях в европейском регионе сформировался особый тип развития, связанный с появлением техногенных обществ, их последующей экспансией на остальной мир и изменением под их влиянием традиционных обществ. Некоторые из этих традиционных обществ были поглощены техногенной цивилизацией, пройдя через этапы модернизации. Другие же, испытав на себе влияние науки и техники, сохранили многие традиционные черты.

Традиционные общества характеризуются замедленными темпами социальных изменений. В традиционных обществах может смениться несколько поколений людей, заставляя одни и те же структуры общественной

жизни, воспроизводя их и передавая следующему поколению. Виды деятельности, их средства и цели могут столетиями существовать в качестве устойчивых стереотипов. В связи с этим, в культуре этих обществ приоритетное значение имеют традиции, образцы и нормы, аккумулирующие опыт множества поколений. Инновационная деятельность не воспринимается здесь как высшая ценность.

Древняя Индия и Китай, Древний Египет, государства мусульманского Востока эпохи средневековья и т.д. - все это традиционные общества. Многие государства третьего мира сохраняют черты традиционного общества, хотя влияние западной культуры приводит к трансформациям традиционной культуры и образа жизни.

Техногенная цивилизация – это особый тип социального развития и особый тип цивилизации, определяющие признаки противоположные характеристикам традиционных обществ. Когда техногенная цивилизация сформировалась в относительно зрелом виде, то темп социальных изменений стал возрастать с огромной скоростью. Экстенсивное развитие здесь заменяется интенсивным. Резервы роста черпаются уже не за счет расширения культурных зон, а за счет перестройки самих оснований прежних способов жизнедеятельности и формирования принципиально новых возможностей.

Как подчеркивает В.С. Степин, самое главное и действительно эпохальное, всемирно-историческое изменение, связанное с переходом от традиционного общества к техногенной цивилизации, состоит в возникновении новой системы ценностей. Ценностью считается сама инновация, оригинальность, вообще все новое. Далее, на одном из самых высоких мест в иерархии ценностей оказывается автономия личности, что традиционному обществу вообще несвойственно. Там личность реализуется только через принадлежность к какой-либо определенной корпорации, будучи ее элементом. Если человек не включен в какую-нибудь корпорацию, он не личность. В техногенной цивилизации возникает особый тип автономии личности: человек может менять свои корпоративные связи, он жестко к ним не привязан, может и способен очень гибко строить свои отношения с людьми, погружаться в разные социальные общности, а часто и в разные культурные традиции.

История техногенной цивилизации началась с развития античной культуры, прежде всего культуры полисной, которая подарила человечеству два великих изобретения - демократию и теоретическую науку. Эти два открытия - в сфере регуляции социальных связей и в способе познания мира - стали важными предпосылками для будущего, принципиально нового типа цивилизационного прогресса. Второй и очень важной вехой в истории формирования техногенной цивилизации стало европейское средневековье с особым пониманием человека, созданного по образу и подобию Бога, с культом человеческого разума, способного понять и постигнуть тайну божественного творения, расшифровать те письмена, которые Бог заложил в мир, когда он его создавал. Целью познания как раз и считалась расшифровка промысла Божьего, плана божественного творения. В эпоху Ренессанса происходит восстановление многих достижений античной традиции.

И с этого момента, как отмечает В.С. Степин, закладывается культурная матрица техногенной цивилизации, которая начинает свое собственное развитие с XVII в. При этом она проходит три стадии: преиндустриальную, индустриальную, и, наконец, - постиндустриальную. Важнейшей основой жизнедеятельности на постиндустриальном этапе становится развитие техники, технологии, причем не только путем стихийно протекающих инноваций в сфере самого производства, но и за счет генерации все новых научных знаний и их внедрения в технико-технологические процессы.

Так возникает особый тип развития, основанный на ускоряющемся изменении природной среды, предметного мира, в котором живет человек. Изменение этого мира приводит к активным трансформациям социальных связей людей. В техногенной цивилизации научно-технический прогресс постоянно меняет типы общения, формы коммуникации людей, типы личности и образ жизни. В результате возникает отчетливо выраженная направленность прогресса с ориентацией на будущее.

Для культуры техногенных обществ характерно представление о необратимом историческом времени, которое течет от прошлого через настоящее в будущее. В большинстве традиционных культур доминировали иные понимания: время чаще всего воспринималось как циклическое, когда мир периодически возвращается к исходному состоянию. В традиционных культурах считалось, что "золотой век" уже пройден, он позади, в далеком прошлом. Герои прошлого создали образцы поступков и действий, которым следует подражать. В культуре техногенных обществ иная ориентация. В них идея социального прогресса стимулирует ожидание перемен и движение к будущему, а будущее полагается как рост цивилизационных завоеваний, обеспечивающих все более счастливое мироустройство.

Техногенная цивилизация с точки зрения времени существует сравнительно недавно, чуть более 300 лет. Но она оказалась не только динамичной и подвижной, но и агрессивной: она подавляет, подчиняет себе, переворачивает, буквально поглощает традиционные общества и их культуры. Такое активное взаимодействие техногенной цивилизации и традиционных обществ, как правило, оказывается столкновением, которое приводит к гибели последних, к уничтожению многих культурных традиций, по существу, к гибели этих культур как самобытных целостностей. Традиционные культуры не только оттесняются на периферию, но и радикально трансформируются при вступлении традиционных обществ на путь модернизации и техногенного развития. Чаще всего эти культуры сохраняются только обрывками, в качестве исторических рудиментов. Так произошло и происходит с традиционными культурами восточных стран, осуществивших индустриальное развитие; то же можно сказать и о народах Южной Америки, Африки, вставших на путь модернизации, - везде культурная матрица техногенной цивилизации трансформирует традиционные культуры, преобразуя их смысло-жизненные установки, заменяя их новыми мировоззренческими доминантами.

Мировоззренческие доминанты техногенной цивилизации: человек понимается как активное существо, которое находится в деятельностном

отношении к миру. Деятельность человека должна быть направлена вовне, на преобразование и переделку внешнего мира, в первую очередь природы, которую человек должен подчинить себе. В свою очередь внешний мир рассматривается как арена деятельности человека, как если бы мир и был предназначен для того, чтобы человек получал необходимые для себя блага, удовлетворял свои потребности. Конечно, это не означает, что в новоевропейской культурной традиции не возникают другие, в том числе и альтернативные, мировоззренческие идеи. Техногенная цивилизация в самом своем бытии определена как общество, постоянно изменяющее свои основания. В ее культуре активно поддерживается и ценится постоянная генерация новых образцов, идей, концепций, лишь некоторые из которых могут реализовываться в сегодняшней действительности, а остальные предстают как возможные программы будущей жизнедеятельности, адресованные грядущим поколениям. В культуре техногенных обществ можно обнаружить идеи и ценностные ориентации, альтернативные доминирующим ценностям. Но в реальной жизнедеятельности общества они могут не играть определяющей роли, оставаясь как бы на периферии общественного сознания и не приводя в движение массы людей.

Идея преобразования мира и подчинения человеком природы, как подчеркивает В.С. Степин, была доминантой в культуре техногенной цивилизации на всех этапах ее истории, вплоть до нашего времени. Эта идея была и остается в качестве важнейшей составляющей того "генетического кода", который определял само существование и эволюцию техногенных обществ. Что же касается традиционных обществ, то здесь деятельностное отношение к миру осмысливалась скорее не как направленная вовне, на изменение внешних предметов, а как ориентированная вовнутрь человека, на самосозерцание и самоконтроль, которые обеспечивают следование традиции. В качестве примера можно привести принцип древнекитайской культуры "увэй", требующей невмешательства в протекание природного процесса и адаптации индивида к сложившейся социальной среде. Этот принцип исключал стремление к ее целенаправленному преобразованию, требовал самоконтроля и самодисциплины индивида, включающегося в ту или иную корпоративную структуру. Принцип "увэй" охватывал практически все главные аспекты жизнедеятельности человека. В нем было выражено определенное осмысление специфики и ценностей земледельческого труда, в котором многое зависело от внешних, природных условий и который постоянно требовал принараиваться к этим условиям - угадывать ритмы смены погоды, терпеливо выращивать растения, накапливать веками опыт наблюдений за природной средой и свойствами растений. В китайской культуре была хорошо известна притча, высмеивающая человека, который проявлял нетерпение и недовольство тем, как медленно растут злаки, и начал тянуть растения, чтобы ускорить их рост. Принцип "у вэй" был и особым способом включения индивида в сложившийся традиционный порядок общественных связей, ориентируя человека на такое вписывание в социальную среду, при котором свобода и самореализация

личности достигается в основном в сфере самоизменения, но не изменения сложившихся социальных структур.

С пониманием деятельности и предназначения человека тесно связан второй важный аспект ценностных и мировоззренческих ориентаций, который характерен для культуры техногенного мира, - понимание природы, как упорядоченного, закономерно устроенного поля, в котором разумное существо, познавшее законы природы способно осуществить свою власть над внешними процессами и объектами, поставить их под свой контроль. Надо только изобрести технологию, чтобы искусственно изменить природный процесс и поставить его на службу человеку, и тогда укрощенная природа будет удовлетворять человеческие потребности во все расширяющихся масштабах. Что же касается традиционных культур, то в них мы не встретим подобных представлений о природе. Природа понимается здесь как живой организм, в который органично встроены человек, но не как обезличенное предметное поле, управляемое объективными законами. Само понятие закона природы, отличного от законов, которые регулируют социальную жизнь, было чуждо традиционным культурам.

Характерный для техногенной цивилизации пафос покорения природы и преобразования мира породил особое отношение к идеям господства силы и власти. В традиционных культурах они понимались, прежде всего, как непосредственная власть одного человека над другим. В патриархальных обществах и азиатских деспотиях власть и господство распространялась не только на подданных государя, но и осуществлялась мужчиной, главой семьи над женой и детьми, которыми он владел так же, как царь или император телами и душами своих подданных.

С техногенной цивилизацией связан особый статус научной рациональности в системе ценностей, особая значимость научно-технического взгляда на мир, ибо познание мира является условием для его преобразования. Оно создает уверенность в том, что человек способен, раскрыв законы природы и социальной жизни, регулировать природные и социальные процессы в соответствии со своими целями. Категория научности обретает своеобразный символический смысл. Она воспринимается как необходимое условие процветания и прогресса. Ценность научной рациональности и ее активное влияние на другие сферы культуры становится характерным признаком жизни техногенных обществ.

Следует, хотя бы кратко, остановиться на характеристике российского общества. Насколько оно отвечает характеристикам либо техногенного, либо традиционного общества?

Как известно, по вопросу о специфике вектора развития российского общества уже несколько столетий ведется дискуссия, с тех пор, когда состоялось пробуждение его самосознания. В качестве последних публикаций на эту тему отметим книгу С.Д. Домникова «Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество»⁴. В ней вопрос о том, насколько Россия отвечает критериям традиционного общества, рассматривается с многих сторон. В качестве эпиграфа к исследованию взяты замечательные слова Ф.М.

Достоевского: «у всех должна быть земля», которые в современных условиях можно интерпретировать следующим образом: «у современного человечества имеется одна природная основа – биосфера». Достоевский, как известно, критически относился к техногенным достижениям цивилизации. Им была предложена формула: «Человечество обновится в Саду и Садам выправится». Эта формула вполне соответствует идеи ноосферы. Преобразуя биосферу и создавая «Сад», человечество «выправится».

В этом вся суть проблемы основного вектора развития человечества. И с этих позиций можно рассматривать российское общество. Как отмечает Домников, «Автор вовсе не ставил перед собой цель осветить все ... вопросы, но подходы к ним, безусловно, обозначены в книге... Ибо книга эта о культуре, культуре духовной и материальной, это размышление о судьбах целой цивилизации, вобравшей в себя сотни племен и народностей, о культуре, сложившейся на основании главного культа – культа Земли»⁵.

Такой подход позволяет уйти от рациональных схем и рациональных оценок и обратить взор на главное: сопряжение природных и духовных основ жизни общества. Сопряжение оснований и цели, а техногенные аспекты предстанут в их истинном свете; они, говоря словами Н.А. Бердяева, являются лишь средствами, но не целями жизни общества. Российское общество мучительно искало ответы на вопросы о целях жизни; в определенной степени процесс искания продолжается. То, что находится на его «поверхности» не должно сбивать нас с толку. Вопрос не в том, будем или не будем мы отвечать идеалам и критериям цивилизованности западного общества, а в том, сохраним ли мы верность биосферным основаниям и идеалу «Обновленного Человечества», т. е. идеалу ноосферы.

В связи с этим отметим, что проблема науки в российском обществе прозвучала не в ее чисто прагматическом аспекте, направленном на овладение силами природы, а в единстве природной и духовной сторон жизни общества. Впервые в таком качестве цели и задачи научных исследований определены в работах М.В. Ломоносова, а затем дальше были развиты в исследованиях К. Бэра, В.В. Докучаева, В.И. Вернадского, В.Н. Сукачева, Н.И. Вавилова, В.Н. Тимофеева-Ресовского и многих других их сподвижников.

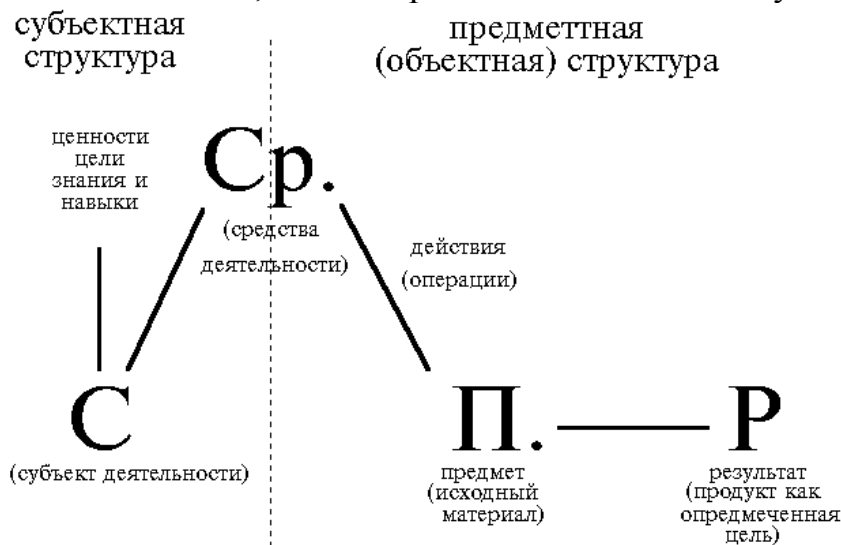
Исследование сопряженности природной основы и духовных сторон жизни общества является основной задачей науки, преодолевающей искусственные границы разграничения естественных, гуманитарных и технических наук. В своих основаниях наука едина, целостна; она является органическим элементом жизни общества. Для российского общества этот элемент его жизни стал актуальным с эпохи петровских преобразований. Наука с самого начала вышла на самые главные проблемы жизни общества: исследование в целостности и многообразии природных явлений с учетом антропогенной деятельности, уровня развития мировоззрения и культуры. И если возникала необходимость научных рекомендаций, то они были направлены «прямо в точку». Таковы были рекомендации К. Бэра по решению проблем биопродуктивности Каспийского моря, рекомендации экспедиции В.В. Докучаева по научным основам развития земледелия, рекомендации Комиссии

по изучению естественных производительных сил России, инициатором которой был В.И. Вернадский, рекомендации по проблемам генетики и селекции Н.И. Вавилова. А в 1968 году Н.В. Тимофеев-Ресовский в работе «Биосфера и человечество» сформулировал главную и основную проблему науки XXI века – «биосфера и человечество». «Надо не забывать, - отмечал он, - что людям ее решать придется, хотя бы они этого или нет. И ведь жизнь на земном шаре, человеческая жизнь, пока протекает не очень мирно, поэтому, несомненно, будет в ближайшее время еще существовать соревнование, конкуренция разных стран, разных континентов, разных больших регионов Земли. И нам в этой конкуренции отставать нельзя. Наоборот, вся история естествознания, русского естествознания XIX и XX веков, дает возможность именно нам, советским ученым, эффективнее других, целостнее и рациональнее приступить к изучению научных основ этой большой проблемы – проблемы «Биосферы и Человечества»⁶.

Возвращаясь к поставленной выше проблеме о техногенном или традиционном путях развития общества, в современных условиях необходимо ее понимать существенно глубже: либо человечество найдет в себе силу и волю решить проблему «биосфера и человечество», встав на путь ноосферного развития, либо, забывая о целях жизни, будет дальше упорствовать в необходимости техногенного развития со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями, о которых в свое время предупреждали Лао-Цзы, Руссо, Ламарк.

Особенности научного познания

Научное познание имеет, как общие черты со всеми видами деятельности, так и специфические черты. Любой вид человеческой деятельности реализует субъектно-объектное отношение человека к миру. Структуру деятельности, как отмечает В.С. Степин, можно представить в виде следующей схемы:

Правая часть этой схемы изображает предметную структуру деятельности - взаимодействие средств с предметом деятельности и превращение его в продукт благодаря осуществлению определенных операций. Левая часть представляет субъектную структуру, которая включает субъекта

деятельности (с его целями, ценностями, знаниями операций и навыками), осуществляющего целесообразные действия и использующего для этой цели определенные средства деятельности.

Деятельность регулируется определенными ценностями и целями. Ценность отвечает на вопрос: "для чего нужна та или иная деятельность". Цель - на вопрос: "что должно быть получено в деятельности". Цель - это идеальный образ продукта. Она воплощается, опредмечивается в продукте, который выступает результатом преобразования предмета деятельности.

На ранних стадиях развития общества субъектная и предметная стороны деятельности не расчлняются в познании, а берутся как единое целое. Познание отображает способы практического изменения объектов, включая в характеристику последних цели, способности и действия человека. Такое представление об объектах деятельности переносится на всю природу, которая рассматривается сквозь призму осуществляемой деятельности.

В связи с этим следует обратить внимание на черты так называемого «первобытного мышления». Дело не в том, что это мышление переносит схемы субъектных отношений на предметный мир, а в этом, что оно и по содержанию, и по форме качественно отлично от рациональных схем объяснения явлений, учитывающих различия между субъективным и объективным. В работе Люсьена Леви-Брюля «Сверхъестественное в первобытном мышлении» отмечается, что первобытное мышление, как и современное, стремится найти причины происходящего. Но оно ищет их в ином направлении. Если современное мышление стремится найти объективные причины, то первобытное мышление предполагает, что истинными причинами является действие сил мира невидимого. «Никакой вопрос, относящийся к явлениям природы, не ставится для него так, как для нас. Когда мы хотим объяснить какой-нибудь факт, мы в самой последовательности явлений ищем те условия, которые необходимы и достаточны для данного факта. Когда нам удастся установить эти условия, мы большего и не требуем. Нас удовлетворяет знание закона. Позиция первобытного человека совершенно иная. Он, возможно, и заметил постоянные antecedенты (предшествующие явления) того факта, который его интересует, и для действия, для практики он в высшей степени считается со своими наблюдениями, однако реальную причину он всегда будет искать в мире невидимых сил, по ту сторону того, что мы называем природой, в метафизике в буквальном смысле слова»⁷. Можно сказать, что в аспектах практических для достижения определенных целей действия первобытного человека вполне рациональны, однако в понимании причин явлений он прибегает к силам мистического характера. Первобытный человек исходит из того, что миром, видимым и наблюдаемым, управляют высшие невидимые силы. И мир, первобытного восприятия и мир современного понимания лишь частично совпадают друг с другом. «Переплетение вторичных причин, которое для нас тянется до бесконечности, здесь остается в тени, оказывается не воспринятым, тогда как тайные силы, мистические действия, партиципации всякого рода примешиваются к непосредственным данным восприятия, чтобы

составить некую совокупность, где реальное и потустороннее слиты между собой»⁸.

Лишь в процессе длительной эволюции общества познание начинает исключать потусторонние силы и факторы, обращая главное внимание на предметные, объективные отношения. Важную роль в этом процессе сыграло историческое развитие практики, совершенствование средств и орудий труда.

Наука ставит своей конечной целью предвидеть процесс преобразования предметов практической деятельности (объект в исходном состоянии) в соответствующие продукты (объект в конечном состоянии). Это преобразование всегда определено сущностными связями, законами изменения и развития объектов, и сама деятельность может быть успешной только тогда, когда она согласуется с этими законами. Поэтому основная задача науки - выявить законы, в соответствии с которыми изменяются и развиваются объекты. Применительно к процессам преобразования природы эту функцию выполняют естественные и технические науки. Процессы изменения социальных объектов исследуются общественными науками. Поскольку в деятельности могут преобразовываться самые различные объекты - предметы природы, человек (и состояния его сознания), подсистемы общества, знаковые объекты, функционирующие в качестве феноменов культуры и т.д., - постольку все они могут стать предметами научного исследования.

Как считает В.С. Степин, ориентация науки на изучение объектов, которые могут быть включены в деятельность (либо актуально, либо потенциально как возможные объекты ее будущего преобразования), и их исследование как подчиняющихся объективным законам функционирования и развития составляет первую главную особенность научного познания. Эта особенность отличает его от других форм познавательной деятельности человека. Так, например, в процессе художественного освоения действительности объекты, включенные в человеческую деятельность, не отделяются от субъективных факторов, а берутся в своеобразной "склежке" с ними. Любое отражение предметов объективного мира в искусстве одновременно выражает ценностное отношение человека к предмету. Художественный образ - это такое отражение объекта, которое содержит отпечаток человеческой личности, ее ценностных ориентаций, которые вплавляются в характеристики отражаемой реальности. Исключить это взаимопроникновение - значит разрушить художественный образ.

Наука ориентирована на предметное и объективное исследование действительности. Сказанное, конечно, не означает, что личностные моменты и ценностные ориентации ученого не играют роли в научном творчестве и не влияют на его результаты. Процесс научного познания обусловлен не только особенностями изучаемого объекта, но и многочисленными факторами социокультурного характера. Рассматривая науку в ее историческом развитии, можно обнаружить, что по мере изменения типа культуры меняются стандарты изложения научного знания, способы видения реальности в науке, стили мышления, которые формируются в контексте культуры и испытывают воздействие самых различных ее феноменов. Это воздействие может быть

представлено как включение различных социокультурных факторов в процесс генерации собственно научного знания. Однако констатация связей объективного и субъективного в любом познавательном процессе и необходимость комплексного исследования науки в ее взаимодействии с другими формами духовной деятельности человека не снимают вопроса о различии между наукой и этими формами (обыденным познанием, художественным мышлением и т.п.).

Первой и необходимой характеристикой такого различия является признак объективности и предметности научного познания. Изучая объекты, преобразуемые в деятельности, наука не ограничивается познанием только тех предметных связей, которые могут быть освоены в рамках наличных, исторически сложившихся на данном этапе развития общества типов деятельности. Цель науки заключается в том, чтобы предвидеть возможные будущие изменения объектов, в том числе и те, которые соответствовали бы будущим типам и формам практического изменения мира.

В свое время О. Конт считал, что главный интерес науки был направлен на поиск ответа на вопрос «как?», оставляя все другие вопросы другим формам мировоззрения. Это – узкий подход к пониманию задач науки. Когда ребенок разбирает игрушку, его интересует вопрос ее устройства. Так же и науку на определенных ее этапах развития интересуют вопросы мироустройства, его законы. Но вполне зрелую науку, включенную во взаимосвязь со всеми формами миропонимания, интересуют вопросы: «Почему мир так устроен?», «В чем смыслы его законов и его строения?» Наука не может оставаться в стороне от обсуждения мировоззренческих вопросов, участие в обсуждении которых свидетельствует о ее зрелости.

Наука как одна из форм культуры находится в сложнейших взаимоотношениях с другими ее формами: философией, религией, искусством. Эти взаимоотношения определены как с точки зрения предметности, специфики используемых средств и методов, языка выражения результатов познавательной деятельности, а также и с точки зрения решаемых задач и выполняемых функций. Эти вопросы находятся в поле зрения всех разделов учебного пособия. Здесь отметим главное. Науку, философию и религию необходимо рассматривать в их конкретно-исторических формах взаимосвязи, помня о том, что конечная их цель – Истина. Хотя к постижению Истины наука, философия и религия идут разными дорогами, но только совместные усилия, включающие необходимость обсуждения достигнутых результатов и открытость по отношению друг к другу, будут иметь благотворный успех. Никто не призывает науку отказаться от необходимости научного поиска. Однако полученные наукой результаты требуют серьезнейшего философского и религиозного обоснования, ответа на вопросы о смыслах и целях использования научных достижений, формирования ответственности за эти использования. Открытие новых истин для человека означает не только получения новых знаний о мире, но и возросшую ответственность перед Истиной.

Следует прояснить ситуацию, связанную с отношением науки к обыденному познанию и сознанию. В нем накоплен огромный мир знания, который нельзя игнорировать. Обычно обращается внимание на черты противоположности между обыденным познанием и научным познанием. Они в основном сводятся к тому, что научное знание реализуется в создании теоретических схем, моделей исследуемой реальности, а обыденное познание носит непосредственный и эмпирический характер и может быть выражено в виде предметно-практических рекомендаций, «рецептов». Однако в действительности взаимосвязь между отмеченными видами познания сложнее. На сложность этой взаимосвязи обратил внимание В.И. Вернадский в своем докладе «Изучение явлений жизни и новая физика», прочитанном в 1931 году в Московском обществе испытателей природы и в Ленинградском обществе естествоиспытателей.

В своем докладе, определяя главную его идею, Вернадский отмечал: впервые в течение трех столетий вскрывается возможность преодолеть созданное ходом истории мысли глубочайшее противоречие между научно построенным Космосом и человеческой жизнью – между пониманием окружающего нас мира, связанным с человеческим сознанием, и его научным выражением⁹. Иначе говоря, речь идет о преодолении противоречия между наукой и обыденным познанием, между научными представлениями и обыденными представлениями. Научное понимание Космоса, определенное в своих основах в эпоху Нового времени, исключало явления жизни. Увеличивая мир до чрезвычайных размеров, новое научное мировоззрение в то же время низводило человека и явления жизни на положение ничтожной подробности в Космосе. С другой стороны, существовало и другое – натуралистическое направление, не порывающее с тем значением явлений жизни, которое признавалось обыденным познанием. Наука, как подчеркивал Вернадский, не есть абстрактная, самодовлеющая и имеющая свое независимое существование, сущность. Она есть создание человеческой жизни, существует только в этой жизни. Ее содержание не ограничивается научными теориями, гипотезами, моделями, создаваемой ими картиной мира; в основе она главным образом состоит из научных фактов и их эмпирических обобщений. Наблюдения и эмпирические обобщения, проверенные в своей верности многочисленными поколениями, находятся и в основе обыденного познания. Поэтому неправомерно проводить резкую разграничительную линию между научными представлениями и обыденными представлениями. Это подобно тому, как золотоискатель ищет золото. Оно маленькими крупинками находится в исходном материале. Применяя соответствующие технологии, золотоискатель «намывает» золото. Также и ученый, не пренебрегающий наблюдениями и обобщениями обыденного познания и применяющий «технологии» научного познания, может существенно укрепить основы научного познания.

Конечно, наука выходит за пределы границ обыденного опыта, имеет дело с особым набором объектов реальности, не сводимых к объектам обыденного опыта. Если обыденное познание отражает только те объекты, которые в принципе могут быть преобразованы в наличных исторически

сложившихся способах и видах практического действия, то наука способна изучать и такие фрагменты реальности, которые могут стать предметом освоения только в практике далекого будущего. Она постоянно выходит за рамки предметных структур наличных видов и способов практического освоения мира и открывает человечеству новые предметные миры его возможной будущей деятельности. Но вместе с тем, наука не вправе игнорировать накопленный обыденным сознанием познавательный материал, выразив его на основе специализированного научного языка. Выработка наукой специального языка, пригодного для описания ею абстрактных объектов, иногда необычных с точки зрения здравого смысла, является необходимым условием научного исследования. Язык науки постоянно развивается по мере ее проникновения во все новые области объективного мира. Причем он оказывает обратное воздействие на повседневный, естественный язык.

Спецификой объектов научного исследования можно объяснить далее и основные отличия научных знаний как продукта научной деятельности от знаний, получаемых в сфере обыденного, стихийно-эмпирического познания. Последние чаще всего не систематизированы; это, скорее, совокупность сведений, предписаний, рецептур деятельности и поведения, накопленных на протяжении исторического развития обыденного опыта. Их достоверность устанавливается благодаря непосредственному применению в наличных ситуациях производственной и повседневной практики. Что же касается научных знаний, то их достоверность уже не может быть обоснована только таким способом, поскольку в науке преимущественно исследуются объекты, еще не освоенные в производстве. Поэтому нужны специфические способы обоснования истинности знания. Ими являются экспериментальный контроль за получаемым знанием и выводимость одних знаний из других, истинность которых уже доказана. В свою очередь, процедуры выводимости обеспечивают перенос истинности с одних фрагментов знания на другие, благодаря чему они становятся связанными между собой, организованными в систему.

Из главной характеристики научного исследования можно вывести также и такой отличительный признак науки при ее сравнении с обыденным познанием, как особенность метода познавательной деятельности. Объекты, на которые направлено обыденное познание, формируются в повседневной практике. Приемы, посредством которых каждый такой объект выделяется и фиксируется в качестве предмета познания, вплетены в обыденный опыт. Совокупность таких приемов, как правило, не осознается субъектом в качестве метода познания. Иначе обстоит дело в научном исследовании. Здесь уже само обнаружение объекта, свойства которого подлежат дальнейшему изучению, составляет весьма трудоемкую задачу. Чтобы зафиксировать объект, ученый должен знать методы такой фиксации. Поэтому в науке изучение объектов, выявление их свойств и связей всегда сопровождается осознанием метода, посредством которого исследуется объект. Объекты всегда даны человеку в системе определенных приемов и методов его деятельности. Но эти приемы в науке уже не очевидны, не являются многократно повторяемыми в повседневной практике приемами. И чем дальше наука отходит от привычных

вещей повседневного опыта, углубляясь в исследование "необычных" объектов, тем яснее и отчетливее проявляется необходимость в создании и разработке особых методов, в системе которых наука может изучать объекты. Наряду со знаниями об объектах наука формирует знания о методах. Потребность в развертывании и систематизации знаний второго типа приводит на высших стадиях развития науки к формированию методологии как особой отрасли научного исследования.

Две основные установки науки, как отмечает В.С. Степин, обеспечивают стремление к научному поиску: самоценность истины и ценность новизны. Любой ученый принимает в качестве одной из основных установок научной деятельности поиск истины, воспринимая истину как высшую ценность науки. Эта установка воплощается в целом ряде идеалов и нормативов научного познания, выражающих его специфику: в определенных идеалах организации знания (например, требования логической непротиворечивости теории и ее опытной подтверждаемости), в поиске объяснения явлений исходя из законов и принципов, отражающих сущностные связи исследуемых объектов, и т.д. Не менее важную роль в научном исследовании играет установка на постоянный рост знания и особую ценность новизны в науке.

Ценностные ориентации науки образуют фундамент ее этоса, который должен усвоить ученый, чтобы успешно заниматься исследованиями. Великие ученые оставили значительный след в культуре не только благодаря совершенным ими открытиям, но и благодаря тому, что их деятельность была образцом новаторства и служения истине для многих поколений людей. Всякое отступление от истины в угоду личным, своекорыстным целям, любое проявление беспринципности в науке встречало у них беспрекословный отпор.

В жизни общества наука выполняет различного рода функции: наряду с другими формами духовной культуры наука предлагает обществу свое мировидение, свое понимание законов Космоса, его строения, его причин возникновения; наука определяет и основания воспитания, образования и формирования личности, разрабатывает в связи этим рекомендации, проводит по этим проблемам свои исследования; наука заявляет о себе в качестве непосредственной производительной силы, стимулирует внедрения новых технологий и создания наукоемких производств; наука выполняет и прогностические функции, создавая модели и сценарии будущего развития.

Вопросы для самопроверки:

1. В чем заключены различия между техногенным и традиционным типами цивилизационного развития?
2. Каковы ценности техногенной цивилизации?
3. Каковы ценности традиционного общества?
4. Какова роль науки в техногенном обществе?
5. В чем особенности понимания целей и задач науки в отечественной культуре? Отвечает ли российское общество критериям традиционного общества?
6. Какие особенности научного познания?

7. Каковы соотношения между наукой и другими формами культуры?
8. В чем особенности отношений между наукой и обыденным сознанием?

Глава 3. Возникновение науки и основные стадии ее исторической эволюции

Рассмотрим вопросы истории науки. Историческое и логическое понимание науки должны дополнять, а не противоречить друг другу. Прояснив общие вопросы науки, следует уделить внимание истории развития науки.

Возникновение науки. Проблема ее «начала»

По вопросу возникновения науки существуют пять точек зрения. Согласно первой, наука была всегда, начиная с момента зарождения человеческого общества, так как научная любознательность органично присуща человеку. По мнению представителей второй точки зрения, наука возникла в Древней Греции, так как именно здесь впервые знания получили свое теоретическое обоснование. Наука возникла в Западной Европе, считают представители третьей точки зрения, ибо здесь в XI-XIV вв. проявился интерес к опытному знанию и математике. Согласно четвертой точке зрения, наука начинается с XV-XVI века и благодаря работам Галилея, Кеплера, Гюйгенса и Ньютона создается первая теоретическая модель физики на языке математики. Но, как считают представители пятой точки зрения, наука начинается с первой трети XIX века, когда исследовательская деятельность была объединена с высшим образованием¹.

Вопрос о возникновении науки заслуживает особого внимания. Считается, что на Востоке до возникновения науки дело не дошло. Философия развивалась здесь в союзе с теософией и составляла с нею одно целое. Наука возникает только на Западе, так европейская культура изначально была сориентирована на познание внешнего мира.

В восточной культуре мы находим определенные элементы практического знания. Они накапливались постепенно в процессе практической деятельности человека и формировались большей частью исходя из потребностей этой практической жизни, не становясь предметом для теоретической деятельности. Выделяться из практической деятельности эти элементы начали в наиболее организованных обществах, сформировавших государственную и религиозную структуру и освоивших письменность: Шумер и Древний Вавилон, Древние Египет, Индия, Китай. Ирригационные работы в Древнем Вавилоне и Египте требовали знания практической гидравлики. Управление разливом рек, орошение полей при помощи каналов, учет распределяемой воды развивали элементы практической математики. Специфические климатические условия Египта и Вавилона, жесткое государственное регулирование производства диктовали необходимость разработки точного календаря, счета времени, а отсюда - астрономических

познаний. Египтяне разработали календарь, состоящий из 12-ти месяцев по 30 дней и 5-ти дополнительных дней в году. Ботаника и биология еще долго не выделялись из сельскохозяйственной практики. Строительство, особенно грандиозное государственное и культовое требовали, по крайней мере, эмпирических знаний строительной механики и статики, а также геометрии. Древний Восток был хорошо знаком с такими механическими орудиями как рычаг и клин.

Необходимо также учитывать влияние торговли, мореплавания, военного дела на процесс возникновения практических знаний. Мореплавание стимулировало развитие той же астрономии для координации во времени и пространстве, техники строительства судов, гидростатики и многого другого. Торговля способствовала распространению технических знаний. Свойство рычага - основы любых весов было известно задолго до древнегреческих ученых.

Управление государством требовало учета и распределения продуктов, платы, рабочего времени. Для этого были нужны хотя бы начатки арифметики. Известны египетские источники II-го тысячелетия до н.э. математического содержания: папирус Ринда (1680 г. до н.э., Британский музей) и Московский папирус. Они содержат решение отдельных задач, встречающихся в практике, математические вычисления, вычисления площадей и объемов. В Московском папирусе дана формула для вычисления объема усеченной пирамиды. Шумеро-вавилонская математика была содержательнее египетской математики. Вавилоняне знали теорему Пифагора, знали очень точно значение главного иррационального числа - корня из 2, вычисляли квадраты и квадратные корни, кубы и кубические корни, умели решать системы уравнений и квадратные уравнения. Вавилонская математика носит алгебраический характер, геометрическая терминология не употребляется.

Однако и для египетской и для вавилонской математики характерно полное отсутствие теоретических изысканий методов счета. Нет попытки теоретического доказательства. Вавилонские таблички с задачами делятся на 2 группы: "задачники" и "решешники". В последних из них решение задачи иногда завершается фразой: "такова процедура". Видимо, правила находились эмпирическим путем, путем многократных проб и ошибок. При этом математика носила сугубо утилитарный характер. Нет еще четкого различия между геометрией и арифметикой. Геометрия является лишь одним из многих объектов практической жизни, к которым можно применить арифметические методы.

Ассирио-вавилонская астрономия вела систематические наблюдения с эпохи Набонассара (747 г до н.э.). За период "доисторический" 1800 - 400 гг. до н.э. в Вавилоне разделили небосвод на 12 знаков Зодиака по 300 каждый, как стандартную шкалу для описания движения Солнца и планет, разработали фиксированный лунно-солнечный календарь. После ассирийского периода заметен поворот к математическому описанию астрономических событий. Главной целью месопотамской астрономии было правильное предсказание видимого положения небесных тел: Луны, Солнца и планет. Достаточно

развитая астрономия Вавилона объясняется ее применением в качестве государственной астрологии: астрология древности не имела личностного характера. Ее задачей было предсказание благоприятного расположения звезд для принятия важных государственных решений.

Астрономия на Древнем Востоке также как и математика носила сугубо утилитарный, а также догматический, бездоказательный характер. В Вавилоне ни одному наблюдателю не пришла в голову мысль: "А соответствует ли видимое движение светил их действительному движению и расположению?"².

Особенностями восточной «преднауки», таким образом, являются: подчиненность практическим потребностям, рецептурность знания, эмпирический характер знания.

Античная наука

Наука в европейском ее понимании имеет началом ее происхождения Древнюю Грецию, где приобретает такие качества, как теоретичность, логическую доказательность, независимость от практических потребностей, а также открытость для обсуждения и критики. Для того чтобы стать научным, знание должно было оторваться от практических запросов и приобрести свою теоретическую форму выражения. Объектом познания становятся не реально существующие предметы, а идеальные объекты, конструируемые самим мышлением. И главным средством получения нового знания становится не эмпирический опыт, а теоретический анализ, основанный на системе логических доказательств.

Для создания такого рода науки необходимы были определенные интеллектуальные предпосылки. Прежде всего, переход от мифологического образа мышления к логико-понятийному мышлению. В сфере мифологических представлениях объективное и логическое не востребованы и не представлены.

Логико-понятийное мышление открывает новую реальность – реальность логических конструкций и доказательств, для которых чувственная реальность не имеет решающего значения. Пифагорейцы, вводя понятие числа, и элеаты, аргументируя к логическим основаниям мышления, подготовили интеллектуальные основания для формирования античной науки.

Для этой науки характерна ее органичная связь с философией. Наука пытается заглянуть в сферу умопостигаемого, где и начинается влияние на нее философии. Философия отличается от мифологии уже тем, что стремится к построению знания о мире (космосе), его причинах и первоначалах. Если первые философы искали первоначала в чем-то чувственно-воспринимаемом, то в последующем происходит понимание необходимости разграничения мнения (сфера чувственно-воспринимаемого) и знания (сфера умопостигаемого). Разграничение и противопоставление чувственно-воспринимаемого и умопостигаемого, в наибольшей степени выраженное в элейской школе, оказалось перспективным и создало возможности для становления науки в ее тесной связи с философией. Кроме того, к миру знания стало возможным применение математических и логических средств.

Идея применения математических средств восходит к Пифагору (2-я пол. 6 в. – нач. 5 в. до н. э.) и его школе. Именно здесь были заложены основы научного миропонимания, а математика становится его ведущим инструментом. Для учения пифагорейцев характерно то, что числа – первоначала сущего, а онтология чисел раскрывает фундаментальные первоначала организации природы. «Начало всего – единица; единице как причине подлежит как веществу неопределенная двойца; из единицы и неопределенной двойцы исходят числа; из чисел – точки; из точек – линии; из них – плоские фигуры; из плоских – объемные фигуры; из них – чувственно-воспринимаемые тела, в которых четыре основы – огонь, вода, земля и воздух; перемещаясь и превращаясь целиком, они порождают мир – одушевленный, разумный, шаровидный, в середине которого – земля...»³

Теоретическое знание, таким образом, получило в школах Древней Греции, особенно в элейской, свой вектор развития, исходной основой которой явилась сфера умопостигаемого. Оно стало доверять логическим доводам и критично относиться к доводам, рождаемым из сферы чувственности. Знаменитые апории Зенона вводят нас в сферу логической аргументации.

Античная наука сумела выстроить завершенные образцы своего знания. К ним следует отнести «Аналитики» Аристотеля, «Начала» Евклида, работы Архимеда. Их объединяет общность логических основ, теоретическая доказательность, активное использование математических средств.

Характерной особенностью античной науки является ее созерцательный характер. Она выстраивается ради поиска самой истины, а не ради решения практических задач. Наука и философия в условиях античной культуры были взаимосвязаны между собой, а научное знание плавно перетекает в философские рассуждения. Они включены в поиск мудрости, в целостное осмысление всего сущего. Высшими критериями этого поиска выступают принципы Блага, Красоты и Истины.

Средневековая европейская наука

Культура той или иной эпохи обуславливает характер мировоззрения и предъявляет свои требования к научному знанию. В средние века наука не могла не включать такие черты как теологизм, схоластика, догматизм, обслуживание социальных и практических потребностей религиозной культуры. В этих условиях наука была вынуждена согласовывать свои истины («истины разума») с богословскими догмами.

Философии так же отводилась роль «служанки» богословия. Теоретически эксплицируя теологическую картину бытия, выраженную в Библии, философия обращала свой взор на знания, добываемые науками, пытаясь при этом их согласовать с теологией. Но охват все более разнообразных научных знаний и их совмещение с содержанием вероучения в этих условиях мог быть только эклектическим суммированием. И само понятие «сумма» часто использовалось в названиях сочинений средневековых мыслителей.

Это было время, когда форма (теология) пыталась объять все, но содержание, добываемое наукой, вступало в противоречие с ней. Наука в этих условиях не могла выстраивать своих теоретических построений (ибо их форма уже была задана теологией), а совершала свое развитие за счет решения научно-технических.

Большое значение для развития науки имели университеты. В 1160 г. Был образован Парижский университет, в 1167 г. – Оксфордский, 1209 г. – Кембриджский, а позже и другие университеты в Неаполе, Праге, Кракове⁴. В университетах наряду с теологией изучались медицина, математика, геометрия, астрономия, физика, грамматика, философия.

Научная мысль XII – XIV вв. в основном концентрировалась вокруг двух университетских центров – Парижа и Оксфорда, ученым которых и принадлежит наиболее выдающаяся роль в развитии естествознания средневековья. Обсуждались и исследовались вопросы статики, решились задачи о равновесии тел на наклонной плоскости, рассматривались проблемы веса и тяжести, широко использовались математические методы.

В эпоху средневековья жило и работало немало ученых-естествоиспытателей. Среди них следует отметить Р. Бэкона, отметившего важную роль опыта в научном познании; Л. Пизанского, занимавшегося разработкой алгебры; Леви Бен Герсона, изобретшего простейший секстант; Дж. Чосера, работавшего над совершенствованием астрономических приборов; и ряд других ученых, работавших в области оптики, систематизации научных и технических знаний.

Однако в сфере науки не было совершенно прорыва, говоря языком диалектики, количество не перешло в качество. Отдельные идеи и подходы еще не позволяли совершить научную революцию в сфере теоретического знания. Значительные успехи были достигнуты в сфере техники. В середине XIV в. были построены первые доменные печи, получили применение водяные и ветряные мельницы, усовершенствовался часовой механизм, было открыто книгопечатание и ряд других технических изобретений.

Становление опытной науки в новоевропейской культуре

Образ современной науки, как отмечал А. Эйнштейн, был определен в эпоху Нового времени. Леонардо да Винчи, Г. Галилей, Ф. Бэкон, Р. Декарт полагали главными ценностями новой науки ее светский характер, критический дух, объективную истинность, практическую полезность.

Изменялась и сама суть понимания науки. Она, по мнению ученых Нового времени, должна перестать быть созерцательно-наблюдательной. Открытие экспериментальной основы науки было прорывом в ее понимании. Античная культура знала лишь теоретическую и логическую основы науки, что, несомненно, на этапе ее формирования было значимым. Но это было уже недостаточным в эпоху, когда наука заявила о себе как относительно самостоятельном явлении культуры. Наука могла развиваться, определяя свои собственные основы. К ним, несомненно, следует отнести экспериментальные исследования. А в более широком аспекте и методологические основы.

Далеко не случайным явилось то, что эпоха Нового времени заявила о себе значимостью методологических вопросов. Работы Ф. Бэкона «Новый органон» и Р. Декарта «Рассуждение о методе» выразили потребность науки в осмыслении собственных методологических средств. Вводимые Ф. Бэконом образы «паука» и «пчелы» подчеркивали существо различий между наукой несамостоятельной и наукой самостоятельной, определившей с методом исследования и осознавшей ценность своих результатов.

Конструктивный характер новоевропейской науки выразил Г. Галилей, вводя метод идеализаций. Критикуя установки средневековой культуры и ее «кумира» Аристотеля, Галилей раскрывает конструктивно-творческую роль научного мышления, работающего с идеализациями, экспериментирующего над своими предпосылками. Галилей преобразует физику Аристотеля о движении и вводит идею тождества кругового и прямолинейного движения. Оно становится теоретическим образом (идеализацией) совершенства движения. Как отмечал Галилей, «мы создаем совершенно новую науку о предмете чрезвычайно старом. В природе нет ничего древнее движения, и о нем философы написали томов немалых»⁵.

Новая наука всецело полагалась на авторитет знания, она, как считал Р. Декарт, все должна подвергнуться сомнению с целью выявления исходный интеллектуально очевидных положений. Ее инструментом исследования становилась математика. Онтологическое обоснование значимости математики было дано Галилеем: «Книга природы написана языком математики». Эта методологическая установка была воспринята всеми последующими учеными, что означало переход от качественного описания явлений природы, что было характерно для натурфилософии, к математическому описанию, вскрывающему взаимоотношения и закономерности.

Само построение новоевропейской науки было совершенно И. Ньютоном (1643-1727), которого по праву считают одним из величайших ученых. Он оставил огромное научное наследство в самых разных областях науки: оптике, астрономии, математике. Но самым главным в его творчестве было создание основ механики, открытие закона всемирного тяготения и разработка теории движения небесных тел.

Классическая механика, разработанная Ньютоном, оказала воздействие на все науки того времени. Она стала идеалом научности и программой для всех последующих научных исследований. В 1687 г. вышли в свет «Математические начала натуральной философии», в которых была сформулирована новая научная концепция, суть которой в обосновании всеобщности законов механического движения и в применении математического аппарата для их описания. «Я вывел, - отмечал Ньютон, - с помощью математических соображений движение планет из действующих из них сил. Желательно было бы и другие явления природы объяснить из механических начал с помощью такого же способа рассуждения»⁶.

В итоге формируется образ классической науки. Характерными особенностями этого образа становятся: опора на авторитет знания (для обозначения образа новой науки был предложен термин «science»).

Неклассическая наука

Формирование неклассической науки происходило в первой половине XX века. В это время совершается научная революция, коренным образом изменившая классические представления. С конца XIX века происходит своеобразная цепная реакция революционного значения научных открытий: делимости атома, специальная и общая теория относительности, квантовая теория, квантовая химия, генетика, концепция нестационарной Вселенной, общая теория систем.

В процессе этих преобразований науки формируется неклассическая наука. В итоге на основе разработки специальной теории относительности и принципов квантовой механики утверждается квантово-релятивистское научное миропонимание. Среди принципов квантовой механики принцип дополнительности играет конструктивную роль в синтезе классических и неклассических представлений о микропроцессах. Допускается истинность отличающихся друг от друга теоретических описаний одной и той же физической реальности. Принимаются такие типы объяснения и описания, которые в явном виде содержат ссылки на средства и операции познавательной деятельности.

Если в классической науке идеал объяснения и описания предполагал характеристику объекта «самого по себе», без указания на средства его исследования, то в квантово-релятивистской физике в качестве необходимого условия объективности объяснения и описания выдвигается требование четкой фиксации особенностей средств наблюдения, которые взаимодействуют с объектом. Новая система познавательных идеалов и норм обеспечивала значительное расширение поля исследуемых объектов, открывая пути к исследованию сложных систем.

Становление неклассической научной картины мира осуществлялось на основе представлений о мире как сложной системе, включающей микро-, макро- и мега- миры. В итоге создавались предпосылки для построения целостной картины природы, в которой прослеживается иерархическая организованность Вселенной как сверхсложной системы⁷.

Постнеклассическая наука

Во второй половине XX столетия идет процесс формирования нового образа науки, получившего название «постнеклассическая наука». Во многом еще картина процесса формирования этой науки мозаична, но определенные тенденции все же наметились. Наряду с дисциплинарными исследованиями на передний план все более выдвигаются междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности.

В ориентированности науки на решение крупнейших проблем, что и определяет необходимость интеграции дисциплинарно организованных научных дисциплин, В. И. Вернадский видел отличительную особенность науки XX столетия. Если классическая и неклассическая науки видели свою задачу в постижении определенного фрагмента действительности и в выявлении специфики предмета исследования, то содержание

постнеклассической науки определяется комплексными исследовательскими программами. В связи с этим возникают новые формы синтеза наук, возникают новые классы наук.

В истоках тенденции, ведущей к образованию новых классов наук, стояли В.В. Докучаев, его выдающийся ученик В. И. Вернадский, заложивший основы биосферного класса наук, биосферного естествознания в целом. Эта тенденция привела к формированию биогеоценологии, основы которой были определены В. Н. Сукачевым. Биосферную и биогеоценологическую эстафету развития наук подхватил Н.В. Тимофеев-Ресовский, сформулировавший проблему «биосфера и человечество», выводящую науку в качестве действенного фактора перехода биосферы в человечество⁸.

В формировании научного мировоззрения был сделан существенный прорыв, на который не решались ни классическая и ни неклассическая науки. Человек был введен в научную картину мира. Вселенная в ее эволюционном развитии получила антропологическую направленность. В антропном принципе была выражена идея о том, что структура Вселенной и ее фундаментальные характеристики имеют антропологическое выражение.

К настоящему времени известны четыре формулировки антропного принципа⁹. Первая формулировка, известная в качестве слабого антропного принципа, была предложена Б. Картером: «Наше положение во Вселенной с необходимостью является привилегированным в том смысле, что оно должно быть совместимо с нашим существованием в качестве наблюдателей». Сильная формулировка этого принципа, данная Б. Картером, гласит: «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные постоянные, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей». Третья формулировка была предложена Дж. А. Уилером: «Наблюдатели необходимы для того, чтобы Вселенная возникла». Четвертая формулировка была дана А. Типлером: «Во Вселенной должна возникнуть разумная обработка информации, а, однажды возникнув, она никогда не прекратится».

Все это создает предпосылки для формирования нового миропонимания, допускающего разумность Вселенной, а также и для развития форм синтеза наук. Известная философская формулировка К. Марксом о последующем синтезе наук и природе и наук о человеке в конце XIX века была дополнена научным предвидением В. В. Докучаева о возникновении нового направления в естествознании, целью которого и является формирование единой науки, включающей науки о биосфере и науки о человечестве. Учение В. И. Вернадского о ноосфере является закономерным шагом этого процесса формирования единой науки.

Исторически естествознание прошло ряд качественных ступеней своего становления, определяемых совокупностью ряда факторов. Открытие атома вывело человечество на освоение атомной энергетики. Открытие клетки постепенно подвело человечество к осознанию фундаментальной важности процессов организованности природного мира. Открытие геологической роли

человечества и его разума ведет к формированию ответственного и сознательно-разумного поведения человечества.

Важнейшей особенностью постнеклассической науки является формирование этики ответственности научного сообщества за использование и применение научных достижений. Наука ищет не только истину, но и определяет условия ее применения. Если классическая и неклассическая науки ставили своей целью только поиск истины, а проблемы использования и применения научных открытий возлагали на общество, то постнеклассическая наука, включающая в свой предмет исследования и антропогенную деятельность, не может оставаться в стороне от решения этических проблем.

Вопросы для самопроверки

1. Какие существуют точки зрения на проблему «начала» науки?
2. В чем заключалась специфика античной науки?
3. Когда произошло становление современной науки? Какие основные стадии она прошла в своем развитии?

Глава 4. Структура научного знания

Науку как специфический тип знания исследует логика и методология науки. Несмотря на проведенную значительную работу (этим, в частности, занимались логический позитивизм и аналитическая философия), решение проблемы специфики научного знания не является завершенным, однозначным.

Критерии научного знания и многоуровневый характер его строения

Как правило, выделяют следующие признаки научного знания¹.

- Предметность;
- Определенность;
- Точность;
- Системность;
- Логическая доказательность;
- Теоретическая и/или эмпирическая обоснованность;
- Практическая применимость (инструментальная полезность).

В реальной практике научного познания дело обстоит значительно сложнее. Действительная наука в своем функционировании в полной мере не подчиняется единым логико-методологическим стандартам. Идеал логической доказательности в его строгом понимании не реализуем даже в самых простейших логических и математических теориях. Об этом убедительно свидетельствуют исследования А. Черча по отношению доказуемости исчисления предикатов второго порядка, теоремы К. Геделя о недоказуемости формальной (синтаксической) непротиворечивости арифметики натуральных чисел.

Аналогично обстоит дело и по отношению к другим критериям. Требования определенности и точности, как показала практика развития

квантовой механики, имеют свои пределы. Были введены дополнительные логико-методологические принципы, в частности, принцип неопределенности, которые внесли уточнения в исходные критерии научности.

Однако отсюда не следует вывод о том, что критерии научности потеряли свое значение и от них следует отказаться. Отмеченные критерии, как логико-методологические характеристики специфики научного знания, не потеряли свое значение. Они и до сих пор выступают в качестве определенного рода идеалов и норм научного исследования. Но меняется их понимание: они не выступают в своей «жесткой» форме, в своей абсолютности. Кроме того, они по мере развития самой науки уточняются и дополняются рядом других логико-методологических требований.

Наука представляет собой сложное многоуровневое строение. С точки зрения решаемых ею задач, принято выделять фундаментальную и прикладную науку. Фундаментальная наука занята изучением законов, а прикладная наука решает вопросы частного характера, связанные с применением научного знания в сфере производства. С точки зрения методологии исследования, наука делится на теоретическую и эмпирическую.

Главным для науки является знания. Принято различать научные факты, эмпирические обобщения, гипотезы и теории как формы научного знания. По мнению В.И.Вернадского, базисным для структур знания является научный аппарат, состоящий из научных фактов и эмпирических обобщений. Эмпирические обобщения, основанные на научных фактах, выражают исследуемое явление в его целостности и выступают незыблемой основой науки. Все остальное, включая гипотетические и теоретические построения, можно рассматривать в качестве «строительных лесов», обслуживающих научный аппарат.

К основным чертам строения науки Вернадский относил математику, логику и научный аппарат. Раньше всего выделились математические науки, обеспечившие непреложность и общеобязательность своих истин. Позже были развиты логические идеи, а со второй половины XIX столетия стали создаваться новые направления логической мысли (математическая логика, булева алгебра и т.д.). Гораздо позже, как отмечал Вернадский, «создалась третья основа науки – *научный аппарат фактов* – система и классификация научных фактов, точность которых достигает предела, когда научные факты могут быть выражены в элементах пространства-времени – количественно и морфологически»².

Научный аппарат стал создаваться с XVII века, хотя отдельные попытки его создания уходят в глубь веков. Одной из таких попыток была деятельность Аристотеля по созданию Ликейя как центра научной и философской работы. Были сведены в определенную систему знания того времени. Была организована коллективная работа энциклопедическая по своим масштабам и единая по своей методике по истории всех наук эллинского центра цивилизации. Однако, как отмечал Вернадский, это явление первостепенной важности не оказала своего должного влияния. Рукописи и библиотека Аристотеля были доступны лишь немногим. Не было условий для

непрерывного процесса роста научного аппарата. Конфликты и войны, отсутствие книгопечатания вели к утере ранее накопленного научного материала.

Научный аппарат, благодаря открытию книгопечатания в конце XV в. получил возможность сохраняться для будущего, чего раньше не было. В XVI и XVII вв. мощно выросла западноевропейская наука. В это время особенно был развит и углублен научный аппарат в области филолого-исторических и физико-химических наук. Особенно интенсивно развивался научный аппарат физико-химических наук, когда были созданы научные теории и получили применение математические методы обработки опытных данных.

В рамках описательного естествознания основы научного аппарата были положены в середине XVII в., но окончательный сдвиг в сторону своего развития получил после систематики К.Линнея. Первое исчисление Линнея животных и растений включало лишь несколько тысяч видов, но главное состояло в том, что было положено начало дальнейшему процессу точному и систематическому определению видов животных и растений.

XIX в. явился основным в создании научного аппарата. Наука стала наднациональным явлением. Национальные и международные научные организации вели работу по собиранию, классификации и систематизации научных фактов. Институты, лаборатории, обсерватории, научные экспедиции и т.д. – все они стали звеньями одной системы роста научного аппарата.

В росте и развитии научного аппарата, охватывающем в определенное единство всю систему научных фактов, прослеживается явление мощное, связанное, по мнению Вернадского, с переходом биосферы в ноосферу. Мысль определяется в своих основах с их «бесспорно точными логическими выводами и с относительными утверждениями, колеблющимися в известных пределах, в которых они логически равноценны логически бесспорным выводам разума»³.

Структура эмпирического знания

В структуре научной деятельности эмпирический метод занимает значительное место. Чтобы состояться, науке необходимо было накопить определенный эмпирический материал, на основе которого затем выстраивать гипотетические и теоретические построения. В этом смысле наука имеет свою эмпирическую основу. Но когда наука становится способной теоретически мыслить, значимость эмпирического уровня еще в большей степени усиливается. Он определяет дальнейшую судьбу гипотез и теорий.

Обратим внимание на основные особенности эмпирического уровня научного исследования. Во-первых, эмпирическое исследование предполагает непосредственное взаимодействие субъекта с объектом, осуществляемое с применением ряда эмпирических методов исследования: наблюдение, эксперимент, измерение. Во-вторых, эмпирическое описание исследуемого объекта предполагает использование определенного «языка», на основе которого выражается знание о нем в следующих формах: научный факт, эмпирические обобщения. В-третьих, задачей эмпирического уровня

исследования является познание явления, что имеет огромное значение для понимания его сущности.

Целью эмпирического познания является получение научных фактов. В понимании природы научных фактов в современной методологии науки можно выделить две тенденции: фактуализм и теоретизм⁴. Сторонники фактуализма исходят из того, что научные факты являются независимыми от теории. Если понимать независимость в смысле того, что факты выражают реальные события, то в этом случае заявления о независимости фактов имеют определенные основания. Но факт – это, прежде всего, знание о реальных событиях.

Сторонники теоретизма обращают на взаимосвязь между теорией и фактами. Однако эту зависимость нельзя доводить до крайних форм выражения, считая, что факты создаются теорией. Факты как выражение объективности и реальности явления, события остаются независимо от того, с каких теоретических позиций они объясняются. Следует учитывать диалектическую зависимость фактов и теорий. Для того чтобы факты могли влиять на создание и последующее развитие теорий, они должны быть в определенной степени независимы от теорий. Но, с другой стороны, факты получают свое объяснение в теоретических построениях, и поэтому имеется определенная их зависимость от теорий.

Следует уточнить внутреннюю структуру эмпирического знания. Во-первых, в нее входят эмпирические данные об исследуемых явлениях и процессах, полученные на основе наблюдений и экспериментов. Во-вторых, в структуру эмпирического знания включены научные факты и эмпирические обобщения, полученные на основе логико-математической обработки опытных данных. На первом уровне эмпирического знания мы имеем дело с «сырым» материалом, подлежащем дальнейшей обработке. В нем возможны ошибки, связанные с погрешностями процессов наблюдений и экспериментальных исследований. Они зачастую отягощены и субъективными наслоениями. Поэтому и необходим переход от данных наблюдений и экспериментов к научным фактам и эмпирическим обобщениям.

Для получения научного факта, во-первых, необходимо сравнить между собой множество данных и выявить инвариантные соотношения. Во-вторых, необходимо дать интерпретацию полученным инвариантным соотношениям. В последнем случае возможны две ситуации: а) полученные факты объясняются существующими теоретическими построениями; б) полученные факты не объясняются существующими теоретическими построениями. Последнее свидетельствует о том, что необходимо введение новых гипотез и построение нового теоретического знания.

Структура теоретического знания

Теоретический уровень научного исследования существенно отличен от эмпирического уровня научного исследования. Их отличия обусловлены тем, что на теоретическом уровне рассматривается не сам чувственно воспринимаемый объект, а его идеализированный объект. К примеру, Г.

Галилей к проблеме движения подошел не эмпирически, а теоретически, вводя идеализированное представление о прямолинейном и равномерном движении тела. Эмпирически оно не дано, а теоретически необходимо, чтобы понять природу движения.

Ученый на теоретическом уровне всегда работает с идеализациями, теоретическими моделями, по отношению к которым и формулирует законы. И законы могут быть применены для описания реальных ситуаций опыта, если теоретическая модель выражает существенные связи действительности.

На теоретическом уровне используется множество методов: идеализация, математические методы, формализация, математическое моделирование, системный метод и т. п. Их использование зависит от целей и задач теоретического исследования. Однако общими моментами теоретического исследования являются: идеализация, позволяющая ввести идеализированный объект; методы математики, позволяющие дать описание закономерностей идеализированного объекта.

Цель теоретического исследования – получить сущностное знание об исследуемом явлении, что возможно лишь на уровне теории. Ступенями на этом пути являются научная проблема и гипотеза.

Научная проблема, иногда понимаемая как знание о незнании, является выражением столкновения противоположных подходов, имеющих определенные эмпирические основания⁵. К примеру, столкновение противоположных позиций о природе света: одни утверждали идею волновой природы света, другие же – корпускулярную природу света. Выдвижение научных проблем свидетельствует о том, что возникла необходимость выяснения сущности исследуемого явления. Эмпирически научная проблема остается неразрешимой, ибо имеются эмпирические основания для противоположных оценок. Она может быть разрешима лишь на теоретическом уровне.

Шагом к ее разрешению является гипотеза, представляющая собой обоснованное предположение о сущности явления и отвечающая ряду требований: непротиворечивости, проверяемости, эвристичности и предсказательности. На основе процесса ее обоснования и проверки гипотеза может превратиться в теорию.

В научном познании получил свое распространение гипотетико-дедуктивный метод, основанный на выведении заключений из гипотез, истинное значение которых неизвестно. Этот метод получил широкое распространение в XV–XVII вв., когда были достигнуты значительные успехи в области изучения механического движения земных и небесных тел. Теория механики Ньютона, изложенная в «Математических началах натуральной философии», представляет собой гипотетико-дедуктивную систему, посылками которой служат основные законы механики. Успехи этого метода в области механики обусловили широкое его распространение в области точного естествознания.

Разновидностью гипотетико-дедуктивного метода является метод математической гипотезы, который используется в естествознании как

важнейшее эвристическое средство. Обычно в качестве гипотез выступают некоторые уравнения, представляющие модификацию ранее известных и проверенных соотношений. Изменяя эти соотношения, составляют новое уравнение, выражающее гипотезу, которая применяется к неисследованным явлениям. К примеру, М. Борн и В. Гейзенберг приняли за основу канонические уравнения классической механики, однако вместо чисел ввели в них матрицы, построив таким способом матричный вариант квантовой механики.

Развитой формой теоретического знания выступают теории. В современной методологии научного познания принято выделять следующие компоненты теории⁶: исходные основания, представленные фундаментальными понятиями, принципами, законами, математическими уравнениями; идеализированный объект теории в виде абстрактной модели существенных свойств и связей исследуемого явления, предмета; логику теории в качестве множества допустимых правил вывода и способов доказательства; совокупность законов и утверждений, логически выведенных из основоположений теории.

К основным функциям теории относят описание, объяснение и предсказание. Теория описывает определенную область явлений, выступающих в качестве предметной области научного исследования. Теория должна объяснять известные науке факты, указывая на существенные связи и отношения, лежащие в их основе. Теория должна также предсказывать новые, еще не известные науке факты. Последующее их обнаружение служит подтверждением ее эвристичности и истинности.

Интуитивное и рациональное в структуре научного познания

Научное познание было бы неправильно понимать в качестве только рационального познания. В нем велика роль интуитивного познания. Интуиция – это способность к непосредственному усмотрению истины, постижению ее без рассуждения и логического доказательства. Для нее типичным является неожиданность в виде «озарения», прямое и непосредственное понимание сути.

По вопросу о природе интуиции ведутся дискуссии. Из многообразных трактовок интуиции можно выделить наиболее характерные: по Платону, интуиция есть созерцание идей как высшей реальности; по мнению Декарта, интеллектуальная интуиция есть характеристика ясного и внимательного ума; по Кузанскому и Спинозе, интуиция является высшей способностью разума; по мнению Фрейда, интуиция является скрытым и бессознательным первоисточником творчества; по мнению Полани, интуиция является спонтанным процессом интеграции, непосредственным внезапным усмотрением целостности и взаимосвязи в ранее разрозненном множестве объектов.

Интересные соображения о природе и роли интуиции высказал академик РАЕН А. Н. Тюрюканов в статье «О Пушкине (об интуитивном методе познания)»⁷. По мнению автора статьи, логичность не может быть единственной формой мышления. С точки зрения научных приоритетов на первое место выходит интуиция, как высшая форма доказательства бытия или

явления, ведущая, как правило, к научным открытиям, а логика лишь закрепляет эти открытия. Поэтому логика и интуиция комплементарны друг другу.

Интуитивный тип мышления, как считал Тюрюканов, возникает от таких удивительных явлений как любовь, мечта и других алогичных проявлений человеческого генотипа. Интуиция – это, как правило, одиночное проникновение и оценка того или иного события, тогда как логика возникает при значительном тиражировании событий, вещей, деталей. Как производные от логики возникают стандартизация и нормативы во всех их аспектах, тогда как интуиция – явление глубоко индивидуальное и свойственна неповторимым талантливым людям. Логика опирается на фенетическую память существующего поколения, интуиция – на генетическую память. Интуиция, как замечал Тюрюканов, тем отличается от логики, что она включает в себя времена нескольких поколений людей, многие из которых ушли из жизни и поэтому не подлежат логическому видению. Генетическая память гораздо сильнее и долгоживучее, чем память фенетическая, так как впитывает в себя фенетическую память нескольких и даже многих поколений.

Отмеченные соображения о роли интуиции в научном поиске выводят на проблему о соотношении научного и художественно интуитивного мировидения. Замечено, что художественно интуитивное видение предшествует научному видению с его рациональностью и доказательностью. Великие творцы науки, как правило, являлись творчески одаренными личностями. Известное замечание А. Эйнштейна о том, что чтение произведений Достоевского для него более плодотворно, чем чтение математических работ Гаусса, выражает истину научного познания, ставящего на первое место интуицию, а лишь затем логику, математику и опытные доказательства. Интуиция архетипна, она выводит индивида на высшие формы проявления человеческого духа, перед взором которого открываются образы целостности мироздания, его жизни, трудно переводимые в сеть рациональных построений. Если интуиция – вдохновение, приобщение к изначальному, исходному, то рациональное – калькуляция, расчет, обоснование.

Блез Паскаль проводил различие между «духом геометрии» и «духом пронизательности». Первый выражает силу и прямо ума, проявляющиеся в железной логике рассуждений, второй – широту ума, способность видеть глубже и прозревать истину как бы в озарении. По мнению Паскаля, «дух пронизательности» независим от «духа геометрии» и стоит неизмеримо выше его.

В реальном процессе научного познания интуитивное и рациональное дополняют друг друга, но если интуитивное выражает стратегию научного поиска, то рациональное обеспечивает его тактические успехи.

Основания науки и их структура

Под основаниями науки будем понимать те фундаментальные положения и принципы, которые определяют ее содержание, цели и задачи, а также включают ее в систему культуры.

Можно выделить следующие компоненты оснований науки: социокультурные, философские основания, научные картины мира, идеалы и нормы научной деятельности.

Вопрос о том, как культура в целом служит основанием науки, лишь на первый взгляд кажется простым и однозначным. Наука всегда развивается в системе культуры и ее детерминирована. Однако история учит тому, что не всякая система культуры способствует возникновению и развитию науки.

Вопрос о влиянии культуры на возникновение и развитие науки имеет два аспекта: цивилизационный и культурологический. С точки зрения цивилизационного подхода можно констатировать, что наука получает мощный импульс для своего развития в условиях техногенной цивилизации. В традиционном обществе, характеризуемом замедленными темпами изменений, инновационная деятельность, основанием которой служат научные знания, не воспринимается как высшая ценность. Поэтому в этих условиях наука не востребована. Она востребована в техногенной цивилизации, где высокий темп социальных изменений и инновационная деятельность рассматриваются в качестве высшей ценности. Поэтому важнейшей основой жизнедеятельности техногенной цивилизации является рост научного знания и его технологическое применение.

К вопросу о социокультурных основаниях науки можно подойти с точки зрения различия трех типов культуры: идеациональной, идеалистической и чувственной. Эту идею о трех основных типах культуры развивал П. Сорокин (1889-1968), выясняя при этом их роль для развития науки⁸.

Унифицированную систему культуры, основанную на принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога, П. Сорокин называет идеациональной. Для этой системы культуры характерно отрицательное или безразличное отношение к чувственному миру. Научное знание о нем не воспринимается как ценность. В этих условиях научные знания, как правило, носят прикладной и рецептурный характер и не рассматриваются в качестве определенного типа мировоззрения. Мировоззрение идеациональной системы культуры является теологическим, а все сферы культурной жизни контролируются религией. Поэтому образ мышления человека в этом обществе, его нравы и обычаи имеют только религиозное основание.

Систему культуры, основанную на посылке о том, что объективная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна, П. Сорокин называет идеалистической. Она в определенной степени стимулирует развитие науки, но только в той степени, чтобы научные идеи соответствовали созерцательно-разумному отношению к миру. Такой, как известно, была античная культура, культивировавшая созерцательно-разумное отношение к миру и способствовавшая развитию философии и научных изысканий. Но наука в этих условиях еще не обретает свою самостоятельность, так как не имеет опытно-экспериментальной основы своего развития.

Третья система культуры, получившая название чувственной, в гораздо большей степени, чем культура идеалистическая, стимулирует развитие науки. Более того, эта система культуры не мыслима без интенсивного развития науки

и расширения сферы технологического применения ее открытий. Ибо она обращена к чувственному миру и хотела бы им овладеть.

Соответственно трем системам культуры различаются три системы истины. Идеациональная истина – это истина, открываемая и обнаруживаемая сверхчувственным способом посредством мистического опыта, прямого откровения, божественной интуиции и вдохновения. Такую истину П. Сорокин предлагает называть истиной веры. Она считается непогрешимой и в этих условиях не стоит вопрос о необходимости получения дополнительной научной истины. Для идеалистической истины, которая в определенной степени сверхчувственна и чувственна, поиск истины средствами самого разума представляет интерес. Особенно в той сфере умопостигаемого, в которой можно развивать философские идеи и логические доказательства. Иные основания у чувственной истины, обращенной к опыту, к экспериментам.

Наука, получившее свое начало в идеалистической системе культуры, но приобретая свои основания для самостоятельного поиска в условиях чувственной системы культуры, не является еще в полной мере завершенной. Ей еще предстоит приобрести свою завершенность, но для этого, как считают некоторые ученые, ей предстоит вернуться к древневосточным воззрениям, раскрывающим космические основания человеческого бытия⁹. Завершенность в смысле осознания необходимости включения науки в систему Единого Знания, осознания реальности иных, а не только физической, сфер организованности мироздания. Но завершенности достигаемой как собственными усилиями, так и постигаемой на основе диалога с другими мировоззренческими формами. Искусственное и догматическое стимулирование вхождения в стадию зрелости претит требующему основательных доказательств научному духу.

С самого своего рождения наука в лице философии видела своего верного союзника. Философские основания служили основанием и для самой науки. Философская и научная деятельность были взаимно связанными и, как правило, составляли одно целое. Философ мог развивать научные идеи и, наоборот, ученый мог развивать философию. Это было время единого мировоззрения, не разделенного на философию и науку.

С эпохи Нового времени встал вопрос о философских основаниях науки, так как философия и наука разделились и имели несколько разные задачи. Философия продолжала свое бытие в сфере умопостигаемого, а наука обратила свой взор на чувственно-воспринимаемый мир, на возможности опытно-экспериментального исследования.

В качестве философских оснований науки можно вычленить следующие составляющие: онтологические, гносеологические, методологические и аксиологические. На том или ином этапе развития науки на нее оказывали влияние не весь спектр этих оснований, а лишь определенная часть. К примеру, для науки Нового времени большое значение имело обсуждение методологических проблем научного познания. Работы Ф. Бэкона, Р. Декарта, Б. Спинозы, Г. Лейбница стимулировали рождение методологических оснований науки, формирование методологической рефлексии в рамках самой науки. Для неклассической науки XX в. существенное значение имели, прежде

всего, гносеологические проблемы, раскрывающие специфику субъектно-объектных отношений, возникающих при исследовании явлений микромира. Для современной науки огромный интерес представляют аксиологические философские утверждения, связанные с проблемами соотношения ценностей и знания, ответственности ученого за применение научных открытий.

Таким образом, философские основания науки не следует отождествлять в целом с философией. Из обширного массива философской проблематики, возникающей в культуре каждой исторической эпохи, наука использует в качестве обосновывающих положений лишь некоторые идеи и принципы¹⁰. Философия по отношению к науке сверхизбыточна, так как она обсуждает не только проблемы науки, ибо в поле ее мировоззренческих интересов проблемы культуры в целом.

Но, с другой стороны, было бы неправильно считать, что наука не влияет на развитие философии, не вносит своего вклада в формирование философских оснований. Следует учитывать и то, что в определенные периоды, когда наука выходит на исследование принципиально новых проблем, философия, аккумулировавшая прежний массив научных знаний, может даже негативно влиять на развитие новых научных направлений. В этих ситуациях, как считал В. И. Вернадский, следует временно абстрагироваться от господствующих философских представлений, проявить по отношению к ним методологический скептицизм. Это необходимо для того, чтобы наука ввела новые научные представления, которые еще не получили своего философского обоснования. Данная ситуация поучительна и для самой философии. Она должна учесть то новое, что вносит наука и если возникает необходимость, то пересмотреть свои прежние представления.

Следует обратить внимание и на тот момент, что формирование и трансформация философских оснований науки требует не только философской, но и специальной научной эрудиции исследователя: понимания им особенностей предмета соответствующей науки, ее идеалов и норм исследования. Поэтому процесс формирования философских оснований осуществляется путем адаптации идей, вырабатываемых философией, к потребностям определенной области научного познания. И на стыке между философией и наукой возникает особый слой исследовательской деятельности, получившей свое определение как философия и методология науки¹¹.

В качестве оснований науки служат научные картины мира, выражающие определенную модель мироздания. Цель научной картины мира – дать обобщенное представление о мироздании. Имеет смысл различать специальные научные картины мира (физическая, биологическая, химическая и т.д.), формируемые определенными специальными науками, и общую картину мира, выстраиваемую лидером естествознания.

Формирование научной картины мира осуществляется не только как процесс внутринаучного характера, но и как взаимодействие науки с другими формами мировоззрения. Наука не может оставаться только в своих собственных пределах, философские размышления и религиозно-мистические

откровения, а также художественные интуиции оказывают благотворное влияние на формирование научных картин мира.

В своем развитии наука меняет сформированные ее прежние научные картины мира. Исходной научной картиной мира явилась механическая научная картина мира, которая была определена классической наукой. В период своего зарождения наука не имела своей собственной картины мира, она развивалась в рамках натурфилософских представлений.

В XIX веке на смену механистическим представлениям приходят электродинамические, что позволяет некоторым методологом говорить о рождении электродинамической научной картины мира. В начале XX века под влиянием теории относительности и квантовых представлений формируется квантово-релятивистская научная картина мира. В последнее время много говорят о формировании синергетической научной картины мира. Вполне возможно, учитывая значимость ноосферного учения, разработанного В. И. Вернадским, П. Тейяр де Шарденом, Э. Леруа, говорить о ноосферной картине мира. Активно разрабатываются и ноокосмологические представления, что свидетельствует о необходимости формирования ноокосмологической картины мира.

Научная картина мира имеет сложное строение. В ней принято различать фундаментальные объекты исследования и их типологию; законы взаимодействия фундаментальных объектов; пространственно-временные структуры исследуемой реальности¹². В науке прослеживается тенденция перехода от атомарных объектов исследования к системным объектам. Соответственно принцип редукции, сводивший сложное к простому, целое к части, все больше сменяется принципом целостности.

Современная наука, прежде всего, исследует целостные, системные объекты. Такими объектами научного исследования являются: атом, клетка, организм, виды, почва, биосфера, Земля, солнечная система, галактика, Метагалактика. Отмеченные системные объекты образуют определенную иерархию системности и организованности мироздания. И современная наука в своей научной картине мира пытается интегрировать свои знания, организованные по принципу предметности (физической, химической, биологической и т.д.), в системную целостность. Для современного научного миропонимания большое значение имеет изучение законов самоорганизации сложных систем, что и ведет к возрастанию значимости в современной научной картине мира синергетических представлений.

Особенностью современной научной картины мира является то, что в нее на основе антропного принципа включен человек. Классическая наука исключала человека из своей научной картины мира. Неклассическая наука ввела человека в качестве наблюдателя (теория относительности). Современная наука исходит из того, что структура Вселенной и значение ее фундаментальных величин обусловлена присутствием человека. Вселенная такова, потому что в ней находится человек, а эволюционный процесс имеет антропологический вектор.

Фундаментальная значимость научных картин мира в том, что посредством них наука выражает свое мировидение, заявляет по отношению к другим формам мировоззрения свое миропонимание. Научные картины мира ориентируют научное сообщество на ключевые проблемы, определяют стратегию научного поиска. Смена научных картин мира свидетельствует о качественном росте науки, о переходе к новому миропониманию. Если на начальных этапах наука довольствовалась пониманием мира как механизма, то сейчас она воспринимает мир как сложную иерархическую организованность, рассматривая разум в качестве одного из ведущих ее факторов (ноосферное учение, ноокосмология).

Идеалы и нормы научного исследования являются общими регулятивными принципами, выражающими методологические установки науки. В структуре идеалов и норм исследования принято различать следующие составляющие¹³:

- идеалы и нормы доказательности и обоснования знания. На их основе наука заявляет о своем отличии от донаучных и вненаучных форм мышления. При этом доказательность и обоснованность в разные периоды науки принимали различные формы своего выражения. В античной культуре доказательность и обоснованность вытекали из господствовавших в то время натурфилософских представлений, а также из логического критерия непротиворечивости, который был отнесен Аристотелем к высшим началам познания. Эпоха Нового времени скорректировала эти представления, введя в качестве обоснования знания критерий опытно-экспериментальной проверки;

- идеалы и нормы объяснения и описания научных фактов. Они позволили науке определить условия описания и введения в систему научного знания фактов. Вполне понятно, что эти условия менялись по мере развития самой науки. Если, к примеру, классическая наука в качестве ведущего условия вводила требование объективности описания, исключения всех влияний, привносимых субъектов, то в неклассической науке стали учитываться как экспериментальные условия получения опытных данных, так и логические условия их интерпретации: принцип неопределенности, принцип дополнительности и т.п. Учитывалось то обстоятельство, что при анализе квантовых эффектов не возможно провести резкую границу между поведением атомных объектов самих по себе и их взаимодействием с измерительными приборами;

- идеалы и нормы построения и организации научных знаний. Научное знание имеет системный характер, определяемый способами его построения. Если первоначально в античный период ведущее значение имел аксиоматический метод построения знания, то наука в период своей зрелости отдавала предпочтение гипотетико-дедуктивному методу. Данный метод позволял ей смелее вводить гипотетические допущения, а затем из них выводить такие следствия, которые можно было бы на основе экспериментов проверить. Полет теоретической мысли на основе этого метода сопрягался с опытно-экспериментальной работой. Все это стимулировало развитие науки, к

расширению своей предметной области исследования, к переходу к новым проблемам.

В целом систему идеалов и норм исследования можно рассматривать как своеобразную методологическую «сеть», которую научное сообщество набрасывает на явления и процессы мира с целью получения нового знания. Идеалы и нормы регулируют условия получения нового знания, способы его описания и включения в систему знания науки. С появлением новых задач перед наукой претерпевают изменения и идеалы и нормы научного исследования.

Вопросы для самопроверки.

1. Каковы основные признаки научного знания?
2. Какое строение науки? Что следует понимать под «научным аппаратом»?
3. Какие особенности эмпирического знания? Что понимается под научным фактом?
4. Какие особенности структуры теоретического знания?
5. Какова структура научной теории?
6. Как взаимосвязаны интуитивное и рациональное в научном познании?
7. Какова структура оснований науки?
8. Что следует понимать под философскими основаниями науки?
9. Какова роль научной картины мира?
10. Какова структура идеалов и норм научного исследования?

Глава 5. Динамика науки как процесс порождения нового знания

Рассматривая структуру науки, следует отдавать отчет в том, что она находится в процессе развития. Круг вопросов, связанных с обсуждением проблем развития науки, имеет, несомненно, большое логико-методологическое значение. В самых общих чертах можно наметить следующие «линии» обсуждения этих проблем. Научное исследование имеет те или иные основания: либо собственные, либо заимствованные. Исходя из принятых оснований, происходит процесс получения опытных данных. Но на определенном этапе, когда процесс систематизации и классификации опытных данных достигает определенной завершенности, отношение к исходным основаниям становится критическим. И многое из того, что ранее принималось наукой в виде несомненных положений, подвергается радикальному пересмотру. Подход к научному исследованию как к исторически развивающемуся процессу означает, что сама структура научного знания и процедуры его формирования должны рассматриваться как исторически изменяющиеся. Основываясь на работах В.С. Степина, выделим следующие основные ситуации, характеризующие процесс развития научных знаний:

взаимодействие оснований науки и опытных фактов; формирование первичных теоретических схем и законов; становление развитой теории.

Взаимодействие оснований науки и опыта как начальный этап ее становления

Данную познавательную ситуацию можно рассмотреть, принимая во внимание всю систему оснований науки. В целях большей наглядности можно рассмотреть, как взаимодействуют между собой «картина мира» и эмпирические факты на этапе зарождения научной дисциплины. Здесь важно выявить влияние научной картины мира на процесс накопления эмпирического материала об исследуемых объектах. В связи с этим следует отметить, что речь идет об общей научной картине мира. Специальные картины мира как особая форма теоретических знаний являются продуктом длительного исторического развития науки. Они возникли в качестве относительно самостоятельных фрагментов общенаучной картины мира на этапе формирования дисциплинарно организованной науки (конец XVIII - первая половина XIX в.).

Первой из наук, которая сформировала целостную картину мира, опирающуюся на результаты экспериментальных исследований, была физика. В своих зародышевых формах возникающая физическая картина мира содержала множество натурфилософских и религиозных наслоений.

В качестве характерного примера взаимодействия оснований науки и опыта в эпоху становления естествознания В.С. Степин ссылается на эксперименты В.Гильберта, в которых исследовались особенности электричества и магнетизма¹. Он был одним из первых ученых, который противопоставил мировоззренческим установкам средневековой науки новый идеал - экспериментальное изучение природы. Однако основания науки включали ряд представлений, заимствованных из господствовавшей в средневековье аристотелевской натурфилософии. Хотя В. Гильберт и критиковал концепцию перипатетиков о четырех элементах (земли, воды, воздуха и огня) как основе всех других тел, он использовал представления о металлах как сгущениях земли и об электризуемых телах как о сгущениях воды. На основе этих представлений Гильберт выдвинул ряд гипотез относительно электрических и магнитных явлений. Эти гипотезы не выходили за рамки натурфилософских построений, но они послужили импульсом к постановке экспериментов, обнаруживших реальные факты. Например, представления об "электрических телах" как воплощении "стихии воды" породили гипотезу о том, что все электрические явления - результат истечения "флюидов" из наэлектризованных тел. Отсюда Гильберт предположил, что электрические истечения должны задерживаться преградами из бумаги и ткани и что огонь должен уничтожать электрические действия, поскольку он испаряет истечение.

Следует учитывать и обратное воздействие опытных данных на основания науки. Можно констатировать, что новые факты, полученные В. Гильбертом в процессе эмпирического исследования процессов электричества и магнетизма, генерировали ряд достаточно существенных изменений в

первоначально принятой В. Гильбертом картине мира. По аналогии с представлениями о земле как "большом магните", В. Гильберт включает в картину мира представления о планетах как о магнитных телах. Он высказывает смелую гипотезу о том, что планеты удерживают на их орбитах силы магнитного притяжения. Такая трактовка, навеянная экспериментами с магнитами, радикально меняла представление о природе сил. В это время силу рассматривали как результат соприкосновения тел (сила давления одного груза на другой, сила удара). Новая трактовка силы была преддверьем будущих представлений механической картины мира, в которой передача сил на расстоянии рассматривалась как источник изменений в состоянии движения тел.

В науке возможны ситуации, когда ученый, исходя из принятых им оснований, под влиянием полученных им фактов приходит к отрицанию этих мировоззренческих оснований. Как известно, не все ученые согласились с гелиоцентрическим учением Н. Коперника, а продолжали искать все новые данные для подтверждения идей геоцентризма. Но сама логика фактов привела к необходимости отрицания избранного ими основания.

Лишь пройдя длительный этап развития, картина мира очищается от натурфилософских наслоений и превращается в специальную картину мира, конструкты которой вводятся по признакам, имеющим опытное обоснование. В истории науки первой осуществила такую эволюцию физика. В конце XVI - первой половине XVII в. она перестроила натурфилософскую схему мира и создала научную картину физической реальности - механическую картину мира. В ее становлении решающую роль сыграли новые мировоззренческие идеи и новые идеалы познавательной деятельности, сложившиеся в культуре эпохи Возрождения и начала Нового времени. Осмысленные в философии, они предстали в форме принципов, которые обеспечили новое видение накопленных предшествующим познанием и практикой фактов об исследуемых в физике процессах и позволили создать новую систему представлений об этих процессах.

После возникновения механической картины мира процесс формирования специальных картин мира протекает уже в новых условиях. Специальные картины мира, возникавшие в других областях естествознания, испытывали воздействие физической картины мира как лидера естествознания и, в свою очередь, оказывали на физику активное обратное воздействие. В самой же физике построение каждой новой картины мира происходило не путем выдвижения натурфилософских схем с их последующей адаптацией к опыту, а путем преобразования уже сложившихся физических картин мира, конструкты которых активно использовались в последующем теоретическом синтезе.

Ситуация взаимодействия картины мира и эмпирического материала, характерная для ранних стадий формирования научной дисциплины, воспроизводится и на более поздних этапах научного познания. Даже тогда, когда наука сформировала слой конкретных теорий, эксперимент и наблюдение способны обнаружить объекты, не объясняемые в рамках существующих

теоретических представлений. Тогда новые объекты изучаются эмпирическими средствами, и картина мира начинает регулировать процесс такого исследования, испытывая обратное воздействие его результатов.

Отмеченные выше процессы взаимовлияния оснований науки (в виде не только научных картин мира) и опытных данных характерны не только для физических наук, но и для биосферных наук, которых в литературе по истории и философии науки уделяется мало внимания. Как известно, в описательном естествознании, представляющем натуралистическое направление, не сразу сложились собственные научные представления. Это относилось и к пониманию почвы. Она рассматривалась с разных сторон: механической, физической, химической. Понимание почвы как самобытного естественноисторического тела впервые дал В.В. Докучаев. В работах «Русский чернозем», «Наши степи прежде и теперь» почва стала рассматриваться как сложное самобытное естественноисторическое тело, образованное как результат взаимодействия множества факторов, среди которых большое значение отводилось деятельности живых организмов. Такое понимание определило новое научное направление – генетическое почвоведение, которое стало исходной теоретической основой роста биосферных представлений. Развивая идеи Докучаева, В.И. Вернадский создал общее учение о биосфере, а тем самым и биогеохимическую научную картину мира, качественно отличающуюся от физической научной картины мира. Биосфера стала пониматься как сложная система в ее биогеохимическом проявлении, как сопряженная во времени и пространстве взаимосвязь живого и косного вещества. А сама почва как «сгущение жизни», как биокосное тело понималась в более широкой системе биосферных процессов, имеющих не только земное, но и космическое значение.

На этом примере вырисовывается определенная закономерность: первоначально научные представления существуют в системе общих представлений, включая не только научного, но и философского, религиозного, художественного и этического характера. В этой системе и возникают «зародыши» будущих научных направлений. Они начинают интенсивно формироваться, когда приобретают собственные концептуальные основания, которые с течением времени развертываются в определенную научную картину мира. Генетическое почвоведение, созданное Докучаевым стало исходной основой развития биосферных представлений и формирования биогеохимической концепции²

Формирование первичных теоретических моделей и законов

Обратимся теперь к анализу второй ситуации развития теоретических знаний, которая связана с формированием частных теоретических схем и частных теоретических законов. На этом этапе объяснение и предсказание эмпирических фактов осуществляется уже не непосредственно на основе картины мира, а через применение создаваемых теоретических схем и связанных с ними выражений теоретических законов, которые служат опосредующим звеном между картиной мира и опытом.

В развитой науке теоретические схемы создаются вначале как гипотетические модели, а затем обосновываются опытом. Их построение осуществляется за счет использования абстрактных объектов, ранее сформированных в сфере теоретического знания и применяемых в качестве строительного материала при создании новой модели. Только на ранних стадиях научного исследования, когда осуществляется переход от преимущественно эмпирического изучения объектов к их теоретическому освоению, конструкты теоретических моделей создаются путем непосредственной схематизации опыта. Но затем они используются в функции средства для построения новых теоретических моделей, и этот способ начинает доминировать в науке. Прежний же метод сохраняется только в рудиментарной форме, а его сфера действия оказывается резко суженной. Он используется главным образом в тех ситуациях, когда наука сталкивается с объектами, для теоретического освоения которых еще не выработано достаточных средств. Тогда объекты начинают изучаться экспериментальным путем и на этой основе постепенно формируются необходимые идеализации как средства для построения первых теоретических моделей в новой области исследования. Примерами таких ситуаций могут служить ранние стадии становления теории электричества, когда физика формировала исходные понятия - "проводник", "изолятор", "электрический заряд" и т.д. и тем самым создавала условия для построения первых теоретических схем, объясняющих электрические явления.

Большинство теоретических схем науки конструируются не за счет схематизации опыта, а методом трансляции абстрактных объектов, которые заимствуются из ранее сложившихся областей знания и соединяются с новой "сеткой связей". Следы такого рода операций легко обнаружить, анализируя теоретические модели классической физики. Например, объекты фарадеевской модели электромагнитной индукции "силовые линии" и "проводящее вещество" были абстрагированы не прямо из опытов по обнаружению явления электромагнитной индукции, а заимствовались из области знаний магнитостатики ("силовая линия") и знаний о токе проводимости ("проводящее вещество"). Аналогичным образом при создании планетарной модели атома представления о центре потенциальных отталкивающих сил внутри атома (ядро) и электронах были почерпнуты из теоретических знаний механики и электродинамики.

В этой связи возникает вопрос об исходных предпосылках, которые ориентируют исследователя в выборе и синтезе основных компонентов создаваемой гипотезы. Хотя такой выбор и представляет собой творческий акт, он имеет определенные основания. Такие основания создает принятая исследователем картина мира. Вводимые в ней представления о структуре природных взаимодействий позволяют обнаружить общие черты у различных предметных областей, изучаемых наукой. Тем самым картина мира "подсказывает", откуда можно заимствовать абстрактные объекты и структуру, соединение которых приводит к построению гипотетической модели новой области взаимодействий.

Как это конкретно осуществлялось в физическом мировоззрении обстоятельно раскрыто В.С. Степиным на примере становления планетарной модели атома³. Эту модель обычно связывают с именем Резерфорда и часто излагают историю ее формирования таким образом, что она возникала как непосредственное обобщение опытов Резерфорда по рассеянию α -частиц на атомах. Однако в действительности это далеко не так. Резерфорд осуществил свои опыты в 1912 г., а планетарная модель атома впервые была выдвинута в качестве гипотезы физиком японского происхождения Нагаока значительно раньше, в 1904 г. Первым импульсом к ее построению послужили изменения в физической картине мира, которые произошли благодаря открытию электронов и разработке Лоренцом теории электронов. В электродинамическую картину мира был введен, наряду с эфиром и атомами вещества, новый элемент "атомы электричества". В свою очередь, это поставило вопрос об их соотношении с атомами вещества. Обсуждение этого вопроса привело к постановке проблемы: не входят ли электроны в состав атома. И конкретизация проблемы соотношения атомов и электронов была связана с выходом в сферу философского анализа, что всегда происходит при радикальных сдвигах в картине мира. Последующее развитие физики подкрепило эту идею новыми экспериментальными и теоретическими открытиями. После открытия радиоактивности и ее объяснения как процесса спонтанного распада атомов в картине мира утвердилось представление о сложном строении атома. Когда Нагаока предложил свою модель, то он исходил из того, что аналогом строения атома может служить вращение спутников и колец вокруг Сатурна: электроны должны вращаться вокруг положительно заряженного ядра, наподобие того как в небесной механике спутники вращаются вокруг центрального тела. Использование аналоговой модели было способом переноса из небесной механики структуры, которая была соединена с новыми элементами (зарядами). Подстановка зарядов на место тяготеющих масс в аналоговую модель привела к построению планетарной модели атома.

Можно проследить эти процессы формирования теоретического знания на биосферных примерах. Уже нами отмечалось, что исходной основой формирования теоретических представлений биосферной направленности стало генетическое почвоведение, определение почвы как самобытного естественноисторического тела. Однако сам процесс перехода от понятия почвы к понятию биосферы оказался далеко не простым. Да и само понятие биосферы, идущее от натурфилософских представлений Бюффона и геологического обобщения Зюса, требовало новой его разработки. Необходимо было осознать геологическую роль живых организмов, а не рассматривать, как это было принято многими натуралистами, живой организм в его противопоставлении природной среде. Бесспорно, в истории натуралистической мысли можно найти множество догадок о том, что живые организмы оказывают влияние на природную среду. Эти догадки и смелые для того времени идеи можно найти в работах Ламарка, Гумбольдта и многих других натуралистов 19 века. Однако в концептуальном плане они оставались не проработанными, образно говоря, воспринимались в виде некоторых

«сгущений» на ясном фоне натуралистического мировоззрения, утвердившем идеи основных царств природы и коренных различий живого и неживого. Вернадским был новатором, поставившем в 1916 году в качестве научной проблемы изучение влияний, оказываемых живыми организмами на окружающую их природную среду. Новаторство заключалось не только в постановке научной проблемы, но и в методах подхода к ее разрешению. В то время уже прозвучали в работах Э. Геккеля идеи экологического подхода к рассмотрению взаимодействий живых организмов с природной средой. Но нужен был синтез геологического, биологического и химического подходов. Это и определило необходимость разработки концептуальных оснований биогеохимии, которые были изложены Вернадским в его работе «Биосфера», а также в рукописи «Живое вещество», получившей свою известность лишь в 1978 году. В дальнейшем на этой концептуальной основе были разработаны ее специализированные учения, одним из которых явилась биогеоценология. По признанию создателя этой научной дисциплины В.Н. Сукачева, биогеоценология по своей сущности отвечает основным идеям генетического почвоведения Докучаева и биогеохимии Вернадского⁴. Она изучает основные закономерности биогеохимического круговорота вещества и энергии в биогеоценозах, которые представляют собой определенные участки земной поверхности, населенные определенными сообществами микроорганизмов, растений и животных, развивающихся и функционирующих в условиях однородной почвенной, микроклиматической, гидрологической и геохимической обстановки.

Как известно, физический класс наук большое внимание уделяет проблеме поиска элементарных единиц строения вещества. Она была уже поставлена в античной науке и философии, но до сих пор не решена. Биосферный класс наук эту проблему решил. Не только теоретические соображения, но и экспериментальные исследования, и проведенные математические моделирования процессов биогеоценозов обосновывают то положение, что биогеоценоз есть объективно существующая, логически объяснимая и далее неделимая комплексная, целостная элементарная структурная единица биосферы. В этом отношении биосферный класс наук представляет собой концептуальную целостность, диалектически взаимосвязанную систему единства общего, особенного и единичного. Общее – биогеохимическая концепция, общее учение о биосфере; особенное – биогеоценология, изучающая относительно самостоятельные структурные составляющие биосферного круговорота вещества и энергии; единичное – генетическое почвоведение, изучающая механизмы и закономерности почвообразовательного процесса. Такого рода логической и теоретической зрелости не достиг физический класс наук, что выражается в поиске объединяющих звеньев между дисциплинами, в так называемых «пограничных науках». С одной стороны, имеется признание качественной разнородности физических дисциплин и изучаемых ими явлений, а с другой – наличие общих свойств, что позволяет переносить методы одной дисциплины на изучение явлений, входящих в предметную область других дисциплин.

Можно сказать, если биосферный класс наук выражает идею конкретно-общего, то физический класс наук – абстрактно-общего. Весь этот комплекс проводимых научных исследований этого класса наук обеспечивает обоснование признаков абстрактных объектов. Эти операции В.С. Степин называет *конструктивным введением объектов в теорию*, а теоретическую схему, удовлетворяющую этим процедурам, называет *конструктивно обоснованной*.

Конструктивное обоснование обеспечивает привязку теоретических схем к опыту, а значит, и связь с опытом физических величин математического аппарата теории. Именно благодаря процедурам конструктивного обоснования в теории появляются правила соответствия. Известно, что после того, как Нагаока предложил гипотезу планетарного строения атома, в его модели были обнаружены противоречия. В. Вин в 1905 г. показал, что признак электрона "двигаться по орбите вокруг ядра" противоречит другому его фундаментальному признаку "излучать при ускоренном движении". Поскольку движение по замкнутой орбите является ускоренным, электрон должен излучать, терять свою энергию и падать на ядро. Следовательно, атом, если бы он был устроен так, как предполагает планетарная модель, не может быть стабильным. Этот парадокс являлся довольно типичной иллюстрацией обнаружения в гипотетической модели неконструктивного элемента (в данном случае это было представление об электронной орбите). Правда, вопрос о конструктивности представлений об атомном ядре оставался открытым. Однако модель Нагаока после критики со стороны Вина была забракована, и многие физики некоторое время даже не упоминали о ней при обсуждении проблемы строения атома. Свою вторую жизнь она обрела после того, как Резерфорд осуществил эксперименты с α -частицами, которые доказывали существование атомного ядра. Характерно, что Резерфорд еще в 1911 г. ссылаясь на идеи Нагаока и, судя по всему, он ставил свои опыты, рассчитывая проверить самые различные модели строения атома, в том числе и забракованную планетарную модель. Обнаружив в эксперименте именно этот тип рассеяния, Резерфорд истолковал его как свидетельство существования внутри атома положительно заряженного ядра. Стало возможным ввести конструктивно те признаки атомного ядра, которые были постулированы планетарной моделью. Ядро было определено как центр потенциальных отталкивающих сил, способный рассеивать тяжелые, положительно заряженные частицы на большие углы. Признаки конструкта "атомное ядро", введенные гипотетически, "сверху" по отношению к опыту, теперь были получены "снизу", как идеализация реальных экспериментов в атомной области. Тем самым гипотетический объект "атомное ядро" получил конструктивное обоснование, и ему можно было придать онтологический статус. Доказательство существования ядра привело к восстановлению в правах планетарной модели, хотя все парадоксы неустойчивого атома, обнаруженные Вином, еще не были разрешены. Но теперь проблема была конкретизирована. Было четко определено слабое звено модели - представление об электронной орбите. Этот абстрактный объект,

введенный на этапе формирования гипотезы, не имел коррелята ни в одном из экспериментов в атомной области.

В классической физике, как отмечает В.С. Степин, процедуры конструктивного обоснования осуществлялись интуитивно. Их не эксплицировали в качестве методологического требования. Лишь переход к современной физике сопровождался выявлением в рамках методологической рефлексии ряда их существенных аспектов. Последнее нашло свое выражение (хотя и не полностью адекватное) в рациональных моментах принципа наблюдаемости, который был важным методологическим регулятивом при построении теории относительности и квантовой механики. Эвристическое содержание данного принципа может быть интерпретировано как требование конструктивного введения абстрактных объектов в теоретические модели.

Конструктивное обоснование гипотезы приводит к постепенной перестройке первоначальных вариантов теоретической схемы до тех пор, пока она не будет адаптирована к соответствующему эмпирическому материалу. Перестроенная и обоснованная опытом теоретическая схема затем вновь сопоставляется с картиной мира, что приводит к уточнению и развитию последней.

Таким образом, имеются принципиальные различия в формировании теоретического знания физического и биосферного классов наук. Логика формирования теоретического знания биосферного класса наук – это логика эмпирических обобщений, реализующая принципы объективности, конкретности, целостности. Иные основания у физического класса наук. Здесь генерация нового теоретического знания осуществляется в результате познавательного цикла, который заключается в движении исследовательской мысли от оснований науки, и в первую очередь от обоснованных опытом представлений картины мира, к гипотетическим вариантам теоретических схем. Эти схемы затем адаптируются к тому эмпирическому материалу, на объяснение которого они претендуют. Теоретические схемы в процессе такой адаптации перестраиваются, насыщаются новым содержанием и затем вновь сопоставляются с картиной мира, оказывая на нее активное обратное воздействие. Развитие научных понятий и представлений осуществляется благодаря многократному повторению описанного цикла. В этом процессе происходит взаимодействие "логики открытия" и "логики оправдания гипотезы", которые выступают как взаимосвязанные аспекты развития теории.

Становление развитой научной теории

В науке классического периода развитые теории создавались путем последовательного обобщения и синтеза частных теоретических схем и законов. Так были построены фундаментальные теории классической физики - ньютоновская механика, термодинамика, электродинамика. Основные особенности этого процесса можно проследить на примере истории максвелловской электродинамики. Основываясь на философско-методологических разработках, осуществленных В.С. Степиным, отмеченный процесс можно в краткой форме изложить следующим образом. Создавая

теорию электромагнитного поля Максвелл опирался на предшествующие знания об электричестве и магнетизме, которые были представлены теоретическими моделями и законами, выражавшими существенные характеристики отдельных аспектов взаимодействий (теоретические модели и законы Кулона, Ампера, Фарадея, Био и Савара и т.д.) По отношению к основаниям будущей теории электромагнитного поля это были частные теоретические схемы и частные теоретические законы. Ставилась задача - объяснить все явления электричества и магнетизма как передачу электрических и магнитных сил от точки к точке в соответствии с принципом близкодействия. Очерчивался также круг теоретических средств, обеспечивающих решение задачи. Такими средствами послужили аналоговые модели и математические структуры механики сплошных сред. Применение аналогий является универсальной операцией построения новой теории, как при формировании частных теоретических схем, так и при их обобщении в развитую теорию. Научные теории не являются изолированными друг от друга, они развиваются как система, где одни теории поставляют для других строительный материал. Когда связанные с ними уравнения транслировались в электродинамику, механические величины замещались в уравнениях новыми величинами. Такое замещение было возможным благодаря подстановке в аналоговую модель вместо абстрактных объектов механики новых объектов - силовых линий, зарядов, дифференциально малых элементов тока и т.д. Эти объекты Максвелл заимствовал из теоретических схем Кулона, Фарадея, Ампера, схем, которые он обобщал в создаваемой им новой теории. Подстановка в аналоговую модель новых объектов не всегда осознается исследователем, но она осуществляется обязательно. Без этого уравнения не будут иметь нового физического смысла и их нельзя применять в новой области.

Иные особенности имеют процессы теоретических обобщений в биосферном классе наук. Нами уже отмечалось, что здесь движение теоретической мысли идет от одной конкретности, основанием которой являются эмпирические обобщения, к более развитой конкретности, включающей в себе новые эмпирические обобщения, а также развитие уже ранее введенных эмпирических обобщений. Генетическое почвоведение представляет собой исходную форму конкретности, имеющую большой эвристический потенциал для дальнейшего развития. Докучаев, подводя итоги развития естествознания в 19 веке, с точки зрения генетического почвоведения, концептуально выразившего предметную конкретность (почва как естественноисторическое тело), предвидел необходимость рождения нового научного направления, соединяющего науки природе и науки о человеке. «Изучались, - отмечал он, - главным образом *отдельные* тела – минералы, горные породы, растения и животные - и явления, *отдельные* стихии – *огонь* (вулканизм), *вода*, *земля*, *воздух*, в чем, повторяем, наука и достигла удивительных результатов, но не их *соотношения*, не та *генетическая*, *вековечная* и всегда *закономерная* связь, какая существует между *силами*, *телами* и *явлениями*, между *мертвой* и *живой* природой, с одной стороны, человеком, его бытом и даже духовным миром – с другой. А между тем именно

эти соотношения, эти закономерные *взаимодействия* и составляют *сущность познания естества*, ядро истинной натурфилософии – лучшую и высшую прелесть естествознания»⁵. Это предвидение было реализовано Вернадским вначале созданием общего учения о биосфере, а затем в 30-х годах разработкой учения о ноосфере, соединившего в целостность биосферу и человечество. Соответственно выдвигаются теоретически освоенные с учетом эмпирических обобщений новые конкретности: биосфера, а затем биосфера и человечество. Теоретическая мысль движется по мере осмысления эмпирических обобщений, целостного охвата реальностей, естественноисторических тел. Для генетического почвоведения – это почва, для общего учения о биосфере – это биосфера, для ноосферного учения – сопряженное единство биосферы и «культурного человечества». Отмеченные естественноисторические тела - это диалектическое восхождение от одной целостности к более высоким целостностям, включающим друг друга. Почва – это целостность, входящая в целостность биосферы, а ноосфера как становящаяся целостность должна включить в себе преобразованную биосферу.

Вернадский предпринимал шаги, направленные на создание логики естествознания, считая, что она еще в полной мере не осознано, хотя сама проблема такого рода логики была поставлена еще со времен Демокрита. Обычно считается, что имеется только логика Аристотеля, которая является основным вариантом логического учения. Это логическое учение затем либо критиковалось (к примеру, Ф. Бэконом), либо развивалось за счет появления новых вариантов логических учений (к примеру, математическая логика Лейбница).

Однако возможно подойти к этой проблеме с другой стороны, считая, что логическое учение Аристотеля является вариантом построения философской логики, где больше внимания обращается на проблемы понятий – слов. Но имеется, по мнению Вернадского, потребность в создании логики естествознания, где акцент смещен в сторону понятий – вещей. «*Сейчас логика*, - отмечал он, - есть часть философии. *Это логика понятий-слов*, тогда, как *логика естествознания есть логика понятий – вещей*, прежде всего природных тел и таких же явлений»⁶. И создание такого рода логики, по мнению мыслителя, является очередной задачей ближайшего будущего. В качестве оснований логики естествознания Вернадский считал аппарат научных эмпирических фактов и эмпирических обобщений, исходящих из понятий – вещей о естественных (планетных) телах и таких же явлений.

В основе всех тел и явлений нашей планеты, как отмечал Вернадский, лежат нам невидимые, познаваемые только по логическим последствиям для наших органов чувств, дисперсные энергетические и материальные частицы – атомы, фотоны, протоны, электроны и т.д., строящие научно изучаемую реальность – космос. Изучить эту реальность (в ее мега и микроскопическом проявлениях) является задачей физического класса наук. Особенности такого рода изучения обусловлены тем, что мы вынуждены осуществлять логический «штурм» этой реальность, выдвигая все новые и новые гипотетические построения. Эта реальность нам не дана в своей непосредственной данности, и

мы можем о ней только мыслить. Поэтому построение абстрактных объектов, выявление тех или иных аналогий, создание теоретических моделей и их определенная (насколько это возможно визуализация) являются теми «строительными лесами», которые приходится, как демонтировать, так и строить новые. Иные возможности изучения по отношению к биосферной и ноосферной реальности. Здесь натуралист «постоянно возвращается к изучению «вещей», лежащих в основе его понятий, и проверяет реальное их бытие в ходе времени опытом и наблюдением, следя за совершающимся изменением научным опытом, переделывая их вновь в новой методологической обстановке...»⁷. В основе этого изучения находятся эмпирические обобщения, понятия – вещи, которые раскрываются как проявления организованности Космоса, Земли и биосферы. При этом, как считал Вернадский, человек может мыслить без коренных поправок для естественных тел и явлений среды его обитания. Вносить те или иные поправки необходимо по отношению к другим реальностям.

Поэтому законы логики естествознания, делает вывод Вернадский, различны. Мы не в состоянии представить себе конкретно те явления, которые выходят за пределы биосферы. К такого рода явлениям мы можем подойти только логически и математически в виде создания абстрактных объектов.

Особенности построения развитых (математизированных) теорий в современной науке

С развитием науки, бесспорно, меняется стратегия научного поиска. К тем основным средствам исследования – наблюдению и эксперименту, в настоящее время активно добавляется моделирование, прежде всего – математическое моделирование. Оно находит самое широкое применение не только в физическом классе наук, но и в биосферном естествознании.

С точки зрения теоретического поиска следует обратить внимание на роль математической гипотезы. Это – одна из наиболее активных форм современного теоретического мышления. Построение современных физических теорий, как известно, осуществляется методом математической гипотезы. В отличие от классических образцов, в современной физике построение теории начинается с формирования ее математического аппарата, а адекватная теоретическая схема, обеспечивающая его интерпретацию, создается уже после построения этого аппарата.

Первый шаг связан с поиском исходных оснований для выдвижения гипотезы. В классической физике основную роль в процессе выдвижения гипотезы играла картина мира. По мере формирования развитых теорий она получала опытное обоснование не только через непосредственное взаимодействие с экспериментом, но и косвенно, через аккумуляцию экспериментальных фактов в теории. И когда физические картины мира представляли в форме развитых и обоснованных опытом построений, они задавали такое видение исследуемой реальности, которое вводилось коррелятивно к определенному типу экспериментально-измерительной деятельности. Эта деятельность всегда была основана на определенных

допущениях, в которых неявно выражались как особенности исследуемого объекта, так и предельно обобщенная схема деятельности, посредством которой осваивается объект. В классической науке, как отмечает В.С. Степин, во-первых, предполагалось, что в измерениях любой объект может быть выделен как тело, координаты и импульсы которого можно строго определить в любой заданный момент времени. Во-вторых, постулировалось, что пространство и время не зависят от состояния движения материальных тел. Такой подход основывался на идеализирующем допущении, что при измерениях, посредством которых выявляются пространственно-временные характеристики тел, свойства часов и линеек (жестких стержней) физической лаборатории не меняются от присутствия самих тел (масс) и не зависят от относительного движения лаборатории (системы отсчета). Только та «реальность», которая соответствовала этим допущениям, принималась за природу "саму по себе".

Современная физика дала образцы иного пути построения знаний. Она строит картину физической реальности, эксплицируя схему измерения, в рамках которой будут описываться новые объекты. Эта экспликация осуществляется в форме выдвижения принципов, фиксирующих особенности метода исследования объектов (принцип относительности, принцип дополнительности). Новая стратегия теоретического поиска сместила акценты и в философской регуляции процесса научного открытия. В отличие от классических ситуаций, где выдвижение физической картины мира было ориентировано онтологическими допущениями, в квантово-релятивистской физике центр тяжести был перенесен на гносеологическую проблематику. В ходе математической экстраполяции исследователь создает новый аппарат путем перестройки некоторых уже известных уравнений. Физические величины, входящие в такие уравнения, переносятся в новый аппарат, где получают новые связи, а значит, и новые определения. Соответственно этому заимствуются из уже сложившихся областей знания абстрактные объекты, признаки которых были представлены физическими величинами. Абстрактные объекты погружаются в новые отношения, благодаря чему наделяются новыми признаками. Из этих объектов создается гипотетическая модель, которая неявно вводится вместе с новым математическим аппаратом в качестве его интерпретации.

Специфика современных исследований состоит не в том, что математический аппарат сначала вводится без интерпретации, а заключается в том, что математическая гипотеза чаще всего неявно формирует неадекватную интерпретацию создаваемого аппарата, а это значительно усложняет процедуру эмпирической проверки выдвинутой гипотезы. Сопоставление следствий из уравнений с опытом всегда предполагает интерпретацию величин, которые фигурируют в уравнениях. Поэтому опытом проверяются не уравнения сами по себе, а система: уравнения плюс интерпретация. И если последняя неадекватна, то опыт может выбраковывать вместе с интерпретацией весьма продуктивные математические структуры, соответствующие особенностям исследуемых объектов. Чтобы обосновать математическую гипотезу опытом, недостаточно просто сравнивать следствия из уравнений с опытными данными. Необходимо

каждый раз эксплицировать гипотетические модели, которые были введены на стадии математической экстраполяции, отделяя их от уравнений, обосновывать эти модели конструктивно, вновь сверять с созданным математическим формализмом и только после этого проверять следствия из уравнений опытом. Возникает опасность накопления в теории неконструктивных элементов и утраты эмпирического смысла величин, фигурирующих в уравнениях. Поэтому в современной физике на определенном этапе развития теории становятся необходимыми промежуточные интерпретации, обеспечивающие контроль за создаваемой теоретической конструкцией.

Особенности формирования современной теории можно пояснить, обратившись к материалу истории квантовой физики. Ее история началась с построения формализма, позволяющего описать "микроструктуру" электромагнитных взаимодействий. Создание формализма теории квантовой физики, как считает В.С. Степин, расчленяется на четыре этапа⁸. Вначале был введен аппарат квантованного электромагнитного поля излучения (поле, не взаимодействующее с источником). Затем на втором этапе, была построена математическая теория квантованного электронно-позитронного поля (было осуществлено квантование источников поля). На третьем этапе было описано взаимодействие указанных полей в рамках теории возмущений в первом приближении. Наконец, на заключительном, четвертом этапе был создан аппарат, характеризующий взаимодействие квантованных электромагнитного и электронно-позитронного полей с учетом последующих приближений теории возмущений. Но в период, когда уже был пройден первый и второй этапы построения математического формализма теории и начал успешно создаваться аппарат, описывающий взаимодействие свободных квантованных полей методами теории возмущений, в самом фундаменте квантовой электродинамики были обнаружены парадоксы, которые поставили под сомнение ценность построенного математического аппарата. Это были так называемые парадоксы измеримости полей. В ряде исследований было показано, что основные величины, которые фигурировали в аппарате новой теории, в частности, компоненты электрической и магнитной напряженности в точке, не имеют физического смысла. Поля в точке перестают быть эмпирически оправданными объектами, как только исследователь начинает учитывать квантовые эффекты. Источником парадоксов измеримости была неадекватная интерпретация построенного формализма. Такая интерпретация была неявно введена в самом процессе построения аппарата методом математической гипотезы. Синтез квантово-механического формализма с уравнениями классической электродинамики сопровождался заимствованием абстрактных объектов из квантовой механики и электродинамики и их объединением в рамках новой гипотетической конструкции. В ней поле характеризовалось как система с переменным числом частиц (фотонов), возникающих с определенной вероятностью в каждом из возможных квантовых состояний. Среди набора классических наблюдаемых, которые необходимы были для описания поля как квантовой системы, важнейшее место занимали напряженности полей в точке. Они появились в теоретической модели

квантованного электромагнитного поля благодаря переносу абстрактных объектов из классической электродинамики. Такой перенос классических идеализаций (абстрактных объектов электродинамики Максвелла-Лоренца) в новую теоретическую модель как раз и породил решающие трудности при отображении ее на эмпирические ситуации по исследованию квантовых процессов в релятивистской области. Оказалось, что нельзя отыскать рецепты связи компонентов поля в точке с реальными особенностями экспериментов и измерений, в которых обнаруживаются квантово-релятивистские эффекты. Классические рецепты предполагали, например, что величина электрической напряженности в точке определяется через отдачу точечного пробного заряда (приобретенный им импульс служит мерой напряженности поля в данной точке). Но если речь идет о квантовых эффектах, то в силу соотношения неопределенностей локализация пробного заряда (точная координата) приводит к возрастающей неопределенности его импульса, а значит, к невозможности определить напряженность поля в точке.

Математические гипотезы, таким образом, весьма часто формируют вначале неадекватную интерпретацию математического аппарата. Они "тянут за собой" старые физические образы, которые "подкладываются" под новые уравнения, что может привести к рассогласованию теории с опытом. Поэтому уже на промежуточных этапах математического синтеза вводимые уравнения должны быть подкреплены анализом теоретических моделей и их конструктивным обоснованием. Выявление неконструктивных элементов в предварительной теоретической модели обнаруживает ее наиболее слабые звенья и создает необходимую базу для ее перестройки. Решающий шаг в построении адекватной интерпретации аппарата новой теории был сделан Бором. Он был связан с отказом от применения классических компонентов поля в точке в качестве наблюдаемых, характеризующих поле как квантовую систему, и заменой их новыми наблюдаемыми - компонентами поля, усредненными по конечным пространственно-временным областям. Эта идея возникла при активной роли философско-методологических размышлений Бора о принципиальной макроскопичности приборов, посредством которых наблюдатель как макроскопическое существо получает информацию о микрообъектах. Отсюда следовало, что в квантовой теории абстракция точечного пробного заряда должна быть заменена другой абстракцией - заряженного пробного тела, локализованного в конечной пространственно-временной области. В результате в квантовой электродинамике возникла новая теоретическая модель, которая призвана была обеспечить интерпретацию уже созданного математического аппарата.

Если в классической физике каждый шаг в развитии аппарата теории подкреплялся построением и конструктивным обоснованием адекватной ему теоретической модели, то в современной физике стратегия теоретического поиска изменилась. Здесь математический аппарат достаточно продолжительное время может строиться без эмпирической интерпретации. Но при осуществлении такой интерпретации исследование как бы заново в сжатом виде проходит все основные этапы становления аппарата теории. В процессе

построения квантовой электродинамики оно шаг за шагом перестраивало сложившиеся гипотетические модели и, осуществляя их конструктивное обоснование, вводило промежуточные интерпретации, соответствующие наиболее значительным вехам развития аппарата. Итогом этого пути было прояснение физического смысла обобщающей системы уравнений квантовой электродинамики. Поэтому метод математической гипотезы отнюдь не отменяет необходимости содержательно-физического анализа, соответствующего промежуточным этапам формирования математического аппарата теории.

Вопросы для самопроверки.

1. Как происходит взаимодействие оснований науки и опыта на начальном этапе ее становления?
2. Какова роль научной картины мира в этом взаимодействии?
3. Какие особенности этого взаимодействия присущи биосферному классу наук?
4. Как происходит формирование первичных теоретических моделей и законов?
5. Какие особенности формирования теоретических моделей присущи биосферному классу наук?
6. Что следует понимать под логикой естествознания?
7. Как происходит процесс формирования современных физических теорий?
8. Какова роль в этом формировании математической гипотезы?

Глава 6. Научные традиции и научные революции. Типы научной рациональности

Наука, как любое явление, имеет две основные формы своей эволюции – количественную и качественную, которые, как известно, диалектически взаимосвязаны друг с другом. Количественные изменения обеспечивают науке возможность экстенсивного ее роста, накопление научных данных, расширение сферы применения научных достижений. Качественные изменения, понимаемые как научные революции, ведут к изменению самой науки, ее оснований, идеалов и норм исследования, обуславливают необходимость формирования новой рациональности.

Классические и неклассические модели развития науки

Вопрос о том, как развивается наука, всегда интересовал ученых, историков и методологов науки, а также и философов. Вполне уместно различать классические и неклассические модели развития науки

К числу классических или традиционных моделей развития науки обычно относят схемы Галилея, Лапласа и Клейна¹.

Согласно Галилею, Вселенная может быть разделена на независимые друг от друга области. Возможно достижение абсолютно полного знания по отношению одной из этих областей, но это ничего не дает нам по отношению к другим областям Вселенной. Развитие науки состоит в дополнении знания по отношению к изученной области новыми знаниями, полученными по отношению к новой области Вселенной. Рост науки тем самым сводится к количественному приращению знания, получаемого за счет исследования все новых и новых областей Вселенной.

Иной подход развивал Лаплас. Согласно ему, абсолютно правильное и всестороннее знание может быть достигнуто лишь в том случае, если одновременно имеется всестороннее знание о событиях во всех других областях Вселенной. Поэтому Вселенную нельзя разделить на независимые друг от друга области. Однако прийти к такому качеству знания, по мнению Лапласа, может лишь высшее духовное существо, которое, зная до мельчайших подробностей состояние мира в любой момент времени и владея всеми математическими методами, способно охватить в одной единственной формуле все прошедшее, настоящее и будущее Вселенной. Человек же вынужден ограничиться лишь приблизительным знанием о частных процессах. В результате познания все новых звеньев процессов, происходящих во Вселенной, знания человека становятся все более правдоподобными. Во возрастании правдоподобия знания и заключается прогресс науки.

Клейн, изучая иерархические взаимосвязи математических дисциплин, пришел к выводу о том, что это характерно для всей науки. Это можно пояснить на примере математических дисциплин, когда частные дисциплины располагаются на низшем уровне, а общие дисциплины – на высших уровнях иерархии. Отсюда, по мнению Клейна, вытекает вывод о том, что развитие науки состоит в переходе от частной к общей теории.

Представления Галилея, Лапласа и Клейна о направленности развития науки на сегодня не выглядят убедительными. Однако для своего времени они имели эвристическое значение. Они внушали ученым веру в возможности познания Вселенной и достижения все более полного знания о ней. Как известно, классическая наука основывалась на идеале абсолютного знания, к чему и призывал Галилей. Лаплас лишь перенес идеал абсолютного знания из реальной сферы человеческого разума в воображаемую сферу «предельного разума». Идея Клейна о иерархическом строении научного знания оказалась эвристической по отношению к некоторым наукам, которые в своем развитии совершают переход от менее общей к более общей теории.

Все отмеченные представления о развитии науки имели и общую основу – количественный подход. Наука и ее прогресс воспринимался как количественное приращение знания. В определенной степени такой подход имел свое оправдание в том, что классическая наука представляла собой форму экстенсивного развития без потрясения ее основ.

Современная философия науки, развиваемая в рамках постпозитивистского направления, пристальное внимание обращает на феномен научных революций, на попытки реконструкции науки с учетом

влияния на нее культурологических, психологических факторов, а также и влияний, идущих со стороны философии и других мировоззрений. Сложилась историческая школа методологии науки, представленная работами Т. Куна (1922-1996), И. Лакатоса (1922-1974), П. Фейерабенда (1924-1997), С. Тулмина (р.1922) и многих других. В ее рамках были построены различные модели развития науки. На формирование идей и подходов к феномену научных революций существенное влияние оказали методологические идеи К. Поппера (1902-1994), относимые к «критической рациональности».

В работе Т. Куна «Структура научных революций» была выражена кумулятивная модель, рассматривающая развитие науки как непрерывный процесс. Наука предстает как все возрастающее здание научного знания. Идеалом выступает «нормальная наука», включающая в свою структуру две составляющие – парадигму и научное сообщество. Нормальная наука, понимаемая как деятельность по решению головоломок, как считает Т. Кун, представляет собой в высшей степени кумулятивное предприятие, необычайно успешное в достижении своей цели, то есть в постоянном расширении пределов научного знания и в его уточнении². Успех деятельности нормальной науки определяется избранной научным сообществом парадигмы.

Сам термин «парадигма» (от греч. Paradigma – образец, пример) – многозначен. Т. Кун использует данный термин в двух различных смыслах. Во-первых, как выражение всей совокупности убеждений, ценностей, технических средств, характерных для определенного сообщества людей. В этом случае речь идет о социологическом аспекте. Научное сообщество является совокупностью людей с определенными убеждениями и ценностями. Во-вторых, научная парадигма приобретает методологический смысл и воспринимается как модель или образец для решения головоломок нормальной науки. «Ученые, - отмечает Т. Кун, - исходят в своей работе из моделей, усвоенных в процессе обучения и из последующего изложения их в литературе, часто не зная и не испытывая никакой потребности знать, какие характеристики придали этим моделям статус парадигм научного сообщества»³.

Парадигма приобретает качество методологического средства потому, что ее использование в качестве образца приводит к успеху. При этом успех определяется не по отношению к той или иной отдельной проблеме, а по отношению к целому классу проблем.

Согласно Куну, любая наука проходит в своем движении три фазы: допарадигмальную, парадигмальную и постпарадигмальную. Эти же три фазы можно представить как генезис науки, нормальную науку и кризис науки. Смена парадигм выступает как научная революция. В этом смысле наука изменяется не поступательно-непрерывно, а дискретно-прерывно, посредством научных революций⁴. Смена парадигм происходит, как считает Кун, подобно выбору между конкурирующими политическими институтами и является выбором между несовместимыми моделями жизни сообщества.

Концепция Куна о структуре научных революций не проясняла реальных проблем развития науки, а была лишь моделью понимания основных факторов развития науки. К числу таких факторов он относил научное сообщество и

научную парадигму. Реальные процессы развития науки оставались не проясненными.

Рассматривая проблему изменчивости научного знания, Дж. Агасси выделял три основополагающие концепции: концепцию одной революции, автором которой являлся Ф. Бэкон; концепцию реформ, обоснованную в работах П. Дюгема; концепцию перманентной революции, развиваемую К. Поппером. Если для Ф. Бэкона была необходима лишь одна научная революция, чтобы победить схоластические и умозрительные представления, рожденные античной и средневековой культурами, а П. Дюгем был вообще против научных революций, предпочитая реформацию прежних теоретических представлений, то для К. Поппера научные революции выражают суть развития научного знания⁵.

Согласно Попперу, наука развивается, переходя от одной проблемной ситуации к другой. Модель роста научного знания включает выдвижение гипотетических и теоретических предположений, из которых выводятся эмпирически проверяемые следствия. Фальсификация, основанная на отрицающем модусе условно-категорического силлогизма, приводит к опровержению ранее выдвинутых предположений, что и порождает новую проблемную ситуацию. Цикл выдвижения гипотез и их фальсификация вновь повторяется.

Автор концепции перманентной революции радикальным образом изменяет взгляд на науку и условия ее роста. Долгое время предпочтение отдавалось процедуре верификации, а само полученное научное знание считалось незыблемым и непогрешимым. К. Поппер вслед за А. Эйнштейном и другими учеными исходит из погрешимости научных теорий. В этом случае процедура фальсификация выражает суть научного знания. Научная теория должна выдержать столкновения с огромным числом фактов, она постоянно подвергается опасности фальсификации. И даже самые удачные эксперименты не могут доказать абсолютную истинность теории, она всегда лишь правдоподобна и должна выдержать натиск фальсификаций.

Смысл фальсификации состоит в углублении научного знания. Поппер разъясняет это следующим образом: «Я приведу .. несистематизированный список шести типов случаев, в которых мы можем сказать, что теория t_2 превосходит теорию t_1 в том смысле, что t_2 – насколько нам известно – лучше соответствует фактам, чем t_1 (в том или ином смысле):

(1) t_2 делает более точные утверждения, чем t_1 . и эти более точные утверждения выдерживают более точные проверки;

(2) t_2 учитывает и объясняет большее количество фактов, чем t_1 (это включает и предыдущий случай, когда при прочих равных условиях утверждения t_2 являются более точными);

(3) t_2 описывает или объясняет факты более подробно, чем это делает t_1 ;

(4) t_2 выдержала те проверки, которые не выдержала t_1 ;

(5) t_2 предложила новые экспериментальные проверки, не обсуждавшиеся до ее появления (эти проверки не были выдвинуты теорией t_1 , и, может быть, даже неприменимы к t_1), и t_2 выдержала эти проверки;

(6) t_2 объединила или связала различные проблемы, которые до ее появления не имели между собой связи»⁶.

Отсюда вытекает возможность сравнения теорий, выявления их истинности или ложности. Теория 2 ближе к истине и лучше соответствует фактам, чем теория 1 если имеет место хотя бы одно из двух условий: а) истинное, но не ложное содержание теории 2 превосходит истинное содержание теории 1; б) ложное, но не истинное содержание теории 1 превосходит ложное содержание теории 2.

Концепция Поппера тем самым вводила новые представления о динамике развития науки, позволяла проводить процедуры фальсификации и дать оценку их значения для роста научного знания. Как в любой концептуальной модели в ней имели место определенные преувеличения. В частности, это относится к вопросам фальсификации. В итоге могла возникнуть иллюзия, что теоретические построения науки являются непрочными, зыбкими, буквально построенными на «болоте». Сам Поппер использует образ «болота», чтобы показать непрочность фундамента гипотетических и теоретических построений.

В концепции К. Поппера имелся один из существенных недостатков, не учитывающих относительную автономность теоретических построений науки. На этот недостаток указал И. Лакатос, разрабатывая методологию научно-исследовательских программ.

По мнению Лакатоса, теоретические построения более устойчивы к фальсификации, чем полагал Поппер. Их основой являются научно-исследовательские программы, включающие твердое ядро теории, образуемое постулатами, аксиомами, фундаментальными законами: негативную эвристику с целью защиты твердого ядра; положительную эвристику, предусматривающую новые интерпретации опровержений, направляемых против жесткого ядра; возможен вспомогательный пояс, состоящий из рабочих гипотез и временных допущений. В силу сложного строения научно-исследовательской программы главный удар фальсификаций принимает на себя не жесткое ядро теории, как полагал Поппер, а защитный пояс. «У всех исследовательских программ, - отмечал Лакатос, - есть «твердое ядро». Отрицательная эвристика запрещает использовать *modus tollens*, когда речь идет об утверждениях, включенных в «твердое ядро». Вместо этого мы должны напрягать нашу изобретательность, чтобы прояснить, развивать уже имеющиеся или выдвигать новые «вспомогательные гипотезы», которые образуют защитный пояс вокруг этого ядра; *modus tollens* своим острием направляется именно на эти гипотезы. Защитный пояс должен выдержать главный удар со стороны проверок; защищая таким образом окостеневшее ядро, он должен приспособливаться, переделываться или даже полностью заменяться, если того требуют интересы обороны. Если все это дает прогрессивный сдвиг проблем, исследовательская программа может считаться успешной. Она неуспешна, если это приводит к регрессивному сдвигу проблем»⁷.

Лакатос прав в своем утверждении о том, что процедуры фальсификации, соотносимые Поппером непосредственно с теоретическими построениями, не

имеют никакого отношения к жесткому ядру научно-исследовательской программы. Она устойчива по отношению к эмпирии, ее доводам. Прогрессивность или регрессивность исследовательской программы проверяется ее работой, ее эвристическими возможностями. Внимание ученого обращено прежде всего на успех, а поэтому аномалиям просто не уделяется внимание. «То, какие проблемы подлежат рациональному выбору ученых, работающих в рамках мощных исследовательских программ, - отмечает Лакатос, - зависит в большей степени от положительной эвристики программ, чем от психологически неприятных, но технически неизбежных аномалий. Аномалии регистрируются, но затем о них стараются забыть, в надежде, что придет время и они обратятся в подкрепление программы. Повышенная чувствительность к аномалиям свойственна только тем ученым, кто занимается упражнениями в духе проб и ошибок или работает в регрессивной фазе исследовательской программы, когда положительная эвристика исчерпала свои ресурсы»⁸.

Автор не против рациональной реконструкции науки, но он против «скороспелой» рациональности. По мнению Лакатоса, история науки была и будет историей соперничества исследовательских программ. И чем быстрее начинается соперничество, тем лучше для научного прогресса. Однако конкурирующие исследовательские программы могут иметь разный успех: одни прогрессировать, а другие – регрессировать. Объективная причина этой разности заключается в эвристических возможностях соперничающих исследовательских программ. Возможна ситуация, когда соперничающая исследовательская программа лучше объясняет факты и предсказывает новые.

Однако, по мнению Лакатоса, критерий «эвристической силы» сильно зависит от того, как понимается «фактуальная новизна». Ибо зачастую новизна фактуального высказывания часто становится явной только спустя много времени. С другой стороны, новая исследовательская программа, вступившая в конкурентную борьбу, может начать с нового объяснения «старых» фактов и требуется много времени, чтобы она предсказала «действительно новые» факты. В качестве примера Лакатос приводит кинетическую теорию тепла, которая не поспевала за феноменологической теорией, запаздывая с объяснениями фактов иногда на десятилетия. Наверстать упущенное эта теория смогла лишь после объяснения теорией Эйнштейна – Смолуховского броуновского движения в 1905 году.

Поэтому, как считает Лакатос, не следует сразу отказываться от подающей надежды исследовательской программы только потому, что она не смогла одолеть сильную соперницу. До тех пор, пока подвергнутая рациональной реконструкции исследовательская программа подает надежды на прогрессивный сдвиг проблем, ее следует оберегать от распада под ударами критики со стороны сильной и получившей признание соперницы⁹.

Наиболее радикален в определении науки и ее факторов развития П. Фейерабенд. В своей работе «Против метода: Очерк анархистской теории познания» он решительно выступает против рационалистических подходов в истолковании и решении проблем развития науки, «методологического

принуждения», ликвидирующего свободу научного творчества. По его мнению, в науке имеет место неупорядоченный рост научного знания, а поэтому никакая универсальная методологии науки совершенно невозможна.

Фейерабенд выдвигает принципы: пролиферации («размножения» теоретических гипотез) и упорства (перманентной защиты теоретических построений), дополняя их методологической установкой «допустимо все» (англ. «anything goes»).

Процесс научного познания соответственно этим принципам трактуется следующим образом: поскольку любое движение науки вперед предполагает наличие и столкновение некоторого множества теорий, то ученый должен постоянно стремиться к пролиферации теоретических альтернатив, чтобы как можно скорее разрушить господствующую научную теорию. Однако возможна и противоположная позиция: следуя принципу упорства, попытаться всеми возможными средствами сохранить господствующую научную теорию. Следование тому или иному принципу – дело самого ученого как свободного мыслящего субъекта, поступающего в согласии с методологической установкой «допустимо все».

Фейерабенд считает, что методологическое единообразие более приемлемо для религии, чем для науки, которая, напротив, нуждается в разнообразии подходов, а стало быть, и в плюралистической методологии. Прежде всего, такая методология обеспечивает возможность дальнейшего развития научных концепций и открывает перед ученым безграничное поле аргументации, включающее грандиозное множество вненаучных и даже ненаучных идей. Именно такая методология, как считает Фейерабенд, призвана стать эффективным средством, предохраняющим науку от догматизма и стимулирующим процесс научного творчества.

Рациональное зерно в рассуждениях Фейерабенда заключается в том, что поиск истины дело не только самой науки. Ученый может и даже должен учитывать разные подходы к тому или иному явлению, которые предложены в альтернативных мировоззренческих формах. Уже упоминалось, что Ньютон вначале предполагал, что научные истины скрыты в Библии и предпринимал усилия по их расшифровке. Однако наука не должна забывать о собственных критериях оценки истин, что ей позволит на равных участвовать в решении мировоззренческих и методологических проблем.

Для оценки качественных процессов развития науки Вернадский вводил понятие «взрыв» научного творчества. В истории развития науки он выделял три основных «взрыва» научного творчества. Первый «взрыв» был связан с зарождением греческой философии и науки в VI – V в. до н. э. Это было время зарождения теоретических оснований науки. В античной культуре этого времени выявилась научная мысль и она, как считал Вернадский, приняла научно-философскую структуру, взяв на вооружение научную методику – логику и математику. Второй «взрыв» произошел в XVI в. и он привел к формированию современной науки. В это время создается основное содержание науки – ее эмпирический научный аппарат, а также определяется и

методика научной работы. Третий научный «взрыв» имеет своей точкой отсчета XX век.

Научное творчество XX в. существенно отличается от первых двух «взрывов». Вернадский выделял четыре основные отличия: в темпе, в объеме (площади), в глубине, в мощности¹⁰.

Научное творчество XX в. проявляется колоссальным накоплением новых научных фактов. Создаются новые области научного знания, возникают многочисленные новые науки, растет научный эмпирический материал, систематизируется и учитывается в научном аппарате все растущее количество фактов, исчисляемых миллионами, если не миллиардами. «Научный аппарат из миллиарда миллиардов все растущих фактов, постепенно и непрерывно охватываемых эмпирическими обобщениями, научными теориями и гипотезами, есть основа и главная сила, главное орудие роста современной научной мысли. Это есть небывалое создание новой науки»¹¹.

Что касается объема (или площади), то, как отмечал Вернадский, наука охватила всю планету. Всюду создались многочисленные центры научной мысли и научного искания. «На этом общем и столь разнообразном фоне развертывается взрыв научного творчества XX в., не считающийся с пределами и разграничениями государств. Всякий научный факт, всякое научное наблюдение, где бы и с кем бы они не были сделаны, поступают в единый научный аппарат, в нем классифицируются и приводятся к единой форме, сразу становятся общим достоянием для критики, размышлений и научной работы»¹². Для научной работы важны и социальные условия, включая и развитую систему образования.

С точки зрения глубины вводимых научных представлений, по мнению Вернадского, решающее значение имеет введение различия трех реальностей. «Мы должны сейчас различать три реальности: 1) реальность в области *жизни человека*, природные явления ноосферы и нашей планеты, взятой как целое; 2) микроскопическую реальность *атомных явлений*, которая захватывает и микроскопическую жизнь и жизнь организмов, даже посредством приборов не видную вооруженному глазу человека, и 3) реальность космических просторов, в которых Солнечная система и даже галактика теряются, неощутимые в области ноосферического разреза мира»¹³. Человек и человечество своей жизнью и мыслью неразрывно связаны с первой реальностью, которая является и основой дальнейшего развития наук.

В аспекте мощности изменения наукой планеты и перспективах будущего, для Вернадского, несомненно то, что речь идет о закономерностях перехода биосферы в ноосферу. Если эволюция видов изменяла биосферу, то историческая эволюция, определяемая геологической ролью коллективного разума человечества, позволяет совершить переход от стихийности к сознательно-разумному развитию. «Еще не вошло в общее сознание, - отмечал Вернадский, - что человечество может чрезвычайно расширить свою силу и влияние в биосфере – создать для ближайших поколений сознательной государственной научной работой неизмеримо лучшие условия жизни. Такое новое направление государственной деятельности, задача государства, как

формы новых мощных научных исканий, мне представляется неизбежным следствием, уже в ближайшем будущем из переживаемого нами исторического момента – превращения биосферы в ноосферу. Это – неотвратимый геологический процесс»¹⁴.

В понимании Вернадского развитие науки является многофакторным процессом. Прослеживая становление научного мировоззрения, он выделил действие таких факторов, как книгопечатание, великие географические открытия, развитие и применение математических методов, появление плеяды высокоодаренных личностей¹⁵. При этом каждый фактор приводил в действие ряд других факторов, в итоге возникал синергетический эффект, определенная форма самоорганизации. К примеру, книгопечатание: это – фактор информационный, фактор формирования критической научной мысли, фактор формирования научного сообщества. Великие географические открытия включили в науку и ее аппарат множество новых научных данных, вызвали необходимость создания новой карты, а также и развитие геометрических представлений. Математические методы важны для науки, они развивают научное мышление. С другой стороны, наука и ее проблемы обуславливают необходимость развития математики и поиска новых методов. Важным фактором развития науки является фактор антропологический. Научная мысль творится личностью, для которой необходима определенная «критическая масса» столь же одаренных личностей с тем, чтобы сформировалась научная школа, и чтобы произошел «взрыв» научного творчества.

Все эти и многие другие факторы способствуют научному творчеству. Велика в этом процессе творчества роль философии. Ученый, углубляясь в суть явлений, должен располагать мощным понятийным аппаратом, эвристическими догадками и предположениями. По мнению Вернадского, «философский анализ отвлеченных понятий, во множестве зарождающихся в новой науке, в ее новых проблемах и научных дисциплинах, необходим для научного охвата новых областей»¹⁶.

Глобальные научные революции и типы научной рациональности

Наука не мыслима без использования рациональных средств. Само понятие «рациональное» многолико и многозначно. Оно применимо к другим мировоззренческим формам: философии, религии, искусству, оккультизму и эзотеризму. Рациональность выражает сложившуюся систему представлений, имеет определенный набор логико-методологических средств, а также и набор понятий и категорий, выражающих как специфику гносеологического отношения к миру, так и специфику знания о нем.

В современной литературе по философии науки выделяются три типа рациональности: классическую, неклассическую и постнеклассическую.

Формирование классической рациональности было связано с формированием классической науки. Идеалы и нормы классической рациональности выявлялись в процессе критики схоластической рациональности, а также рациональности, идущей от оккультизма и эзотеризма. Наука могла стать на собственные «ноги», приобрести собственные основания

лишь тогда, когда состоялось определение специфики ее рациональности. Эта специфика в то время становления науки, прежде всего, определялась научным методом. Именно он давал независимость науке. В виду наличия перед естествознанием двух основных задач – экспериментально-опытной и теоретической – были определены методы эмпирического исследования (Ф. Бэкон) и теоретического исследования (Р. Декарт). Методологические установки науки были направлены на формирование механической научной картины, исходящей из представлений о мире как механизме и исключаящей из нее человека. Это было время торжество субстанции телесной с ее свойствами протяженности, возможностями ее математического описания.

Неклассическая рациональность началась с того, что развеяла представления о наличии «абсолютного» научного метода и включила в свои основания гносеологические проблемы. Как отмечал В. Гейзенберг, ответ природы на вопрос исследователя зависит не только от ее устройства, но и от способа постановки вопроса. Нет абсолютных средств и методов исследования, они имеют относительную природу и зависят от гипотетических и теоретических построений. Принципы относительности, неопределенности, дополненности стали определять содержание неклассической рациональности, ориентированной на использование статических методов.

Постнеклассическая рациональность включила в свои основания то, от чего пыталась абстрагироваться классическая наука. Речь идет о ценностных факторах. Знание для науки не становится самоцелью, так как научное сообщество несет ответственность и за его использование и применение. Предостережение В. И. Вернадского, прозвучавшее в то время, когда вопросы ядерных процессов носили сугубо академический интерес и решались в рамках «чистой» науки, стало актуальным для постнеклассической науки. Ученый, открывая истину и предлагая ее обществу, несет ответственность за ее использование, которое, как известно, имеет альтернативы благо либо зло.

Кантовская постановка вопроса о первенстве практического разума над теоретическим разумом стала востребованной в современную эпоху. Традиционно наука и техника принимались в качестве этически нейтральных. Сейчас положение кардинально меняется. А тем самым меняется и понимание оснований научного разума. Без этических оснований научный разум, образно говоря, является «безответственным подростком», не дееспособным определяя его юридический статус.

В последнее время активно развивается одно из направлений этической мысли, получившей название «этика ответственности». Она пришла на смену этикам свободы и справедливости. В этике свободы поощрялась своеволие индивида, а сама свобода превращалась в безответственность. Этика справедливости настаивала на равных правах для всех, не всегда отдавая себе отчет о временных перспективах, о будущем. Этика ответственности – это ответственность перед будущим. Она выше свободы и справедливости. Современный ученый должен, прежде всего, поступать ответственно, а лишь затем руководствоваться этическими нормами свободы и справедливости. На это в свое время обратил внимание Ф. Ницше, отмечая для того, чтобы человек

сумел распоряжаться будущим, он должен развить каузальное мышление, научиться отделять необходимое от случайного, видеть и предупреждать далекое как настоящее.

Для постнеклассической науки этика ответственности имеет основополагающее значение. Как отметил известный немецкий физик и философ Карл фон Вайцеккер, наука ответственна за свои последствия. Ответственность за последствия, вызванные наукой, несет не только отдельный ученый, но и сообщество всех ученых в целом. Согласно Вайцеккеру, узаконенную ответственность за использование науки несут только те, кто ее действительно использует. В глобальном смысле ученые ответственны за свои действия в моральном, а не легальном, узаконенном плане¹⁷.

В свое время А. Эйнштейн отмечал, что проблема нашего времени – это не атомная бомба, а человеческое сердце. Отсюда вытекает вывод о том, что, прежде всего, необходимо определиться нравственно, этически, стать человеком ответственным, а лишь затем, исходя из этических норм, развивать научные проблемы. В мире, в котором погас огонь человеческого сердца, возможен огонь атомной бомбы.

Вопросы для самопроверки.

1. Какие особенности присущи классическим моделям развития науки?
2. Какую роль Т. Кун отводит парадигме в развитии науки?
3. Что следует понимать под «перманентной» научной революцией? Какое значение, по К. Попперу, имеет фальсификация в научных революциях?
4. Каково строение, по И. Лакатосу, научно-исследовательской программы?
5. В чем заключается содержание «методологического анархизма» П. Фейерабенда?
6. Что следует понимать под «взрывами научного творчества»? Какие факторы развития науки выделял В.И. Вернадский?
7. Как взаимосвязаны между собой глобальные научные революции и типы научной рациональности?

Глава 7. Особенности современного этапа развития науки. Перспективы научно-технического прогресса

Основные характеристики современной науки

Современная наука, понимаемая в качестве постнеклассической, имеет ряд характерных черт. Во-первых, современные процессы интеграции и дифференциации характеризуются возникновением комплексных синтетических дисциплин. Во-вторых, переходом от дисциплинарно-

предметных к проблемно-ориентированным исследованиям. В-третьих, возникновением особого междисциплинарного «языка» науки.

На IУ Российском философском конгрессе (Москва, 24-28 мая 2005 г.) на секциях «Философия и методология науки», «Философия естествознания», симпозиуме «Проблема единства мира и интеграции знания (памяти проф. С.Т. Мелюхина)» отмечались также в качестве характерных черт современной науки: универсальный эволюционизм, универсальность и уникальность как методологические принципы современного естествознания, типологический подход в системном миропонимании, интегративные процессы как поиск принципов единства мира и т.д.¹

Если подходить к проблемам науки с исторической точки зрения, то отчетливо выявляется взаимосвязь интеграции и дифференциации. На ранних ступенях становления науки, когда она стремилась утвердить свою независимость и самостоятельность, процесс дифференциации научного знания не ставился в качестве актуальной проблемы. Классическая наука, образно говоря, представляла собой «единый фронт» с общими мировоззренческими и методологическими принципами. Позже в рамках этого единства на этапе формирования дисциплинарно-предметной науки наметился процесс дифференциации, который стал существенной чертой науки XIX века.

Неклассическая наука столкнулась впервые с проблемой соотношений процессов интеграции и дифференциации. В ряде исследований отмечено, что решение этой проблемы привело к возникновению двух основных форм синтеза: созданию «пограничных» наук и возникновению биосферного класса наук². Если пограничные науки позволяли найти промежуточные звенья между дисциплинарно-предметными науками (примером могут служить физическая химия, биологическая химия и т. п.), то в основе возникновения биосферного класса находилось сопряженное единство биосферы и человечество, что создавало в последующем условия для синтеза всех наук: естественных, гуманитарных, технических.

Для современной науки характерно то, что она диалектически преодолевает сложившиеся предметные отношения и ориентируется на исследование проблем, требующих комплексных, междисциплинарных, синтетических подходов. В.И. Вернадский по отношению к науке первой половины XX века отметил ее особенность: ориентированность на исследование проблем. «В наше время, - писал он, - рамки отдельной науки, на которые распадается научное знание, не могут точно определять область научной мысли исследователя, точно охарактеризовать его научную работу. Проблемы, которые его занимают, все чаще не укладываются в рамки отдельной, определенной, сложившейся науки. Мы специализируемся не по наукам, а по проблемам»³. В качестве примеров такого рода проведения научных исследований можно было бы отметить создание биогеохимии; организацию работы по изучению естественных производительных сил России, которая стала проводиться с 1915 года в рамках КЕПС (комиссии по изучению естественных производительных сил).

Отмеченные процессы привели к междисциплинарному структурированию современной науки. Они охватывают как естественные, так и гуманитарные, технические науки. С учетом оснований структурирования науки можно говорить о том, что для современного естествознания они носят либо физический характер, либо натуралистический (биосферный характер), хотя намечены определенные шаги для преодоления их противопоставления. С точки зрения физического мировоззрения, концептуальные основания которого представлены такими дисциплинами как квантовая физика, теория относительности, физика элементарных частиц, основными действующими факторами физической реальности являются вещество, энергия и в определенной части и информационные процессы. С точки зрения биосферного естествознания, основы которого были определены В.В. Докучаевым, В.И. Вернадским, В.Н. Сукачевым, а аспектах предметно-практического применения Н.В. Тимофеевым-Ресовским, речь идет о сложных системах, эволюция которых определяется живым веществом и разумом человечества. Современное естествознание, вводя антропный принцип, делает шаг в сторону сближения не только разных направлений естествознания, но и в сторону сближения наук о природе и человеке. Ибо с точки зрения антропного принципа, который, как известно, имеет ряд своих формулировок, физические характеристики Вселенной носят не произвольный характер, а определяются фактом возникновения разумной жизни.

Для современной науки характерно также широкое применение идей и принципов синергетического подхода. Термин «синергетика», введенный Г. Хакеном в 1973 году, происходит от древнегреческого «synergeticos», означающий «совместный», определил новое направление в науке. «Я, - отмечал Хакен, - назвал новую дисциплину «синергетикой» не только потому, что в ней исследуется совместное действие многих элементов систем, но и потому, что для нахождения общих принципов, управляющих самоорганизацией, необходимо кооперирование многих различных дисциплин»⁴.

Синергетика как новое научное направление возникло из необходимости интеграции многих дисциплин, изучающих сложные, самоорганизующиеся дисциплины. С такими системами имеют дело естественные, технические и гуманитарные науки. В технике под самоорганизующимися системами подразумевают саморегулирующиеся системы. В экономике речь идет о системах с механизмами свободной конкуренции. В термодинамике многие авторы, вслед за И. Пригожиным, говорят о «диссипативных структурах», поскольку диссипация (рассеяние) энергии является необходимым условием функционирования открытых систем и возникновения процессов самоорганизации.

Объектом синергетического исследования являются, во-первых, открытые системы, которые обмениваются с внешней средой веществом, энергией и нередко информацией. Во-вторых, системы неравновесные, т. е. находящиеся от точки динамического равновесия. В-третьих, системы нелинейного характера.

Широкое использование парадигмы самоорганизации в естественных, технических и социально-гуманитарных науках выдвигает ряд важнейших философско-мировоззренческих проблем. Прежде всего, проблема места и роли самоорганизации в эволюционных процессах. По отношению к общественному развитию возникает задача разграничения самоорганизации и организации, их соотношения и взаимодействия в процессе эволюции социальных систем. Проблемы самоорганизации имеют актуальное значение для решения экологических проблем, для выяснения механизмов взаимодействия общества с природной средой. Для адекватного понимания процессов формирования и развития социально-экономических, культурно-исторических и гуманитарных систем, а также соответствующих институтов общества, актуальным является правильное решение проблемы взаимодействия самоорганизации, происходящей в рамках отдельных социальных групп, общественных и производственных коллективов, а также таких общественных институтов, как рынок, право, мораль, язык и т.п. В силу значимости факторов государственного регулирования в развитии общества актуальна проблема взаимодействия самоорганизации и организации.

Высок также гносеологический и методологический статус синергетики. Как происходит взаимодействие дифференциации и интеграции научного знания в процессе его роста и развития? Как соотносятся дисциплинарные и междисциплинарные средства и методы исследования? На эти и многие другие актуальные гносеологические и методологические проблемы развития науки синергетика может предложить свой ответ.

Основная идея, выдвигаемая синергетикой, состоит в том, что сложные системы качественно меняют свое макроскопическое состояние в результате изменений, происходящих на микроуровне. Последние изменения можно рассматривать как количественные, описываемые управляющим параметром системы. При критическом значении этого параметра система переходит в новое макроскопическое состояние. Поэтому анализ поведения системы при переходе от прежнего состояния к новому состоянию в критической точке имеет решающее значение для понимания процесса самоорганизации.

В синергетическом подходе к исследованию сложных систем, во-первых, ясно прослеживается взаимосвязь между случайностью и необходимостью в процессе самоорганизации системы. Флуктации, представляющие собой случайные отклонения от равновесия в ходе взаимодействия со средой и возрастания неравновесности системы, постепенно усиливаются, пока не достигнут определенной критической точки, в которой и происходит превращение случайных изменений в необходимое изменение системы.

Однако в каком направлении пойдет изменение во многом зависит от ряда случайных обстоятельств. В данном случае синергетики говорят о точке бифуркации, из которой вытекает возможность разных направлений дальнейшего развития системы. Во-вторых, в процессе постепенного изменения состояний на микроуровне возникает множество различных конфигураций состояний, и их будет тем больше, чем больше число компонентов содержит система. Однако в данном случае действуют правила подчинения параметрам

порядка, действия которых Хакен сравнивает с действиями кукловодов. «В определенном смысле, - отмечает он, - параметры порядка действуют как кукловоды, заставляющие марионеток двигаться. Однако между наивным представлением о параметрах порядка как о кукловодах и тем, что происходит в действительности, имеется одно важное различие. Оказывается, что, совершая коллективное действие, индивидуальные части системы, или «куклы», сами воздействуют на параметры порядка, т. е. на «кукловодов»⁵. В-третьих, существенная особенность самоорганизующихся процессов и систем заключается в том, что взаимодействие между элементами системы имеет нелинейный характер. В-четвертых, если в классической науке хаосу отводилась деструктивная роль, то в синергетике он выступает в качестве конструктивного фактора. В-пятых, в синергетике становится возможным раскрывать фактор времени, отображающем временные процессы не только в направлении дезорганизации, но и становления и самоорганизации.

Особое значение для современной науки имеет междисциплинарный характер методов синергетики. Основой этого является сходство и аналогия между механизмами самоорганизации систем различного уровня сложности. Методы синергетики, требующие учета взаимосвязи и взаимодействия между состояниями элементов сложноорганизованных систем на микроуровне и их параметрами порядка на макроуровне, открывают широкие возможности для исследования подобных систем, встречающихся не только в физике и химии, но и в биологии и экологии, а также и в социально-экономических и гуманитарных науках. При этом междисциплинарные методы исследования предполагают применение частных методов исследования, применимым к конкретным явлениям. Общие принципы и методы синергетики требуют более конкретной спецификации при исследовании систем различной степени сложности.

Современная научная картина мира

Каждый крупный этап в развитии науки выражен формированием соответствующей научной картины мира. Было время, когда первобытный человек довольствовался мифологической картиной мира. На смену этой картины мира пришла натурфилософская картина мира, объединяющая умозрительные философские представления с естественнонаучными представлениями. С Нового времени наука стала разрабатывать собственные научные картины мира.

Для современной научной картины мира характерны ряд моментов. Во-первых, она является незавершенной. Во-вторых, мозаичной. В-третьих, в ней получают свое оправдание древнейшие представления о разумности мироустройства.

В последнее время в систему современного мировоззрения входят ноокосмологические идеи и представления. Человечество накопило достаточно много фактов, которые доказывают наличие явлений, необъяснимых с точки зрения традиционной науки.

Основным недостатком традиционной науки можно считать подход к сознанию как к вторичному по отношению к материи. Накопленный

эмпирический научный материал свидетельствует о том, что традиционными научными методами нельзя решить проблему исследования структуры психики, объяснить такие явления как ясновидение, телепатия, телекинез и т.п.

Вполне научно предположить, исходя из принципов единства мира, что все в мироздании подчинено определенным законам, что все виды энергии, включая психическую и мыслительную, существуют и взаимодействуют между собой. Вещество, энергия и информация являются всеобщими свойствами мироздания. Все процессы, происходящие в мироздании, являются информационными, а информация – это упорядоченная структура.

Человечество вполне достаточно изучило лишь некоторую часть вещественно-энергетических процессов и актуальной становится задача изучения информационных процессов. Но для этого необходимо развить мировоззрение, признать Разумность Вселенной. По отношению к земным процессам такого рода вывод сделан учением Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. Но любое явление, как в свое время заметил Тейяр де Шарден, имеет и космические корни. Вполне логично допустить, что переход к ноосферному состоянию имеет общекосмическое значение. Или, как допускал К.Э. Циолковский, Вселенная является разумной, в ней действуют разумные силы, осуществляющие процесс ее дальнейшей эволюции.

В свое время, когда господствовал диалектико-материалистический подход, предполагалось, что за процессы развития отвечают законы диалектики: переход количественных изменений в качественные и обратно, закон единства и борьбы противоположностей, закон отрицания отрицания. Этим законам придавался особый статус: они отвечают за направленность эволюционного развития.

В ряде научных публикаций по проблемам современного научного мировоззрения допускается в соответствии с основными научными обобщениями существование не только физической, но и духовной составляющей Космоса. И то, и другое неразрывно связаны друг с другом, представляют собой целостность универсума. Как нелогично по отношению к человеку допустить, что он только физическое существо, также нелогично по отношению к универсуму допустить только о физической его составляющей. То, что присуще частному, каким является жизнь на Земле, должно еще в большей степени присуще целому, т. е. универсуму. Как отмечал академик В.В. Струминский в ряде своих публикаций по проблемам современного научного мировоззрения, необходимо признать, что «Вселенная состоит из огромной Материальной и Духовной составляющих мира.. Живую материю, животный и растительный мир породила Духовная составляющая Вселенной. Она создала жизнь на Земле, чтобы породить творческое, активное человечество, которое окажется в состоянии развивать науку, искусство, самосознание, чтобы подключиться к решению глобальных проблем, стоящих перед Духовной составляющей мира, в первую очередь тех, которые нужны самому человечеству»⁶. Включая и тех проблем, которые связаны с космической безопасностью, умением противостоять космическим угрозам.

Ноокоsmология также признает необходимость наряду с традиционными методами новых методов получения научной информации. Если для традиционной науки основными методами являются те, которые реализуют субъект-объектное отношение, то для ноокоsmологии основным методом является сам человек, его мозг, его духовно-нравственный уровень. Все процессы информационно обеспечены. Человек в меру своего духовного развития имеет информационную связь с информационным полем своего уровня, но имеет возможности по мере своего духовно-нравственного развития выхода на более высокие информационные поля.

Говоря об особенностях современной научной картины мира, нельзя не заметить ее общую тенденцию перехода от объективности, к чему стремилась классическая наука, к вопросам ценностных ориентиров. В свое время основатель русского космизма Н.Ф. Федоров заметил о проективном характере науки. Эта идея проективности с учетом ценностных аспектов становится характерной для современной науки. Наука призвана исследовать не только то, что есть и существует, но задумываться о должном, каким оно должно быть. В природном мире существует не только созидательное, но и разрушительное начала. Современная наука, предупреждая о негативных последствиях сил природы, должна помочь человеку в его активно-творческом процессе, в конструировании того, что отвечает его духовно-нравственным запросам.

Роль современной науки в преодолении глобальных кризисов

Особая роль науки заключается в разрешении глобальных кризисов, которые стали одним из характерных признаков бытия современного человечества. Эти кризисы стали системным явлением, охватывающим как отношения человечества к природной среде его обитания, так и отношения человека к человеку, его духовному миру и ценностям. В таком качестве они должны рассматриваться современной наукой.

Первое время глобальные кризисы рассматривались в их дифференцированности, что имело значение на первых этапах их изучения. Одностороннее их изучение порождало и столь односторонние решения. Это особенно видно на примере первых докладов «Римского клуба». В них предлагались односторонние меры прежде всего экономического характера. Позже в известной работе президента этого клуба А. Печчеи «Человеческие качества» был сделан вывод о необходимости подойти к решению глобальных проблем системно с учетом того, что можно сделать, объединив общие усилия. Были названы основные неотложные задачи будущего развития человечества, включая вопросы аграрного и промышленного развития, размещения техногенных объектов и т. п.

Однако в аспекте научных оснований решения глобальных проблем доминировал экологический подход, концептуально определенный в границах биологических дисциплин. Природная среда рассматривалась как окружающая среда, как определенная экосистема, по отношению к которой требовалось выстроить рационально обоснованные действия. Эта концептуальная основа, как известно, определенная еще в работах Э. Геккеля, сохраняется и в

концепции устойчивого развития, получившей самое широкое признание на международной конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Устойчивое развитие рассматривается как экологически устойчивое развитие, обеспечиваемое за счет потребностей и ограничений. Важнейшие задачи, с точки зрения этого подхода, состоят в следующем: в удовлетворении основных потребностей; обеспечении устойчивого уровня численности населения; в изменении качества развития; в переориентации технологий и предупреждении возникновения кризисных ситуаций и т.д.

Как справедливо отмечается в современной литературе, посвященной критическому анализу концептуальных оснований устойчивого развития, исходной предпосылкой является тезис, что базисом развития общества является экономика, что и приводит к разрыву естественноисторической связи общества с природной средой, а тем самым и возникновению глобальных экологических проблем⁷. Необходимо также отметить, что эта концепция не в полной мере учитывает связь человека с духовной средой, что также порождает глобальные духовно-нравственные кризисы. Как справедливо заметил А. Печчеи, «Суть проблемы, которая встала перед человечеством на нынешней стадии его эволюции заключается именно в том, что люди не успевают адаптировать свою культуру в соответствии с теми изменениями, которые сами же вносят в этот мир, и источник этого кризиса лежит внутри, а не вне человеческого общества...»⁸

В концептуальном аспекте представляет научный интерес учение о «коэволюции», получившее широкое признание в научной и философской литературе. Основными составляющими этой концепции являются: стратегию Разума; необходимость изменения нравственных основ существования человечества; совместная эволюция природы и человека. Коэволюция рассматривается как обеспечение стратегии Разума, позволяющего осуществить правильный выбор из множества возникающих альтернатив. Как отмечал академик Н.Н. Моисеев, «Развитие и противоречивость общества, непрерывное изменение состояний биосферы приводят к тому, что цели развития и условия коэволюции человека и окружающей среды также все время изменяются. Сегодня они одни, а завтра с открытием новой технологии могут быть уже существенно иными»⁹. Но недостаточно только рационального взвешивания возможностей вариантов будущего развития, а необходимо коренное изменение нравственных основ жизни общества. Уже недостаточно только категорического императива (И. Кант), регулирующего духовно-нравственные отношения человека к другому человеку, требуется экологический императив, регулирующий с точки зрения должного отношения человека к природной среде. Стратегия Разума и экологический императив, как считал Моисеев, смогут вывести человечество на совместную его эволюцию с природной средой.

В научном аспекте с точки зрения требований ноосферного мировоззрения концептуальные основания решения кризисных состояний разработаны Н.В. Тимофеевым-Ресовским. В статье «Биосфера и человечество» еще до появления первых работ Римского клуба он сформулировал ряд

принципиальных положений. Во-первых, что проблема «биосфера и человечество» является проблемой номер один, на решение которой нужно бросить все научные силы. Иначе говоря, эта проблема всей науки, а не только отдельных научных направлений. Приложить свои усилия должны не только естественные науки, прежде всего, биосферное естествознание, а также науки гуманитарные и тех технические. Человек неотделим от природы. Познавая человека, мы тем самым познаем и природный мир. Познавая природный мир, мы должны понимать и то, как это ведет к познанию человека. Во-вторых, научное понимание природного мира, с которым взаимодействует человечество, должно быть доведено до научного понимания организованности биосферы. Речь должна идти не об аморфных и логически неопределенных понятиях «экосистема», «природная среда», «окружающая среда», а о научном понятии биосферы. В том научном понимании биосферы, которое было определено в работах В.И. Вернадского. Биосфера является общепланетарной оболочкой, состав и структура которой обусловлены прошлой и современной деятельностью живых организмов, т.е. живым веществом в течение геологического времени. Биосфера и ее организованность – продукт длительного эволюционного процесса, биогеохимического взаимодействия живого и косного вещества. Для человечества на современном этапе его развития ключевое значение имеют не отдельные сырьевые и энергетические ресурсы, а организованность биосферы и ее эволюционные возможности. В-третьих, отношение человечества к биосфере должно качественно измениться. Необходимо, как отмечал Н.В. Тимофеев-Ресовский, научиться, так хозяйствовать, чтобы не подрывать организованность биосферы. Речь идет о том, чтобы научиться жить на «проценты» с круговорота вещества и энергии биосферы, не подрывая ее «основного капитала».

Человечество, ставя под свой контроль и регулируя биогеохимический круговорот вещества и энергии, может существенно повысить возможности организованности биосферы и за счет «прироста» обеспечить себе достойные жизненные условия. Как отмечал Н.В. Тимофеев-Ресовский, «в большом биосферном круговороте человек на основании уже сейчас предвидимых научных возможностей может получить в два, три, а может быть, и большее число раз больше продукции полезных для себя веществ, чем он получает сегодня. В Японии используется уже сейчас более 20-ти видов водорослей для пищевых и комовых целей, постоянно растет использование беспозвоночных, населяющих Мировой океан, вводятся в культуру новые виды растений, а иногда и животных и так далее. ... если мы на энергетическом входе ... за счет увеличения процента поглощаемой растениями солнечной энергии и повышения среднего КПД растения можем увеличить продуктивность, скажем, в два раза, да на большом биосферном круговороте повысить ее в 3-4 раза, два на три, четыре – получается в 6-8 раз, то есть мы можем в 6-8 раз повысить продуктивность биосферы Земли. И еще раз повторю: это все на основании того, что научно уже сейчас понято и возможно»⁹.

Таким образом, наука может помочь человечеству решить ключевую проблему: обеспечить достойные условия для

дальнейшего его развития. В литературе иногда звучат пессимистические нотки по поводу возможностей дальнейшего развития человечества. Акцент смещается в сторону проблем выживания в условиях ухудшения экологической ситуации, возрастания опасностей техногенных катастроф, социальных напряженностей, а в последнее время и опасностей, исходящих из терроризма. Но в этом случае направленность научной мысли смещается в сторону вторичных факторов, в сторону следствий, а не базисных оснований, первопричин. Мы все являемся жителями планеты Земля, естественной основой для нас является биосфера. Экономическая, политическая и духовная жизнь неразрывно связаны с этой природной основой. Наука в состоянии помочь человечеству не только осознать взаимосвязь с биосферой, но и решить проблемы управления биосферными процессами, повышения качества организованности биосферы и за счет ее прироста обеспечить достойные условия жизни.

Рассматривая роль науки в решении глобальных проблем, следует самое пристальное внимание обратить на соотношение научного знания и мудрости. В докладе ректора МГУ им. М.В. Ломоносова академика В.А. Садовниченко на пленарном заседании 1У Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации» (24 мая 2005 г., МГУ, Москва) тема о соотношении знания и мудрости в глобализирующемся мире была основательно поставлена. В его размышлениях о статусе научного знания в современном мире, его отношении к мудрости и различным вненаучным формам отношения человека к миру прозвучали весьма актуальные идеи. Во-первых, идея о том, что мудрость должна быть идеалом знания, включая и научное знание. Мудрость, как это известно, из истории развития мысли, не сводится только к совокупности тех или иных знаний, а включает и этический аспект, предполагает связь человека с Целым и целостность его собственного духовного опыта. Как отмечал в свое время известный философ науки XX столетия А. Уайтхед, Инстинкт, Интеллект и Мудрость как три составляющие человеческого духа не должны быть оторваны друг от друга. В противном случае глупость умных людей с ясной головой и узким кругозором порождает множество катастроф. Во-вторых, для русской философии Мудрость имела всегда особое значение, она одухотворяла не только рефлексивную, не только обращение к различным формам научного знания, но и живой мистический религиозный опыт, переживание присутствия в мире божественной Мудрости Софии. Можно, развивая эту идею, сказать, что отечественное естествознание в лице его величайших творцов – Ломоносова, Берга, Докучаева, Вернадского, Сукачева, Н.И. Вавилова, Тимофеева-Ресовского – стремилось не только к получению знания, но и к Мудрости. В-третьих, само соотношение «знания» и «мудрости» не столь однозначное. Вполне можно рассуждать о том, что такое «знание», и не использовать при этом понятие «мудрость». Понятие «знание» по своей сути больше тяготеет к рациональному, оно допускает количественные и качественные оценки. «Мудрость», как отмечает В.А. Садовнический, ближе к моральным, нравственным, житейским понятиям. Если основой научного знания считается логическая обоснованность,

доказательность, воспроизводимость познавательных результатов, то под мудростью понимают нечто в высшей степени разумное и благонамеренное, правдивое.

Человек постоянно тянулся к знаниям и в этом стремлении он видел некий путь своего развития, своего благополучия и своей безопасности. Сутью науки, как считает В.А. Садовничий, является стремление к пониманию тех или иных природных процессов. И это стремление к пониманию делает науку сестрой Мудрости, потому что понимает человек что-либо не только благодаря рациональным аргументам и доказательствам, но и помощью интуиции, озарения, художественного чувства, веры. Современное знание существенно расширилось; оно охватывает сотни научных направлений. И хотя человек очень много узнал об окружающем его мире и самом себе, но на большинство важнейших вопросов ответа пока нет. К примеру, до сих пор сознание человека, мотивация его поведения остаются самой трудной загадкой природы.

Но как использовать полученное знание? Как обеспечить безопасное существование человека и человечества? В связи с этим следует обратить внимание на кардинальные различия между такими основополагающими областями современной науки, как атомная физика и молекулярная биология. В случае с атомом, как отмечает В.А. Садовничий, человек выступает как бы наблюдателем, который стоит вне исследуемой им и подвергающейся его воздействию Природы. Конечно, когда для человека возникла прямая опасность пострадать от радиоактивного излучения, он стал понимать, что человека и природу просто вот так нельзя разделять. Но, тем не менее, человек думает, что может защититься от этой опасности. Генная инженерия такой возможности, пусть даже косвенной, человеку не оставляет. Она есть прямое и ничем не контролируемое вмешательство в эволюцию живой материи. Сегодня никто не может даже приблизительно оценить те последствия, которые повлечет за собой размножение живой материи, созданной искусственно. И никто не знает, как сложатся отношения между искусственными и естественными живыми организмами. Станут ли искусственные организмы живые организмы «здоровыми» для человека и иных живых существ или превратятся в возбудителей болезней, будут ли они улучшать эволюционно развившейся генотип человека или, наоборот, приведут к отклонениям от него?

Эти и многие примеры говорят о том, что наука приобрела качественно новое, до сих пор неизвестное моральное измерение. И здесь возникает также вопрос: дает ли разворачивающийся процесс глобализации, который в своей основе построен на принципе ускорения и непрерывного подстегивания эволюции, ясный и удовлетворительный для человечества ответ?

Когда речь идет о прогнозировании тех или иных процессов, то предпочтительнее основываться не только на знаниях, но и на мудрости. Она предостерегает, основываясь на прошлом опыте. Наука в своих прогностических возможностях так действовать не может. Она не может предостерегать от получения какого-то нового знания. Даже в тех случаях, когда какое-то новое знание получено, это не означает, что можно предсказать, предугадать все или какие-то следствия, из него приистекающие.

По мнению В.А. Садовниченко, генеральное направление в развитии науки наступившего столетия будет связано с повышением эффективности его прогностической функции. И в этом проявится научная мудрость. При этом главное состоит не только в совершенствовании научного инструментария прогнозирования, но прежде всего в том, насколько тесно и органично удастся сблизить между собой науку (теоретическое знание), вненаучное знание (обыденное знание, практическое знание, мифы, легенды) и политику (прагматическое использование знания в интересах власти и рынка). Если, как это было в XX веке, наука, вненаучное знание и политика останутся по-прежнему разобщенными между собой, будущее человечества станет еще менее предсказуемым и в еще большей степени окажется в зоне все умножающихся рисков. Мудрость заключается в том, чтобы критически принимать и усваивать опыт жизни всех культур и поколений. При этом, имея в виду и то, что мудрость, как выражение духовного опыта, имеет национальные корни, обобщающие опыт тех или иных культур. Речь идет о восточной, западной и отечественной культур. Процессам глобализации в большей степени отвечает отечественная культура, которая всегда мыслила себя в неразрывной связи с другими культурами, мыслила общечеловеческими категориями и ценностями. Фундаментальной науке, как отмечает В.А. Садовниченко, а вместе с ней и всему научному сообществу предстоит произвести своеобразную ракировку, поменяв в этических принципах местами устойчивость и стабильность, обратимость и необратимость, т.е. выдвинув на первый план те стороны человеческого бытия, которые свидетельствуют об угрозах и опасностях, связанных с нежеланием видеть мир таким, каким он стал под воздействием человека, его «геологической» по своим масштабам деятельности, связанной с разрушением среды обитания всего живого.

Вопросы для самопроверки.

1. Каковы характерные черты современной науки?
2. Каково значение в современной науке процессов интеграции?
3. В чем заключается в современной науке роль синергетических идей и представлений?
4. Какие особенности современной научной картины мира?
5. Какова роль современной науки в решении глобальных проблем человечества?

Глава 8. Наука как социальный институт

Социальный институт науки начал формироваться в Западной Европе в XV-XVI столетиях¹. Однако корни этого явления находятся в древних культурах. Уже в древности возникли первые научные школы. Это относится как к научным школам Древнего Востока, так и к школам Древней Греции и Древнего Рима. И в средние века процесс институционализации науки был

продолжен. В это время формируются университеты как центры научной мысли, хотя статус автономности наука еще не получила.

Процесс институционализации науки был тесно связан с процессом получения автономности, т.е. независимости и самостоятельности. В силу того, что теология претендовала на роль верховной инстанции в решении мировоззренческих проблем, а науке отводились вопросы частного характера, острые конфликты разгорелись между наукой и церковью. Ярким примером тому является острая борьба между наукой и церковью в связи с созданием геоцентрической системы Н. Коперника. Наука заявила о своей способности независимо от теологии решать сложнейшие вопросы основ мироздания. Одновременно с этим стал возрастать социальный статус научной деятельности.

Поэтому признание научной деятельности в качестве социально значимой деятельности и положило основания формирования науки как социального института. Конечно, этот процесс растянулся на ряд столетий. Он включал и ряд драматических событий как сожжение Д. Бруно, как суд над Г. Галилеем и его отречение под давлением инквизиции от учения Коперника. Но процесс институционализации науки – это объективное явление, связанное с ростом влияния науки в обществе и культуре.

Очень важным эпизодом формирования науки как социального института была выработка позиции Лондонского королевского общества, провозглашавшего о том, что это научное общество рассматривает вопросы естественного характера и не вмешивается в вопросы теологии, морали и политики.

Научное познание природы в то время воспринималось в качестве естественной теологии, как изучение всемогущества Бога. Считалось, что Бог дал людям две книги: Библию и «Книгу природы». Слову Творца необходимо верить, а «Книгу природы» необходимо исследовать.

По мере того как утверждалось ценность науки, формировалось и новое отношение к ней. Это в полной мере проявилось в эпоху Просвещения. Просветители, видя в невежестве и суевериях основной источник всех недостатков в обществе, сдерживающих его прогресс, считали распространение научных и технических знаний среди широких слоев населения решающим средством достижения социальной справедливости и разумного общественного устройства. Этой цели служило издание Энциклопедии.

Главное было в том, что в глазах общества занятие наукой стало восприниматься как значимое и полезное дело. Она становилась достоянием не только избранных, но и всех.

Следующим ключевым этапом институционализации науки явилась вторая половина XIX – начало XX века. В это время происходит осознание научным сообществом и обществом экономической эффективности научных исследований. Так же в это время начинается период профессионализации научной деятельности. Если раньше оценка результативности научных исследований осуществлялась по готовому теоретическому продукту, то в новых условиях вопрос стоял и о применении научных достижений для

создания новых материальных ценностей. Во второй половине XIX в. развернулось крупномасштабное производство продуктов органической химии, удобрений, взрывчатых веществ, лекарств, электротехнических товаров. И в самой науке происходят крупнейшие изменения: наряду с фундаментальными исследованиями возникает сфера прикладных исследований, которая под воздействием экономических факторов интенсивно росла.

Наука, включенная в решение проблем инновационной деятельности, стоящих перед обществом, выступает как особый социальный институт. Функционирование этого социального института осуществляется с помощью специфической системы внутренних ценностей, присущих научному сообществу, «научному этосу».

Экспликация норм научного этоса была осуществлена в 30-х годах прошлого века основоположником социологического изучения науки Р. Мертоном. Он считал, что наука как социальная структура опирается в своем функционировании на четыре ценностных императива: универсализм, коллективизм, бескорыстность и организованный скептицизм. Позднее Б. Барбер добавил еще два императива: рационализм и эмоциональную нейтральность.

Императив универсализма утверждает внеличный, объективный характер научного знания. В этом, по мнению В.И.Вернадского, состоит преимущество научных истин перед остальными, которые во многом носят личный характер. С общеобязательностью научных истин приходится считаться всем другим формам познавательной деятельности человека.

Императив коллективизма говорит о том, что плоды научного познания принадлежат всему научному сообществу и обществу в целом. Они всегда являются результатом коллективного научного сотворчества, так как любой ученый всегда опирается на какие-то идеи (знания) своих предшественников и современников. Права частной собственности на знания в науке не должно существовать, хотя ученые, которые вносят наиболее существенный личный вклад, вправе требовать от коллег и общества справедливого материального и морального поощрения, адекватного профессионального признания.

Императив бескорыстности означает, что главной целью деятельности ученых должно быть служение Истине. Последняя никогда в науке не должна быть средством для достижения личных выгод, а только - общественно-значимой целью.

Императив организованного скептицизма предполагает не только запрет на догматическое утверждение Истины в науке, но, напротив, вменяет в профессиональную обязанность ученому критиковать взгляды своих коллег, если на то имеются хотя бы малейшие основания. Соответственно необходимо относится и к критике в свой адрес, а именно – как необходимому условию развития науки. Истинный ученый – скептик по натуре и призванию. Скепсис и сомнение – столь же необходимые, важнейшие и тонкие инструменты деятельности ученого, как скальпель и игла в руках хирурга.

Ценность рационализма утверждает, что наука стремится к доказанному, логически организованному дискурсу, высшим арбитром истинности которого выступает рациональность.

Императив эмоциональной нейтральности запрещает людям науки использовать при решении научных проблем эмоции, личные симпатии или антипатии, т.е. ресурсы эмоционально-психологической сферы.

Наука как социальный институт включает целый комплекс вопросов как внутреннего характера его организации, та и внешнего характера, направленных на взаимодействие ее с другими сферами жизни общества: экономикой, политикой, идеологией. Вопросы внутреннего характера связаны с деятельностью научных школ, подготовкой научных кадров, трансляцией научных знаний. Образование научных школ выражает демократизм научного поиска, его состязательность, критичность по отношению к достижениям. И если такие школы возглавляли гении, великие ученые, то они оставляли существенный вклад в развитие науки, а иногда и определяя в целом стратегию научного поиска. Ньютон, Ломоносов, Эйнштейн, Бор, Вернадский, Вавилов, Пригожин и многие другие своими открытиями определили судьбу науки, начиная от ее классического этапа и завершая современным постнеклассическим этапом. Если Ньютон и его сподвижники заложили основания современной науки, то Эйнштейн и Бор определили основные проблемы научного поиска на неклассическом этапе развития науки. Современный этап развития науки, получивший название постнеклассического, немислим без обсуждений идей ноосферы Вернадского, идей синергетического подхода, определенного в работах Пригожина.

Важнейшей проблемой организации науки является воспроизводства кадров. Науке всегда нужны новые люди с новыми идеями и подходами. Готовить таких людей к научной работе должна сама наука. Система подготовки кадров включает такие важные звенья как аспирантура и докторантура. Они вполне оправдали себя, и нет необходимости что-то ломать в этой системе.

Существенно изменяются и способы трансляции научных знаний. Первоначально научные знания транслировались на любом подходящем для этого материале-носителе: папирусе, камне, глиняных табличках и т. п. Следующим шагом в связи с изобретением бумаги как более подходящем для передачи и хранения информации было создание рукописных книг. Открытие книгопечатания существенно ускорило процессы распространения научной информации. Современная техника позволяет сделать еще более революционный шаг: взамен бумажных носителей предложить компьютерные носители информации. Формируется новая информационная научная система, выступающая в качестве всеобщего планетарного знания. Как считал известный философ науки К. Поппер, эта система является особым миром – миром объективного знания.

Сложны и заслуживают самого пристального исследования взаимоотношения науки с экономикой, с государством (властью), а также, на

что обращается особое внимание в ряде современных исследований, и с идеологией.

С точки зрения теоретических аспектов наука является одним из ведущих факторов общественного производства. К числу относимых к базовым факторам общественного производства (земле, труде и капиталу) классической экономической мыслью в современных условиях добавляется новый фактор – наука. При этом не просто добавляется, а коренным образом этот фактор видоизменяет основы общественного производства. В сложных самоорганизованных системах то, что воспринималось на определенных этапах ее развития в качестве второстепенного и производного, становится первым и определяющим. Это в полной мере относится к науке. Именно она становится определяющим фактором развития экономики. Производство новых знаний и создание новых технологий и новых видов услуг становится определяющим фактором развития современной экономики.

Взаимоотношения науки и власти, идеологии также заслуживают самого пристального внимания. Образ независимой науки от власти и идеологии уходит в прошлое. В исследованиях последнего времени предпринята попытка разобраться в сути отмеченной проблемы. Речь идет о работе С.Г. Кара-Мурзы «Идеология и мать ее наука»².

По мнению автора, ключевым моментом культуры индустриальной цивилизации является европейская наука. Современное западное общество возникло как единое целое, и одним из столпов, на которых оно стояло, был новый тип знания, познания и мышления – наука. Она заменила церковь как высший авторитет, легитимирующий, освящающий политический строй и социальный порядок. И она стала инструментом господства. Вместе с наукой, как ее «сестра», возникла и идеология, которая стала утверждать по поводу своих научных основ. Во Франции в эпоху Просвещения появилось сам термин «идеология» и была создана влиятельная организация – Институт, руководимый идеологами. Основатели этого Института утверждали, что «идеология» должна изменить лицо мира». Де Траси написал учебник «Элементы идеологии», в котором идеология была представлена как наука о создании, выражении и распространении идей. В XIX веке идеологии всех направлений черпают свои выводы из одного источника – науки. Она активно использует научный язык. Чем больше идеолог похож на ученого, тем больше ему доверяют. Как заметил физик К. Максвелл, «так велико уважение, которое внушает наука, что самое абсурдное мнение может быть принято, если оно изложено таким языком, который напоминает нам какую-нибудь известную научную фразу».

Современная наука – это сложнейшая сеть взаимодействующих друг с другом коллективов, организаций и учреждений – от лабораторий и кафедр до государственных институтов и академий, от небольших неформализованных научных сообществ до больших научных организаций со всеми атрибутами юридического лица, от научных парков до научно-инвестиционных корпораций, от дисциплинарных сообществ до национальных научных сообществ и международных объединений. Все они связаны как между собой, так и с мощными подсистемами общества и государства: экономикой,

образованием, политикой, культурой. Государство должно своими материально-финансовыми ресурсами поддерживать эту мощнейшую самоорганизующуюся систему, не сдерживая при этом свободу научного поиска³.

Вопросы для самопроверки.

1. Как происходил процесс становления науки как социального института? Каковы этапы этого процесса?
2. В чем заключается «этнос» науки? Какие основные этические принципы науки?
3. Какова роль науки как фактора общественного производства?
4. Каковы взаимоотношения науки и властных структур? Насколько обоснованно рассматривать науку как инструмент идеологии?

Раздел 2. Философские проблемы социально-гуманитарных наук

2.1. Общеетеоретические подходы

Философия как универсальное мировоззрение включает в себе не только представления о природном мире, но и об обществе, историческом процессе, культуре и человеке.

Философия, начиная с работ Платона, активно разрабатывала проблемы, относящиеся к пониманию общественной жизни. Древнегреческого философа интересовали вопросы социального и политического характера, которые нашли свое отражение в его трудах: «Государство», «Законы». По его мнению, социальная и политическая деятельность являются лишь внешним выражением способностей, заложенных в человеческой душе. Он считал, что на основе решения проблемы человеческой души, понимания ее частей и функций возможно решения проблем социально-политического характера. В работе «Государство» философ раскрывает динамическую природу души, которая имеет три аспекта – разум, пылкость и вожделение. Он считает, что пока философы не станут царями, а цари и владыки этого мира не стяжут дух и силу философии, пока политическое величие и мудрость не совпадут в одном, до тех пор не только города, но и весь род человеческий, никогда не найдут избавления от своих бед. Поэтому может выжить только идеальное государство, в котором правит мудрость, разум. В известном диалоге «Федр» Платон в известной мере под влиянием пифагорейского учения сравнивает разумную часть души с возничим, а пылкую и вожделеющую ее части с двумя конями, которыми должен повелевать разум.

Можно по-разному относиться к платоновскому учению об идеальном государстве. К. Поппер, как известно, критически относился к этому учению, считая его обоснованием тоталитаризма. Но, несомненно, то, что это учение положило начало обсуждению проблем общественной и политической жизни.

Ученик Платона Аристотель подошел к этим вопросам с других оснований. Он на основе анализа государственных устройств около 158 государств приходит к выводу о том, что различные государства и различные исторические обстоятельства диктуют различные формы правления. Поэтому следует в поисках «идеального государства» опираться исключительно на подробном изучении достоинств и недостатков реальных политических режимов. Такая позиция вытекала из его общей философской позиции, критического отношения к учению об идеях. С точки зрения выбора наилучшей формы правления, Аристотель предпочтению отдает монархии.

Это были первые попытки философского характера в решении социально-политических проблем. Они выявили возможность либо восходить к идеалу, эйдосу, исходя из которого, предпринимать активные шаги по конструированию самой реальности, доводя ее до идеального состояния, либо изучать саму реальность и в ней находить лучшие варианты. В средние века основанием для решения такого рода вопросов служила теология, а философские аргументы рассматривались лишь ее подспорьем (философия – служанка теологии).

Новые подходы стали четко обозначаться с эпохи Нового времени. В наиболее развитом виде они прозвучали в работах Т. Гоббса. Для него бесспорной и очевидной реальностью жизни человека стала борьба всех против всех. Людям, по его мнению, свойственно враждовать друг с другом ради приобретения ими того, чего они еще не имеют, либо ради защиты своей собственности от тех, кто стремится ее присвоить. Эта реальность классифицируется мыслителем как естественное состояние. При этом состоянии отсутствуют правительство, законы, понимание справедливого и несправедливого. Это – исходное состояние свободы человека, равное и тождественное хаосу, разрушению. Но оно противоречит доводам разума, который находит законы у природного мира. Поэтому, как считал Гоббс, необходимо сконструировать такое общественное состояние, которое регулируется определенными законами, правилами и нормами. Инструментом такого рода конструирования, по его мнению, является общественный договор, добровольное соглашение, по которому каждый поступает частью своих прав при условии, что остальные поступят так же.

Общественная жизнь или социально-политическая реальность не является простой данностью, вытекающей из тех или иных общих условий (на них настаивала античная и средневековая философия), а конструируется, создается самими людьми. Однако в понимании условий и факторов такого рода конструирования были разночтения. Гоббс, Локк, Монтескье, Руссо и многие другие мыслители, отстаивая общую исходную позицию конструирования социально-политической реальности, расходились во мнениях того, из чего она конструируется, как она конструируется, каковы механизмы поддержания созданной реальности и т.д.

В дальнейшем на более солидной философской основе проблемы социальной и политической жизни были рассмотрены в немецкой классической философии, особенно в работах Канта и Гегеля. Для Канта основанием

общественной жизни становится нравственное правило – категорический императив. В обществе каждая личность должна соотносить свое поведение с требованием категорического императива, суть которого заключается в том, что каждая человеческая личность может быть целью, но никогда не должна рассматриваться как средство. Для Гегеля основанием является Идея, а государство рассматривается как «самопроявление Бога на земле». В своих желаниях и действиях, мы как свободная и разумная сущность, должны исходить из того, что разумно. Ибо, как утверждал мыслитель, «все разумное действительно, а все действительно разумно».

В целом становление социально-гуманитарного знания, как и любого другого знания, проходит ряд этапов: мифологический, умозрительно философский, научный и философско-научный. О. Конт, выделяя известные фазы духовного развития человеческого духа, был не прав в том, что рассматривал фазу научную в качестве завершающей и абсолютной фазы развития мировоззрения человечества. Мифологический этап является исходной основой для последующих этапов развития мировоззрения. Следуя К.Г. Юнгу, этот этап можно назвать коллективным бессознательным, своего рода бессознательной формой миропонимания. Значимость этой формы миропонимания в том, что она определила исходные ценности человеческого бытия в Космосе, который живет действием, как объективных закономерностей (время, необходимость), так и субъективных намерений (богов, героев, людей). Философия не уничтожает мифологические представления, которые не исчезают и продолжают жить в сказаниях, легендах, поэтическом и художественном творчестве, а «надстраивает» мыслящее мировоззрение, стремящееся на основе логического мышления и его принципов осознать всеобщие начала мира, бытия человека в нем.

Однако процесс становления гуманитарного и социального знания первоначально происходил на умозрительной основе. Это было характерно до тех пор, пока собирание эмпирических сведений о социуме и человеке не положило начало формированию конкретно-научных дисциплин социально-гуманитарной направленности. Наметки этого процесса можно видеть уже в античной культуре, когда, особенно со времени Аристотеля, шел процесс накопления и обобщения эмпирического материала по отношению социальной и политической жизни общества. Этому способствовало и становление истории как направления научного исследования.

По мере накопления эмпирического материала совершается процесс выработки собственных научных представлений о тех или иных сторонах жизни общества. Ввиду многогранности и сложности самого объекта шел и процесс дифференциации социально-гуманитарного знания, что выразилось в появлении ряда наук: социологии, экономики, политологии, культурологии и т. д. Хотя первоначально, как это вытекает из работ основателя социологии О. Конта, социология понималась в качестве всеобщей науки об обществе. Но уже в 19 веке эта установка претерпевает существенную корректировку. Происходит интенсивный процесс формирования экономической теоретической мысли, вырабатываются политологические представления,

социологические исследования позволяют уточнить их предмет. XX век ознаменовался возникновением сложного и развитого комплекса социально-гуманитарных научных дисциплин. В науке стали задать определенный «тон» социально-гуманитарные, а не только, как это было раньше, естественнонаучные дисциплины. По отношению к современной науке принято говорить о трех основных ее составляющих: естественные науки, социально-гуманитарные науки, технические науки.

По отношению к социально-гуманитарным дисциплинам вполне правомерно говорить о социально-культурной их обусловленности. В обществе и его культуре созрели объективные и субъективные предпосылки для формирования относительно самостоятельного комплекса научных дисциплин, изучающих те или иные сферы общества. Здесь проявляется определенная закономерность: возникновение потребности в изучении тех или иных сторон жизни общества; накопление эмпирического материала; первичные концептуальные разработки, определяющие предметный статус той или иной научной дисциплины; выяснение соотношений с другими научными дисциплинами социально-гуманитарной направленности; определение места комплекса социально-гуманитарных наук в системе научного знания в целом.

Вполне закономерен вопрос: насколько процесс формирования социально-гуманитарных дисциплин отвечает схемам формирования науки: преднаука, научное знание в условиях господства философского и теологического мировоззрения, современная наука с ее этапами классической, неклассической и постнеклассической науки. Думается, что формально переносить схемы, приемлемые для естественнонаучного знания, на социально-гуманитарное знание нельзя. Во-первых, не вся философия как таковая, а социальная философия, философия истории, философия культуры, философская антропология являются философскими основаниями социально-гуманитарного знания. Во-вторых, проблематика типов рациональности, которая характерна для общих проблем философии науки, в социально-гуманитарном знании имеет свою специфику.

В социально-гуманитарном знании в отличие от естественнонаучного знания реализует антропологический подход. Антропологический подход полнее и глубже реализует исходную мировоззренческую установку социально-гуманитарных наук: человек творчески конструирует социальную реальность, ее типологию, ее нормы и ценности. Антропный принцип, вводимый в современную научную картину мира, как известно, лишь констатирует факт соизмеримости фундаментальных мировых констант с фактом физической данности человека. С точки зрения философских оснований социально-гуманитарных дисциплин, человек конструирует особую реальность, не совпадающую с физической реальностью, определяя себя как свободное творческое существо. И это конструирование является реализацией процессов свободы и ответственности, данности и творчества, стихийности и сознательности. Человек в его социальном бытии, говоря языком философии Гегеля и Маркса, как опредмечивает свои сущностные силы, определенный исторический уровень их развития, так и распредмечивает сущностные силы

мира. В социальном бытии человека диалектически взаимосвязаны между собой исходные смыслы мира и их уровень понимания человеком и то, как и во имя каких целей человек осуществляет исторический процесс.

Философская проблематика социально-гуманитарная знания имеет существенную специфику на уровне своей предметности и категориального языка. Уровнями предметности являются повседневный мир человека, жизнь человека в системах социума, жизнь человека в различных типах культур, жизнь человека в условиях процессов глобализации и т.д. Язык понимания отмеченных уровней предметности включает понятия экзистенции, подлинности и неподлинности бытия, пограничных ситуаций, жизни и смерти, конструктивности и деструктивности, свободы и ответственности, общения, понимания и т.д. Все это свидетельствует, что для социально-гуманитарного знания характерным принципом становится принцип антропологизации знания. Не знание само по себе, а преломленное через призму собственно человеческих отношений, оно выступает основной для социально-гуманитарных наук.

Концептуальные основания социально-гуманитарных наук претерпели существенную свою эволюцию, реализуя натуралистические, социобиологические, экономические, социально-правовые, культурологические, психологические и социологические подходы. Это объясняется как сложностью социальной и духовной реальностью, так и тем, насколько были разработаны концептуальные подходы, насколько была осознана специфика предмета исследования.

В литературе обращается внимание на то, что в последнее время все больше уделяется внимание не выявлению общих закономерностей и тенденций развития общества, а исследованию феномена повседневности¹. Если раньше социологов, психологов, культурологов больше интересовали общие проблемы социума, то в настоящее время на первый план выдвигаются процессы жизнедеятельности людей в повседневных ситуациях, в так называемых «жизненных практиках». Как отмечают в своей книге «Социальное конструирование реальности» социологи П. Бергер и Т. Лукман, «знание повседневной жизни напоминает инструмент, прорубающий дорогу в лесу и проливающий полосу света на то, что находится впереди и непосредственно рядом, а со всех сторон дороги обступает темнота... Иначе говоря, реальность повседневной жизни всегда оказывается хорошо понятой зоной, за пределами которой – темный фон»²

Однако это не означает того, что общие проблемы жизни социума не исследуются. Они исследуются с учетом мира повседневности, с учетом реалий, которыми живет современный человек. В этих исследованиях учитываются как деструктивные процессы, которые о себе остро напоминают в виде террористических акций, так и то, что у современного человека имеется потребность преодолеть противостояния: культур, человека с человеком, человека и социума, человека и властных структур. Эти проблемы всегда остро ставились и обсуждались в отечественной культуре. При этом, если в классической отечественной культуре на первый план выдвигались проблемы внутренней жизни человека и его взаимоотношений с другими людьми, то в

современной культуре, с ее иногда непредсказуемостью и бессознательностью, важное место занимают вопросы экологической направленности в их широком понимании: поиск гармонии не только с природным миром, но и с миром культуры, но, прежде всего, – гармонии с самим собой.

Таким образом, социально-гуманитарное знание в своих мировоззренческих и методологических основаниях характеризуется антропологическим подходом, поиском конструктивных решений жизненных проблем, встающих как на уровне повседневности, так и на уровне социумов, включая и человечество в целом.

Вопросы для самопроверки.

1. Какова роль философии в формировании знаний об обществе, культуре и человеке?
2. Как происходил процесс формирования научных дисциплин социально-гуманитарного цикла?
3. Насколько правомерно переносить общие схемы формирования научного знания на процессы становления социально-гуманитарных дисциплин?
4. В чем заключается антропологический подход в социально-гуманитарном знании?

2.2. Специфика объекта и предмета социально-гуманитарного познания

Специфика объекта и предмета социально-гуманитарного познания является одной из актуальных проблем. В той или иной степени эта проблема была поставлена в немецкой классической философии, а затем в различных ее оттенках рассмотрена в школах, как отечественной, так и западной современной философии. При этом если немецкая классическая философия развивала традицию рационалистического философствования и на основе этой традиции ставила проблемы объекта и предмета социально-гуманитарного познания, в современных школах отечественной и западной философии спектр философствований существенно расширился за счет экзистенциального, антропологического, феноменологического, герменевтического и ряда других подходов. Рационалистическая схема субъектно-объектных отношений вполне справедливо отвергалась в качестве внешней и формальной схемы, очень далекой от проблем реальной жизни человека. Все больше утверждалась идея, особенно в отечественной культуре, что самой своей жизнью, а не только разумом, своим сердцем и совестью, своим духом человек утверждает истины «живого», а не мертвого, рационализированного знания.

Сам объект социально-гуманитарного познания предстает как деятельность. Если природные процессы объективированы и в своей объективности выступают в качестве предмета научного познания, то социальные процессы осуществляются на основе субъективной деятельности людей. В них диалектически взаимосвязаны между собой объективное и

субъективное. Объективное – условия, предпосылки, закономерности деятельности; субъективное – цели, оценки, а также и сама деятельность.

К проблеме выделения предмета гуманитарного познания, выявления его специфики можно подойти по-разному. Можно отметить, по крайней мере, три подхода. К первому походу относится противопоставление гуманитарных и естественных наук. Такой подход был характерен для философии жизни, философской герменевтики, экзистенциализма, «понимающей социологии». В современной методологии науки он наиболее последовательно проводится представителями философской герменевтики. Второй подход выделения предмета гуманитарного познания отличается от первого отношением к методам познания. Для него характерно признание различных областей для гуманитарных и естественных наук и утверждение необходимости использования в гуманитарном познании методов точных наук. Здесь гуманитарный идеал научности подгоняется под естественнонаучный идеал научности. Такая точка зрения характерна для позитивизма в его первоначальном варианте. Третий подход связан с идеализацией и абсолютизацией роли естественных наук. Математика и естественные науки считаются подлинно научными сферами познавательной деятельности. Научным считается только то, что относится к области этих наук. Все остальное не относится к научному познанию. Эту концепцию наиболее последовательно отстаивал логический позитивизм.

Социальный мир, мир культуры, мир жизненных отношений творится, созидается, конструируется самим индивидом, а не есть как некоторая природная данность. Задача науки - выработка и систематизация истинного знания о действительности. С Нового времени - времени зарождения математического естествознания - синонимом истинности становится понятие объективности. Истинное знание – это объективное знание. Понятие объективности подчеркивает особый аспект истины – ее свободу от привнесений в знание тех или иных свойств познающего субъекта, искажающих картину предмета познания. Объективное противопоставляется субъективному. Такое понимание восходит к науке и философии Нового времени. Объективная истина здесь понимается как такое знание, которое воспроизводит объект, каков он сам по себе, безотносительно к субъекту и акту познания. Но уже представители классической немецкой философии, начиная с И. Канта, показали, что такое знание в принципе невозможно. Знание есть продукт взаимодействия субъекта познания и его объекта. Следовательно, желание иметь знание об объекте безотносительно к субъекту познания и к познавательному акту как таковому - плод непонимания сущности познавательного отношения человека к действительности. Уже в классической философской традиции был сформулирован принцип предметной деятельности. Согласно этому принципу, действительность осваивается – практически и духовно – в исторически выработанных формах деятельности. Субъект не пассивно созерцает объект, а воздействует на него и лишь потому вырабатывает знание о нем.

С точки зрения предметности, естествознание изучает природный мир в самом широком смысле, а гуманитарные и социальные науки исследуют “мир человека” и социум во всем его многообразии. Но и в той предметности, относимой к гуманитарным и социальным наукам, существуют области, которые входят в состав предмета естествознания. Например, анатомия и физиология человека не являются предметом гуманитарного познания; она исследуется биологией и медициной. То же можно сказать и о части предметного мира человека, особенно об искусственных реалиях. Скажем, химия пластмасс или физика полупроводников исследуют явления, которые в природе как таковой не встречаются. В этих и им подобных случаях у естествознания и у гуманитарного познания различаются сами познавательные установки. Естествознание движется от внешней “обработанной” формы предмета к его материальной сущности; для него общественное назначение предмета – только внешний облик и образ, за которым скрывается его “настоящее”, природное содержание, законы, которые не изменились в “искусственном” предмете. Напротив, с точки зрения гуманитарного и социального исследования, материальный облик вещи есть лишь ее внешняя оболочка, чувственный образ, за которым скрывается его действительное, теоретическое содержание. Здесь природа служит лишь формой, в которой нужно выявить подлинное – социальное – содержание¹.

В качестве критерия различения естественных и гуманитарных наук нередко называется метод познания. Проблема метода социально-гуманитарного познания, бесспорно, является основной методологической проблемой. Среди множества подходов можно выделить номотетическую и идеографическую методологические позиции. Для номотетической концепции в методологии гуманитарных наук было характерно приуменьшение роли индивидуализирующих методов исследования, требование использования при объяснении общенаучных методик. Для представителей этой концепции был специфичен методологический подход: использование методов «более развитых» наук в проблемных полях наук, «менее развитых». Следствием такой методологической операции оказывалось исчезновение особенностей редуцируемой. Так, например, один из видных представителей номотетического направления В. Вундт считал, что история является «прикладной психологией». Противоположностью номотетической концепции является идеографическая методологическая установка. Она абсолютизирует значение описательных, индивидуализирующих методов. Среди сторонников этой концепции следует особо выделить В. Виндельбанда, Г. Риккерта, Х. Зигвардта, В. Гумбольдта. Идеографическую точку зрения в отечественной мысли, в частности в методологии истории, принимал также А. С. Лаппо-Данилевский, но существенно обогатив ее. Различая номотетическую и идеографическую точки зрения в методологии истории, он считал, что основанием для их разведения является цель научного исследования, а не средство (метод). Номотетическая концепция стремится (ставит своей целью) познать законы изучаемой области, а идеографическая — реконструировать и систематически изложить (описать) реальность, являющуюся предметом исследования. Принимая идеографический

метод в истории, Лаппо-Данилевский отмечал, что в историческом познании необходимо использовать и законы, номологические обобщения, типологические обобщения и прочие методы из арсенала номотетической концепции. Но вся эта методологическая техника используется лишь как средство для достижения цели, поставленной идеографической методологией.

Отметим точку зрения М.М. Бахтина, который настаивал на том, что мир человеческой действительности не может исследоваться так же, как мир природных объектов, мир “безгласных вещей”. “Любой объект знания, - писал Бахтин, - (в том числе человек) может быть воспринят и познан как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим”².

Действительно, в гуманитарных и социальных науках познавательная ситуация существенно отличается от естественнонаучного познания. Здесь субъект, ни при каких условиях, даже в абстракции, не может исключить себя из познаваемого предмета. Эти особенности гуманитарного и социального познания определяют и характер объективности вырабатываемого им знания. Конечно, в аспекте методологии познания имеется и общее с научным познанием в целом. В частности, это видно на примере двух направлений методологии исследования: фактуализма и теоретизма. Сторонники первого абсолютизируют роль фактов, настаивают на их самодостаточности и автономности по отношению к теории. Цель исследования они усматривают в накоплении как можно большего количества фактов. Сторонники второго, напротив, абсолютизируют роль теории, полагая, что именно теория определяет, что является фактом, а что таковым не является. Макс Вебер в связи с этим заметил: “Ненасытная жажда фактов, присущая первым, может быть удовлетворена только материалами актов, фолиантами статистических – таблиц и анкетами; тонкость новых идей недоступна их восприятию; изоэтрность мышления приводит сторонников второй группы к утрате вкуса к фактам вследствие непрерывных поисков все более “дистиллированных” мыслей”³.

Следует учесть и то обстоятельство, «факты» гуманитарного и социального познания отличаются от «фактов» естествознания. Всякий факт не есть нечто абсолютно себе тождественное, лишенное каких-либо субъективных привнесений. Некий феномен становится фактом в свете определенного мировоззрения, определенной концепции и т.д. Так называемых “голых” фактов не существует; факт всегда дан вместе с тем или иным его толкованием (пусть это будет донаучное, обыденное истолкование). Исторический факт отличается не только тем, что он – в отличие от естественнонаучного – есть нечто единичное, подчас уникальное, а не повторяющееся, но еще и в том, что к его всевозможным истолкованиям прибавляется и его оценка. Подчас сама полнота достоверности исторического факта оказывается проблематичной. Так, например, некоторое историческое событие или статус некоторого исторического деятеля в контексте своего времени воспринимаются и расцениваются определенным образом, а в последующие эпохи, в том числе и

исторической наукой, воспринимается и оценивается иначе и даже противоположно. Исторический факт не является чем-то замкнутым и потому однозначным. Исторический факт является феноменом открытым, способным при встрече с новыми фактами раскрыть то, что до поры до времени в нем не могли увидеть ни современники, ни их ближайшие, а иногда и отдаленные, потомки. Известный философ культуры и литературовед М.М. Бахтин ввел понятия «малого» и «большого» времени. Малое время ограничено наличной современностью, большое время - это время всемирно-исторического процесса. “В каждой культуре прошлого, - писал он, - заложены огромные смысловые возможности, которые остались не раскрытыми, не осознанными и не использованными на протяжении всей исторической жизни данной культуры”⁴. И только в последующие эпохи они могут быть раскрыты и осознаны, т.е. в большом времени истории. Все это в полной мере относится и к феномену исторического факта. Историк, особенно историк прошлых эпох, не имеет дела с живыми людьми, с их поступками и действиями. Он имеет дело лишь с, так сказать, “следами” этих поступков и действий - с произведениями материальной и духовной культуры, с результатами созидания и разрушения. Но за всем этим стоит угасшая в этих “следах” живая жизнь людей далекого прошлого. Они, а не сама по себе “следы” – цель и предмет познавательной активности. Через произведения историк должен пробиться к их творцам (или разрушителям). Поэтому активность в данном случае должна быть, согласно М.М. Бахтину, диалогической. “Это активность вопрошающая, провоцирующая, отвечающая, соглашающаяся, возражающая и т. п. ...”⁵. Каждая историческая эпоха есть относительно целостное, хотя и не замкнутое, образование. В ее границах люди поступают и действуют, руководствуясь своими потребностями и интересами, мотивами, ценностями и идеалами, вплоть до мировоззренческих ориентаций. Все это должен учитывать историк, руководствующийся принципом объективности, стремящийся дать объективную картину эпохи.

Развитие социально-гуманитарного познания ведет к выработке новых понятий, таких, которые позволяют более полно, более глубоко (и, следовательно, более объективно) познавать действительность. Поэтому отсутствие тех или иных понятий в культуре той или иной эпохи не является аргументом ни в пользу тезиса о неприменимости к ее исследованию данных понятий, ни в пользу тезиса об отсутствии выражаемых этими понятиями феноменов в составе данной культуры. “Не следует забывать, - заявляет А.Я. Гуревич, - что историку приходится оперировать двумя не совпадающими рядами понятий - научными понятиями, сложившимися в Новое время, и понятиями, которыми пользовались люди изучаемой им эпохи. Эти два ряда не следует смешивать, но и не применять оба эти ряда. Вся проблема состоит в том, как сочетать наше, современное видение истории и культуры прошлого с видением мира и человека, присущим носителям этой культуры”⁶. Следовательно, стремление быть объективным требует критического отношения не только к понятиям прошлых эпох, но и к своим собственным..

В современных подходах к проблемам сходства и отличия наук о природе и наук об обществе учитывается ряд методологических аспектов: во-первых, проблема соотношения двух культур: культуры естественнонаучной, основой которой являются науки о природе и культуры гуманитарной, основой которой являются науки социально-гуманитарные; во-вторых, идея, поставленная в философском плане в 40-х XIX столетия К. Марксом и в натуралистическом плане в конце этого столетия В.В. Докучаевым, о том, что в последствии науки о человеке включают в свой предмет исследования науки о природе, что приведет к формированию единой науки; в-третьих, схемы теоретизирования, включающие необходимость введения идеализаций, а тем самым и должного, имеют общие совпадающие моменты, как в естественных, так и гуманитарных науках; в-четвертых, синергетический подход, разработанный в недрах естествознания, находит все более широкое применение в социальных и гуманитарных исследованиях.

С точки зрения синергетики, все системы, которые изучает современная наука, являются сложными самоорганизующимися системами. Поэтому такие качества социальных систем и систем «жизненных практик» как многообразие, неповторимость, уникальность, случайность и изменчивость не противоречат общим методологическим принципам синергетики. А тем самым диалектически снимается проблема, поставленная неокантианцами, о противоположности методов наук о природе и наук о духе.

Вопросы для самопроверки

1. В чем заключается специфика объекта и предмета социально-гуманитарного познания?
2. Какие особенности общества и человека как предмета социально-гуманитарного познания?
3. Каковы условия объективности социально-гуманитарного познания?
4. Какова научная картина мира в социально-гуманитарных науках.

2. 3. Субъект социально-гуманитарного познания

Субъект социально-гуманитарного познания не находится в социальном вакууме и не является исключительно познающим субъектом. Он - живой человек, с социально сформированным сознанием. У него, как и любого человека, имеются свои интересы, предпочтения, пристрастия, ценности и т.д. Все это в той или иной степени оказывает влияние на его познавательную деятельность в сфере социальных и гуманитарных наук. Сознание человека подвергается действию различных социокультурных факторов, в том числе и со стороны господствующей идеологии. В советское время, как известно, воздействие идеологии было довольно мощным, что даже “вольнодумцы” не были полностью свободны от ее влияния. Но если отвлечься от этого, то остается внутренний мир человека и, в частности, исповедуемые им ценности.

Но суждение познавательное и суждение ценностное – это явления разного порядка. Научное объяснение фактов и их оценка не могут считаться эквивалентными. Их смешивание или подмена научных суждений суждениями ценностными ведет к субъективизму. Этот субъективизм может быть как намеренным, сознательным, так и стихийным, неосознаваемым. Исследователь полагает, будто он ищет объективную истину, а на деле научными средствами утверждает, защищает и пропагандирует вполне конкретные ценности. При «сознательно» (к примеру, под воздействием идеологии) проводимом субъективизме результаты исследования заранее предписываются исследованию и действия такого “ученого” являются лишь имитацией познавательной деятельности. В этом случае выбираются только те факты, которые допускают интерпретацию в духе требуемого результата; факты, не работающие на такую “теорию”, либо отвергаются как ложные, либо же замалчиваются.

При неосознаваемом субъективизме ученый проводит его, как правило, не столь последовательно, но зато исключительно искренне. Субъективист, проводящий субъективизм по заказу, может относиться к своему занятию даже цинично. По крайней мере, он отдает себе отчет в том, что он делает. Ненамеренный субъективист отчета в своем субъективизме не отдает. И это, действительно, нелегко. Особенно для историков, занятых историей своего народа, своей нации, своего государства. А если к тому же эта история была драматической, то удержаться от привнесения в научные положения оценок почти невозможно.

Такая ситуация в исторической науке имеет место во всех постсоветских государствах, включая и Россию. Долгими десятилетиями “компетентные инстанции” предписывали, что можно исследовать, а что нельзя, как что преподносить, делали недоступными даже для специалистов исторические источники и т.д. и т.п. В условиях, когда все “спецхраны” были упразднены, когда не стало “запретных тем” и исторических деятелей, историку – по крайней мере, на первых порах - трудно не впасть в субъективизм при анализе тех или иных новых фактов, трудно не смешивать объяснение этих фактов с их оценкой.

Противоположностью субъективизма, как известно, является объективизм. Объективизм есть сознательная ориентация исследователя на воздержание от критических оценок познаваемой действительности, от привнесения ценностных суждений в научное познание. Эта ориентация превращает науку в пассивно-описательное изображение действительности. Позиция исследователя, в частности историка, ориентирующаяся на принцип объективности, должна находиться вне оппозиции “субъективизм – объективизм”. Историк не должен избегать оценок, избегать высказывания ценностных суждений. Он только должен четко различать, где он дает объяснение факта, а где – оценку этого же факта. И те, кому адресованы результаты его деятельности, тоже должны это ясно видеть. М. Вебер писал: “Объективность” познания в области социальных наук характеризуется тем, что эмпирически данное всегда соотносится с ценностными идеями, только и

создающими познавательную ценность указанных наук, позволяющими понять значимость этого познания, но не способными служить доказательством их значимости, которое не может быть дано эмпирически”¹. Ценностные идеи, “будучи элементами осмысленных человеческих действий, допускают эмпирическую констатацию и сопереживание, но не обоснование в своей значимости эмпирическим материалом”². В силу этого они и не должны устраняться из результатов исторического познания. Но, как мы уже отметили, при условии не смешивания их с чисто научными положениями.

Рассматривая проблему субъекта социально-гуманитарного познания, необходимо учитывать включенности его сознания в более широкий мировоззренческий контекст. Известный отечественный историк Л.Н. Гумилев отмечал, что на мир можно смотреть с трех основных позиций: позиции «мышьи норки», позиции «возвышенности», позиции «орлиного полета». Первая позиция тяготеет к обыденному сознанию; она субъективна, эгоистична и не критична. Иначе говоря, не отвечает «духу» науки. Вторая позиция выражает те или иные мировоззренческие и познавательные установки. Она отвечает лишь «духу» специализации науки. Только третья позиция позволяет исследователю проявить свободу творческого научного поиска. Примером такого рода является творчество самого Гумилева, его смелые обобщения и взгляды на исторический процесс. В известной работе «Этногенез и биосфера Земли» его исторические обобщения приобретают характер творческих мировоззренческих находок, интересных не только для историков, но и представителей других научных дисциплин. Автор отмечал, методологические трудности, возникающие на пути исследователя. Во-первых, традиционные методы естествознания, позволяющие не только описывать процессы, но и устанавливать их генезис, оказываются не исчерпывающими из-за отсутствия датировок, пусть даже не очень строгих. Во-вторых, следует учитывать и методологическую позицию исследователя. Гумилев, как «дитя» своего времени, отмечал важность методологической позиции исторического и диалектического материализма. При этом он акцентировал внимание на диалектическом материализме, который, по его мнению, позволяет учесть соотношения человечества с биосферой. Узкий подход специалиста ведет к утере контуров «главного объекта этнической истории – дискретного многовекового процесса этногенеза, его начал и концов»³. Гумилев отмечал также и то, что в исследовании феномена этногенеза необходимо учитывать и методы естественных наук. «Прямое же изучение динамики этнических систем как ее части возможно лишь при обработке исторического материала методами естественных наук. Исследуя таким методом историю какого-либо одного суперэтноса, мы установим причинно-следственные связи, определяющие ход процесса. Если же прибавить к этому историю этнических контактов между разными суперэтносами за длительный период времени, то мы получим динамику развития суперэтносов. Установление взаимосвязи этой динамики с ландшафтными изменениями и есть та задача, которая решается этнологией. При ее решении становится очевидным, что поступки людей, как на персональном, так и на популяционном уровнях, в социальной и этнической

средах имеют диаметрально противоположные последствия. В социальной сфере важно, что и как человек сделал: каменный нож, электрическую лампочку или атомную бомбу. Чаще всего он не может предвидеть последствий своих изобретений, потому что развитие социосферы носит спонтанный характер, причина которого лежит внутри нее самой. Это саморазвитие изучается социологией. В этнической среде человек или этнос как система может не сделать чего-либо вредного для природы, частью которого является он сам. Значит, необходимо предвидеть последствия своих поступков в отношении природы, ибо любая ошибка может стать роковой»⁴. Только учитывая грани различных уровней реальностей – природной, этнической и социальной – и диалектически соединяя их в целостность соотношений биосферы и человечества, возможно определить общую стратегию исследования и вытекающие из нее те или иные частные задачи. В этом случае целостное видение обеспечивает продуктивность конкретно-научных исследований. А это предполагает выдвижение смелых идей. Идея пассионарных толчков – относится к такого рода смелым предположениям, и, как отмечал Гумилев, не противоречащим фактам.

В философско-методологической литературе значительное внимание уделяется личностному неявному знанию субъекта. Эта проблема получила свое осмысление в работах М. Полани, английского философа и ученого⁵. В 50-х годах прошлого столетия он разработал концепцию «неявного знания». В структуре познавательной, а также и поведенческой, деятельности человека он выделял явные и неявные компоненты. В деятельности ученого неявное знание представлено как личностное знание, выражаемое в мировоззренческих предпочтениях, убеждениях. Такого рода знание нельзя полностью эксплицировать и сделать доступным другим: оно передается «из рук в руки» на основе личностного общения. Психологические исследования, проведенные в рамках «аналитической психологии», подтверждают важность явления неявного знания. В работах К. Юнга, развивающих идеи З. Фрейда, на многочисленном научном материале было доказано наличие не только индивидуального, но и коллективного бессознательного. Индивидуальное бессознательное, конечно, шире, чем неявное знание индивида, так как включает подсознательные процессы психического. Выводимое на уровень индивидуального сознания, не все его содержание может быть четко выявленным. Всегда что-то остается, что определяет убеждения исследователя, его глубину теоретического мышления, его мастерство в проведении научных экспериментов. И, как показал Юнг, основанием как культуры в целом, так и индивидуального сознания, является коллективное бессознательное. В работе «Структура души» он писал «Сознательное как бы устремляется извне вовнутрь, в нас, в виде восприятий. Мы видим, слышим, осязаем и обоняем мир, и тем самым его осознаем. Восприятие говорит нам, что *есть* нечто. Но оно не говорит нам, что это. Об этом говорит нам не процесс перцепции, а процесс апперцепции. Это последний процесс является комплексным образованием»⁶. Далее Юнг выделяет в качестве содержаний сознания процессы воли и влечений. Последние, по его мнению, представляют собой

импульсы, проистекающие из мира индивидуального бессознательного. «Я, - отмечал Юнг, - абсолютно не сомневаюсь в том, что любая работа, обычно совершающаяся в сознании, может точно также протекать и в бессознательном. Существует множество примеров, когда интеллектуальная проблема, оставшаяся не решенной в часы бодрствования, была разрешена во сне»⁷. Примеров такого рода истории науки известно множество. По отношению к отечественным ученым обычно ссылаются на творчество Д.И. Менделеева и на тот известный факт из его биографии, поясняющий роль сна в решении проблемы создания периодической системы химических элементов. Конечно, существует множество и других примеров, устанавливающих в качестве точного эмпирического обобщения роль бессознательного в научном творчестве. В психическом мире индивида, как считал Юнг, существует еще и более глубокий ее уровень, чем индивидуальное бессознательное, уровень коллективного бессознательного. Индивидуальное бессознательное «является лишь поверхностным слоем, под ним лежит абсолютное бессознательное, которое никак не связано с нашим личным опытом»⁸. Можно сказать, что основу мышления и мировоззрения образует коллективное бессознательное – духовный опыт человечества, выражаемый мифологией, религией, преданиями и сказаниями. Лишь затем на этой основе формируется индивидуальное сознание и индивидуальное бессознательное. И чем богаче и разнообразнее связи индивида с основой его мышления и мировоззрения, тем более творческой и продуктивной может стать его научная деятельность. Отечественная история дает тому множество примеров. В качестве одного из них можно привести пример научной деятельности А.Л. Чижевского. Он получил хорошее домашнее образование, учился в варшавской гимназии, окончил частное реальное училище Ф. Шахмагонова в Калуге. Высшее образование получил в Московском археологическом институте, где в 1917 году защитил магистерскую диссертацию на тему: «Русская поэзия XV-XVI веков», и в Московском коммерческом институте, который закончил в 1918 году. Учился также на физико-математическом и медицинском факультетах Московского государственного университета⁸. В поле зрения его исследований было осмысление связи человечества с Солнцем и Космосом в целом. И в своем научном творчестве он учитывал мифологические сюжеты, раскрывающие связь с Солнцем, астрологические обобщения, соединяя, образно говоря, «связь времен», древнейшие воззрения с современными научными достижениями.

Речь должна идти не только об индивидуальном проявлении научного исследования, но и о коллективном субъекте, представленном в виде научного сообщества. Коллективные формы научного творчества не есть современное изобретение, они пришли к нам из глубины веков. В древнейших культурах Востока и Запада коллективная форма творческого поиска предстала в виде многочисленных школ: конфуцианства, даосизма, буддизма, милетской школы, пифагорейского союза, академии Платона, школы перипатетиков, александрийской школы и т.д. В рамках этих школ формировались свои мировоззренческие и научные традиции, которые играли большую роль в коллективном творчестве.

Вопросы для самопроверки.

1. Что следует понимать под субъектом социально- гуманитарного познания?
2. Каковы особенности субъекта социально-гуманитарного познания?
3. Какова роль личностного неявного знания?
4. Каково взаимоотношение между индивидуальным и коллективным бессознательным в гуманитарном познании?
5. В каких формах существует коллективный субъект гуманитарного познания?

2.4. Природа ценностей и их роль в социально-гуманитарном познании

Ценности, как известно, являются ядром культуры, а ценности личности аккумулируют в себе основное содержание ее духовного мира. Совершенно очевидно, поэтому, ведущие философские течения и школы не могли не заметить ценностных представлений людей и не выразить к ним своего отношения. Хотя первооткрывателями ценностей считаются неокантианцы (Виндельбанд, Риккерт и др.), но работа по их рассмотрению велась в философии давно, начиная с античной мысли. Кризис афинской демократии заставил Сократа поставить вопрос: «Что есть благо»? Аксиология как учение о ценностях сделала понятие «ценностей» центральной философской проблемой, претендующей дать ключ к решению проблем жизни человека и, прежде всего, — к выяснению смысла жизни.

Существует несколько подходов к выяснению природы ценностей: натуралистический, психологический, персоналистический, социологический, культурологический, собственно философский. Проблему ценностей как философскую проблему впервые поставил И. Кант, который противопоставил между собой мир природной необходимости и нравственный мир человек, для которого характерна свобода. Это выразилось в противопоставлении чистого (теоретического) и практического (нравственного) разума. В мире свободы человек поступает в соответствии с ценностями, основным нравственным законом (категорическим императивом). Необходимо отдать должное Канту, что задолго до появления этических проблем науки он утвердил идею первенства практического разума над теоретическим разумом. В неокантианстве понятие ценностей и связанные с ним проблемы получили свое дальнейшее развитие. С точки зрения Виндельбанда и Риккерта, ценность — это идеальное бытие, соотносимое с трансцендентальным или «чистым» сознанием. Как отмечал Риккерт, не все объекты обнаруживают ценности. Примером объектов, которые связаны с ценностями, являются произведения искусства. По отношению к другим объектам он вводит понятие блага. К ним можно отнести объекты хозяйственно-экономической жизни. При этом философ предупреждал о том, что нельзя смешивать понятия ценности и оценки. Ценность относится к другой сфере понятий, чем оценка. Проблема

ценностей, как считал Риккерт, есть проблема «значимости» и ни в коем случае не совпадает с вопросом о существовании акта оценки. Эту мысль он пытается прояснить на примере научных истин. Вопрос об истинности научного положения существенно отличается от вопроса о факте действительной оценки теоретической ценности того или иного положения. «Тот факт, что какая-нибудь ценность действительно оценивается, хотя бы всеми людьми всех времен, даже вообще всеми оценивающими существами, отнюдь не гарантирует еще значимости этой ценности. Ценность может обладать значимостью даже и при отсутствии акта оценки, выражающего то или иное к ней отношение»¹. Как отмечал Риккерт, блага и оценки не суть ценности, они представляют собой соединения ценностей с действительностью. Сами ценности, не относящиеся ни к области объектов, ни к области субъектов, образуют совершенно самостоятельное царство, лежащее, по мнению философа, по ту сторону субъекта и объекта. Если мир состоит из действительности и ценностей, то в противоречии обоих этих царств и заключается, как подчеркивал Риккерт, *мировая проблема*. «Противоречие это гораздо шире противоречия объекта и субъекта. Субъекты вместе с объектами составляют одну часть мира – действительность. Им противостоит другая часть – ценности. Мировая проблема есть проблема взаимного отношения обеих этих частей и их возможного единства. Расширение философского понятия о мире ведет, таким образом, к постановке новой проблемы. Философия и должна обратиться, прежде всего, к решению этой подлинной мировой проблемы, проблемы отношения ценности к действительности. Лишь тогда сможет она дать мировоззрение, которое было бы действительно чем-то большим, нежели простое объяснение действительности»².

Такая постановка вопроса о соотношении действительности и мира ценности, с одной стороны, свидетельствует о том, что из мира действительности ушли ценностные аспекты (мир обесценен) и остались в нем лишь блага и оценки. Но с другой стороны, это свидетельствует также и о необходимости соединения действительности с ценностями. Кризисы, которые переживает современное человечество, вызваны, прежде всего, противостоянием действительности и ценностей.

В попытках понять природу ценностей, западная мысль, особенно социологического направления, потеряв всякую надежду найти в «ценностях» ключ к решению всех проблем, поставила ценности в один ряд с другими понятиями: нормами, мнениями, идеалами, верованиями и т. п. Рассматривая ценности как данное и исходя из непосредственного (ценностного) отношения человека к миру, социологическая мысль пытается детально изучить структуру функций ценности, механизм их воздействия на поведение человека. Всем оттенкам социологических подходов свойственно признавать важное организующее значение ценностей в обществе и жизни человека. Так, социолог Гарман полагает, что изменения, происходящие с промышленно развитыми странами, объясняются в значительной мере усилением интереса к ценностным проблемам, связанным с качеством жизни. Он связывает предстоящую трансформацию общества, которая, по его мнению, будет быстрой,

фундаментальной, и даже опасной, с изменениями в ценностях. Разрешение социальных проблем в мире, безусловно, предполагает необходимые изменения в системе культурных ценностей для своего разрешения. Известный футуролог Тоффлер еще в 70-е годы прошлого столетия отмечал, что человек может сотворить гедонистический ад на Земле или свирепый тоталитаризм, или многообразие добреньких утопий. Но будущее, которое он изберет, будет зависеть от того, насколько ясно мы поймем и предскажем изменения в сложной и чередующейся архитектуре ценностей, которые управляют человеческим поведением. Гуд, профессор Колумбийского университета, определяет ценности как: общий критерий или стандарт, которым оцениваются действия, вера или любой социальный объект; критерий, который использует группа как меру доброты, справедливости, целомудрия, ритуальной чистоты, или эстетической красоты, отличающийся от нормы, в основном, большей всеобщностью и потому большей трудностью его применения и специфическому поведению Классик американской социологии Парсонс делает акцент на нормативном (социальном) определении ценностей, представляя личность лишь как единицу социального действия. Он решительно отсекает ценности как ориентации на социальные способы действия от личностного начала, которое он называет мотивационным. Для чего необходимы ценности? Прежде всего, как средство социального контроля. Социальный контроль необходим ввиду несоответствия «природы человека», понимаемой абстрактно гуманистически, и социальной системы. Человек рассматривается только через призму действия этой системы. Социолог В. Вильямсом насчитывал четыре качества ценностей. Они, во-первых, имеют концептуальный элемент, который более глубок, чем только чувства, эмоции или потребности. В этом смысле, ценности могут пониматься как абстракции, выведенные из опыта. Во-вторых, они эффективно наполнены или включают определенное истолкование, имеющее эмоциональный аспект. Эмоции всегда потенциальны. В-третьих, они не являются конкретными целями действия, но соотносятся с целями так, что служат критериями для их выбора. Они направлены на те предметы, которые определены как ценности. В-четвертых, они существенны. Здесь фиксируется роль ценностей в организации индивидуального поведения, их психологический статус как «потенциал» (латентных) образований и указывается на связь ценностей сознания с жизненным опытом личности: но они извлекаются из опыта в форме абстракций.

Для рассмотрения роли ценностей в социально-гуманитарном познании следует учесть точку зрения известного философа и методолога К. Поппера. Исследования такого рода существенно отличаются от естественнонаучных исследований. Как отмечал Поппер, «в историческом исследовании выбор предмета рассмотрения оказывается личностным в гораздо большей степени, чем он был бы, скажем, при написании научного трактата»³. Ибо социально-гуманитарное исследование определяется наряду с идеалами и нормами научного исследования и ценностными предпосылками, которые включают и личностное отношение к предмету исследования. Характеризуя специфику исторического познания, выбор исследователем тех или иных исторических

фактов, их интерпретация, по мнению Поппера, во многом зависит от позиции историка. Это обстоятельство дало повод для сомнения в возможности объективного исторического исследования. «Поскольку вся история зависит от наших интересов, то могут существовать только истории, а не «история» развития человечества, описывающая «действительное развитие человечества»⁴. В таких высказываниях, конечно, преувеличивается значение ценностных суждений, хотя сама проблема их роли в социально-гуманитарном познании поставлена правильно. Ценностные суждения существуют по поводу тех или иных фактов. Их признание уже свидетельствует о предпосылках объективности исследования. Существуют также идеалы и нормы их реконструкции. С точки зрения М. Вебера, «в исторической проблематике единственно возможной основой, определяющей выбор при отнесении к ценности, может быть только значимая для нас ценность «истина»⁵. Именно и она, по его мнению, обеспечивает объективность социально-гуманитарного познания.

В отечественных исследованиях ценность трактуется как «невербализуемые, «атомарные» составляющие наиболее глубинного слоя всей интенциональной структуры личности, в единстве предметов ее устремлений (аспект будущего), особого переживания – обладания (аспект настоящего) и хранения своего «достояния» в тайниках сердца (аспект прошедшего)⁶. Ценность выражает глубинные основания личности: она есть значимая для индивида, общества, человечества в целом; в аспекте поведения ценность есть должное. В социально-гуманитарном познании ценности выступают его регуляторами. Как считает М.А. Иванов⁷, можно говорить о пяти аспектах ценностных факторов: во-первых, речь идет о ценностных факторах объектной стороны познания. Этот аспект ценностно характеризует то, на что направлена познавательная деятельность, то, что вызывает познавательный интерес; во-вторых, о процессуальных ценностных ориентациях, выражаемых через идеалы и нормы описания, организации, обоснования, доказательности, объяснения, построения и т.п. знания. Этот аспект ценностных факторов отвечает на вопрос, как должно происходить получение знания, его доказательство, и характеризует познавательную деятельность как таковую; в-третьих, о ценностных факторах, связанных с результатами познания. Здесь истина является ведущей ценностью познания. Она является ценностным регулятором и социально-гуманитарного познания, включающим такие важнейшие идеалы познания, как красота, простота, единство; в-четвертых, о ценностных ориентациях, связанных с внешними и внутренними факторами познания. К внешним ценностным ориентациям следует отнести социальную ответственность науки, различного рода интересы: национальные, религиозные, общечеловеческие и т.п. К внутренним ценностным ориентациям относятся этические нормы и ценности познавательной деятельности, характеризующие «этос» науки; в-пятых, речь идет об эвристических и неэвристических ориентациях. Эвристические – это ориентации, которые способствуют получению нового результата в научном поиске. Неэвристические ценности, напротив, могут препятствовать приросту научного знания. Отмеченные выше аспекты ценностных факторов характерны

для научного познания в целом, но в большей степени проявлены в социально-гуманитарном исследовании. «Исследователь социогуманитарной сферы живет в социальном и ценностном мире. Этот мир формирует его самого, его пристрастия и антипатии»⁸.

Итак, ценности имеют важнейшее значение для социально-гуманитарного познания; они пронизывают его содержание, выступают в качестве регулятивных принципов познавательной деятельности.

Вопросы для самопроверки.

1. Какова природа ценностей?
2. Каковы подходы к пониманию природы ценностей?
3. Каково значение ценностей как регулятивных принципов социально-гуманитарного познания?

2.5. Жизнь как категория наук об обществе и культуре

Категория жизни имеет множество смыслов; она рассматривается в естественнонаучном, религиозном, философском аспектах. Ее многоаспектность обусловлена не только сложностью и многогранностью природы и содержания жизни как особого феномена, но и тем, что этот феномен в те или иные периоды приобретает свое особенное звучание. В философском аспекте проблемы жизни стали основанием для целого ряда философских школ XIX-XX веков: философии жизни, антропологической школы, экзистенциализма, феноменологии, герменевтики и других школ современной философии.

Следует отметить, что сама философия жизни является многозначным философским течением. В нем можно встретить биологические (натуралистические) подходы к феномену жизни, противопоставления живого как естественного искусственному, механически сконструированному. Культурно-историческая интерпретация жизни, даваемая рядом представителей философии жизни, акцентирует внимание на индивидуальные формы реализации жизни, ее неповторимые уникальные образы. Пантеистический вариант философии жизни истолковывает жизнь как космическую силу «жизненного порыва», характеризуемую непрерывным творчеством новых форм.

Одним из первых предвосхитил идеи философии жизни немецкий философ Артур Шопенгауэр, выступивший с резкой критикой идеалов классического рационализма. Основная ошибка всех философов, по его мнению, состоит в том, что для них вожатым и проводником является интеллект. Немецкий философ выстраивает новую систему мировоззренческих координат, основанием которой является жизнь. Мир не тождественен познающему разуму. Путь к сути реальности мира подобен тайному подземному ходу. Человек не только познающий субъект, но и волевое, телесное существо. Воля не возвращает нас в мир сознания, где субъект и объект противостоят друг другу, а соединяет нас с миром. Одновременно это и

путь «погружения» в самого себя. И, как считает Шопенгауэр, «воля – субстанция внутренняя, сердцевина любой частной вещи и всего вместе».

Идеи Шопенгауэра нашли свое дальнейшее развитие у немецкого философа Фридриха Ницше, который продолжил начатую «переоценку ценностей»¹. Беспощадный критик европейских ценностей, Ницше писал о своем предназначении: «Я знаю свою судьбу. Мое имя будут вспоминать в связи с кризисом, какого никогда не было на земле, глубочайшим конфликтом сознания, разрывом со всем, во что раньше свято верили. Я не человек, я динамит. Я опровергаю все, как никто и никогда не опровергал, и все же я – антитезис негативного духа». В качестве позитивного немецкий философ утверждает мораль аристократическую, значимость земных ценностей и идею сверхчеловека. «Не зарывайте голову в песок небесных истин, - учит Ницше, - несите ее гордо: земная голова, которая творит, есть соль земли. Сверхчеловек – вот соль земли».

Тяготение к вечным и абсолютным истинам – вот, по мнению Ницше, главный порок прежней культуры и философии. Она, по своей сути, восстает против всего благородного и аристократического. Его упрек направлен против религиозной веры. Она привела к «убийству Бога», отказу от ценностей, которые были в основании западной цивилизации. Мы, считает философ, устранили мир сверхъестественного и его идеалы и ценности. Бог исчезает вместе с этим миром. С ним исчезает и образ прежнего человека. Смерть Бога, а не рождение Христа поделила историю человечества. И тот, кто рождается после, как считает Ницше, будет принадлежать к истории более возвышенной. Новый человек должен сотворить новый земной смысл, разорвать старые оковы. И он, считает Ницше, будет любить все земное, и ценностями для него будут здоровье, сильная воля, дионисийское половодье чувств. Он не будет искать небесные истины, так как будет утверждать новый смысл земного бытия.

Сверхчеловек утверждает новую мораль. «Великую войну» объявляет Ницше всей прежней морали двумя своими работами – «По ту сторону добра и зла» (1886) и «Генеалогия морали» (1887). До сих пор, отмечает философ, не было сомнений в превосходстве «хорошего» над «плохим». Но если все наоборот, а «хорошее» представляет собой лишь искушение? Ницше буквально переворачивает представления о морали и показывает необоснованность претензий на неоспоримую ценность ее утверждений. Ибо, во-первых, мораль – это механизм господства над другими. Во-вторых, как считает философ, следует различать аристократическую мораль и мораль рабов и неудачников. Если мораль сильных – отвага, щедрость и индивидуализм, то мораль неудачников и слабых – демократия и социализм.

Ницше, вслед за Протагором, как бы напоминает о том, что человек есть мера всех вещей. Он иронизирует, обличает человека, потерявшего веру в жизнь земную. Достоин уважения лишь сверхчеловек, верующий в земное, творящий смыслы земного бытия. В этом и суть его воли к власти. В условиях неверия, разочарования и уныния восходит высший человек, не преклоненный ни перед чем, ставший господином самого себя. «Только теперь наступает Великий Полдень, только теперь высший человек становится господином! Вы

испугались, ваше сердце закружилось? Не зияет ли здесь бездна для вас? Не лает ли на вас адский пес? Ну что ж! Мужайтесь, высшие люди! Ныне впервые мечется в родовых муках гора человеческого будущего. Бог умер; ныне мы хотим, чтобы жил Сверхчеловек».

Учение Ницше – это философский протест против унижающей пошлости обыденной жизни, повседневной суеты, безволия людей, лени, застоя и вырождения. «Я ненавижу обывательщину гораздо больше, чем грех», - заявляет философ. Его критический протест - это страстный призыв к людям, к обновлению, к обретению нового смысла бытия. Ибо только философ способен охватить единым взором своей пытливей души все то, чем живет человек и своей критикой помочь ему в переходе к более высшему типу.

Многие мыслители XX века были увлечены идеями Ницше. Объясняя спрос на идеи мыслителя, русский философ В.Соловьев отмечал: «Людьми, особенно чуткими к общим требованиям исторической минуты, владеет не одна, а по крайней мере три очередные, если угодно, модные идеи: экономический материализм, отвлеченный морализм и демонизм «сверхчеловека». Из этих трех идей, связанных с тремя крупными именами (К.Маркса, Л.Толстого и Ф.Ницше), первая обращена на текущее и насущное, вторая захватывает отчасти и завтрашний день, третья связана с тем, что наступит послезавтра... Я считаю ее самой интересной из трех»².

Идеи философии жизни стали предметом для размышления ряда других мыслителей. Одним из тех, кто активно развивал идеи философии жизни, был немецкий философ Вильгельм Дильтей. Он намеревался создать «критику исторического разума» с акцентом на человека как волевое существо, а не только познающее. Его интересовали науки о духе. В «Очерках по обоснованию наук о духе» (1905) философ приходит к выводу, что общим основанием для наук о духе является жизнь³.

Особенность человеческого мира и автономия наук о духе, как считал Дильтей, выражаются связью понятий «жизнь», «экспрессия» и «понимание». Жизнь объективируется в институтах государства и церкви, в юридических, религиозных, философских, художественных и этических системах. А понимание служит источником наук о духе: истории, наук о праве и государстве, наук о религии, литературе, изобразительном искусстве, музыке, философии и психологии.

Внутренний смысл исторических событий, по мнению философа, доступен только наукам о духе. Субъект познания в этих науках совпадает с его объектом: жизнь познает жизнь. «Душа бродит по тем дорогам, которые однажды были уже пройдены, где страдали и наслаждались в сходных ситуациях». Через переживание, внутреннее перемещение в события прошлого, сочувствие мы расширяем и свои духовные возможности.

Нет вечной философии для всех, заявляет философ. Понимание относительности любого исторического феномена - это шаг к освобождению человека. Перед лицом относительности становится ясной ценность непрерывной творческой силы человека. «Подобно буквам слова, у жизни и истории есть смысл: и в жизни, и в истории есть свои синтаксические моменты,

вроде запятой или соединительного союза... Мы открываем, что смысл и значения прорастают в человеке и его истории. Но не в единичном человеке, а в историческом. Ибо человек – существо историческое».

Одним из значительных представителей философии жизни является немецкий философ и социолог Георг Зиммель. Феномен «жизнь» философом понимался как процесс творческого становления, постигаемый только внутренними переживаниями, интуитивно. Это внутреннее постижение объективируется в многообразных формах культуры. Зиммель с позиции философии жизни исследовал творчество Гете, Рембрандта, Канта, Шопенгауэра, Ницше. Он написал многочисленные эссе по истории философии и культуры. В последние годы жизни обратил внимание на феномен «трагедии творчества», обусловленный извечным противоречием между творческой пульсацией жизни и застывшими объективированными формами культуры.

Огромное влияние на дальнейшее развитие философии жизни оказало творчество Освальда Шпенглера, прославившегося книгой «Закат Европы» (1918-1922), возвестившей гибель западной цивилизации. Различие между природой и историей он возводит в ранг метафизического: в природе доминирует механическая необходимость, а история – царство органического процесса. И это царство может быть понято через переживание, интуитивное проникновение в формы исторического развития. История предстает как «спектакль» множества сильных цивилизаций. Подобно любым организмам, цивилизации рождаются, созревают, увядают и уходят безвозвратно. В замкнутом пространстве цивилизации мораль, философия, право несут абсолютный смысл, но за его пределами не имеют смысла.

Как организмы, цивилизации обречены на гибель. «Когда цель достигнута, и полнота внутренних возможностей исчерпана, цивилизация внезапно коченеет, она принимает направление к смерти, кровь сворачивается, силы убывают, наступает стадия упадка». По мнению Шпенглера, критика всех ценностей, которую предпринял Ницше, является несомненным симптомом заката западной цивилизации⁴.

Одним из ярчайших представителей философии жизни XX века является французский философ Анри Бергсон. В работе «Творческая эволюция» (1907) он разрабатывает глобальную идею космологического эволюционизма. Жизнь не есть механическое, монотонное самоповторение. В ней есть непредвиденные повороты, творческий порыв. «Жизнь есть реальность, четко отличающаяся от грубой материи», - заявляет философ. Жизнь стремится к численному росту и качественному многообразию, чтобы умножиться в пространстве и наполнить время. Если материя, подчиняясь действию второго закона термодинамики, распадается и деградирует, то жизнь – непрерывно обогащающееся действие, обновление, нечто большее, чем простая рекомбинация известных элементов⁵.

В целом жизнь подобна несущемуся потоку: мало-помалу организуя тела, она делит индивиды на роды и виды, растворяясь в них. Творческая эволюция есть и выбор путей. Разделение на роды и виды об этом свидетельствует. Растения, замкнутые в своей неподвижности, концентрируют в себе потенциальную энергию. У животных сознание в определенной степени

эволюционирует в процессе поиска пропитания. Только у человека, по мнению Бергсона, сознание активно эволюционирует.

Важнейшими инструментами человеческого сознания являются инстинкт, разум и интуиция. «Инстинкт – это способность использовать и даже создавать органические инструменты. Интеллект – это способность создавать и применять неорганические инструменты. Инстинкт и интеллект представляют два разных, но одинаково элегантных решения одной и той же проблемы». Инстинкт – это привычка, он предлагает решение только для одной проблемы; интеллект формируется, владеет понятиями и отношениями и может предложить разные варианты решения проблем. Однако он анализирует, классифицирует, дробит реальность на серию кадров, как на кинематографической пленке. Но в возвратном движении к инстинкту разум становится интуицией. Разум как бы вращается вокруг объекта и не может войти внутрь его. Это подвластно интуиции. Она есть «видение духа со стороны самого духа». И она есть орган метафизики. Если наука анализирует, то метафизика интуицирует. Посредством нее возможен прямой контакт с вещами и сущностью жизни.

Жизненный порыв, преодолевая в человеке все препятствия, становится творческой активностью, основные формы которой – искусство, философия, мораль и религия. Только в человечестве как открытом обществе они получают творческий импульс. «Между любой великой нацией и человечеством есть та же дистанция, какая есть между конечным и бесконечным, закрытым и открытым обществом». И только человечество, как считает философ, «способно смести все препятствия, преодолеть любое сопротивление, может быть, даже смерть».

Таким образом, философия жизни, начав с критики рационализма и ценностей европейской цивилизации, восходит к проблемам жизни, постигаемой вне рациональных форм через волевые импульсы, чувствования, интуитивно.

Такое понимание жизни вызвало критики со стороны представителей неокантианства. В работе «Философия жизни» Г. Риккерт дал критику различного рода направлениям, не замечающих роли рефлексии, рациональных средств познания. Как считал автор отмеченной книги, что главная ее цель состоит в том, чтобы «показать, что при философствовании о жизни одной только жизни еще мало»⁶. Для современной философии жизни, отмечает Риккерт, характерно скорее то, что она пытается при помощи самого понятия жизни, и только этого понятия построить целое миро- и жизнепонимание. «Жизнь должна быть поставлена в центр мирового целого, и все, о чем приходится трактовать философии, должно быть относимо к жизни. Она представляется как бы ключом ко всем дверям философского здания. Жизнь объявляется собственной «сущностью» мира и в то же время органом его познания. Сама жизнь должна из самой себя философствовать без помощи других понятий, и такая философия должна будет непосредственно переживаться»⁷. Сформировавшийся на идеалах немецкой классической философии, особенно философии И. Канта, Риккерт противопоставляет

пониманию имманентности жизни рационалистическую точку зрения, исходящей из проблем ценности и соотношения ценности и действительности, частью которой и является сама жизнь.

В современных условиях проблемы, поставленные как философией жизни, так и другими школами, анализирующими феномен жизни, приобретают особое видение и интерпретацию на основе категории качества жизни. Как известно, проблематика, связанная с качеством жизни, активно обсуждается на разных уровнях учеными, философами, религиозными деятелями, политиками, государственными деятелями, представителями творческой интеллигенции. И нередко вся эта проблематика возвышается до уровня понимания целей и задач развития современного человечества. Поиск новых парадигм развития, как известно, ведется по многим направлениям. Но все больше осознается, что качество жизни в наибольшей степени может выражать целевые устремления мирового сообщества и что человечество стоит на пути перехода в «цивилизацию качества жизни»⁸. Это означает признание качества по отношению ко всем явлениям как природного характера, так социального и духовного уровней. Качество жизни – это стратегия жизни человечества, стремящегося гармонизировать отношения с качественной природой биосферы, гармонизировать социальные, межгосударственные и геополитические отношения с тем, чтобы осуществить единство человечества, а самое главное – сформировать систему духовных и нравственных приоритетов, противостоящих насилию, жестокости и пошлости.

Вопросы для самопроверки.

1. Как развивалась философская мысль в постижении жизни?
2. Возможно ли рациональное понимание жизни?
3. Насколько актуальна проблематика жизни на современном этапе? Что следует понимать под качеством жизни?

2.6. Время, пространство, хронотон в социальном и гуманитарном знании

Категория времени занимает одно из важнейших мест в современном научном познании. В естествознании различают время астрономическое, геологическое, биологическое. Характеристику пространственно-временных свойств мира живого вещества дал В.И. Вернадский, выделяя ряд их особенностей по сравнению с временем и пространством физического мира¹. Еще в большей степени особенности пространства и времени присущи миру социальных и духовных отношений, миру социальному и миру человека. Здесь пространство и время понимаются как выражение процессов становления человеческого бытия. Как отмечал М. Бахтин, чтобы понять смыслы человеческого бытия необходимо им придать временно-пространственное выражение, принять знаковую форму этого выражения².

Уже на ранних стадиях человеческой истории формируются особые пространственно-временные структуры, сферы жизнедеятельности, возникает

знаковая форма, а вместе с ней и определенные смыслы. Время становится как в качестве объективного, как выражение определенной последовательности событий, фиксируемой в летописях и другого рода исторических первоисточниках, так и в качестве субъективного, выражаемого через смысловую составляющую человеческого бытия. Социальное пространство становилось не тождественным пространству физическому. Мир окружающих природных вещей, мир артефактов наделялся особыми социально и духовно значимыми характеристиками. В этих условиях «система социальной жизни приобретает свою пространственную архитектуру, которая не сводится только к отношениям материальных вещей, но включает их отношение к человеку, его социальные связи и те смыслы, которые фиксируются в системе общественно значимых идей»³ При этом, если на самых ранних этапах становления общества горизонт мировосприятия на основе мифологического миропонимания возвышался до самого универсального уровня, так как древний человек воспринимал себя органичной частью мировой данности, то позже этот горизонт сужался до уровней этноса, национальной культуры. И лишь в современных условиях, когда жизнь каждой нации и государства являются частью мирового сообщества, начинается процесс расширения горизонта мировосприятия. И, как отмечал Вернадский, современный человек, являющийся жителем всей планеты должен мыслить и действовать не только в своем национально-политическом и культурном проявлениях, но, прежде всего, в планетном аспекте. А это, в свою очередь, определяет необходимость и космического мировосприятия, понимания биосферы Земли, в границах которой протекает жизнь современного человека, как органичной части Космоса, космической целостности.

Безусловно, имеет место специфика социального пространства и социального времени. Специфика социального пространства связана с особенностями культуры, с особенностями социального времени, выделяющего жизнь человека из пространства и времени природного мира. Социальное пространство – это система социальных отношений. Социальное время – это выражение как качественное, так и количественное динамики социального пространства, характеристика его структурных изменений. Это выражается в таких понятиях как «исторический период», «историческая эпоха», «новое время», «новейшее время» и т.п. В литературе по данной проблематике вводится идея циклического и направленности времени. Понимание цикличности времени присуще ранним этапам развития социума, жизнь и ритмы которого определялись природными циклами, размерностью смены времен года. Лишь позже происходит осознание «внутреннего» времени, соизмеряемого со смыслами и ценностями духовного и культурного становления, а самого время предстает как направленный процесс перехода от прошлого к настоящему и будущему. В религиозных смыслах эта проблема направленности времени была выражена средневековым мыслителем Аврелием Августином, а в эпоху Возрождения и в Новое время воспринята как мировоззренческая и социально значимая идея. Под влиянием динамики социальных процессов, преодолевающих традиционность прежних форм

общественной жизни, социальное пространство и социальное время предстают в новых качествах. Начинается процесс освоения пространства не только географического (этому способствовали Великие географические открытия), но и культурного, постижение и осмысление культурных достижений иных народов, о существовании которых не догадывались даже просвещенные умы Европы. Колоссальный процесс ускорения времени, получивший свое выражение в становлении индустриальной цивилизации, был воспринят как «прогресс», как движение к цивилизованным формам существования.

Социально-временные реалии человеческого бытия стали предметом пристального внимания гуманитариев и социальных наук. Исследованию этих реалий большое внимание уделял П.А. Сорокин. Он ввел понятия «геометрическое пространство», «социальное пространство», «социальная дистанция», «социальная позиция», «социальная мобильность» и т.д. По его мнению, социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического. Люди, находящиеся вблизи друг от друга в геометрическом пространстве (например, король и его слуга, хозяин и раб), в социальном пространстве отделены громадной дистанцией. И наоборот, люди, находящиеся очень далеко друг от друга в геометрическом пространстве могут быть очень близки социально. Человек может преодолеть огромные расстояния геометрического пространства, не изменив своего положения в социальном пространстве, и наоборот, оставшись в том же геометрическом пространстве, он может радикально изменить свое социальное положение⁴. Социальное пространство *«есть некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли. Там, где нет человеческих особей или живет всего лишь один человек, там нет социального пространства (или вселенной), поскольку одна особь не может иметь в мире никакого отношения к другим. Она может находиться только в геометрическом, но не в социальном пространстве. Соответственно, определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета»»*⁵. Для такого определения недостаточно указания степени родства одного человека по отношению к другому. Чтобы определить социальное положение человека, необходимо знать его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, его происхождение и т.д. Но и это, как считает Сорокин, еще не все. Поскольку внутри одной и той же группы существуют различные позиции, то необходимо также знать положение человека в пределах каждой из основных групп населения. Иначе говоря, речь идет о социальном положении того или иного человека. При этом, как отмечает Сорокин, социальное пространство – многомерно, поскольку возможны различного рода группировки людей по социальным признакам. Им были введены горизонтальные и вертикальные параметры социального пространства. Для выражения временного среза вводилось понятие социальной динамики.

Особый интерес для понимания методологических оснований социального пространства и времени имеет введенное М. М. Бахтиным понятие

«хронотоп». В своих работах он дал теоретическое обоснование данного понятия, отражающего смысловое единство пространственно-временного континуума. Хронотопом Бахтин называл «существующую взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе»⁶. Он, т.е хронотоп, концентрирует в себе различные временные реальности: время человеческой жизни, историческое время, представления о Вечности и т.п. «Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и изменяется временем», отмечал Бахтин, полагая, что живое созерцание «схватывает хронотоп во всей его целостности и полноте», а художественные представления «пронизаны хронотопическими представлениями разных степеней и объемов»⁷. При этом каждый хронотоп включает в себя множество хронотопов, относящимся к более мелким пространственно-временным масштабам – хронотопов конкретных событий и процессов, которые, в свою очередь, интегрируются в общую, относительно целостную хронотопическую модель. В структуре этой модели отдельные хронотопы могут включаться друг в друга, контрастировать, сосуществовать, переплетаться, сменяться и т.д.⁸ И эти отношения сам Бахтин характеризует как диалогические.

Проблемы социального пространства и времени, хронотопа имеют особую актуальность для изучения современных процессов становления мирового сообщества, его многообразия и единства, целостности. Каждая культура имеет свой особый хронотоп, выражаемый на основе смыслов и ценностей. Но культура в современных условиях не может существовать вне мировой целостности, в границах которой и может осуществляться ее диалог с другими культурами. Поэтому только на основе построения хронотопа всего мирового сообщества, человечества возможно дальнейшее развитие и отдельных хронотопов.

Вопросы для самопроверки.

1. Что следует понимать под социальным пространством? Какова его структура?
2. Что следует понимать под социальным временем? Насколько актуальна идея направленности социального времени?
3. Что следует понимать под хронотопом? Каково значение данного понятия для анализа современных процессов мирового сообщества?

2.7. Коммуникативность в науках об обществе и культуре: методологические следствия и императивы

Научное знание, включая и социально-гуманитарное, может рождаться и определяться в своей значимости только в условиях коммуникативных отношений. Рассмотрим некоторые аспекты коммуникативного процесса и его роль в познавательном процессе. Познавательный процесс включает в себе коммуникативные отношения. Исследователь, чтобы поставить ту или иную научную проблему, решение которой может обеспечить рост научного знания,

с самого начала включен в отношения со своими предшественниками. Изучая литературу по его интересующей проблеме, исследователь вступает в мысленный диалог со всеми теми, кто также думал об этой проблеме. Возможно, при этом включение и более широкого круга предшественников и необязательно только по рассматриваемой проблеме. Имеющееся на данный момент знание – это результат сотворчества многих и многих, одних из них к его рождению имеют непосредственное отношение, а другие – опосредованное. Ученый, как правило, стремится понять «дух» той эпохи, в условиях которой была поставлена научная проблема. Этот «дух» проявлен не только в научных, но, к примеру, и в художественных формах. Поэтому обращение к художественным формам может «навести» исследовательскую мысль. Из истории науки известно, что, например, А. Эйнштейн высоко ценил художественные произведения Ф.М. Достоевского, считая, что они в научном творчестве дали больше ему, чем чтение сугубо специализированных научных работ своих предшественников. Освоение духовного материала своих предшественников, включая и художественные формы его выражения, исследователю позволяет сконструировать новое знание, которое должно пройти апробацию, что возможно лишь на основе коммуникативных отношениях. Общаясь с коллегами, вступая в научные дискуссии, публикуя материалы своих исследований, ученый выносит на суд научной общественности свои гипотезы, идеи и разработки¹.

На отмеченные аспекты поставленной проблемы большое внимание обращает эволюционная эпистемология. Сам процесс познания, становления нового знания воспринимается как эволюционный процесс. Основатель эволюционной эпистемологии К. Лоренц лишь наметил этот подход к научному знанию. По его мнению, наука – это средство выживания человеческого рода. Дальнейший шаг в развитии идей эволюционной эпистемологии был сделан К. Поппером. Он обосновал идею трех миров. Первый мир – это мир физических объектов. Второй мир – это мир состояний сознания. Третий мир – это мир знания. По отношению к этому миру Поппер выдвинул ряд важнейших методологических принципов, имеющих в качестве своего основания, коммуникативные отношения. Одним из таких принципов является принцип фальсификации, принцип критического отношения к выдвигаемым идеям и гипотезам, которые должны выдержать процедуры опровержений. А эти процедуры имеют коммуникативный характер².

Следует обратить внимание и на такую сторону выражения коммуникативности, как принятие научных конвенций. Хотя истина критична по отношению к соглашениям, однако в реальной практике познания конвенции имеют место. Конвенциализм, как направление философского истолкования науки, согласно которому в основе научных теорий лежат произвольные соглашения между учеными, выбор которых регулируется лишь соображениями удобства, целесообразности, преувеличивает роль такого рода соглашений. Основоположителем этого направления является А. Пуанкаре. Он обратил внимание на то, что развитие неевклидовых геометрий привело к тому, что одному и тому пространству могут соответствовать различные, но

эквивалентные друг другу геометрии. Принятие или предпочтение той или иной геометрии носит конвенциональный характер. Позицию конвенционализма в вопросах гносеологии науки отстаивали Э. Мах и Р. Авенариус. Идею конвенционализма позже отстаивали многие представители неопозитивизма. По мнению Р. Карнапа, в основу каждой естественнонаучной теории можно положить любую систему аксиом и правил синтаксиса. Вводимый им принцип терпимости выразил конвенциональный характер научного познания. Конвенциональных воззрений придерживались и другие представители неопозитивизма, в частности, Витгенштейн, Айдукевич. Они выступали за вариант «радикального» конвенционализма, преувеличивая роль свободного выбора языка науки.

В научном познании имеется как содержательная, так и формальная сторона. Формальная сторона связана с выбором языка науки, научной терминологии. Эта сторона, особенно в логико-математических науках, может стать относительно самостоятельной. Разработка все новых формальных структур может показаться как проявление свободного творчества разума, ничего не имеющего общего с самой действительностью³. И тогда, как считал Витгенштейн, речь должна идти о языковых играх, о значениях употребляемых в них тех или иных терминах. Сами термины носят символический характер, их принятие носит условный характер. Однако те или иные отношения, выражаемые на основе тех или иных терминов, уже не носят условного, произвольного характера. К примеру, символика языка логики высказываний условна. Вместо латинских букв p, r, g, s, t и т.п., которые широко применяются в этом языке, вполне уместно применение, скажем, букв алфавита русского языка. Принятие той или иной символики может быть предметом соглашения. Однако логические отношения (тождества, противоречия, исключенного третьего, следования и т. д.) уже не носят условный характер в системе рассматриваемого логического исчисления. Конечно, возможно построить и другого рода исчисления, в которых, скажем, не выполняется строго закон исключенного третьего. Возможность такого рода определяется тем, что мы существенно расширили предметную область логических отношений, перешли от языка двухзначной логики к языку многозначной логики. В границах логических отношений многозначной логики не в полной мере выполняется закон исключенного третьего. Это напоминает нам ситуацию отношений классической и квантовой механики. Законы классической механики вполне однозначно описывают свою предметную область исследования – движение макроскопических тел, а законы квантовой механики имеют дело с иной предметной областью – явлениями микромира. И та и другая предметные области определяют необходимость применения того или иного научного языка. Здесь произвольные соглашения не уместны. Дело другое, когда отсутствуют однозначные интерпретации достигнутых научных результатов. Момент конвенционализма по отношению к интерпретациям вполне уместен.

В социально-гуманитарном познании научные конвенции являются необходимым результатом коммуникативной природы познания. Научные конвенции выражают достигнутое согласие в понимании природы сложнейших

явлений социума, человеческих взаимоотношений. В исторических науках, когда фактов не вполне достаточно для полной реконструкции тех или иных исторических событий, конвенции выражают достигнутый уровень взаимопонимания между исследователями. Здесь конвенции подводят итоги напряженной исследовательской работы. Однако сами историки решительно выступают против произвольных схем, которые им могут навязываться со стороны представителей других профессий, скажем, математиков.

Следует отметить и ответственность, которую несет ученый за введение той или иной конвенции. Во-первых, это ответственность перед самой истиной, признание неполноты знания. Настоящий ученый не будет настаивать на безоговорочном характере предлагаемых им конвенций. Он понимает, что принятое соглашение лишь выражает истину относительную, включающую и истину субъективную. Во-вторых, это ответственность и морального характера, ответственность перед своими коллегами, которые согласны принять предлагаемую конвенцию. Но есть и другая сторона этого процесса, связанная с внедрением, распространением и «внушением» какой-либо доктрины. Эта сторона является также одним из следствий коммуникативности науки. Но она может иметь и негативные для самой науки последствия, даже приостановить и даже затормозить ее дальнейший процесс развития. Примеры тому имеются. Так было с генетикой, кибернетикой, с рядом психологических и лингвистических учений.

Ю. Хабермас в решении вопросов коммуникативных отношений и коммуникативного дискурса исходил из понятия коммуникативной рациональности. Основная его идея состояла в том, что правила коммуникативного воздействия должны стать темой дискурса. Дискурс – это диалог, ведущийся с помощью аргументов, позволяющих выявить общезначимое, нормативное в высказываниях. Тем самым, дискурс обеспечивает коммуникативную компетентность, вне этого дискурса отсутствующую. При этом дискурсом является не любой диалог, а достигший известной стадии зрелости. Для характеристики этой стадии Хабермас использует термин *Mundikeit*, что в переводе с немецкого означает совершеннолетие. И те общности людей, которые достигли этой стадии диалога и обладают коммуникативной компетентностью, он подводит под понятие коммуникативной общественности. Они открыты гласности, обсуждению, а также способны реализовать идеалы дискурса⁴.

Общение и познавательная деятельность людей, таким образом, происходят в определенной социокультурной среде. Современное коммуникативное пространство представляет собой довольно сложную систему, включающую системы электронной коммуникации. Все это ведет к дальнейшему изменению человеческих коммуникаций, увеличивает интенсивность обмена научными знаниями и произведениями культуры, позволяет использовать новые технологии в научных исследованиях, вносит новые формы обучения в мировую образовательную систему, обеспечивает невиданные ранние возможности включения каждого человека в мир технологий виртуальной реальности⁵.

Вопросы для самопроверки.

1. В чем проявляется коммуникативная природа познания?
2. Какую роль играют коммуникации в рождении нового социально-гуманитарного знания?
3. Что следует понимать под научными конвенциями? Какие условия их принятия?
4. В чем заключается ответственность ученого за введение конвенций?.

2.8. Проблема истинности и рациональности в социально-гуманитарных науках

Проблема истинности и рациональности имеет свою специфику в социально-гуманитарных науках. Можно, в качестве примера, сослаться на отечественную социологическую мысль конца XIX столетия и первого десятилетия XX века, которая выявила целый ряд мнений по проблеме истинности. Как считал П. Л. Лавров, волей или неволей приходится прилагать к историческому процессу субъективную оценку, усвоив тот или иной нравственный идеал, расположить все факты истории в перспективе, по которой они содействовали или противодействовали этому идеалу¹ Идеал истинности, понимаемый в естественнонаучном познании как требование объективности, в этих условиях воспринимался как «правда-справедливость». Объективность в том виде, в каком она значима для естествознания, корректируется, таким образом, с учетом нравственного идеала, занимаемой позиции исследователем. Как считал другой виднейший представитель социологической мысли того времени Н.М. Михайловский, следует исходить из существования правды-истины и правды-справедливости. Следует, по его мнению, безбоязненно глядеть в глаза действительности и ее отражению – правде-истины, правде объективной, и в то же самое время, сохранять и правду-справедливость². С позиций «двуединой правды» он рассматривал проблемы социально-гуманитарных наук, в том числе социологии, этики, эстетики, политики. Ибо в этих науках, по его мнению, объективный анализ социальных явлений неизбежно дополняется субъективными оценками. В это время среди представителей социально-гуманитарного знания наличествовала и другая точка зрения. Так, к примеру, М.М. Ковалевский отделял правду-истину от правды-справедливости, считая для социологии главным приоритетом в исследовании правду-истину³. Он исходил из контовского учения об обществе как целостном социальном организме и о закономерном характере его развития, а также позитивистских представлений о возможности создания науки об обществе, основанной на идеалах научного познания. Если в обществе, как считал Ковалевский, господствуют закономерности, то достижимо научное знание о нем. Он также подчеркивал значимость идеи поступательности исторического процесса и социальной преемственности. В качестве метода изучения этих процессов важную роль он отводил историко-сравнительному методу. По его мнению, сравнивая развитие народов разных стран и эпох,

можно выявить общие законы их исторической эволюции. Поэтому на одинаковых ступенях в каждом человеческом обществе развитие происходит по одинаковому внутреннему закону.

Таким образом, в социально-гуманитарном познании ставилась и активно обсуждалась проблема специфики истинности и условий ее достижения. Нельзя сказать, что эта проблема была абсолютно новой. Она была известна античным философам, которые много сделали для применения рациональных средств для познания нравственной сферы. Рационализация нравственной сферы шла в общей тенденции формирования философской рефлексии, преодоления ею мифологичности и хаотичности. От утверждения возможности рационального познания природного мира античные философы шли к применению рациональных средств ко всем другим сферам: мышлению, нравственности, экономики, политики.

Актуальность и новизна проблемы истинности и рациональности в XIX-XX веках была обусловлена активным процессом формирования социально-гуманитарных наук, необходимостью определения их специфики и выделения из общего массива научного знания. Если в период классической науки, когда ее идеалы и нормы воспринимались в качестве всеобщего и безусловного ориентира для всех наук без исключения, то в данный период, когда социально-гуманитарные науки все более мощно заявляли о себе, появилась потребность определения идеалов истинности и рациональности по отношению новой предметной сферы исследования.

Научно-рациональная деятельность субъекта социально-гуманитарного знания сталкивается с двойственностью в оценке достигнутых им результатов. С одной стороны, как ученый этот субъект должен стремиться к истине, с другой стороны, этот же субъект представляет собой личность с интеллектуальной и моральной рефлексией. Принципиальная трудность этой проблемы состоит в следующем: как совместить ориентацию науки на истинность и объективность с ценностным и моральным подходом к научному знанию? Ряд исследователей ценностные "компоненты" рассматривают в качестве «проводников» социальной детерминации науки: работающие "изнутри" самой науки; ценности входят в предпосылочное знание, образуют "мост" между социокультурными реалиями и содержанием научного знания⁴. В этих условиях часто говорят, что ценностные компоненты "вплаваются" в содержание самого знания, а не только в его предпосылки, что выявляется в особых реконструкциях исторического генезиса знания. Имеет место и другой – релятивистский подход. С точки зрения этого подхода, следует признать относительность критериев научной рациональности вообще, которые ставятся в зависимость от социальных, культурных, исторических условий. Но это означает, что сам вопрос о рациональных критериях утрачивает общезначимый смысл, а термин "рациональность" становится просто некоторым понятием, без которого в принципе можно обойтись. С точки зрения релятивиста, нет и быть не может некой единой и универсальной рациональности, которая позволяла бы рационально разрешать споры между различными рациональностями. Но

возможен и другой поворот проблемы в сторону поиска «новых» вариантов рациональностей.

Одним из первых в сфере социально-гуманитарного знания проблему рациональности в ее новом прочтении поставил М. Вебер. По его мнению, наука не может изучать мир ценностных отношений, представляющих особый мир должного бытия. Но в силу того, что ценности оказывают влияние на действия социальных субъектов, их необходимо учитывать с помощью метода «понимания». Поэтому каузальное объяснение как некоторый идеал научного исследования социальной жизни, как считал Вебер, необходимо дополнить методом «понимания», т.е. герменевтическим подходом. И отношение к принципу каузальности должен быть пересмотрено. «Так называемое «материалистическое понимание истории», - заявлял Вебер, - в качестве ... общего знаменателя в каузальном объяснении исторической действительности следует самым решительным образом отвергнуть...»⁵. Взамен им была выдвинута концепция «идеальных типов», которая включает в теоретическую модель (иначе говоря, в пространство рациональности) ценностные компоненты. Но в этой модели речь идет лишь об относительных, конкретно-исторических ценностях, позволяющих провести методические процедуры упорядочивания эмпирического социологического и исторического материала. Объективная сторона этого материала и возможность применения «объективных» методов ее исследования ограничена рядом определенных условий. Мы, как отмечал Вебер, «располагаем только возможностью сравнивать наибольшее число доступных нам исторических процессов или явлений повседневной жизни, одинаковых во всем, кроме одного решающего пункта – «мотива»...»⁶. Изучая конкретно-историческое явление, вначале необходимо получить исходный материал, по отношению к которому вполне приемлемы методы научного исследования, а лишь затем, учитывая мир ценностных отношений, должны дать истолкование полученным результатам. Но это не означает того, что от рационального мы переходим в мир иррационального. По мнению Вебера «преодолеть» иррациональность нам позволяет введение «идеального типа», с помощью которого «реальное, обусловленное различными иррациональными факторами ... поведение может быть понято как «отклонение» от чисто рационально сконструированного. Лишь в этом смысле и только по своей методологической целесообразности метод «понимающей социологии рационалистичен»⁷.

Кроме отмеченного выше веберовского варианта рациональности следует отметить вариант коммуникативной рациональности, развиваемой Ю. Хабермасом. В своей концепции рациональности он исходит из приоритетов «практического разума» (следует иметь в виду, что эта абстракция «практического разума» не тождественна по своему содержанию практическому разуму И. Канта, хотя имеются и совпадающие моменты), под которым понимает способность субъекта обосновывать соответствующие императивы. Возможно, как считает Хабермас, прагматическое, этическое и моральное употребление практического разума. Если первое рассматривает предметно-практические воздействия индивида на мир, то в случае этического

употребления практического разума речь идет о «рациональной подготовке ценностного выбора» и «герменевтическом прояснении самопонимания индивида»⁸.

Таким образом, рациональность сближается с целесообразностью, а ценности служат лишь средством для обоснования целесообразности тех или иных действий индивида. При этом сфера коммуникативных отношений, так называемого «коммуникативного дискурса», может и должна расширяться, чтобы охватить все общество. Все становится относительным, ибо мир ценности приспособляется миру действий, несущих в себе под влиянием «обстоятельств» и «факторов» относительное содержание мотивов. Такое положение может вести к оправданию относительности и забвению абсолютности. Моменты выживания, приспособления вызывают необходимость оправдания относительности мира ценностных суждений. Современная история дает тому множество примеров. Те или иные конфликты, военные действия всегда начинаются с их оправдания. Во имя «демократии», «прав человека», «национальных интересов», как известно, администрация Буша пошла на акции военных действий по отношению к Югославии, Ираку и считает, что список стран такого рода антигуманного воздействия может быть расширен. А это означает лишь одно, что мир абсолютных ценностей все больше уходит из мира современной жизни человечества. Отечественные мыслители еще в начале XX века предвидели такого рода события и били тревогу. Они подчеркивали, в наиболее отчетливой форме Н.А. Бердяев, что наука является лишь средством «приспособления» к действительности, к данности, а истинность и рациональность этому способствуют. Поиск истинности и применение рациональных средств продиктованы необходимостью, а получаемое при этом знание выражает лишь относительные истины. От этого шага, направленного на познание и приспособление к необходимости, по мнению философа, нельзя отказаться, ибо он необходим. Однако сама жизнь человека не сводится признанием этой необходимости. Как отмечал Бердяев, имеется сфера духа, сфера творческого и свободного отношения человека к миру и самому себе. Эта сфера абсолютного, связывающего человека с безусловными основами универсума. Она выше, богаче и содержательнее сферы необходимости, сфера рациональности и истинности. Она сверхразума, сверхрациональна, сверхистина. «Я смотрю. – писал С.Л. Франк, - на расстилающийся передо мной летний пейзаж.. Вся эта картина, конечно, «непосредственно дана» мне, присутствует в моем сознании. Само собой разумеется, что «непосредственно» мне даны не эти *понятия*, в которых я выражаю и с помощью которых я передаю передо мной картину, а именно сама эта совершенно конкретная картина. Понятия, с одной стороны, далеко не исчерпывают всей полноты того, что я непосредственно воспринимаю в этой картине, а скорее только намечают некоторые из ее черт, и, с другой стороны, понятия эти сами по себе вовсе не «даны», а суть результат лишь некоего «постижения», некоторой умственной переработки непосредственно данных содержаний. Всякая выраженная в понятии определенность ... не вмещается в имманентный материал знания, ибо

содержит в себе расширение его в сферу вневременного бытия и сопоставление его с иными, не данными в восприятиями, содержаниями»⁹. В полной мере это относится и к познанию социальной действительности. Она содержательнее и богаче мира рационального, тех абстракций и отвлечений, используемых для ее постижения, ибо несет в себе содержание более высоких реальностей, мира духа. И то, что этот мир является неуловимым и непознанным для мира рационального, не является аргументом для его отрицания. Современная наука приблизилась к такому рубежу, когда она становится готовой признать иные реальности, кроме физической реальности. Думается, что и в социально-гуманитарном познании мы также приближаемся к такому рубежу, ибо все больше осознаем, что те рациональные схемы и объяснения, выражающие, в конечном счете, «приспособление к необходимости», по сути дела не объясняют главного – смыслы и цели общественно-исторического развития. В предлагаемых схемах рационального объяснения отсутствует живая конкретность, целостность, несущая в себе вневременное и абсолютное. Следует признать, что кроме чувственной очевидности, средством выражения для которой являются формы чувственности, имеет место не только рациональная очевидность, постигаемая интеллектуальными средствами, но и духовная очевидность, постигаемая средствами духа. И в этом признании нет ничего мистического. И такого рода признание является основой развития науки и ее включения в сферу целостности живого опыта. На этом настаивала отечественная мысль, которая, как известно, не отрицала значимости западной мысли, значимости рациональных средств познания. А сама рациональность как характеристика познавательной деятельности включает и мир ценностных суждений.

Вопросы для самопроверки.

1. В чем заключается специфика истинности и рациональности социально-гуманитарного познания.
2. Каковы концепции «рациональности»?
3. Каково отношение отечественной философской мысли к рациональным средствам познания?

2.9. Объяснение, понимание, интерпретация в социальных и гуманитарных науках

Естествоиспытатель как натуралист, проводящий исследования, не может обойтись без анализа работ своих предшественников «исторических» сообщений о проведенных исследованиях, научных экспедиций. Но вместе с тем для него встает проблема понимания своих источников (книг). В так называемых «точных» науках применяемые понятия определяются в большинстве случаев операционально. Их значение характеризуется и проверяется посредством действий и операций.

Однако следует учесть то, что положения, принимаемые в гуманитарных науках, зависят от социально-культурных условий, результаты же естественных

наук не зависят от них. Научное познание природы направлено на постижение ее независимо от социокультурных факторов и имеет целью получение объективно-истинного знания. «Каждый новый культурный контекст не просто "принимает" созданные в прошлом художественные творения, но интерпретирует их в собственном духе, преломляет через свои социально-психологические, идеологические, философские и т. п. призмы; что же касается положения научного наследия в "теле" новой культуры, то оно живет здесь по иным законам – ни теорема Пифагора, ни закон земного притяжения, ни периодическая система элементов, ни закон прибавочной стоимости не подлежат интерпретации, ибо они содержат объективно-истинное знание, остающееся таковым – в той мере, в какой оно объективно независимо от культурного контекста, в котором оно оказалось»¹.

В гуманитарных науках оценка научных положений является комплексным образованием, зависящим не только от правильного отражения действительности, но и от этических, моральных установок; от экономических, политических и государственных условий, в которых было создано данное научное положение и дается его оценка; от мировоззрения автора и субъекта оценки. Вопрос об истинности может быть поставлен отнюдь не для любого положения в гуманитарном познании. В естественных науках вопрос об истине является основным, аксиологическая же оценка отодвинута на второй план. Но связь с истиной не может быть прервана, их взаимодействие диалектически предполагает обе стороны, которые представляют собой неразрывное единство. Ценностные суждения в науке, касающиеся логической структуры знания, аксиологического базиса методологических норм и отношений внутри научного сообщества, в равной мере присущи не только социальным и гуманитарным наукам, где они попросту неустранимы, но и естествознанию, поскольку они проникают в него также через философскую ориентацию и методологический базис. И в этом смысле можно сказать, что нет науки, свободной от ценностей. С другой стороны, то, что познавательная деятельность аксиологически ориентирована, не лишает содержания знания объективности.

Обычно специфику гуманитарного познания усматривают в использовании герменевтических приемов исследования. Как считает В.Г. Кузнецов², истинному положению дел соответствует более гибкая позиция. Смысл ее заключается в том, что в гуманитарном познании широко используются герменевтические приемы исследования, в естественно-научном познании они находят менее широкое применение, но все же глубокого водораздела между понимающими и объясняющими методами не существует. И объяснение, и понимание могут применяться везде. Можно говорить лишь о преобладании герменевтических методов в гуманитарном познании. Естественники также не могут обойтись без исторических и вообще гуманитарных высказываний и методов. Такое положение становится наиболее отчетливым в тех исследованиях, которые не являются строго экспериментальными. Уже астрономия не есть такая наука. Закономерности, лежащие в ее основе, являются закономерностями физики. Вместе с тем в ней

применяются высказывания об определенных событиях в определенном месте и в определенное время. Например, высказывание о затмении Солнца, которое наблюдалось в определенное время в определенном месте поверхности Земли. Реальное наблюдение, благодаря которому создаются сообщения, также является историческим событием. Каждая естественная наука имеет свою историю, от которой никогда не может избавиться.

Гуманитарное познание, с другой стороны, принципиально диалогично. Познавательный интерес ученого-естественника направлен на предметы и явления действительности, существующей вне и независимо от человека. Диалогичность как свойство гуманитарного познания в методологию гуманитарных наук введена М.М. Бахтиным. В своих набросках «К методологии гуманитарных наук» он писал: «Точные науки – это монологическая форма знания: интеллект созерцает вещь и высказывается о ней. Здесь только один субъект – познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только безгласная вещь. Любой объект знания (в том числе человек) может быть воспринят как вещь. Но субъект как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, стать безгласным, следовательно, познание его может быть только диалогическим»³. Возможность гуманитарного познания заложена в том, что человек (его поступки, внутренний мир, его творения), являясь объектом исследования, предстает перед познающей личностью, во-первых, как совокупность текстов, которые составляют объективную сторону познания. М.М. Бахтин по этому поводу писал: «Текст — первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины. Конгломерат разнородных знаний и методов, называемых филологией, лингвистикой, литературоведением, науковедением и т.п.»⁴. И во-вторых, субъективная сторона познания, от которой невозможно абстрагироваться, определяет диалогическую природу гуманитарного познания. «Исследование становится спрашиванием и беседой, то есть диалогом. Природу мы не спрашиваем, и она нам не отвечает. Мы ставим вопросы себе и определенным образом организуем наблюдение или эксперимент, чтобы получить ответ. Изучая человека, мы повсюду ищем и находим знаки и стараемся понять их значение»⁵. Как считает В.Г. Кузнецов, характерной особенностью гуманитарного познания является также то, что в гуманитарных науках проблемы адекватности знания и его истинности разделены, критерии адекватности и истинности знания не совпадают. В естественно-научном познании знание, являющееся адекватным отражением действительности, считается истинным знанием. Свойства «быть адекватным отражением» и «быть истинным» совпадают друг с другом по смыслу. В гуманитарном познании объективно-истинное знание составляет как бы ядро, является основным стержнем. Для того чтобы стать адекватным, ему еще нужно «обрести» знание о многих сопутствующих моментах, которые для естествознания несущественны. От них последнее сознательно отвлекается, так как его целью является достижение объективной истины. К таким моментам относятся культурно-исторический контекст, языковые характеристики, психологические, мировоззренческие, жизненные установки автора текста и его

исследователя и прочие условия, выбор которых predetermined задачами конкретного исследования.

Задачей гуманитарного познания какого-либо определенного текста является построение его модели. Наибольшую трудность представляет построение моделей таких текстов, которые удалены от нас во времени. Модель – это теоретическая реконструкция текста с целью наиболее точного воспроизведения смысла текста, вложенного в него автором (объективно-истинная интерпретация), и придания ему дополнительного (нового) смысла. Новый смысл, привносимый в реконструкцию текста интерпретатором, является необходимым моментом «сотворчества» автора и интерпретатора. Сохранение объективно-истинного ядра модели текста является необходимым условием адекватной интерпретации. Но оно все еще не является достаточным. Адекватной интерпретация становится тогда, когда интерпретатор «вдохнет жизнь» в созданную им модель, когда она будет воспринята современниками интерпретатора как произведение-оригинал. Роль интерпретатора заключается в преодолении временной дистанции между текстом-оригиналом и современностью. Модели автора текста, современников автора, интерпретатора и современников интерпретатора различны. Различие их основано на принципиально разном восприятии одного и того же текста. Все четыре модели имеют право быть отнесенными к одному тексту (именно его моделями они могут быть названы), потому что все они имеют объективно-истинное ядро. Наличие этого ядра снимает возможные обвинения в неустойчивости, «текучести» гуманитарного познания. Это понятие дает возможность утверждать, что существуют равноправные адекватные модели одного и того же текста. Множественность моделей является положительным фактом только при условии, что каждая из моделей, которая признана адекватной, опирается при своей разработке на систему принципов интерпретации. Ни один элемент, входящий в систему, не может быть удален из нее без изменения всей системы в целом. В каждом конкретном случае система принципов интерпретации текста (=построения модели) может быть разной.

В работах М. М. Бахтина «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа» и «К методологии гуманитарных наук» содержится изложение оригинальной концепции. Намечая подход к методологии гуманитарных наук, он выделяет объект исследования в гуманитарном познании, которым является, по его мнению, социальный (общественный) человек, и предмет исследования – текст. Текст – та специфическая особенность, которая выделяет человека как объект гуманитарного познания. Тексты могут быть действительные и возможные. Для текстов существенно то, что они являются знаковыми системами. Знаки без отношения к человеческой деятельности суть материальные предметы. Будучи предназначены для передачи информации, они становятся знаками в собственном смысле слова. Только человек способен наделить знаки значением. Знаки необязательно являются языковыми, но любой знак принципиально может быть выражен в языковой форме, представлен как текст. Понимание в гуманитарных науках всегда направлено на постижение значения

(смысла) знаков. Основной задачей гуманитарных наук является постижение «глубинного смысла» текста. Уже в простой ситуации понимания отдельного высказывания возникают известные трудности. Всякое высказывание представляет собой «данное» и «созданное». Данное в высказывании представлено как отражение внешнего (по отношению к языку и мышлению) положения дел (мышление о реальности) вместе с выражением этого же положения дел языковыми средствами (языковое значение). Созданное в высказывании является, с одной стороны, отношением к субъекту (к говорящему). Оно всегда окрашено новыми оттенками, выражающими отношение говорящего к положению дел и к своей мысли о нем. С другой стороны, созданное в высказывании имеет отношение к ценностям (истина, добро, красота, справедливость и пр.). «Глубинный смысл» высказывания всегда несколько завуалирован, скрыт. Тем более это положение будет справедливым по отношению к системе высказываний — к тексту. Глубинный смысл нельзя свести к чисто логическим или чисто предметным отношениям⁷. Поэтому необходимо воспользоваться особым приемом исследования: «выходом за пределы понимаемого» (принцип вненаходимости).

Критерием адекватного понимания в концепции М.М. Бахтина, таким образом, является его «глубина», постижение глубинного смысла. Основным методом такого постижения — «восполняющее понимание», направленное на постижение бессознательных мотивов творческого процесса автора текста (перевод их в план сознания интерпретатора) и на усвоение «многосмысленности», на «раскрытие многообразия смыслов» текста. Точность в гуманитарных науках М.М. Бахтин связывает с «преодолением чуждости чужого без превращения его в чисто свое»⁸. «Преодоление чуждости чужого» возможно посредством использования приема «вживания». Вживание в чуждую культуру, анализ произведения с точки зрения этой чуждой культуры недостаточны для полного понимания смысла произведения. Если остановиться только на таком методе, то возможно лишь дублирование, которое никогда не было истолкованием, так как не несло в себе элемента новизны. «Вживание» («переселение») в чуждую культуру является необходимым, но недостаточным условием понимания. Творческое понимание, по мнению М.М. Бахтина, не должно отказываться от современности, от своей культуры.

М.М. Бахтин выделяет три этапа диалогического движения понимания. На первом этапе исходным моментом является данный текст. Точнее было бы сказать, что перенесение исследуемого текста в настоящее время (возможно даже его перевод на современный язык) является исходной точкой движения понимания, так как тексты всегда принадлежат прошлому, сколь бы малый промежуток времени ни отделял их от настоящего. Содержание второго этапа составляет движение назад — изучение данного произведения в прошлых контекстах. Третий этап характеризуется движением вперед, стремлением к «предвосхищению будущего контекста». Понимание есть синтез многих интерпретаций на всех трех этапах. Полнота произведения раскрывается только в «большом времени»⁹.

Из современных подходов к проблеме понимания следует отметить исследования В.П. Визгина. Он ставит перед собой задачу исследовать виды интерпретации научного текста. Автор этой концепции отмечает неоднородность текстов, наличие которой ведет к различной степени понимания их отдельных частей. Есть места в тексте, которые не требуют больших усилий для своего постижения, и есть места, на которые должно быть, прежде всего, обращено внимание исследователя, — «узкие», «проблемные» места. На эти места и направлена интерпретация. Интерпретацию В.П. Визгин определяет следующим образом: интерпретация, или истолкование, означает придание четкого смысла «молчащему» без соответствующей работы историка тексту. Интерпретация предлагает три уровня осмысления текста, которые, с одной стороны, соответствуют исторически преходящим подходам в истории знания, отражают основные линии его генезиса, а с другой стороны, синтез всех трех уровней может рассматриваться как своеобразная логика интерпретации для современных исследований. Логическая реконструкция конкретного исторического текста (литературного или научного) должна базироваться на генезисе всей истории знания в том смысле, что модель постижения смысла текста (его проблемных мест) должна в снятом виде учитывать методiku и технику интерпретации, которые были выработаны на всех трех уровнях осмысления текста.

Первый уровень понимания текста связан с осмыслением его как неотъемлемой части всей системы текстов автора в целом. «В плане такой интерпретации и подхода смысл понимается как отражение в анализируемом историком фрагменте единой авторской концепции, как выражение некоторой целостности и взаимосвязанности частей и элементов учения или "системы" мыслителя. Нахождение такого смысла составляет задачу систематической интерпретации. Характерным моментом такой интерпретации является абстрагирование от возможной эволюции исследуемой системы или учения в рамках творческой биографии автора»¹⁰.

На втором уровне осмысления текста ставят задачу выявления смысла с помощью исторической интерпретации, которая может быть внутренней и внешней. Предметом внутренней исторической интерпретации является объяснение изменения и эволюции идей автора на основе его собственных текстов. «Интерпретирующим полем» в этом случае выступает собрание сочинений автора. Именно оно является контекстом данной интерпретации. Внешняя историческая интерпретация учитывает более широкий исторический контекст, она пытается осознать смысл конкретного текста, связав его с текстами предшественников, последователей, учеников, критиков автора. Здесь осуществляется попытка отнесения автора к определенному направлению, включения его в определенную традицию. «В плане такого подхода основу осмысления исследуемого фрагмента составляет обнаружение в нем присутствия традиции. Несовпадение между данными в традиции концепциями и наличными у исследуемого автора допускаются и обыгрываются, включаясь в историко-научное описание. Эффект осмысления при таком подходе возникает за счет локального отражения в исследуемом фрагменте текста целой

исторической традиции или ее какой-то части, включая внутреннюю историю текстов и концепций ученого»¹¹.

Третий уровень осмысления текстов опирается на вне-научные данные, внешние по отношению к научным текстам факторы. «Осмысление исходного текста при таком подходе означает, что текст истолковывается через определенного рода связи внутри социоисторического комплекса деятельности людей. Смысл здесь возникает как отражение в исследуемом фрагменте текста частичного среза всей социокультурной тотальности. Интерпретацию научного текста, вычитывающую в нем "вне-текстовые" и вне-научные значения практики и культуры, мы называем схематической интерпретацией. Это название выражает нацеленность такого анализа и интерпретации на определенного типа схемы, являющиеся в конечном итоге схемами деятельности»¹².

Для каждого из уровней понимания и интерпретаций, согласно концепции В.П. Визгина, должны быть сформулированы свои особые модели. Для систематической интерпретации характерно понимание текста как творения данного автора. Для исторической интерпретации важно исследовать текст как соотнесенный с определенной школой или направлением, т. е. «знание в плане такого подхода истолковывается уже как продукт творчества целого ряда личностей, действовавших в известной степени когерентно и образовавших благодаря этому традицию, научную школу или направление»¹³. Главным отношением в модели схематической интерпретации является отношение между текстом и «схемами культуры». Анализ научного текста здесь осуществляется с помощью исследования внешних по отношению к науке факторов, влияющих на становление, развитие и борьбу научных идей. Усмотрение же этих внешних факторов должно опираться на текст. Поэтому внешняя интерпретация служит выполнению задач, которые ставит перед собой внутренняя интерпретация.

Важное место в концепции В.П. Визгина занимает принцип актуализации эпистемогенеза, который постулирует возможность воспроизводства знания о прошлом в современной культуре. «Актуализирующий метод замыкает собой последовательность способов понимания текста, начатую, как мы видели, с его систематической интерпретации и продолженную в исторической интерпретации. Знание выступает сначала лишь как феномен чуждого исследователю прошлого, но благодаря возможности его регенерации на схемах и благодаря актуальному подключению к нему исследователя как человека современной эпохи делается, наконец, понятным. Понимание есть всегда, в конце концов, акт приобщенного познания, акт воспроизводства здесь и сейчас того, что считается только бывшим там и тогда. "Отвлеченное" (для нас как представителей другой культуры и эпохи) мышление прошлого становится таким образом "привлеченным" мышлением самого настоящего. Принцип актуализации эпистемогенеза обосновывает возможность понимания мышления прошлых эпох, а тем самым задача историка науки становится в принципе разрешимой»¹⁴.

Понимание, как полагает В.Г. Кузнецов, осуществляется посредством построения моделей (реконструкций), в которые могут быть включены как естественно-научные методы исследования и приемы объяснения, так и специфические гуманитарные приемы истолкования текстов. Каждая модель имеет объективно-истинное ядро, которое обеспечивает соответствие смысла текста смыслу интерпретации, и оценочное знание о ядре, обеспечивающее адекватность гуманитарного знания. Адекватность модели есть, следовательно, синтез конкретного, объективно-истинного знания со знанием оценочным. Каждый из двух компонентов модели опирается на свою систему принципов, причем для каждой конкретной интерпретации может быть построена модель, опирающаяся на принципы, характерные только для нее. Если такая система принципов будет найдена, то она может выполнять двойную роль. С ее помощью, с одной стороны, может быть построена объективная реконструкция текста, а с другой – эта система дает возможность оценки уже произведенных ранее интерпретаций какого-либо текста. Результат интерпретации обязательно должен носить системный характер. Интерпретация является неадекватной, если при ее проведении не был использован какой-либо принцип (или их подмножество) из системы принципов и если его восполняющее использование приводит к изменению результата предыдущей интерпретации (вплоть до противоречия). Критерием адекватности интерпретации является соответствие ее результата (в смысле когерентности) системе принципов (общих, конкретных и оценочных) интерпретации. Данная система принципов выполняет оценочную и методологическую функцию. Она играет роль методологического и мировоззренческого регулятива при построении методологии гуманитарного познания.

Развитие в гуманитарных науках происходит за счет интерпретационных методик. Тогда множественность различных интерпретаций одного и того же гуманитарного факта является реальным и нормальным состоянием научного знания. Плюрализм мнений в гуманитарных науках – объективный фактор, зависящий от предмета и специфики гуманитарных наук. Выбор (предпочтение) определенных моделей тоже есть явление довольно обычное для гуманитарного знания. Он осуществляется с помощью принципа единства объективной истины и аксиологической оценки.

Вопросы для самопроверки

1. Какова роль объяснения и понимания в научном познании?
2. В чем специфика понимания в социально-гуманитарном познании?
3. Какова роль интерпретации в социальных и гуманитарных науках?

2.10. Вера, сомнение, знание в социально-гуманитарных науках

Социально-гуманитарные науки вносят свое специфическое в постановку и решение классических гносеологических и логико-методологических проблем, обсуждаемых по сути дела с момента возникновения философской

рефлексии. Система развернутых представлений о познавательном процессе в основном сложилась в классической философии, но была подвергнута критическому анализу И. Кантом. Современная философская мысль внесла ряд существенных поправок в этот анализ. Сформировались специальные науки о познании: методология, история науки, когнитивная социология и психология, а также ряд наук социально-гуманитарного профиля: социальная психология, лингвистика, теория и история культуры, социальная антропология¹. Это позволило познавательные проблемы рассматривать в их более широком контексте. Знание и познание были поняты как элементы более широкой области – мира человеческой деятельности и общения.

Одним из первых в философии XX столетия на данный горизонт исследования вышел Л. Витгенштейн, который стал рассматривать соотношения веры и знания, достоверности и сомнения, укорененность веры как выражение «форм жизни». В его творчестве исследователи выделяют два этапа: логический и лингвистический. В знаменитом «Логико-философском трактате» была заявлена логическая позиция Витгенштейна, имевшая решающее значение для становления неопозитивизма, а в итоговой работе «Философские исследования», понимаемой автором этой работы как конденсате философских исследований последних шестнадцати лет, он исходит из языковой реальности. Классическая эпистемология в той или иной степени (к примеру, в работах Т. Гоббса и Д. Локка) отмечала эту реальность, но в анализе гносеологических проблем исходила из субъектно-объектных отношений, игнорируя другие формы человеческой деятельности, иные формы проявления жизни. Языковую реальность можно понять, если будут учтены множество факторов, по отношению к которым Витгенштейн вводит понятие «языковой игры». Он отмечал: процессы наименования вещей, употребления слов можно назвать языковыми играми. В более общем плане речь идет о языке и действиях, с которыми он переплетен². Но имеются ли в языковых играх какие-то общие нормы и правила? – ставит исследовательский вопрос Витгенштейн. Или языковая игра всегда специфична, индивидуальна, выражает содержание определенных ситуаций? Когда мы говорим: «Каждое слово в языке что-то означает», то этим, замечает Витгенштейн, еще совсем ничего не сказано; до тех пор, пока мы точно не разъясним, какое различие при этом хотим установить³. Поясняющим примером может служить слово «рукоятка». В одном случае, речь будет идти о пусковой ручке, которая регулирует степень открытия клапана; в другом – о рукоятке переключателя, который в отличие от пусковой ручки, имеющей множество своих положений, может принимать только две рабочие позиции: включен, выключен; в третьем случае – о рукоятке тормозного рычага: чем сильнее ее тянуть, тем резче торможение; в четвертом – о рукоятке насоса: она действует только тогда, когда ее двигают туда-сюда.

Но что такое «знание» по отношению к «языковым играм»? Как «оценивать» те или иные ответы, формулируемые с помощью языка? К примеру, на вопрос: «Является ли зрительный образ этого дерева сложным и каковы его составные части?», – по мнению Витгенштейна, правильным ответом будет: «Это зависит от того, что ты понимаешь под "сложным"»³. С его

точки зрения, решение теоретико-познавательных вопросов возможно на основе изучения языка. Тем самым изучение языка и есть изучение познавательного процесса. Язык и жизнь, по его мнению, совпадают; язык есть форма жизни. Для описания языка основой является поведение людей. «Совместное поведение людей – вот та референтная система, с помощью которой мы интерпретируем незнакомый язык»⁴. В силу этого, для разрешения встающих перед исследователем проблем необходимо связать язык со сферой реальных действий. Наименование с помощью языка вещей и событий, определение значений введенных слов и терминов и т.п. – все это, по мнению Витгенштейна, возможно прояснить лишь в контексте анализа реальных действий человека. При этом каждое слово имеет семейство значений. Эти значения и проясняются в языковых играх. Именно они, а не рассмотрение философских вопросов самих по себе, как считает Витгенштейн, позволяют дать ответы на возникающие вопросы. Для характеристики познавательного процесса он использует представления о вере, сомнении и достоверности. Вначале мы исходим из веры, а сомнение приходит позже. После сомнения приходит уверенность, убежденность. Особое внимание Витгенштейна обращает на анализ утверждений типа «Я знаю». Многие представители неопозитивизма исходили из позиции здравого смысла. По мнению Витгенштейна, предложение «Я знаю» выражает лишь готовность верить во что-то до тех пор, пока не будет выяснена ошибочность принятой веры. Поэтому «мы отвергаем предложения, которые не ведут нас дальше»⁵. Виды принимаемой достоверности, субъективной или объективной, по сути дела являются видами языковой игры. К примеру, $2 \times 2 = 4$ как достоверность, признаваемая математиками; ее отрицание привело бы к разрушению самой математики. Но уверенность кого-то, что $2 \times 2 = 4$ – психологическая достоверность. По отношению к миру этических, религиозных и эстетических ценностей, по мнению Витгенштейна, не применимо понятие об объективной достоверности. «Людей нельзя вести к добру; вести их можно лишь куда-то. Добро лежит вне пространства фактов»⁶.

Классическая теория познания в числе своих предпосылок содержала убеждение в том, что анализ научного знания как наиболее развитой формы является лучшим способом исследования знания вообще. Считалось, что наука как исторически наиболее прогрессивная область знания "снимает" все другие формы и типы знания, наследует их, так сказать, "рациональное зерно" и отбрасывает свойственные им заблуждения. Гносеологический интерес в современной философии распространяется как на научные, так и на вне- и ненаучные способы познавательного процесса, и каждый тип знания обнаруживает присущие ему особенности, сферы применимости, формы обоснования и критерии приемлемости.

Расширение сферы гносеологических проблем при этом идет одновременно с обновлением и обогащением ее методологического арсенала: гносеологический анализ и аргументация начинают включать результаты и методы о познании и сознании социальных и гуманитарных дисциплин. В связи с этим раздаются призывы к построению "натуралистической эпистемологии",

т.е. учения о познании, подчиненного той или иной научной дисциплине. Так, У. Куайн рассматривает "натуралистическую эпистемологию" как ветвь психологии. Р. Гир отождествляет ее с историей науки. Д. Блур придает статус "подлинной теории познания" социологии науки (когнитивной социологии). Э. Голдман признает значение всех этих и других дисциплин для теории познания, но подчеркивает, что она не просто должна быть их эмпирическим объединением, но сохранить свое отличие от "позитивных наук" – не только описание познавательного процесса, но его нормативная оценка составляет сущность его "социальной эпистемики". С. Фуллер идет по пути синтеза важнейших философских течений XX в., связанных с именами К. Поппера, Ю. Хабермаса и М. Фуко. Это позволяет ему рассматривать социальную эпистемологию не просто как одну из версий современной теории познания, но как ее глобальную и интегративную перспективу⁷.

Отмеченные выше тенденции, как считает И.Т. Касавин, приводят к трансформации центрального гносеологического понятия – понятия знания. Уже в рамках классической эпистемологии возникали трудности с определением термина "знание". Можно ли, следуя традиционной логике, считать знанием лишь выраженные в языке суждения, подлежащие бинарной истинностной оценке? Является ли формой знания нравственная норма, художественный образ, религиозный символ, философская проблема? Прав ли был Аристотель, считавший знанием не только научное знание, но и веру, мнение, опыт и т.п.? Заслуживает ли названия "знание" опровергнутая научная теория, признанная заблуждением? Наконец, как быть с неосознаваемым (и бессознательным) содержанием человеческих представлений, с познавательными предпосылками, с так называемым неявным знанием, с мыслительными навыками, с тем, что Кант называл "априорными формами чувственности и рассудка"? В XX в. эти вопросы вновь были поставлены в связи с исследованиями и анализом примитивного сознания, с проблемой демаркации науки и метафизики в философии науки, с дискуссией о соотношении науки и идеологии в социологии знания, с противостоянием "двух культур" – естественно-научного и социально-гуманитарного знания, с идеями "наукизации мистики" и "мистизации науки". Историко-научные, социологические и культурологические исследования последних лет показали, что наука как таковая является достаточно неоднородным образованием. Кроме того, в структуре всякого научного знания были выявлены элементы, не укладывающиеся в традиционное понятие научности: философские, религиозные, магические представления; интеллектуальные и сенсорные навыки, не поддающиеся вербализации в рефлексии; социально-психологические стереотипы, интересы и социальные потребности.

Классическая гносеология считала, что обыденное сознание и знание не связано с какой-либо отдельной сферой деятельности, но несет в себе представления, присущие всем людям в равной мере. Однако, конкретный анализ существенно уточнил образ обыденного познания и его результатов. Стало ясно, что его нельзя рассматривать вне его исторически конкретных форм, меняющихся от эпохи к эпохе. Его нельзя также анализировать вне

принадлежности к той или иной социальной группе (классу, нации, возрастным, профессиональным общностям). Обыденное сознание нагружено научными данными, нравственными и эстетическими нормами и идеалами, религиозными верованиями, которые транслируются и культивируются в данной культуре, оно обусловлено различными производственными и политическими практиками, в которых участвует субъект. Многообразие типов знания, в котором сходство является скорее исключением, чем правилом, нередко ставит исследователя в тупик.

Таким образом, известный сократовский вопрос "что есть знание?" не допускает тривиального ответа. И сам Платон находит лишь образно-метафорический, но не строго логический на него ответ, строя для этого соответствующий миф. Или, как считал Витгенштейн, не существует строгого способа употребления слова "знание", но мы можем сформировать несколько таких, каждое из которых более или менее согласуется со способами его употребления в реальной жизни.

Дело, конечно, не в том, чтобы произвольно конструировать возможные смыслы слова "знание". Скорее, следует, как считает И.Т. Касавин анализировать его различные формы и типы, не стремясь заранее предугадать и навязать им универсальное единство, которым они, быть может, и не обладают.

В отечественной философии существует своя традиция рассмотрения поставленных вопросов о соотношении веры, сомнения и знания. Для ее характеристики будем основываться на работах Н.А. Бердяева, И.А. Ильина. По мнению Н.А. Бердяева, существуют три типических решения вопроса о взаимоотношении знания и веры⁸. Это, во-первых, признание верховенства знания и отрицание веры, во-вторых, верховенство веры и отрицание знания, в-третьих, дуализм знания и веры. Автор в критическом рассмотрении этих решений исходит из того, что знание не может уничтожить веру и заменить веру. Люди «научного» сознания полны всякого рода вер и даже суеверий: вера в прогресс, в закономерность природы, в справедливость, вера в науку. Требование «научной» веры, замены веры знанием, как считал Бердяев, является отказом от свободы, от свободного избрания и от вольного подвига. И это требование унижает, а не возвышает человека. В акте веры есть уже начало искупления вины, и в нем дано виденье невидимых вещей иного мира. Но и вера не может заменить знания. Нельзя верой, подчеркивал Бердяев, решать вопросы физики, химии, политической экономии и истории, нельзя текстами Св. писания возражать против выводов науки. Продолжая анализировать соотношения веры и знания, мыслитель отмечал: если вера есть обличение вещей невидимых, то знание – обличение вещей видимых; если вера – свободна, то знание – принудительно. Всякий акт знания и доказательства включает в себе принудительность, обязательность, невозможность уклониться, исключает свободу выбора. Через знание мир видимых вещей насильственно входит в мир человеческих воззрений. Человек не свободен, принять этот мир или его не принять. Наука низводит опыт до рационализованного опыта, в котором противопоставлены субъект и объект. В основе знания самого высшего, подчеркивает Бердяев, находится знание

житейское, знание как жизнь. Здесь имеет место первичный, живой опыт. Здесь познание есть часть самой жизни, не рассеченной на субъект и объект. Для рационального, дискурсивного мышления истоки такого рода познания скрыты. Познание, как отмечает Бердяев, протекает через дискурсивное мышление, но восходит к интуиции, упирается в веру, в обличение невидимых вещей. Поэтому нет оснований утверждать, что знание имеет преимущество перед верой. Знание питается тем, что дает вера, и различие состоит, по мнению Бердяева, лишь в характере самой веры. Воля наша избрала данный нам в опыте мир, «этот» мир, объектом своей любви, и он стал для нас принудителен, стал навязчив. «Поверив» в это мир, мы стали «знать» его. Но в этом случае, отмечает Бердяев, разорваны связи и нити с мирами иными. Поэтому мы вновь должны совершить акт свободного волевого избрания, избрания мира невидимого. И для обличения этого мира нужна активность всей человеческой природы, общее ее напряжение, а не активность одного лишь интеллекта, что характерно для познания мира видимых вещей. «Нужно совершить переизбрание, избрать новый объект любви, т.е. отречься от старой к данной действительности, уже мне гарантированной, мне навязанной, сбросить с себя ветхого человека и родиться к новой жизни в новой, иной действительности»⁹. И только тогда откроется высшая разумность веры. Вера есть тоже знание; знание через веру дается, но знание высшее и полное, видение всего, безграничности. В глубине, как подчеркивает Бердяев, знание и вера – одно, знание есть вера, вера есть знание. Мир знания и веры условно даны как разные порядки, но они могут быть сведены к единству. Вера есть раскрытие в своем «я» иного, божественного, выход из «я» и отдавание себя высшему.

В работе «Путь духовного обновления» И.А. Ильин рассматривает проблему веры и знания. Решение этой проблемы он увязывает с необходимостью преодоления глубокого кризиса, переживаемого современным миром. Выход из этого кризиса надо искать в самом себе, в правильном понимании соотношения веры и знания. Вера, по мнению мыслителя, есть «главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки»¹⁰. Все люди верят: и образованные и необразованные, и умные и глупые, и сильные и слабые. Одни сознают свою веру, другие же – не сознают. Одни знают основания своей веры, другие же верят просто, не осознавая оснований своей веры. Но вера, отмечает Ильин, всегда остается первичной силой человеческой жизни.

Однако идея «веры» имеет два различных значения: одно связывает веру с потребностью верить, а другое – со способностью веровать. Верят все люди, веруют же далеко не все. Верование, как отмечает Ильин, предполагает в человеке способность прилепиться душой (сердцем, волею и делами) к тому, что действительно заслуживает веры, что дается людям в духовном опыте, что открывается им как «путь ко спасению»¹¹. В то, что подлинно, что не «всуе», – веруют, и от нее получают спокойствие. «Верящие» люди не имеют настоящего и подлинного предмета своей веры, а поэтому их вера их разъединяет. «Верующие» люди имеют единый и общий им всем духовный Предмет; они вступают, как отмечает Ильин, в творческое единение с Ним. Вера и суеверие

совсем не одно и то же, в области веры имеется своя особая достоверность и свои полноценные основания. Что касается науки, то полубразованные люди слишком верят в «науку» так, как если бы ей было все доступно и ясно. Только настоящие ученые знают границы своего знания и понимают их относительность. Настоящий ученый, подчеркивает Ильин, знает границы своих научных знаний и поэтому он духовно скромнен. Он всегда помнит, как труден путь познания, что полной достоверности у науки нет. Он не верит в отвлеченные схемы и мертвые формулы и хранит в себе живое ощущение глубокого, таинственного и священного. Истинная ученость не уводит от Бога, а ведет к нему. Иное дело с фанатиками от «науки». Здесь, как отмечает Ильин, имеет место такая закономерность: чем пошлее и поверхностнее их миропонимание, тем фанатичнее они верят в него. Веровать они не способны.

Проблему веры, включая и философскую веру, рассматривал известный немецкий экзистенциалист К. Ясперс. Отмеченную проблему он органично увязывал с проблемой экзистенциального, внутреннего, определяющего жизнь человека. Экзистенция, по его мнению, не может стать предметом, объектом не только научного познания, но и философского созерцания. Она не может быть «найдена» среди предметного мира, ибо она есть свобода. Она не является предметом познания, ибо познание постигает события в их предметной объективности с точки зрения необходимости. И она, как считает Ясперс, нуждается в другом, в трансценденции, благодаря которой она, не создающая самое себя, впервые выступает как независимое начало в мире. По отношению к экзистенции определяются все духовные и разумные силы человека. По мнению мыслителя, в наше время необходимо подлинный разум обосновать вновь – в самой экзистенции. При этом связь между разумом и экзистенцией настолько тесна, что каждый из этих моментов оказывается утраченным, если утрачивается другой. Без разума экзистенция, опирающаяся на чувство, переживание, слепой порыв, инстинкт и произвол, становится слепым насилием. Ясперс не согласен с традицией противопоставления веры и разума. Его позиция: вера не противостоит разуму, а существует в союзе с ним. «Веру отнюдь нельзя рассматривать как нечто иррациональное. Эта полярность рационального и иррационального, напротив, запутала проблему экзистенции... То, что дух сознательно созидал себя на почве иррационального, было концом духа. Основой нашей веры не может быть то, что в своей сущности только негативно, иррационально, что ввергает во тьму безрассудства и беззакония. Философская вера, вера мыслящего человека всегда отличается тем, что она существует только в союзе со знанием. Она хочет знать то, что познаваемо, и понять самое себя»¹².

В этом и заключено отличие философской веры от религиозной. В работе «Философская вера» Ясперс проясняет суть проблемы. Если религиозная вера, основанная на откровении, отделяет верующих от всех тех, кто не верит в него, а тем самым препятствует взаимопониманию, то иная цель философской веры, веры мыслящего мировоззрения. Как предмет она всегда остается непознанной, всегда остается в качестве открытого вопроса, но в союзе с разумом философская вера способствует объединению мыслителей. Конечно, имеется и

объединение ученых, которое происходит на уровне рассудка. Философская вера не вступает в противоречие с наукой, исследующей «промежуточные, «конечные» вопросы. От религиозной веры философская вера отличается тем, что она критична и нуждается в некоторой степени в скептицизме, так как она должна осознавать, что имеются вопросы, на которые нельзя дать окончательного ответа. Она допускает существование такой реальности, знание о которой может выступать только в форме осознанного незнания. При этом незнание выступает не как субъективный показатель бессилия человеческого ума, но как объективный свидетель наличия особого рода бытия – трансценденции. «Философская вера потому и вера, что существование трансцендентного не может быть доказано с помощью положительных аргументов разума; но она потому и философская, что все-таки предполагает знание о трансценденции, подтверждаемое отрицательными аргументами разума»¹³.

Вопросы для самопроверки

1. 1. Что следует понимать под верой и знанием?
2. Каково соотношение веры и знания?
3. Каковы типы обоснования веры и знания?
4. Какова роль веры, сомнения и знания в социально-гуманитарном познании?

2.11. Основные исследовательские программы социально-гуманитарных наук

В социально-гуманитарных науках происходит процесс определения исследовательских программ. Это видно, например, в психологии. Как считает Д.А. Леонтьев, «в последние два десятилетия психология переживает кризис своих методологических оснований, связанный с очередным размыванием не только границ ее предмета, но и границ науки и представлений о науке вообще, с разрушением основополагающих и в предыдущий период весьма четких оппозиций "житейская психология – научная психология", "академическая психология – прикладная психология", "гуманистическая психология – механическая психология", "глубинная психология – вершинная психология", а также концептуальных оппозиций "аффект – интеллект", "сознание – бессознательное", "познание – действие" и т.п.»¹.

Возникает необходимость нахождения ответов на наиболее фундаментальные вопросы методологии исследования, связанные с самоопределением в методологических основаниях научного познания, способах теоретического доказательства и методах исследования. Те ответы на данные вопросы, которые сложились в сфере естествознания, неправомерно было бы переносить на социально-гуманитарную сферу научного знания. Применительно к психологии следует учесть качественную специфичность объекта исследования – психическую реальность, дискуссии о природе которой продолжаются и по сей день. Еще В. Дильтей отмечал: «Первейшим отличием

наук о духе от естественных служит то, что в последних факты даются извне при посредстве чувств, как единичные феномены, между тем как для наук о духе они непосредственно выступают изнутри как реальность и как некоторая живая связь. Отсюда следует, что в естественных науках связь природных явлений может быть дана только путем дополняющих заключений, через посредство ряда гипотез. Для наук о духе, наоборот, вытекает то последствие, что в их области в основе всегда лежит связь душевной жизни, как первоначально данное. Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем»². Качественная специфичность социально-гуманитарной сферы, включая и психологическую реальность, выражается в ее культурной детерминированности. Данное утверждение, в свою очередь, ставит не менее фундаментальный вопрос о сущности культуры как таковой, ответы на который, опять-таки, ищутся не одно столетие. Социально-гуманитарная сфера является продуктом активности человека. И для постижения этой сферы необходимы особые исследовательские подходы. По мнению Э. Кассирера, ключом к постижению отмеченной сферы является символ. Разворачивая этот вывод, он пишет: «У человека между системой рецепторов и эффекторов, которые есть у всех видов животных, есть и третье звено, которое можно назвать символической системой. Это новое приобретение целиком преобразовало всю человеческую жизнь. По сравнению с другими животными человек живет не просто в более широкой реальности — он живет как бы в новом измерении реальности. Человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме. Язык, миф, искусство, религия — части этого универсума, те разные нити, из которых сплетается символическая сеть, сложная ткань человеческого опыта. Весь человеческий прогресс в мышлении и опыте утончает и одновременно укрепляет эту сеть. Человек уже не противостоит реальности непосредственно, он не сталкивается с ней лицом к лицу. Физическая реальность как бы отдаляется по мере того, как растет символическая активность человека»³.

Таким образом, социально-гуманитарная сфера как продукт культурной, а тем самым и символической, деятельности человека должна изучаться в контексте культурной детерминированности и на иных по сравнению с изучением природной реальности методологических основаниях.

В последние десятилетия происходят изменения методологического характера, рассматриваемые многими исследователями как переход от культурно-научной традиции модернизма к постмодернизму. В культурно-научных традициях, представляющих собой сформировавшиеся в определенные исторические эпохи системы знаний о природе сущего и способах обращения с ним, отражаются изменения представлений человека о мире и своем месте в нем. В целом можно говорить о том, что культурно-научная традиция представляет собой многозначный и динамически подвижный в зависимости от исторического, социального и национального контекста комплекс социально-философских, научно-теоретических и логико-методологических представлений, специфический способ мировосприятия, мироощущения и оценки как познавательных возможностей человека, так и его

места и роли в окружающем мире. Основывающаяся на идеях европейского рационализма XVII в., эта культурно-научная традиция характеризуется представлениями о принципиальной возможности открытия универсальных законов сущего. Их постижение, как ожидалось, приведет к воплощению гуманистических идеалов в практику гармонического реформирования природы и общества. В научном познании эта идея нашла свое воплощение в разработке методологии научного исследования, обеспечивающей открытие объективных законов. В XIX в. таковой стала методология позитивизма с ее фундаментальными принципами операционализации и верификации, как казалось, обеспечивающими подлинную научность и объективность результатов исследования. Реализация позитивистской методологии в социально-гуманитарных исследованиях нашла свое выражение в ориентированности на использование количественных методов исследования. Вполне применимая в классическом естествознании, эта методология оказалась непродуктивной в отношении социально-гуманитарной сферы в силу ее символической и культурно детерминированной природы, предполагающей не непосредственное, а опосредованное изучение. Универсальное описание исходно предполагает однозначную интерпретацию изучаемого явления. Доказать же однозначность и изоморфность символической реальности в силу ее насыщенности национально-культурными особенностями весьма проблематично.

В целом культурно-научную исследовательскую традицию можно понимать как натуралистическую исследовательскую программу, как механический и ничем не оправданный перенос методологических установок, идеалов и норм исследования так называемой классической науки. Осознание ограниченных возможностей этой методологии резонировало с постмодернистскими тенденциями в развитии науки и культуры, которые выражались в непринятии самой возможности получения универсального знания о социальных и гуманитарных процессах, утверждении их творческого, культурного характера. Применительно к социально-гуманитарному знанию, они нашли свое выражение в постструктуралистской (Ж. Деррида) и постмодернистской (М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр) критике объективизма в научном познании. Постмодернизм отрицает саму возможность объективных репрезентаций на том основании, что знание контекстуализировано своей исторической и культурной природой. Достижение универсального социального знания невозможно в силу отсутствия «объективных» критериев измерения и соотнесения позиций различных субъектов друг относительно друга. Отвергая универсальную методологию исследования, последователи постструктурализма и постмодернизма оперируют лишь отдельными состояниями знания, которые определяются совокупностью субъектных позиций людей.

Последующее развитие идей постмодернизма связано с именем еще одного крупного французского мыслителя – Ж. Бодрийяра, разработавшего его современную социологическую версию. Он утверждает, что социальная реальность (он называет ее гиперреальностью) все в большей степени

приобретает имитационный характер, поскольку создается мощными средствами массовой коммуникации и другими культурными источниками. Люди теряют способность различать стимулы и реальность. Средства массовой коммуникации, придавая транслируемым системам знаков динамичный характер, способствуют размыванию полей тех или иных значений, что вызывает в индивидуальном сознании состояние неопределенности. Подобная динамика значений, создавая ситуацию неопределенности, может привести к внутри- или межличностному конфликту, требующему разрешения. Многие знаки приобретают поливариантные значения, и их адекватное прочтение становится невозможным без реконструкции культурных и субкультурных контекстов.

Идеи постструктурализма и постмодернизма оказали свое влияние на развитие социальных и гуманитарных наук в целом. Это нашло свое выражение в понимании необходимости выработки критериев оценки адекватности и путей согласования полученных знаний, т.е. их интеграции хотя бы на уровне отдельного сознания. Был предложен ряд требований к социальным и гуманитарным наукам, которые должны:

- быть рефлексивны в отношении утверждений о непогрешимости их методов исследований и безграничности возможностей;
- рассматривать все дискурсивные (в том числе и научные) тексты как риторические, форма изложения в которых направлена на донесение соответствующих систем значений до читателей, обладающих способностью и возможностью собственной их интерпретации;
- проводить мысль, что язык, конституирующий реальность, предполагает изучение особенностей ее формирования, проявления и развития, определяющих специфику само- и мировосприятия субъекта;
- исключать возможность существования единственно верных, однозначных, универсальных описаний социальной реальности.

Особенность предложенной антинатуралистической исследовательской программы заключается именно в признании культурного полифонизма, открывающего простор для подлинного диалога, в открытости социально-гуманитарного познания, в освобождении его от догматизма. На смену идеалам и нормам классической науки приходят альтернативные подходы, рассматриваемые не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие. Задачей же развития научного знания становится выработка путей и средств налаживания продуктивного междисциплинарного научного диалога, направленного на взаимообогащение и взаиморазвитие.

Эти идеи антинатуралистической методологии поддерживаются представителями социальных и гуманитарных наук. Эта методология исходит из посылки об отсутствии рациональных или каких-либо иных очевидных оснований для исследований в области социально-гуманитарных знаний в аспекте нахождения однозначных и универсальных решений. Последователи этой методологии считают возможным сосуществование различных теорий, методов и практик, отражающих определенные традиции или формы жизни,

одновременно отдавая предпочтение принципу диалога как условия взаимообогащения и развития.

Наиболее подходящей для социальных и гуманитарных наук парадигмой на данном историческом этапе, по мнению Бохнера, является герменевтика. Представляя некую совокупность способов научного мышления, Бохнер не заботится о выстраивании единой логики, обосновывая тезис о том, что ни один из них не может претендовать на статус безотносительно предпочтительного. Речь идет не об интеграции, неизбежно порождающей тенденцию к монополии истины со всеми вытекающими отсюда последствиями, а о свободном оперировании разноплоскостным, разновекторным знанием, связанным с наиболее продуктивным инструментарием. Реализация данного подхода осуществляется посредством диалога альтернативных традиций; критического рефлексивного позиционирования. Все это подчинено общей цели – налаживанию продуктивной коммуникации, направленной на взаимообогащение, взаиморазвитие и углубление представлений о природе социально-гуманитарной реальности во всех ее проявлениях и качествах. Исследователь получает возможность свободного соотнесения собственной позиции с позицией оппонента, при принятии правомерности таковой как обусловленной исходно выбранной системой исследовательских координат. Диалог альтернативных традиций предполагает максимальное использование возможностей других традиций, направленное на расширение представлений о подходах и исследовательских методологиях, объяснительных моделях, применяемых к изучению избранного социально-гуманитарного феномена.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы особенности натуралистической исследовательской программы?
2. Какие отличительные особенности присущи антинатуралистической исследовательской программе?
3. Какова роль этой исследовательской программы в социально-гуманитарных науках?

2.12. Разделение социально-гуманитарных наук на социальные и гуманитарные

Существует проблема разделения социальных и гуманитарных наук по предмету, по методу, по исследовательским программам. Это обусловлено рядом причин: во-первых, процессом дифференциации социально-гуманитарного знания; во-вторых, необходимостью определения предмета исследования; в-третьих, выяснением методологических средств и исследовательских программ, которые возможно применить в социально-гуманитарном познании. Процесс разделения социальных и гуманитарных наук является процессом вполне объективным и во многом выражает общие тенденции развития науки. На первоначальных этапах развития науки, как правило, более развитая научная дисциплина расширяет свою предметную

сферу, а свои методы и исследовательские программы рассматривает в качестве универсальных. Такова была ситуация и с классической наукой. Механика И. Ньютона, достигнув своей теоретической и методологической зрелости, воспринималась как всеобщая научная концепция, как всеобщая исследовательская программа, применимая к познанию не только природных, но и социальных явлений. По крайней мере, многие просветители XVIII в. исходили из данной теоретико-методологической установки. Сам Ньютон предполагал, что его методологический подход к рассмотрению движения небесных планет, учитывающий механические законы, желательно применить к другим явлениям природы, которые можно объяснить из механических начал. Последователи этого методологического подхода некритично стали переносить его и на те предметные сферы исследования, где он явно приходил в противоречие с полученными фактами. К примеру, химики-экспериментаторы в практике применяли сугубо химические методы, но химики-теоретики пытались на основе механических закономерностей, включая и действие тяготения, объяснить химические явления, в том числе и явления химического сродства. Лишь только в XIX в., в основном благодаря работам Д.И. Менделеева, химия смогла преодолеть механический идеал классической науки¹.

Социально-гуманитарное знание определенное время воспринималось как некоторая целостность, не поддающаяся своему дальнейшему расчленению, хотя в реальной практике социально-гуманитарного познания особенности социального и гуманитарного познания приходилось учитывать. В современных условиях сложился комплекс наук гуманитарного и комплекс наук социального направлений.

Для обсуждения проблемы разделения социально-гуманитарных наук на социальные и гуманитарные, по мнению В.Г. Кузнецова², следует ввести положение, согласно которому понятия «объект познания» («объект науки») и «предмет познания» («предмет науки») различаются. Правомерно утверждать, что могут быть различные науки, имеющие одинаковый объект, но разные предметы. Например, история и социология имеют одинаковый объект исследования, которым является человеческое общество, но разные предметы.

Социология — это наука об обществе как целостной системе и об отдельных социальных институтах, процессах и группах, рассматриваемых в их связи с общественным целым.

История — это тоже наука об обществе, но ее интересуют события и процессы прошлой жизни общества со всем комплексом проблем, относящихся к ним. Объект исследования сближает историю и социологию, подсказывает нам возможность зачисления их в одну группу дисциплин: общественную или гуманитарную. Но при ближайшем рассмотрении, как считает В.Г. Кузнецов, оказывается, что их предметы различны. Непосредственным смысловым полем, откуда историк черпает информацию об объекте исследования, являются исторические источники: специальные тексты, носители конкретной исторической информации об изучаемой исторической реальности, предания, остатки прошлых культур и пр. Именно они являются предметом его

исследования, непосредственным материалом, с которым он работает. В них в специфической знаковой форме содержится информация, поэтому они могут быть обобщены в понятии «текст». Тексты выступают по отношению к историку той «эмпирией», которая инициирует вопросы по отношению к объекту исследования. Ответы на эти вопросы историк ищет в текстах. Работа историка связана с изучением, структурированием, интерпретацией текстов. Опираясь на информацию, полученную из текстов, историк конструирует исторические факты, «вплетает» их в ткань исторического знания. Опираясь на исторические факты, историк, объясняет, реконструирует исторические события, ход исторических процессов, которые составляют уже недоступную его непосредственному восприятию историческую реальность. Такие реконструкции являются необходимым, но, естественно, недостаточным звеном исторического познания. Понятие «текст» позволяет обнаружить то общее, что есть у истории с другими гуманитарными науками и делает правомерным единый методологический подход к ним.

По мнению В.Г. Кузнецова, гуманитарное познание является специфической формой вторичного отражения действительности, качественно отличающейся от естественно-научного и общественного познания предметом и преимущественным использованием особых методов исследования. Объектом гуманитарного познания могут быть человеческое общество и его история, естественный язык и творения человеческого духа, выраженные посредством текстов. Поэтому непосредственным предметом гуманитарного познания являются тексты. Текстом называется любая знаковая система, которая способна быть (или в действительности есть) носителем смысловой информации и имеет языковую природу. С этой точки зрения любой объект, являющийся творением человеческого духа и имеющий знаковую природу, может быть возможным или является действительным текстом. Понятие «творение человеческого духа» имеет довольно широкий объем. К нему могут быть отнесены, в частности, и естественно-научные тексты. Они также могут служить предметом гуманитарного познания, если при этом ставятся специфические для него вопросы (например, о значении терминов, о значении и смысле высказываний, об истории возникновения научных терминов и пр.).

Внутри системы гуманитарного знания, конечно, имеется исторически сложившееся разделение на конкретные гуманитарные дисциплины. Но с методологической точки зрения существенно, что они объединены одинаковым отношением к единой предметной области. Именно поэтому возможно и целесообразно ставить вопрос о рассмотрении единой методологии гуманитарного познания, которая имела бы общий характер по отношению к конкретным гуманитарным дисциплинам. Создание методологии гуманитарного познания, как считает В.Г. Кузнецов, не подменяет методологических концепций для конкретных гуманитарных дисциплин. Предметная сотнесенность гуманитарного знания с текстами позволяет отличить его как от естественно-научного знания, так и от социальных наук. Единый предмет гуманитарных наук позволяет выявить их специфику и указать особенности методологического инструментария.

Текстовая природа гуманитарных наук обуславливает некоторые особенные признаки, характерные для всех гуманитарных наук и являющиеся одновременно отличительными признаками, несвойственными естественным и общественным наукам. К таким признакам относится принципиальная невозможность изъятия текстов из мира культуры, вне которого они теряют свою значимость. Гуманитарное явление существует только в мире культуры, как вещь для нас. Кроме того, предмет гуманитарного знания генетически зависит от человека, но, будучи создан, он обладает способностью к объективации, может противостоять человеку как вещь, внешняя по отношению к нему (и в этом смысле она ничем не отличается от природных предметов и может изучаться средствами естественных наук). Но использоваться, как внешние вещи, в нормально устроенном обществе объективированные предметы гуманитарного творчества не могут, так как они становятся художественными, историческими и научными ценностями. В них в знаково-символической форме зафиксирована психологическая, эстетическая, историческая, этическая и научная информация. Они представляют собой особые тексты, специфические для каждого вида гуманитарной деятельности. И как системы знаково-символической природы требуют особых методов исследования. Но выделение специфики гуманитарных наук, основываемое на противопоставлении их методов методам естествознания, по мнению В.Г. Кузнецова, является методологически несостоятельным. В гуманитарных науках ограничено используются некоторые эмпирические методы исследования и проверки научных данных. Методы естественных наук также не могут быть полностью обособлены от гуманитарных средств анализа.

Возможны и другие подходы к проблеме разделения социальных и гуманитарных наук. Основанием для них является отношение «человек и социум». С этой точки зрения, гуманитарные науки связаны с изучением человека как духовного существа, а социальные науки связаны с изучением общества и его подсистем, а также и человека как социального существа. Человек в его природности изучается комплексом естественных наук. Он так же является предметом естествознания, как и природный мир. Может быть, известное положение К. Маркса о том, что науки о природе со временем включают в свой предмет изучения и науки о человеке, имеет в виду расширение сферы предметности естествознания. И фраза о «единой науке» относится к такому этапу развития естествознания, когда природный мир и человек как его определенная часть рассматриваются в единстве. Но то, что относится к наукам гуманитарным и наукам социальным, выделяется в особого рода предметность, не совпадающую с предметностью естествознания. Гуманитарные науки изучают человека в его духовном проявлении, а в силу многообразия форм этого проявления и возникает необходимость возникновения комплекса наук. К этому комплексу наук следует отнести философию, логику, эстетику, этику и ряд других. Социальные науки изучают общество как социальный организм и множество его подсистем. Сюда следует отнести социологию, экономику, политологию, учения о государствах, правовые учения и ряд других наук. В рамках социологии человек рассматривается как носитель социальных качеств.

Методы гуманитарных и социальных наук имеют свои различия. Это видно на примере применения математических методов в социальных науках и критического отношения к применению этих методов в сфере гуманитарной. Здесь сложились свои методы: метод рефлексии, герменевтический, феноменологический метод и ряд других.

Однако было бы неправомерно настаивать только на специфике гуманитарного и социального познания, так как имеет место взаимодействие социальных и гуманитарных наук. Современные проблемы, с которыми столкнулось человечество, актуализируют взаимодействие социальных и гуманитарных наук. К примеру, экологическую проблему следует понимать как комплексную, для осмысления и решения которой необходим синтез естествознания с науками гуманитарными, социальными и техническими. Вывод, к которому пришел Римский клуб, что основная причина экологического кризиса находится в человеке как духовном существе и в системе ценностей современной культуры³, говорит о том, что экологическую проблему, прежде всего, следует рассматривать в ее духовном измерении. Но в понимании оснований решений экологической проблемы следует учитывать вывод Н.В. Тимофеева-Ресовского о том, что речь должна идти о проблеме «биосфера и человечество»⁴. В границах системы «биосфера и человечество», а не в границах экологической неопределенности, следует искать основания решения экологической проблемы. В таком предметном рассмотрении экологическая проблема требует усилий всех наук без исключения. Гуманитарные и социальные науки в их взаимодействии с естественными и техническими науками смогут помочь в решении духовно и социально значимой проблемы взаимоотношений человечества с биосферой как основой его жизнедеятельности во всех ее проявлениях, включая и духовную сферу.

Несколько слов по поводу значимости так называемого «внеаучного знания». Гуманитарные науки, имея дело с изучением духовной сферы, в той или иной степени взаимодействуют с «внеаучным знанием». Говоря об этом феномене, следует сделать некоторые уточнения. Богатейший духовный опыт человечества, выраженный в формах «духовной очевидности», а также духовный опыт, обобщенный в житейских советах и наставлениях, составляет основную и главную часть феномена «внеаучное знание». Но есть и другая часть, которая имеет место и в самой науке: заблуждения, непроверенные предположения, ложные «учения». Поэтому следует относиться к этой части критически. Но и основной части феномена «внеаучного знания» не следует слепо доверять, понимая, что истина во всей ее полноте и объективности не дана человечеству. Значимость феномена «внеаучного знания» в том, что в нем могут содержаться указания на пути дальнейшего развития знания, которые не должна игнорировать современная наука. Как отмечал В.И. Вернадский, в мистических прозрениях и откровениях могут содержаться образы будущей науки, отсутствующие в настоящей науке⁵.

Вопросы для самопроверки

1. В чем заключается проблема разделения социально-гуманитарных наук на социальные и гуманитарные?
2. Каковы точки зрения по проблеме предметности гуманитарных и социальных наук?
3. В чем различие между методами гуманитарных и социальных наук?
4. Какова роль взаимодействия гуманитарных и социальных наук с другими науками и формами знания в решении глобальных проблем человечества?

2.13. «Общество знания». Дисциплинарная структура и роль социально-гуманитарных наук в процессе социальных трансформаций

Идея «общества знания» уже звучала в античной культуре в работах Платона, а в Новое время – в работе Ф. Бэкона «Новая Атлантида», позже она неоднократно воспроизводилось. В современных условиях, когда, как считают многие ученые, социологи и футурологи, ряд стран вступили на путь информационного развития («информационное общество») значимость «общества знания» существенно возросло. Масштабы процесса перехода к сознательному и управляемому развитию настолько велики, содержательная часть этого процесса настолько глубока, что позволяют говорить о новом «осевом времени» (К. Ясперс). Во всех сферах деятельности современного человечества актуальность перехода от стихийности и неосознанности к сознательному и управляемому процессу все время возрастает, что и предопределяет необходимость перехода в новое качество. В экономической сфере, которая классиками экономических учений рассматривалась как саморегулируемая, уже нельзя полагаться только на действие рыночных механизмов, ибо это ведет к непредсказуемым негативным последствиям. В других сферах жизнедеятельности аналогичная ситуация: стихийность развития порождает только негативные последствия.

Переход к новому качеству бытия (можно также говорить о переходе к новому качеству жизни) невозможен без опережающих темпов развития «общества знания», в котором важное место занимают социальные и гуманитарные науки. Можно даже говорить о возрастающем значении социальных и гуманитарных наук. Эпоха индустриального развития определила возрастающее значение наук естественных, а позже и наук технических. Научно-технические революции определили темпы индустриального развития. Эти революции, несомненно, будут продолжаться. Но в эпоху постиндустриальную, в эпоху, когда речь идет о новом качестве бытия и жизнедеятельности всего человечества, ведущее место займут науки гуманитарные и социальные. Их роль в сознательном и управляемом развитии, в конструировании социального пространства и времени будет все больше возрастать.

В работе «Новая Атлантида» Ф. Бэкон, используя образ «Атлантиды» (этот образ до сих пор не дает покоя как ученым, так и писателям), отводил организованной науке решающую роль в развитии общества. Речь шла о «Доме Соломона» «благороднейшего (по нашему мнению) учреждения на земле, служащего стране нашей путеводным светочем»¹. Цель деятельности этого научного общества состояла в познании истинной природы всех вещей «дабы прославить бога, создавшего их, а людей научить плодотворному использованию ими»². В другом месте отмеченной работы Бэкон еще более лаконично заявлял о цели научного общества. «Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил всех вещей; и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным»³. При этом речь шла о взаимосвязи теоретического знания и практическом его применении. Богатая интуиция и всесторонний, целостный подход позволили Бэкону нарисовать образ гармонично развивающегося общества и предвидеть многие научные и технические открытия. К примеру, овладение термоядерной энергией. Научная деятельность, как считал мыслитель Нового времени, направлена только на познание истины. Нам «настолько ненавистны всякий обман и надувательство, что всем членам нашего Общества (речь идет о «Доме Соломона». – М. К.) под угрозой штрафа и бесчестья запрещено показывать какое-либо природное явление приукрашенным или преувеличенным; а только в чистом виде, без всякой таинственности»⁴.

Однако в реальности процесс развития науки, включая и социальные и гуманитарные науки, шел не только по восходящей, но и по нисходящей линии, включал не только целостный, но и аналитический, расчленяющий целостность, подход. Вполне уместен образ «волны», которым активно пользуется известный футуролог Элвин Тоффлер. Каждая «волна» (автор размышляет о трех «волнах» – аграрной, индустриальной и постиндустриальной) вносила существенные изменения и в организацию научных исследований. По отношению к современной эпохе, точкой отсчета которой автор считает вторую половину XX столетия, речь идет о глубоких изменениях наших взглядов на природу, эволюцию, прогресс, время и пространство⁵. Эти изменения были вызваны достижениями многих, а не только отдельных, наук. Изменения затронули и саму науку. Усилилась значимость системного подхода, который был воспринят и социально-гуманитарными науками: социологами, психологами, лингвистами, политологами и т.д. Протест против узкой специализации, как отмечает Тоффлер, получил поддержку и от движения в защиту окружающей среды, развернувшегося в 70-е гг. прошлого столетия. На мир стали смотреть иначе. Изменения в интеллектуальной среде нашли свое отражение в культурной жизни. Возрос интерес к другим видам знаний, выходящим за пределы науки. Духовные практики различных культур, религиозные верования, эзотерические учения стали активно обсуждаться, что способствовало их быстрому вхождению в культурную жизнь современного общества. Основными понятиями, расширяющими интеллектуальный и культурный горизонт мировосприятия, стали «глобальность», «целостность» («холизм»).

В качестве примера Тоффлер ссылается на подходы к пониманию человека. Психотерапевты избрали путь лечения «человека как целого», используя приемы гештальт-терапии. В медицине движение за «глобальное здоровье» выросло, основываясь на убеждении, что здоровье индивида зависит от объединения его физического состояния с душевным и духовным здоровьем. Смешивая, как отмечает Тоффлер, воедино знахарство и серьезные достижения в медицине, это движение набрало совершенно чудовищную силу к концу 70-х гг. прошлого столетия. На правительственном (в США и в ряде других странах) уровне идеи этого движения нашли свою поддержку. Альтернативные методы и системы лечения (к примеру, акупунктура, буддийская медитационная медицина) объединялись с достижениями современной медицины в рамках понятия глобального здоровья. Критически мыслящие ученые в этих условиях стали призывать к синтезу достижений Второй волны (индустриальное развитие) и нового мировосприятия, рождаемого Третьей волной. Но самое важное в происходящих изменениях состояло в изменениях взглядов на причинность, на соотношения случайности и необходимости. Мировосприятие Второй волны определялось механистическим подходом к причинности. Этот подход «помогал нам лечить болезни, строить небоскребы, проектировать остроумные машины и собирать гигантские сборища. Его сила была в том, что он объяснял естественные феномены работой по аналогии с обыкновенной машиной, но при этом гораздо менее удовлетворительно объяснялись такие обычные феномены, как рост, упадок, внезапные выходы на новые уровни общности, сильные изменения, что внезапно кончаются неудачей, и, наоборот, те малюсенькие, часто случайные, явления, которые иногда вырастают в страшную взрывную силу»⁶. Все это вызывало необходимость пересмотра прежних классических представлений. Но при этом следовало избежать крайностей противопоставления случайности и необходимости, ввести в основу мышления синтетические представления. Именно это, как считает Тоффлер, «помогает нам избежать ... той логической ловушки (или-или), которая так долго стравливала детерминистов с антидетерминистами, – необходимость против случайности. И это, может быть, и есть самое важное, эпохальное философское открытие»⁷.

Дисциплинарная структура социально-гуманитарного знания в этих условиях претерпевает существенные изменения за счет усиления значимости синтетических тенденций, междисциплинарных исследований. Социальные и гуманитарные дисциплины начинают с учетом их особенностей подчиняться той общей тенденции, которая характерна для естествознания. Дисциплинарная структура естественных наук в своих основных чертах сложилась где-то к концу XIX в., а в XX в. стали проявляться синтетические тенденции: возникают так называемые «пограничные науки», формируется комплекс наук биосферного естествознания. Во втором десятилетии XX столетия стали заметным явлением междисциплинарные исследования, что позволило В.И. Вернадскому сделать вывод о том, что идет процесс ориентированности науки не на предметность, а на проблемность исследований. В это время созревали все необходимые предпосылки для формирования междисциплинарных

исследований: биогеохимии, биогеоценологии, системных исследований. Все это и определяло необходимость изменения дисциплинарной структуры науки. Если в классическом и неклассическом естествознании структура науки определялась «лидером», то в современных условиях – развитостью междисциплинарных взаимосвязей и появлением целого ряда междисциплинарных наук, включая и синергетику.

Эти процессы применительно к социальным и гуманитарным наукам имеют свои особенности. Статус научности первоначально приобретает социология, понимаемая О. Контом и его последователями в качестве всеобщей и универсальной науки об обществе как целостном организме. Другие науки традиционно включались в пространство философской рефлексии, лишь только экономическая мысль под влиянием запросов хозяйственно-экономической деятельности стала быстро набирать свои обороты и интенсивно изменяться в своих концептуальных основаниях. В какой-то мере и правовая мысль не без влияния потребностей правовой практики также развивалась. В XIX в. в своих основаниях стала определяться и политология, а в первой половине XX в. и новое научное направление – культурология. Социология перестала претендовать на свою всеобщность и «рассыпалась» в своих прикладных исследованиях на ряд направлений. Все это и определило смену «парадигм» социально-гуманитарных наук: вместо абстрактных концептуальных разработок и дискуссий общего характера о предмете и методе важное место стали занимать конкретно-научные исследования, предполагающие и рекомендации практического значения. Социально-гуманитарное знание стало «сближаться» с реалиями жизни, активно участвовать в их обсуждении и нести ответственность за свои разработки и рекомендации.

Следует особое внимание обратить на рождение нового феномена «планетарное сознание». В этом, несомненно, велика роль социально-гуманитарных наук. В них, особенно в отечественных разработках, подчеркивалась роль синтеза культур, различных мировоззренческих форм, а также необходимость учитывать формирование единства человечества. В ноосферных концепциях единству человечества придается особое значение. По мнению В.И. Вернадского, ноосферогенез органично связан с процессом становления человечества, усиления степени взаимосвязанности народов и государств друг с другом. Он был одним из первых, кто высказал идею о необходимости мыслить и действовать в планетарном, биосферном аспекте, а не только исходя из интересов того или иного государства, нации или их союзов. В отечественной философско-религиозной философии единство человечества определялось как духовное единство. Русскими мыслителями неоднократно подчеркивалось, что не на пути увеличения экономического и политического могущества, а на пути «стяжания духа» происходит формирование единства человечества. При этом, как подчеркивал Л.С. Франк, «все органическое, живое, живущее внутренним единством и целостностью, не может быть организовано – как нельзя искусственно организовать, например, кровообращение и питание, нельзя вообще создать "гомункула" в реторте; организовано может быть только мертвое, неорганическое, ибо организация

есть не что иное, как искусственное, умышленное объединение и формирование того, что само по себе разделено и не оформлено»⁸.

В современных условиях идея планетарного сознания, как правило, рассматривается в рамках процессов глобализации. И поэтому считается, что таким сознанием обладают деятели многонациональных корпораций, борцы за охрану окружающей среды, финансисты, а также революционеры, интеллектуалы, поэты и художники. Нетрудно заметить, что у отмеченных категорий лиц имеется свое понимание планетарного сознания. Для представителей многонациональных корпораций и финансистов планетарное сознание выражает возможность осуществления финансово-экономических операций в границах всего мирового сообщества. Для экологов планетарное сознание включает идею «общего дома», необходимости подходить к экологическим проблемам глобально в интересах всего мирового сообщества. Поэты и художники связывают содержание планетарного сознания с культурными ценностями. Культура как «молот будущего» (Н.К. Рерих) и определяет планетарное сознание.

Таким образом, возрастает значимость социально-гуманитарных наук в решении стоящих на различных уровнях (глобальном, национальном и региональном) социальных и духовно-нравственных проблем, что и определяет необходимость проведения опережающих социально-гуманитарных исследований.

Вопросы для самопроверки

1. Как изменяется дисциплинарная структура социально-гуманитарного знания?
2. Какова роль междисциплинарных исследований?
3. Какие новые проблемы стоят в поле зрения социально-гуманитарного знания?

Раздел 3. История и философия права и ЭКОНОМИКИ

Глава 1. История и философия права

1. Предмет философии права

Со второй половине 90-х гг. XX столетия в отечественной науке наблюдается своеобразный бум философско-правовых исследований. Отечественная философия права находится в эпицентре смены познавательных стратегий, а значит, методологической неопределенности. Многие исследователи не готовы отказаться от исключительно нормативистской трактовки права. Достаточно много сторонников у диалектического метода, и с его устранением связываются неизбежные потери в динамичном описании права. Интерес к **феноменологическим** постулатам объясняется усилением субъектной стороны общественной жизни, переходом от общесистемных

детерминаций, характерных для марксистской философии, к изучению более конкретных срезов коллективной жизни в контексте жизненных миров.

Рост числа приверженцев **антропологического** видения права объясняется несколькими причинами. Во-первых, на пути максимального погружения в содержательную область прав человека легче всего избавиться от тоталитарного наследия советского периода. Во-вторых, под углом зрения антропологических исследований все более убедительную аргументацию получает идея о «двуединой» (философской и юридической) дисциплинарной принадлежности права. Утрачиваемая социальной философией функция онтологической нормативности отдается на откуп теории права. В-третьих, весьма «болезненной» и мало проясненной оказывается тема ценностных оснований права. В этом случае возникает вопрос об оправдании существующих нормативных правовых реалий.

Субъективированное видение права хорошо согласуется с ценностной стороной, но не имеет решающего значения в легитимации общезначимых норм. Отчасти поэтому теоретики права не спешат «расставаться» с истматовским видением правового холизма. Философы права, испытывающие известное неудовлетворение прежней социально-философской концепцией, пока не предлагают взамен хорошо разработанного системного видения социального целого. При отсутствии конструктивной социальной методологии возникает некая концептуальная двусмысленность. Права человека объясняются с помощью **классической** парадигмы, а его жизненный мир – с **неклассических** позиций. Это методологическое обстоятельство свидетельствует о вынужденной тенденции отечественной философии права работать пока в межпарадигмальном «режиме».

Динамизм современной философии права и повышенная дискуссионность проблем связаны с трудностями **теоретико-методологического** порядка. Одна из них заключается в том, что исследователи исповедуют различные философские установки и недостаточно активно сотрудничают на общем академическом поле не только с юристами, теоретиками права, но и между собой. Теоретики права, уже не удовлетворяясь методологией «исторического материализма» и не видя аксиологических перспектив у юридического позитивизма, обращаются к современной отечественной философии права. При этом они обнаруживают знакомые, классические идеи Канта и Гегеля или гипертрофированные, эпистемологически невыверенные субъектные философско-правовые представления. В результате, в современной юриспруденции осуществляются попытки **нефилософскими** средствами решать философско-правовые проблемы.

Одна из задач теории права видится в выстраивании аргументации по нормативистской трактовке права. Философии права остается довольствоваться историко-правовыми идеями, весьма напоминающими изложение истории политико-правовых учений, или «отрабатывать» субъектный компонент в теории права. Уже то, что в большинстве работ право определяется через понятие свободы индивида, служит убедительным тому доказательством.

Гипертрофия частного (акцентирование прав человека) приводит к деконструкции абстракции социального целого. В онтологической картине права происходит известное смещение. В ней наблюдаются индивидуальные носители права, находящиеся **вне** рамок социальной системности. Показательно, что для обоснования прав индивида по-прежнему задействуются метафизические аргументы западноевропейских учений XVI–XVII столетий. Однако, сам индивид уже «выпадает» из рамок естественного природно-общественного образования, а значит, проблема не решается **классическими** средствами.

В настоящее время усиливается исследовательский интерес к метатеоретическому уровню юридического знания. В условиях, когда в отечественной литературе появляются работы неклассического и постнеклассического толка, философия права не может конституироваться в прежних классических границах. Значительные концептуальные изменения, происходящие в теоретическом правоведении, пока не подкрепляются соответствующим мировоззренческо-методологическим обеспечением.

«Встречное» движение философии права и теории права неизбежно в силу логики развития научного знания. Тем не менее, сам тезис о сближении философии права и теории права до сих пор вызывает неоднозначное к себе отношение, вплоть до активного отторжения. Непроясненность предмета и функциональных особенностей философии права непосредственным образом сказывается на качестве теоретико-методологических исследований в юриспруденции. В результате тормозится оформление метатеоретического правового знания. Возникает реальное **противоречие** между объективными потребностями развития юридической науки и осознанием этих тенденций в философско-правовых и специальных юридических исследованиях. В современной научной литературе наблюдается преобладание теоретического уровня рефлексии в философии права. Последняя строится как **предметное** знание, изучение конкретных явлений (например, феномена правосознания). Однако на повестке дня появляется новая исследовательская задача, требующая иного типа рефлексии, – выявления предельных методологических оснований, философских установок, норм и идеалов исследования права. Соответственно, в поле зрения философии права попадает **метатеоретическое** образование – парадигмальное правовое мышление.

В современной исследовательской литературе складывается следующая теоретико-методологическая ситуация. На эмпирическом уровне юридического знания формально-логический язык описания играет конструктивную роль. Теория права предстает как завершенное статичное знание, а проблема неполноты означает наличие неких пробелов в законодательстве. Понятийное объяснение и эмпирическая интерпретация отраслевых проблем права не выходит за рамки общей теории права и имеет характер экстенсивного роста, индуктивного обобщения эмпирического опыта. На теоретическом уровне представлены два типа правопонимания. В классическом понимании теория права сближается с теорией государства. Знания не выводятся, а конституируются с помощью идеальных сущностей. Неполнота знания

понимается как открытость к различным концептуальным объяснениям в пределах общезначимых установок теории права. Последняя остается строгой наукой и не допускает идеологические пристрастия, привносимые социально-философской методологией. Впрочем, общая теория права остается в лоне «исправленного» исторического материализма.

В неклассическом понимании теория права предстает как учение, включающее научные и ненаучные компоненты. Если прежняя догматичная теория права не учитывала субъектные реалии и ценностные основания права, то «обновленная» теория права допускает полиметодологичное знание с использованием диалектики, феноменологии, герменевтики, данных этнографии, постулатов антропологии и т.д. Границы теории права размыты, и ее концептуальная природа открыта для альтернативных разработок. В обоих случаях философии права отказано в юридическом статусе, и это единодушное решение обосновывается с различных методологических позиций.

На метатеоретическом уровне правового знания выделяется три направления. Во всех этих направлениях кроме частнонаучных, общенаучных предпосылок имеются философские принципы исследования права. Первое направление – классическое понимание права – представлено двумя вариантами. В первом случае философия права объявляется юридической дисциплиной или знанием, имеющим дуальную природу. В ней недопустимы релятивность и субъективизм, и она мыслится как системная теория общества, где место марксистского подхода замещают модифицированные методологические принципы кантианства и гегельянства. Во втором случае метатеоретический статус закрепляется за теорией права, а философия права имеет подчиненное значение как часть теории права. Сама же теория права объявляется наукой с недостаточно проясненными основаниями. Это направление отличается попытками построения общей системы правовых понятий, детальной разработкой логических оснований права. Антропологические параметры права «приглушены», индивид мыслится как составная часть общества. Философия права, включаемая в состав теории права, изучает общие закономерности бытия права.

В неклассическом направлении постулируются многомерность философии права и теории права. В идеале могут сосуществовать различные концептуальные объяснения и по принципу дополнительности сочетаться философия права, теория права, социология права и т.д. В неклассических исследованиях человек мыслится как часть природы, и тогда акцент делается на естественных правах, или как часть сообщества, и тогда преобладают ценностные значения в праве. В предметной области философии права зачастую абсолютизируется проблема правосознания. Наряду с концептуальной многомерностью допускается и методологическая ипостасность. Используется взаимодополнительность методов герменевтики и диалектики, диалектики и формальной логики и т.д. Третье направление представлено учеными, работающими в языковой и тематической среде западной философии права. Будущее философско-правовых исследований они видят в принятии постнеклассической парадигмы и «подтягивании» отечественной философии

права до лучших западных образцов. На первый план выходит изучение системных оснований права. Происходит отказ от противопоставления субъектного и объектного видения права. Нормой считается синкретичное межпарадигмальное объяснение права.

В современном правовом мышлении наличествуют два вида метатеоретического юридического знания – в теории права и в философии права. В философии права изучаются предельные основания общественной жизни, в то время как в теории права представлены достаточные ее основания. Если теория права – это научная рефлексия правовых феноменов, то философия права – это мировоззренческий тип рефлексии. Если теория права изучает правосознание, то философия права – правовую рефлексию. Философия права и теория права выступают частями всего массива социогуманитарного знания. В их взаимосвязи действуют не отношения структурности, а отношения зависимости, детерминации. Философия права и теория права соотносятся как **основа** и **обоснованное**. Это происходит потому, что по своей природе философия права является **интерпретативным** знанием, имеющим **научное** и **ненаучное** содержание.

Аксиомы и принципы теории права имеют статус основы для остального юридического знания. В этом случае речь идет о причинной детерминации, из постулатов теории права логическим путем выводятся многочисленные нормативно-содержательные следствия. Взаимосвязь же философии права и теории права строится по принципу **непричинной** детерминации. Определенная часть философского знания задает «идеальный тип» объяснения, **модель интерпретации** правовых явлений. Такое интерпретационное знание имеет объектно-субъектную природу и не может быть полностью конвенциональным и субъективным. Кроме выражения **авторской** позиции философское знание содержит в себе обобщающий **мировоззренческий** и **методологический** опыт данной эпохи. Для самостоятельных разделов юридического знания он является **парадигмальным** фоном мышления, в рамках которого возможны дальнейшие интерпретационные схемы **эмпирического** и **теоретического** уровней.

2. Сущность и структура методологии познания права

Специфика современной методологической ситуации в отечественной философии права заключается в следующем. Во-первых, наблюдается дисбаланс в соотношении уровней правового знания. Наибольшее развитие получает эмпирический уровень. Во-вторых, многие исследователи не допускают мысли о трактовке теории права по образцу неклассической науки, и эта посылка постоянно стимулирует дебаты по дисциплинарному статусу философии права. В-третьих, в отечественной литературе недостаточно осознается необходимость развития метатеоретического уровня правового знания, а в иных случаях он исключается вообще. Наличное метатеоретическое знание о праве в отличие от западного аналога находится на начальных этапах своего становления, что негативно сказывается на методологическом обеспечении предметно-эмпирических исследований. В-четвертых, каждая

«ниша» правового знания абсолютизируется, в результате чего затрудняется концептуальный диалог. Лишь понимание метатеоретической природы права претендует на методологическую универсальность.

Обращение к проблемам современной российской философии права и теории права позволяет заострить внимание на мало изученном явлении – становлении **метатеоретического** уровня юридического знания. Трактовка философии права как **предельной** парадигмальной интерпретации феномена права не исключает также теоретического и эмпирического уровня правового мышления. Именно этим обстоятельством объясняется многозначность в определении права. Экспликация права через понятия нормы, справедливости, свободы, формального равенства и т.д. вполне легитимны и общезначимы в рамках господствующей в данное время парадигмы мышления. Только на метатеоретическом уровне эти определения сворачиваются в единую абстракцию, адекватную всем стилям научного и ненаучного правового мышления. Иначе говоря, право предстает как вид коллективной и личностной **рефлексии**. И уже философия права прослеживает, в каких формах, в каких типах **рациональности** разрешается извечное противоречие между правовым **холизмом** и правовым **атомизмом**, между правом «системной целостности» и правом «единичного». В отличие от абстракции правосознания правовая рефлексия – это синтезирующее понятие, отражающее единство многообразия, включающего личностные и социальные характеристики, субъективные и объективные, естественно-исторические и позитивные моменты. В праве как в способе саморефлексии общества схватываются реальные результаты изменения системной социальной целостности, в том числе и правосознания. В философии правовая рефлексия является ценностно-оценочной формой мышления и бытия, в теории права – это **логически** унифицирующая процедура.

Одна из задач философии права состоит в преодолении методологического дуализма – метафизического и научного способов объяснения права. Для решения этой задачи используется принцип структурности научного знания, согласно которому эмпирический уровень знания заключается между чувственным и теоретическим, теоретический – между эмпирическим и метатеоретическим, наконец, метатеоретический – между теоретическим и философским. Парадигмальное видение философии права – это философско-научный прием, восходящий к интуициям Т. Куна.

Парадигмальный анализ тесно коррелируется с историко-философским, не подменяя его. Историко-философский подход необходим, во-первых, для выражения эволюции философско-правовых проблем, и, во-вторых, для констатации появляющихся тенденций. С его помощью поставляется содержательный материал для парадигмальных обобщений. В то же время наблюдается и обратный «дедуктивный» ход. Вне базообразующих для данной эпохи мировоззренческих постулатов затруднительно адекватно реконструировать историко-философскую позицию. В философско-правовых учениях обнаруживаются контуры соответствующего парадигмального мышления. Каждая конкретная авторская позиция, во-первых, является

теоретико-эмпирическим подтверждением наличия такой парадигмы. Во-вторых, определенное философско-правовое учение одновременно служит средством развития и уточнения исследовательской парадигмы. В-третьих, для отраслевого юридического знания эти концепции в силу их метатеоретической природы выступают мировоззренческо-методологическими ориентирами. Необходимость историко-философского подхода объясняется задачей демонстрации смены философско-правовых интерпретационных схем. Соответственно, в историко-философском анализе задействуются такие методологические принципы, как единство исторического и логического способов рассмотрения, восхождения от абстрактного к конкретному, системности.

При парадигмальном подходе невозможно обойтись без метода философской компаративистики, который способствует как диахронному, так и синхронному рассмотрению философско-правовых проблем.

В философии права находят применение герменевтические приемы интерпретации. Сопряжение парадигмального и историко-философского взглядов уже предполагает воссоздание концептуально-методологической взаимосвязи, существующей между надвременными в логическом отношении парадигмальными принципами и изменчивым историческим содержанием. В результате согласуются между собой теоретико-эмпирический и метатеоретический уровни исследования. В первом случае феномен права изучается через основополагающие категории свободы, справедливости, солидарности и т.д. Во втором случае право предстает как вид коллективной и личностной рефлексии, обусловленный определенными мировоззренческими посылками.

Современное состояние неклассической отечественной философии права характеризуется эклектичным синтезом концепций. Предполагаемый методологический плюрализм не приводит к взаимодополнению взглядов в рамках одной парадигмы. Абсолютизация герменевтического статуса философии права влечет за собой спорные концептуальные решения. В результате предметом философии права оказывается не правовая рефлексия во всех ее многообразных проявлениях, а некоторые формы правосознания, понимаемые в экзистенциальном и герменевтическом ключе.

В феноменолого-коммуникативной позиции постнеклассический стиль мышления объявляется единственной методологической основой. Только внутри этого стиля допускаются многочисленные концептуальные комбинации и разные версии методологических синтезов. Акцентирование коммуникативной установки приводит к отождествлению правовой рефлексии с бесконечным интерпретационным рядом понимания. Правовая рефлексия является, прежде всего, средством и результатом регуляции поведения. Приоритет отдается лишь одному типу рациональности. Такое понимание строится на разрушении классического видения права. Абсолютизация такого видения влечет за собой использование методологически несовместимых средств – синергетики и феноменологии.

Признание фундаментальной ценности антропологических констант оказывает мощное влияние на современную неклассическую и постнеклассическую философско-правовую методологию. Из них зачастую выводятся абсолютные и всеобщие принципы существования права. С принятием такого рода посылок, с одной стороны, сохраняется «тоталитарность» дискурса, а с другой стороны, признается зависимость философии права от культурного контекста современного плюрального мира. С этих позиций предпринимаются попытки устранить надэмпирические критерии в сфере права. Такие послылки изначально содержат в себе методологические противоречия, снимаемые в парадигмальной трактовке права.

Методологический вакуум, образовавшийся после утраты историческим материализмом фундаментальных метатеоретических функций, заполняется новой социальной методологией отождествляемой чаще всего с социологическими взглядами. Положительный момент заключается в том, что исследовательский интерес направляется на онтологические признаки права. Неучтенной оказывается специфика узкодисциплинарного, институционального понимания права. При классическом понимании права социальная материя зачастую сводится к витальному содержанию естественных прав. Попытки сочетания социальной философии и философской антропологии в качестве методологической основы философии права приводят к нарушению баланса в пользу антропологии. Вне рассмотрения нормативно-ценностных аспектов рассуждения об абстрактном индивиде гипертрофируют часть в рамках целого.

В отечественной литературе распространяется методологический прием замещения социального пространства цивилизационно-культурологическим видением права. При таком замещении предполагается, что право не может регулировать вопросы групповой культурной идентификации, которые не могут стать объектом консенсуса. В таком случае утрачивается философско-правовое видение проблемы взаимосвязи общего и единичного. В философии права онто-аксиологическое измерение права включается в механизм поддержания последних оснований существования единичного и общего в социальной системе. То, что право способствует сохранению идентичности культурных групп, – онтологический и, одновременно, универсально-ценностный параметр права. В постнеклассической феноменолого-коммуникативной концепции модель социальной системы представлена цивилизационным плюрализмом. При этом цивилизационная трактовка правопонимания не распространяется до рамок применения парадигмального подхода, согласно которому понятия свободы, справедливости, порядка помимо конкретной социокультурной интерпретации имеют еще и системообразующую онтологическую нагрузку, каждый раз выявляемую в рамках соответствующей философско-правовой парадигмы. Использование феноменологии в качестве интегральной социальной методологии обнаруживает свою недостаточность. Такая позиция оказывается трансформированным вариантом атомистского видения права. Предметное бытие права заменяется конституированием этого бытия в сознании.

Онтологический статус права оказывается размытым, заключенным между двумя полюсами – правовой рефлексией и правовой коммуникацией. Таким образом, позитивный эффект изучения права снижается из-за неопределенности социально-методологических представлений.

3. Мировоззренческие основания античной философии права

Классическое понимание права опирается на следующие методологические посылки. Правовая рефлексия осуществляется преимущественно в метафизической форме. Бытие права – это рефлексия «**истины-ценности-нормы**» в условиях равновесной финитной онтологии, адекватности сущего и должного. В любой парадигме мышления в качестве последней инстанции права выступает **рациональность** общественной жизни и индивида. Под рациональностью понимается способность общества и личности к саморегуляции на основе разума. В классическом мышлении право характеризуется природно-социальной рациональностью. Потеря минимума рациональности означала бы отсутствие мировоззренческо-смысловой универсальности, несовпадение духовного и физического рядов бытия, незавершенность целого. Специфика философского видения права выражается в имманентном присутствии в каждой исследовательской парадигме **холистских** и **атомистских** методологических установок. В классической парадигме правовой атомизм как методологическая стратегия, подчиненная холизму, связан с аспектом истинного или превращенного функционирования норм и ценностей. Правовой атомизм формулируется в виде проблемы индивидуального выбора предзаданных нормативных значений, способствующих более полному проявлению сущностных субъектных свойств. В классическом мышлении, с его превалирующей природно-общественной или общественно-природной онтологической моделью «целое-часть», правовой холизм связан с обоснованием легитимности индивидуальных притязаний. В классических холистских представлениях часть детерминирована законами целого.

В условиях греческого полиса существенным бытийным параметром права является космоцентризм. Из онтологической равноценности космологических смыслов, судеб, функций вещей вытекает представление о равнозначности всех частей Космоса, их соразмерности. Другими словами, древнегреческие философско-правовые концепции не могут быть построены с помощью понятия изолированного индивида. В древнегреческом мышлении индивид ассоциируется с единичным явлением, обязательно несущим общие социально-природные характеристики. На первый взгляд это противоречит скульптурно-статичным мировоззренческим установкам, согласно которым каждая вещь представляет собой овеществление неизменной идеи, со строго заданными и определенными свойствами. Более того, абстракция «человек в сообществе», казалось бы, ассоциируется с функциональными, межсубъектными связями, а значит, переходными состояниями, неопределенными, незавершенными процессами, невозможностью отразить взаимосвязи между вещами и субъектами. В онтологическом плане в этом

между не фиксируется однозначный онтологический смысл, что неприемлемо для древнегреческого понятийного аппарата.

На самом деле в существующей картине мира господствует целевая детерминация, а причинная лишь вытекает из нее и сопутствует ее проявлениям. Материальный мир однозначно соотносится с идеальным, и это самая жесткая зависимость, какая может быть, всегда есть целостность, единство Космоса, олицетворяемая архэ, космическим Умом, Единым и т.д. Законы человеческого сообщества задаются неким космическим идеальным планом, и при этом он оказывается абсолютно имманентным данному материальному миру, созвучным ему своей посюсторонностью и абсолютной космологической принадлежностью. Индивид не мог быть автономен как по отношению к этому идеальному плану, так и по отношению к общественным феноменам. Общее содержится в единичном, все природные и социальные явления несут на себе признаки Блага – вот установка древнегреческого мышления.

Нельзя не заметить концептуальное единство древнегреческих представлений о праве. Общие мировоззренческие посылки реализуются в любом учении, пусть даже альтернативном по отношению к прошлым и будущим школам. В системах натурализма, дуализма и монизма выражается одна и та же позиция: если Космос – органическое гармоничное целое, то у каждой вещи по определению имеется ее естественное место, а функции, свойства выражаются в полном объеме, иначе ее бытие попросту не состоится. Естественность места вещи – характеристика органической и неорганической природы, в том числе и общественных явлений. Становление, выполнение этой естественности выглядит то как взаимопроникновение противоположностей (и тогда достигается гармония), то как сцепление атомов, то как опредмечивание идеи, то как взаимодействие бытийных причин вещи. В любом случае онтологический статус права представляется в качестве механизма, способствующего проявлению функционального назначения, естественной «чтойности», определенности социальной вещи. Право – один из инструментов общественного устройства, который дает возможность социальной вещи состояться, развернуться в ее общеприродной целесообразности.

В древнегреческом мире право телеологично даже в доплатоновских и доаристотелевских концепциях. Наличие в социуме права в конечном счете объясняется его целенаправленно осуществляемой способностью формироваться согласно природе вещей (классов, социальных групп, индивидов), быть системосберегающим ресурсом, заданным Космосом.

Понимание всеобщего бытия как блага имеет, в том числе, и правовой аспект. Его зримым выражением является онтологическое требование соблюдения меры, выражающееся в социальной жизни в определенном круге гражданских добродетелей, оптимальных формах политического правления, иерархичном социальном устройстве и т.д. Данная онтологическая укорененность права обуславливает и гносеологическую форму его существования как особого способа социального самосознания, постижения коллективным социальным субъектом вечных смыслов бытия.

Космос как макрочеловек и человек как микрокосмос развиваются по единым нравственным, правовым и другим закономерностям. Нравственность, право – космологические понятия, равно как порядок, мера, справедливость, гармония – онтологические параметры Космоса. В данном случае право оказывается не столько характеристикой системного множества, сколько показателем ролей и функций гармоничного целого. Для индивида право является показателем жизненного порядка, в связи с этим свобода в обществе ассоциируется с жизнью в соответствии с общегражданскими законами. Само законодательство выступает в роли овеществленного идеального смысла, с его помощью космологический порядок реализуется как порядок функционирования общества. Инструментом постоянной подгонки общего и единичного, адекватного движения к идее служит эффективная законотворческая деятельность. С этим внутренним умозрением, видением принципов справедливости и порядка связаны изменения политического устройства. Социальная напряженность, возникшая в VI в. до н.э. во время правления тиранов вызвано их социально немотивированным поведением, управлением на основе личного волеизъявления. Появление афинской демократии объясняется, в том числе, попыткой возвращения к космологическому пониманию законности и порядка.

В учении **Платона** (428–348 гг. до н.э.) меросберегающий механизм общественной жизни заключается в мире идей, иерархической структурированности бытия. Такое состояние природы и общества рационально, разумно во всех отношениях. Для мира вещей, полисной жизни подобная разумность является руководящим принципом организации. Благо ассоциируется с естественно-исторической основой правовых установлений, а «определения разума» выражают меру причастности вещи к своей идее. Мера причастности напрямую зависит от знания смыслообразующего контекста вещей, умения видеть в человеческих установлениях определения разума. Соответственно, законы именуется «определениями разума».

Благо и идеи занимают ключевые онтологические позиции в объяснении феномена права. Мир идей придает чувственному миру качественную разделенность и соподчиненность, так, мы отличаем законопослушное поведение от неблаговидных поступков потому, что есть идея права. Идея Блага определяет естественность, оптимальность, целесообразность, холистические посылки всего сущего. Отклонения, совершающиеся в видимом мире, требуют постоянного контроля и активной регуляции. Право как социальный феномен характеризует процесс становления социальной реальности в аспекте Блага, причинно-целевой взаимосвязи двух миров. Феномен права заключается не столько в том, что оно регулирует противоречия личных и общественных интересов, а в том, что оно корректирует отклонение индивидов от своей личностно-общественной природы.

Примером системного взаимодействия индивидов является идеальное государство. Разделением труда обеспечивается эффективное выполнение функций, естественность места каждого класса (сословия воспитателей,

сословие воинов, сословие кормильцев). В согласованном выполнении всех важнейших видов деятельности и заключается социальная справедливость.

Показательно, что на любом уровне бытия права справедливость выражает системные характеристики. В ней утверждается естественная мера сочетания деятельностных усилий общества и индивида, а также естественно-исторических оснований таких действий. Этим обстоятельством можно объяснить тройственное деление души человека, в которой есть божественное начало и то, что принадлежит чувственному миру. Их оптимальное сочетание реализует в человеке собственно человеческое состояние, которое Платон именует справедливостью.

Если в «Государстве» уделяется внимание верхней планке, идеалу, образцу социально-политического устройства, то в «Законах» звучат несколько иные мотивы. Теперь в идеальном государстве допускается наличие частных интересов, частной собственности и семьи. В силу этого в «нижнем мире» должен заработать меросберегающий механизм – законы. Эффективное функционирование государства напрямую зависит от процесса законотворчества. В диалоге «Государство» Платон неоднократно возвращается к проблеме внутреннего телеологизма, саморегуляции состояния души, развитию добродетелей. Внешний космологический природный телеологизм не действует автоматически, без специальных деятельностных усилий происходит «порча» естественной сущности индивида и государства. Под деятельностными усилиями имеются в виду и совершенствование ума и практическая реализация познанной естественной сущности. Таким образом, в учении Платона **право** отражает становление общества в аспекте Блага, причинно-целевой связи мира идей и мира вещей. С помощью права корректируется отклонения индивида от общей идеальной природы. Законы выступают средством сохранения меры в мире вещей, проявлением способности управлять согласно естественной природе.

В позиции Платона в значительной степени теряется космологическая однородность, равнозначность различных частей бытия, а противоречивость бытия норм кроется в разделенности видов бытия. Понимание нормы как образца, идеала, цели недостаточно сопрягается с ее практическим осуществлением. **Аристотель (384–322 гг. до н.э.)** предпринимает успешную попытку по сведению к единству онтологических, гносеологических и ценностных параметров бытия. Философия вновь возвращается к синкретичному взгляду на мир, в том числе и на право, однако на иной мировоззренческой основе.

Согласно Платону сущностные признаки права локализованы в рамках предельной, природно заданной субстанции, энергийная ее сила такова, что в чувственном мире происходят нужные содержательные изменения. В онтологических представлениях Аристотеля вопрос, в каком направлении осуществляется становление вещи, дополняется вопросом, каким образом это происходит. Ситуация неопределенности заключается не в спонтанности выполнения форм, а в том, что при неизменности целевой причины и индивидуально-социальных средств ее достижения (к таковым относится и

мораль, и право) возможны различные варианты актуализации своего назначения. Аристотель указывает на то, что выбор линии поведения является сознательным и управляемым актом.

Системообразующим фактором учений Сократа и Платона является понятие Блага. Факты сращенности морального и правового сознания, дистанцированность от реальных нравов и практических действий объясняются значительным рационалистическим уклоном их концепций. В онтологической картине мира Аристотеля противопоставление реального и идеального замещается противопоставлением единичного и общего, а процесс причастности замещается процессом актуализации. Право создает для человека благоприятную среду существования, т.е. недеформированное наличное бытие, которое, превращаясь в материальную причину общественной жизни, будет содержать потенции нормы, разумного устройства социума. Согласно Аристотелю, в государстве наличествует общее (по Платону, – целое), и право принадлежит к общей стороне социальной жизни. По отношению к индивиду право является движущей причиной, благоприятной для проявления его естественных способностей. В аспекте общего, социальной реальности право является одной из составляющих материальной причины. Благодаря праву выполняются формальные признаки человеческого сообщества, существует общее. В такой интерпретации несколько нивелируется инструментальная природа права, но не закона. Природа права, по Аристотелю, не в некоей институализации общественной жизни или внешней политической среде, довлеющей над индивидом. По сути дела право и государство – завершение благой политической жизни, ее конечное состояние. В естественных общностях людей, возникающих на этом пути (семья, селение и т.д.), поэтапно сказывается природа общественного блага.

Безусловно, в обществе многократно усиливается роль движущей причины. Механизмы общественной саморефлексии, к которым принадлежит и правовая форма знания, позволяют активно вмешиваться в становление государственной жизни и делать его эффективным. Учения о праве и морали существуют «не затем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать добродетельными». В случае неадекватного познания и неадекватных действий снижается степень реализации человеческой природы или прекращается естественно-исторический процесс актуализации потенций общественной жизни. Остается «вторичная» материя – наличные формы правления, социальные отношения, в которых по-прежнему живет индивид, но которые далеки от оптимальности.

По своей природе и человек, и государство должны стремиться к своей конечной целевой причине. Движение по этому пути чревато появлением альтернативных вариантов поведения. Согласно Аристотелю, возможен неразумный (гносеологический аспект), несправедливый (ценностный аспект), неоптимальный (онтологический аспект) выбор. Человек не может стать позитивной движущей причиной своего поведения еще и потому, что затруднен выбор целевой причины. Вот почему, наказанию и поощрению подлежат поступки и произвольные действия, которые не связаны с неведением или

насильственным влечением и причины которых кроются в личностном самосознании.

Только с помощью разума индивид может постичь универсальное, форму общественной жизни. В то же время получение социального знания возможно и на пути индукции, изучения чувственного опыта, в такой рефлексии мы находим общее в пределах рода. Так, Аристотель дает описание 158 греческих полисов и классифицирует полученный материал. Очевидно, классификация является одной из процедур определения формальных причин. Различные политические системы задают различные рамки реализации наилучших человеческих способностей. В этом смысле в учении о праве есть различные уровни абстракции. Метафизический уровень – познание неизменных формальных признаков права, его собственного места в социальной жизни. Натурфилософский уровень – познание наличной данности правовых институтов. Практический уровень – изучение политико-этических предпосылок осуществления права. Принятие хороших политических решений и воспитание индивида в сообществе с другими нормализуют общественную жизнь.

Подобное разграничение прослеживается в представлениях Аристотеля о ключевой правообразующей категории – справедливости. Справедливость (правосудность) характеризует состояние взаимосвязи общего и единичного, это и добродетель индивида, и номос. Таким образом, феномен права отражает не только индивидуально-личностные средства в сущностной реализации, но и их общий благоприятный социально-ценностный фон, который преломляется в единичном. С одной стороны, Аристотель говорит о справедливости, основанной на существующем праве. Это натурфилософский уровень, включающий взгляды данного общества на право, содержание действующих законов. С другой стороны, он указывает на справедливость, основанную на принципах равенства. Это метафизический уровень, одна из основных абстракций которого общее, понимаемое как сходное в различных единичных ситуациях. Согласно Аристотелю, подобные случаи в общественной жизни должны трактоваться одинаково, а момент непротиворечивости заключается в том, что в правовой оценке полностью отсутствует дуализм формальной и целевой причины.

Тяготение Аристотеля к умеренному народовластию (лучшему из «неправильных» государств), к так называемому среднему классу отражает его принципиальную убежденность, что наиболее реализуемым социальным феноменом является то, что находится в рамках меры, балансирует между крайностями. В данном смысле в справедливости отражается субстанциональность социальных феноменов, т.е. право по своей природе призвано восстанавливать социальное равновесие. В этом – функциональная причина существования естественного и условного права.

Право выступает одним из способов поддержания социального равновесия (но не уравнительности) как вида общего космологического порядка. Другими словами, условное право должно способствовать созданию оптимальных условий становления человеческой природы. Объективные

законы государственной жизни неизменны, исключения возможны лишь в функциональных проявлениях, отклонения от порядка имеются не в форме, а в движущей причине.

Итак, если у Платона право выражает меру причастности индивидуальной и общественной жизни к идее, то в учении Аристотеля **право** предстает как процесс актуализации формы. По отношению к индивиду право является движущей причиной, благоприятной для проявления его естественных способностей. В аспекте холизма право – составляющая сторона материальной причины. В целом право ассоциируется со способом поддержания социального равновесия как вида космологического порядка.

В философско-правовом плане эпоха эллинизма интересна наличием ярко выраженных методологических парадоксов. Пожалуй, впервые с помощью методов классической философии исследуется неклассический и даже постнеклассический объект – социальная реальность, теряющая границы конкретного, ограниченного города-государства и превращающаяся в абстрактный, с неопределенными очертаниями космополис. Взаимоотношения общества и индивида уже не коррелируются со взаимосвязью общего и единичного, а социальная жизнь человека отнюдь не сводится к политическим реалиям.

Естественные основания нестабильной общественной жизни локализируются в неизменной человеческой природе, соответственно, общее, целое ассоциируется с равенством человеческой природы, с ее самоценностью. Именно эта реальность оказывается истиной в последней инстанции, получающей философскую и религиозную интерпретацию. Обращение к социальному миру предполагает конституирование дополнительного, искусственного основания, мыслимого в прагматичном философско-правовом и политическом плане. Греко-римская правовая культура прописана столь четко и детально потому, что иными способами невозможно очертить контуры размытой, инфинитной социальной онтологии. В этом смысле правовые установления являются полноценной юридической нормой, имеющей и социальный, и природный характер.

Мировоззрение **стоиков** в существенных моментах отличается от платоновских и аристотелевских представлений о бытии и знании. Если у Платона и Аристотеля важна предзаданная логически-ценностная линия детерминации вещей, то в стоической онтологии имманентная тяга вещи в условиях цикличности Космоса заключается в стремлении к самосохранению. Естественные основания такой жизненности коренятся в Логосе, однако сам телесный мир подвержен гибели, поскольку стоическое мышление характеризуется парадигмой порождения-гибели, одушевленностью природы, то единое и многое соотносятся не как социум – гражданин, а как Душа мира – душа живого существа.

Стоическая философско-правовая мысль развивалась в нескольких вариантах. Греческий стоицизм (Зенон из Китиона, Хрисипп) наиболее близок к аристотелевской традиции в плане выполнения человеком своего долга и воспитания характера. Стоики совершают грандиозную подмену объекта

социальной философии. Поскольку видимый социальный мир кажется человеку негармоничным и несправедливым, он объявляется, во-первых, неконтролируемой индивидом областью, во-вторых, в своих природных основаниях разумно-упорядоченным и природно-гармоничным. Видимо, все дело в правильных суждениях и в правильных отношениях людей к течению событий. Ценой признания естественности происходящего восстанавливается якобы нарушенный социально-природный порядок. Греческие стоики проповедуют автономию личностного мира, стремление к добродетельной жизни, подчинение судьбе. У них наиболее выражено расхождение между внутренним и внешним публичным миром. По сути дела социум функционирует в двух внешне не соприкасаемых формах: 1) осуществления всеобщего Логоса-закона и 2) личностного мира человека. Вполне понятно, что греческие стоики стали говорить о естественном юридическом законе, перед которым равны все личностные миры.

Второй вариант развития стоической философии права наблюдается у римлян (Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий). В их представлениях социальный план существования сливается с природным, теряет двухипостасные формы выражения. Человек является частью Космополиса, всеобщего государства, соответственно, принимаемые в обществе законы общезначимы, так как покоятся на едином естественном основании. В силу причастности человеческого разума мы можем определить частные случаи расхождения и несоответствия общественной жизни.

Римские стоики также обходят проблему деятельностно-искусственных оснований государства, отождествляя его с максимально широкими природными рамками. Размывание природной субстанциональности при определении социума вполне соответствует общей логике развития античной философии, никогда не исключавшей бытийности единичного, изменчивости частного. **Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.)** и **римские юристы** решаются на методологический эклектизм в понимании права, допустимый в рамках классической философской концепции. В этом варианте философско-правовой позиции сочетаются аристотелевско-стоические представления о субстанциональности общественной жизни и искусственно-деятельностное ее понимание. В государственно-правовых реалиях Цицерон видит две линии детерминации: природную атрибутивную связь людей и социально-деятельные, неатрибутивные отношения граждан. Государство, возникшее как «народное установление», нуждается в «согласии в вопросах права и общности интересов». Поскольку общество уже не мыслится как сумма естественных различных мест (Аристотель), имущественные и социальные различия возникают в силу установленных в обществе отношений. Материально-субстанциональную основу такого государства олицетворяет имущество землевладельцев и крупных торговцев. Казалось бы, Цицерон обсуждает те же темы, что и Платон, адаптируя его мировоззренческие идеи к римской действительности. За формальным сходством диалогов о государстве обнаруживается иная интеллектуальная позиция. Если греки мыслят общественную жизнь в категориях субстанциональности (греческий полис

самодостаточен), то римляне – в категориях отношений и связи. Цицерон декларирует искусственно-деятельностный характер государства, определяя его через понятие «достояние народа», отражающее характер создаваемой целостности. Такие параметры государственного образования, как единство (в платоновском смысле) и качественная оформленность, отделенность от других (Аристотель), на сей раз оказываются вторичными и подчиненными. Вполне логично, что точкой отсчета в различии естественного и позитивного права служит не насыщенная государственная жизнь, а единая человеческая природа. Согласно Цицерону, человек лишь склонен к социальности, по Аристотелю, «человек по природе своей есть существо политическое». Поэтому Цицерон определяет закон как заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположное.

Единство человеческой природы с необходимостью должно быть дополнено процессом социального уравнивания, проявляющегося в идее обязательности и всеобщности юридических отношений. В ситуации социальной неопределенности одинаково неприемлемыми оказались и аристотелевская модель природно-социальной атомарности, и концепция природно-социального блага Платона, постулирующие принцип природного и социального порядка. Правовому мышлению эллинизма гораздо ближе идея абстрактного всеобъемлющего равенства, чем абстракция космологического порядка – упорядоченности. О порядке можно говорить лишь в контексте взаимного сплетения природных причин или преднамеренного согласования социально-политических действий. Согласно грекам, общество по своей сути рационально, согласно римлянам, нужно привнести рациональность в организацию общественной жизни с помощью соглашений и декретов. Когда Аристотель говорит, что «средний вид государственного строя наилучший», скорее всего он имеет в виду стремление граждан к установлению равновесия своей атомарности. Оно достигается в том случае, если каждый гражданин, уважая свободу других граждан, занимает место, обусловленное его собственной природой. Когда же Полибий или Цицерон рассуждают о преимуществах смешанной формы правления, то здесь не просматривается аристотелевская забота о соответствии мере.

По Аристотелю, в логическом смысле форма проста и неделима, строго определена, будь то форма правления или любой общественный феномен. У римлян логический смысл вещи становится полиморфным, эклектичным, составным. Для Цицерона, государство – это сложное составное целое, массив переплетенных взаимосвязей, соответственно, вид правления объединяет в себе специфические черты различных форм.

Показательно, что в эллинистическом мышлении значительно трансформируется античный телеологизм. Так, в политико-правовых воззрениях Цицерона происходит поворот от социальных идеалов, целей-норм к постулированию норм-обязанностей. Отход от природно-социальной аристотелевской формы приводит к функциональной трактовке добродетелей и обязанностей правителей и граждан. В отличие от древнегреческих мыслительных позиций правовая обязанность имеет мало общего с

выполнением предзаданной сущностной программы, скорее это приобретенное, воспитываемое качество. Вот почему, согласно Цицерону, справедливость и благотворительность предстают как двуединая добродетель.

Юристы периода Римской империи придерживаются сходных с Цицероном философско-правовых взглядов. Отдавая дань субстанциональности всеобщего закона природы, они сосредотачивают внимание на ее деятельностном аспекте, человеческих деяниях. **Цельс** определяет право как искусство добра и справедливости, особо отмечая человечески-деятельное умение – искусство. **Ульпиан** говорит о правосудии как «познании божественных и человеческих дел, науке о справедливом и несправедливом», акцентируя рационалистический посыл классической философии права.

Эклектичность философско-правовой позиции римской юриспруденции наиболее ярко проявилось в разграничении трех частей права. Видимо, критерием классификации явилось представление о «матрешечной онтологии» – выделение природного мегамира, социально-природного макромира и социально-искусственного микромира. К установлениям естественного права относятся брак, семья, воспитание детей. Оно распространяется на животных и людей, которые рождаются свободными. В праве народов реализуются правила, установленные мировым разумом для людей и используемые в отношениях между народами и государствами: война, рабство, международная торговля и т.д. Цивильное право, право граждан регулирует отношения между свободными римлянами и опирается на постановления сената, решения плебеев, «мнения мудрых» и т.д. (**Лапиниан**).

В продолжение стоической традиции сохраняется интерес к автономному миру личности. С легкой руки Ульпиана частное право призвано заботиться о пользе отдельных лиц. Оно сочетает в себе естественно-исторические и деятельностные посылы, включая в себя предписания естественного права, права народов и права гражданского.

В I–II вв. н.э. римская философско-правовая мысль поворачивает в методологическом плане к позиции Платона, а значит, усиливаются моменты субстанциональности, общего, единого в преддверии распространении христианства. В поле зрения римской юриспруденции попадает, прежде всего, публичное право, вопросы законодательной власти, неограниченных полномочий принцепса.

В таком интервале мышления **право** трактуется как феномен, снижающий неустойчивость и потенциальную неопределенность изменчивых общественных отношений. Право выглядит как одно из средств природной и социальной **взаимосвязи**, способов правильного подчинения **судьбе**.

4. Мировоззренческие установки средневековой философии права

Средневековая парадигма мышления характеризуется новыми онтологическими установками, апологией антитезности, амбивалентности, символизма. В каждой вещи открываются как минимум земной и сакральный смысл, двойственная природа, и любой объект мыслится в категориях

зависимого, обоснованного, вторичного бытия, следствия, части, существования и т.д.

Экспликация права наряду с обычными гносеологическими процедурами предполагает герменевтические усилия, толкования его символической природы. При этом широко используются античные традиции умозрительного отношения к основе, его логического осмысления. Особенность средневековой эпистемологии заключается в довольно жестком традиционализме, несвойственном античной эпохе. Средневековые онтологические представления насыщены предельными ценностными значениями. Правовые нормы-смыслы, нормы-функции (античность) трансформируются в нормы-ценности, приобретая чувственные земные характеристики. По сути дела природа ценностей трансцендентна и их легитимность гарантирована.

Совершенно очевидно, что космологический детерминизм заменяется теологическим детерминизмом, а, значит, меняются акценты ценностных параметров. Правовой субъект включается в историко-природный процесс в качестве носителя личностных характеристик, его природная благая предзаданность в определенной мере подвергается сомнению. Из божественного плана природы изымаются требования человеческого разума. Христианское прочтение платоновского идеализма, утверждение иерархизма в виде Града земного и Града Божьего разрушает единый космологический порядок. Бытие Бога, мир природы, человеческий мир в своих онтологических статусах неравнозначны. Вместе с тем, ценностная ориентация истории, обращение к личностному миру человека, его душе как месту бескомпромиссной борьбы добра и зла являются предвестником будущего субъектного толкования философии общества и философии права.

Философско-правовая мысль позднего средневековья имеет непосредственное отношение к проблеме универсалий, ключ к философско-правовому менталитету следует искать в области дискуссий о содержании общих понятий. На первый взгляд, схоластическая полемика выглядит поверхностной и бессодержательной, на деле речь идет о фундаментальных онтологических и аксиологических принципах. В универсалиях выражаются общие, существенные свойства рядов бытия, не воспринимаемые органами чувств.

Фома Аквинский (1225/1226–1274) в какой-то степени объединяет концепции Аристотеля и Платона, заявляя позицию умеренного реализма. Универсалия «право» существует до вещей как мысль Бога, идеальный план творения. Универсалия «право» существует в вещах, в совместном общежитии людей, в справедливом обществе. Универсалия «право» существует после вещей как абстракция человеческого мышления. Люди, стремящиеся к справедливости, изучая чувственные проявления общественной жизни, пытаются ее корректировать в лице церковных и государственных организаций. И эти особые частные решения, «найденные в соответствии с человеческим разумом, называются человеческими законам».

Отметим классическую посылку томистских представлений – убежденность в гармонии всех видов общего. Люди не только в состоянии

распознать общие принципы мироздания, но и делают это в силу собственной религиозно-этической природы. Бог создал рациональный мир, зло не субстанционально, стремление к мере, порядку, благочестию все-таки заложено в человеческой природе.

В феномене права проявляется двойное онтологическое назначение, с его помощью реализуются социальные добродетели (универсалии второго вида) и подготавливается религиозный этап трансцендентной жизни. Собственно говоря, аксиологический план в универсалиях первого вида – это священная история, соответственно, право рассматривается не в категориях цели-идеала, а осуществляется в аспекте нормы–ценности–средства. Если понятие права служит характеристике трансцендентной жизни, то категория закона коррелируется с миром и трансцендентного, и трансцендентального. Фома определяет закон как предписание разума в классическом, рациональном ключе.

Названным видам универсалий соответствуют и различные законы: божественный, естественный, человеческий. Первый закон тождественнее божественной сущности и существованию, то есть чистому Бытию, являющемуся Благом. Во втором законе представлена реализация природных целей, а третий конкретизирует второй. Фома предъявляет четкие требования к человеческому закону. Первое – реальная выполнимость (иначе будут несопоставимы универсалии первого и третьего вида). Второе – соответствие общему благу (согласно реализму, часть всегда выражает общее). Третье – установление инстанций (аристотелевские представления о первичной и вторичной материи получают здесь новое философско-правовое звучание). Субъектами права являются все человеческие создания, субъектами закона – те, кто реализует универсалии третьего рода. Рассуждая о первичной материи общественной жизни, Аквинский, как и Аристотель, допускает значительные вариации в сфере движущих причин. Лишь целевая причина остается постоянной и неизменной. В божественном законе заложен общий системный эффект функционирования государства, холистический посыл, нарушать который не имеет права ни правитель, ни его подданные. В русле трех уровней онтологии Аквинский различает три элемента государственной власти: сущность – происхождение – использование. Сущность даруется божественным законом; происхождение свидетельствует о естественном выполнении правящих функций, использование – о надлежащем понимании законности и справедливости в данном месте и в данное время.

Законы субординированы согласно различным уровням актуальности и потенциальности. Божественный закон как чистая актуальность служит целевой причиной для естественных и человеческих законов, формальной причиной для естественного закона. Соответственно, естественный закон является формальной причиной для человеческих законов. В плане священной истории целевая причина уравнивает людей в их стремлении к спасению. Естественные законы (как общая формальная причина) также указывают на определенное равенство людей: сохранение жизни, продолжение рода и т.д. Схоластическая логика предполагает взаимосвязь общих характеристик с

отдельными явлениями. В человеческих законах отражаются все механизмы индивидуации, учитываются частные случаи, практические нюансы. Каждому человеку присущи собственная форма и разное напряжение между потенциальным и актуальным состояниями. Вот почему Аквинский обосновывает сословное неравенство.

Таким образом, в средневековой мыслительной стратегии право имеет сакрально-земную природу в аспекте отношения основы и обоснованного.

5. Философско-правовая мысль эпохи Возрождения

Фундаментальные изменения в философско-правовых представлениях объясняются новым моделированием общественной жизни, исторического процесса, иными трактовками роли Бога и человека. Согласно принципу дополнительности, определяющему возрожденческий стиль мышления, в основании социальных действий по-прежнему лежат божественные причины, однако социально-исторические движущие силы уже свободны от сакрально-символических значений и опосредованы волевым человеческим началом. Главные факторы общественной жизни представлены двумя линиями, проявлением пантеистически трактуемой божественной активности в человеческой стратегии. В сплетении божественно-природной закономерности и уникальных человеческих замыслов формируется **бесконечная** нить политико-правовой истории. В силу ее бесконечности возможны многочисленные эмпирические варианты политико-правовых форм, неожиданные комбинации коллективных и личностных усилий. Так, **Николо Макиавелли (1469–1527)** указывает на смешанные формы правления, открытость политико-правовой жизни различным возможностям.

В любой момент времени бесконечная историческая линия максимально ограничена монистическим природно-божественным началом и отнюдь не произвольна. Согласно Макиавелли, за всеми, казалось бы, волюнтаристскими проектами государя, скрывается основополагающий нормативный ориентир – сохранение государства.

Преобладание одной противоположности над другой, как известно, становится основной сюжетной линией онтологии и аксиологии позднего Возрождения. Трагизм ситуации заключается в дегармонизации онтологической картины, потере онтологической безмятежности, свойственной раннему Ренессансу, односторонней доминантности. Философско-правовая мысль позднего Возрождения направлена на поиск механизма регуляции этого расхождения движущих сил. Политика и право приобретают некую автономность в качестве специальных социальных инструментов. В конкретно-ситуационном плане действия правителя лично мотивированы и плохо предсказуемы. Политика государя открыта любым возможностям, и в соответствии с возрожденческим принципом «все во всем» он походит и на льва, и на лисицу. С инфинитных исторических позиций его деятельность должна быть преемственной, социальной обусловленной и долгосрочно прогнозируемой. Социальная обусловленность трактуется в возрожденческом духе принципа дополнительности. Между государем и народом

устанавливается взаимопонимание, что является залогом стабильного политического устройства. Макиавелли неоднократно ссылается на неотвратимое влияние судьбы, фортуны. Скорее всего, под этой социально-исторической доминантой имеется в виду результирующая взаимодействий божественной силы и прошлых человеческо-деятельных устремлений. Онтологическая картина общественной жизни Возрождения такова, что в ней проявляются и принцип дополнительности, и принцип активизма. Макиавелли считает, что «кто меньше полагался на милость судьбы, тот дольше удерживался у власти». Человек, являющийся смертным богом, в данном случае государь, способен примирить любые противоположности, он может синхронизировать развитие естественной и искусственной среды. И хотя рядовой человек, как правило, эгоистичен, склонен к хаосу, он в силу своей двойственной природы может участвовать в создании порядка и подчиняться ему.

Уникальность конкретно-исторических условий вполне сочетается с надысторической, неизменной сущностью человека. Вот почему полезно изучать прошлые политические ситуации. Возрожденческий принцип единства теории и практики в трудах Макиавелли получает дальнейшее политико-правовое развитие. Он говорит о необходимости специальной науки, обосновывающей власть государя, и уже не отождествляет политико-правовую реальность с ее анализом, как это делалось в эпоху средневекового реализма. Политика и право, отделенные от морали, предстают скорее не как объективные сферы общественной жизни, а сферы человеческой деятельности со своими определенными правилами. В эпоху Ренессанса почти не обращается внимание на экономические условия реализации права, не прослеживается материальная детерминация. Социальная реальность представляет собой сферу межличностных отношений, политической игры, социально-политического творчества, в которых реализуются самодостаточность правителя, титаническая мощь политика, создающего законы и обустроивающего государство. Согласно Макиавелли, нет предела человеческому стремлению к власти. В силу ограниченности политико-правовых ресурсов возникают неизбежные конфликты, и лишь государство как сила стоящая за законом защищает индивида от агрессии.

В возрожденческом пантеистическом мышлении нивелируются онто-аксиологические послышки права, типичные для античного космоцентризма. Модель политико-правового развития укладывается в довольно эффективную формулу: цель – средство – результат. Цель теряет абстрактный, надэмпирический статус конечной причины действий и мыслится скорее в интервале ближайшей, непосредственной причины. Классическая посылка возрожденческого менталитета заключается в постулировании необходимости порядка. Цель политики и права – удержание власти, поддержание стабильности. Политико-правовые средства осуществления цели находятся вне сферы ценности. Закон олицетворяет собой проявление силы, и лишь во вторую очередь служит нормой и идеалом. Мораль, религия и право являются способами удержания власти.

Благодаря номиналистическим тенденциям в возрожденческом мышлении выстраивается иная аксиологическая картина. Оценка политическими субъектами используемых средств определяет правовую нормативность и эффективность социальных действий. Прагматичная субъектная оценка задает нормативность на данном временном отрезке истории. Согласно Макиавелли, «о действиях всех людей, а особенно государя, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть». С одной стороны, в праве отражается пантеистическое постоянство законов различных государств, а с другой – оно обслуживает конкретные коллективные потребности, выявляемые разумным и опытным путем. В ситуации расхождения идеального и реального Макиавелли стоит на точке зрения политического реализма и предлагает эффективные на тот момент времени политико-правовые технологии. Другими словами, субъекты права и политики становятся полноправными персонажами исторических событий и политико-правовой науки.

6. Методологические послылки философии права Нового времени

В философско-правовых учениях XVII в. прослеживаются три тенденции, обусловленные особенностями Нового времени. Во-первых, по-прежнему сохраняется основная рационалистическая посылка классического мышления – **уверенность в тождественности**, согласованности физического и духовного рядов бытия. Теоретико-познавательная методологическая озабоченность новоевропейской науки трансформируется в философии права в попытку **прояснения понятийно-категориального аппарата**. Весьма показательное совпадение методологических ориентиров естественно-научного и социального познания, применение **гипотетико-дедуктивной аксиоматики** или **индуктивных методов мышления**.

Вторая тенденция заключалась в **этицистском** характере философско-правовых проблем. Образование и функционирование единого, независимого светского государства становится наиболее обсуждаемым социальным феноменом. Такая специфика философско-правовой рефлексии Нового времени, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами. Во-первых, распространение деистических представлений в XVII в. способствует поиску абсолютистских оснований права. Божественное право по-прежнему остается незыблемой аксиологической посылкой, из которой выводятся дальнейшие политико-правовые установления. Во-вторых, идея субстанциональности природы, трактуемая в широком смысле, приобретает новое мощное звучание, будь то панлогизм Спинозы, дуализм Декарта, деизм Ньютона и т.д. В философско-правовом плане эта идея сочетается с отрицанием плюралистических основ общественной жизни, утверждением строгого монистического порядка.

Третья тенденция берет свое начало в возрожденческих представлениях и находит полное воплощение в учениях Просвещения. Речь идет об усилении **дистанцирования** божественного, естественного и позитивного права. Философско-правовые учения XVII столетия не отвечают на вопрос «почему?»

в отношении божественного права, зато весьма определенно дают ответы на «почему?» и «как?» в отношении естественного и позитивного права. Результатом такого рода работы стало появление известной школы естественного права, которую представляли Г. Гроций, С. Пуфендорф, Бурламаки, Барбейрак, Кумберленд.

Можно предположить, что содержательное расхождение между естественным и позитивным правом связано со сменой базовых онтологических воззрений. В рамках античного космоцентризма и средневекового теоцентризма общество органично включается в общий естественный план природных процессов. После возрожденческого антропоцентризма зреют теоретико-методологические интуиции по поводу качественной отделенности общественной жизни в ее эмпирических проявлениях и качественной однородности с природой в ее божественном основании. Распространение **номиналистических** представлений приводит к укреплению **эмпирических** настроений. Носителем природной субстанциональности оказывается не общество, а индивид. Для новоевропейской философии в целом характерно обращение к малым, устойчивым системам-вещам (в данном случае индивиду). Осмысление общего, целого отдается на откуп божественному уму, метафизическим посылкам или учениям о **социальной комбинаторности**, составной природе государства, т.е. теориям общественного договора. Индивид, в его необщественном, естественном состоянии, мыслится как модус природной субстанции. Как **часть** индивид обладает собственной волей, как части **природы** ему имманентен естественный разум. Только в этом смысле он обладает правом действовать и мыслить по своему усмотрению, делать то, что должна делать часть субстанции, а не спонтанно волящий человек. Когда Гроций в труде «О праве войны и мира» определяет естественное право как способность иметь или делать что-либо, вытекающее из власти над собой, т.е. из свободы, то, очевидно, под свободой понимается знание природной необходимости и нахождение в ее рамках.

Представляется, что некая автономность естественного права заключается в том, что именно в нем содержатся основополагающие онтогносеологические установки Нового времени о тождестве мышления и бытия. Индивид как часть субстанции есть существо разумное, и его разум является адекватным средством, обеспечивающим ему условия самосохранения. Как мыслящий субъект человек является модусом субстанции, и в то же время разум, локализующийся в отдельных индивидах, проявляется как атрибутивное свойство природы. В этом природном единстве – потенциальный залог установления будущих мирных отношений социальной жизни. Вот почему Гроций определяет источник естественного права как «предписания здравого разума». В определенном смысле – это гносеологическое определение естественного права, вписывание данного феномена в деистическую картину мира. Естественное право в какой-то степени автономно и по отношению к божественному праву, так как индивиду дана способность продуктивной рефлексии и саморефлексии.

В Новое время возрожденческий тезис о двойственной, амбивалентной природе человека наполняется новыми значениями. Отказ от мистического пантеизма и, вследствие этого, от титанизма влечет за собой представления о прагматичности интересов человека. В философско-правовом плане эксплуатируется определенная сторона индивидуальной и социальной жизни. Такая субъектная характеристика как **потребности и интересы** становится важнейшим онтологическим основанием для различного рода социальных концепций. Классическая посылка заключается в том, что сохраняется представление об имманентном порядке природы, чему немало способствует распространение **дейстического** мировоззрения. С помощью разума, этого сущностного свойства, человек пытается преодолеть конфликт интересов.

Основная онтологическая единица Возрождения – человек творящий, для которого внешняя природная среда служит способом выражения уникальных личностных способностей. Основная онтологическая единица Нового времени – природно-социальный индивид, носитель атрибутивных потребностей и интересов, которые познаваемы и прогнозируемы. В этом смысле индивид является самодостаточным проявлением **натуралистически** понимаемой природы. Кстати, в этом также просматриваются посылки классического мировоззрения.

Сущностные характеристики индивида не претерпевают значительных изменений, случайности же определяются лишь в модусном бытии. Подобный **причинно-следственный автоматизм** новоевропейского мышления способствовал поиску **универсального алгоритма** решения теоретико-познавательных проблем в области природных и социальных явлений. Поскольку «порядок идей и порядок вещей один и тот же» (мысль, пронизывающая все этапы эволюции классической философии и науки), учению о праве вполне под силу адекватное отражение общественных процессов.

Новоевропейское мышление обращается к абстракции **части** в полной уверенности, что дальнейшие мыслительные процедуры восстанавливают систематизированную картину целесообразной комбинации частей. Феномен права, с одной стороны, указывает на необходимость признания и учета неотъемлемых природных черт индивида, а с другой стороны, право призвано обеспечить эффект системности и комбинаторности общественной жизни. Подобное возможно в том случае, если учение о праве включается в **гносеологический** механизм существования социума. Как и физика в своей области, учение о праве занимается выявлением движущих причин поведения граждан. Алгоритм рефлексии социальной жизни не терпит никаких изъятий, характеризуется методологической оправданностью, объективностью, ярко выраженными прикладными функциями. Такова точка зрения и эмпиризма, и рационализма Нового времени.

Особенности философско-правовых идей XVII в. заключаются в их методологической направленности. Неслучайно, произведение **Джона Локка (1632–1704)** «Опыт о человеческом разуме» в парадигмальном контексте воспринимается как теоретическая прелюдия к работе «Два трактата о

правлении». Локк рассуждает о государственно-правовых принципах в критическом ключе, противопоставляя свои взгляды теологической теории. Естественные права субстанциональны и отнюдь не многомерны, поэтому необходимо снять любые дискуссии в их толковании. Классический мотив атрибутивности правовой рефлексии содержится в убеждении Локка о наличии природной способности человека с помощью разума создавать общие правила поведения. В этом он видит основание законодательной власти, в то время как деятельностные способности индивида обуславливают появление исполнительной власти. Комбинаторно-целостным характером человеческой жизнедеятельности объясняется союзная или федеративная власть.

Атака, предпринятая Локком против теории врожденных идей, видимо, связана с признанием внутреннего суверенитета личности, его природной самодостаточности. Наличие врожденных принципов означало бы насильственное, внешнее воздействие на природу человека, которое, в конце концов, привело бы к неестественности его прав. Правовая доктрина Локка вовсе не начинается с абстракции индивида, понимаемого как субстанциональная автономность. Классической философско-правовой парадигме вообще не свойственна абсолютизация индивидуального начала в качестве онтологической и аксиологической систем отсчета. В рассуждениях о естественных правах индивида проявляется эмпирически-деятельностный и, одновременно, вещественно-предметный угол зрения на феномен права. Так, Локк указывает на право собственности, в том числе на труд и его результаты. Он говорит также о праве на жизнь, так как с классических позиций бытие в рамках своей меры должно состояться. У человека есть «власть делать то, что он считает необходимым для сохранения себя и других в рамках закона природы».

Исходя из абстракции человека в досоциальном состоянии, Локк определяет свободу как независимость от воли другого человека и одновременно наличие общих и постоянных правил поведения. Так появляется **системное** представление о **социальности**, в котором значительная роль отводится праву. Благодаря его функционированию над природной реальностью надстраивается социальная реальность, позволяющая не прервать физическое существование равных в своем естественном состоянии индивидов. Поэтому Локк обращает внимание и на другую сторону свободы, определяя ее как существование для всех общих и постоянных правил поведения.

Поскольку классическое мышление предполагает необходимость продолжения природного порядка в социальном, эмпирическая версия философии права выходит на уровень социальной системности. На деле индивиду, в том числе с помощью позитивного права, нужно строить социальное целое по образцу природного порядка, которое в данном случае мыслится не в категориях отношений, а в категории **суммы** частей. Для Локка – это гражданское общество, воплощающее принцип социальной целостности.

В этом смысле гражданское общество более естественно, чем государство. Они соотносятся как сущность и ее проявление. Государственные формы достаточно вариативны и инструментальны. Задачи государства –

обеспечить сохранение гражданского общества. Динамизм политико-правовой жизни заключается в многовариантных действиях самодостаточного субъекта власти. В Новое время власть в отличие от первичных неотъемлемых прав индивида в онтологическом смысле вторична, дарована общественным консенсусом. Динамизм политико-правовой жизни отражается также в необходимости совершенствования общественного договора несамодостаточных государственных институтов. Вот почему популярна мысль об ограничении прав правителя, его ответственности перед народом.

В учении Локка сосуществуют несколько видов **опыта**, а, значит, несколько уровней **рефлексии**. Внешнее чувственное восприятие и внутреннее самовосприятие как источники рефлексии вовсе не произвольны. В естественном состоянии у человека есть неограниченное право распоряжаться собой, чтобы сохранить свою природу. Действие разума в этом случае является первым видом рефлексии, существующей до появления государства. Существует второй вид опыта и рефлексии, возникающих при конституировании государства. Если каждый индивид будет себе судьей в собственном деле, то есть опасность не сохранить свое природное бытие. Индивиды совершают рефлексии этого обстоятельства и передают власть стоящей над всеми инстанции на основе договора. Договор выступает видом коллективной рефлексии. Итак, второй вид рефлексии означает, что люди прислушиваются к своему природному разуму и передают часть прав вышестоящей инстанции. Отсюда возникает третий вид рефлексии – как соблюдаются права индивида в государстве. Главная цель государства состоит в реализации гражданских интересов.

Представляется, что Локк ратует за разделение властей в силу следующих методологических установок. Это связано с принципом комбинаторности; с отрицанием внеприродных оснований власти, так как чрезмерная ее концентрация нарушала бы природно-социальный порядок. Эффективное функционирование всех ветвей власти возможно при адекватной индивидуальной и коллективной рефлексии. Важно то обстоятельство, чтобы **все** в государстве **знали** и выполняли законы. («Все» – тотальность бытия, «знать» – это появление позитивного права). Третий вид правовой рефлексии включает в себя также отношение к тирании. Народ имеет право на применение силы против несправедливого и незаконного правления. Суверенитет народа выше суверенитета государства, так как за ним стоят природные потребности, естественные права индивидов. Таким образом, право выступает способом установления искусственных социальных связей, служащих условиями сохранения природной автономности индивида. Оно является также результатом различных видов индивидуальной и коллективной рефлексии.

В философско-правовом видении **Томаса Гоббса (1588–1679)** наблюдается сочетание **деизма**, **номинализма** и **эмпиризма**. С нововременных позиций номинализм – **противостояние** рационализму. Согласно Гоббсу, индивиды – это равные по природе, автономные единицы, тела, и у каждого есть одинаковое с другими «право на все». В то же время индивиды не являются субстанциями-вещами, как предполагал в свое время Аристотель.

Лишь природа в целом самодостаточна, хотя и она не выступает в качестве пантеистической субстанции. В XVII столетии, когда еще отсутствует идея единой развивающейся субстанции, т.е. государство не мыслится как этап ее развития, самое уязвимое место философско-правовой методологии – это **переход** от автономных единичных элементов к их суммативной или органической целостности. С номиналистических позиций человек по природе эгоистичен до такой степени, что можно говорить о «войне всех против всех». Тем не менее, такое состояние естественно и с классической точки зрения не мыслится как субстанциональный хаос. В учении Гоббса проявляется общая **классическая** посылка: у индивида существует естественное свойство понимания и познания физического ряда бытия. Естественный разум помогает индивиду выйти на идею создания искусственной, суммативной целостности, т.е. создать условия для своего самосохранения. В результате естественное и позитивное право соотносятся как **причина** и **условие**, причины бытия природные, а условия бытия (государство) – искусственные, социальные.

В данном случае сохраняется природно-социальная характеристика государства и права, так как действия людей не произвольны, а обусловлены их природой. Согласно Гоббсу, предписания естественного разума называются естественными законами. Первый главный естественный закон основан на принципе **комбинаторности**, на классической посылке сохранения целостности и указывает на необходимость стремиться к миру. Второй естественный закон основан на принципе **редукционизма** и связан с отказом каждого от своих прав в той мере, как требуют интересы мира, и переносом прав на определенное лицо или группу лиц. Третий закон основан, на наш взгляд, на принципе **причинно-следственного автоматизма**. Он диктует индивидуам необходимость выполнения заключенных соглашений, иначе без **совпадения** законов духовного и физического рядов бытия не будет и самого бытия. Остальные шестнадцать естественных законов базируются на принципе натурализма, самодостаточности природного бытия: не делай другому того, чего не пожелаешь себе.

Соответственно, позитивные законы дают возможность природе индивида состояться, т.е. образуют среду действия для природных причин. Однако эти условия нужно создавать специально, поэтому естественные законы говорят о свободе что-либо делать, а позитивные о предписании что-либо делать. При создании государства индивиды переходят в мир системного множества, описываемого механистической моделью. В механистической картине взаимосвязь единичностей идет через внешнее воздействие, силу, но не насилие. Другими словами, позитивные законы опираются на силу.

Почему же у Гоббса нет идеи разделения властей, и он ратует за абсолютную власть государства? С **методологической** точки зрения этому способствуют следующие обстоятельства. Во-первых, принцип деизма, олицетворяющий монизм власти. Во-вторых, принцип редукционизма, сводящий различные факторы возникновения государства к монистической причине. В-третьих, принцип комбинаторности, указывающий на необходимость собирания частей в целое. Вне абсолютной власти государства

теряется номиналистическая позиция Гоббса. Государство перестает быть «телом», оказывающим внешнее принудительное воздействие на своих граждан.

Посмотрим с методологической точки зрения на концепцию Гоббса о **договорном** характере государства. Во-первых, согласно номинализму Гоббса, слова не отражают сущности вещей, не существует абстрактных общих понятий, мы договариваемся об их **значении**. Значит, мы должны договориться о том, что представляет собой **порядок** в обществе, договориться об **общем** устройстве и **считать** его общим. Во-вторых, мы договариваемся, исходя из эгоистических интересов о своем самосохранении. Индивиды доверяют верховную власть государству, и далее оно действует по правилам природного деизма, заменяя природную силу. Поэтому граждане не могут освободиться из-под действия верховной власти, а сам суверен не связан никаким договором. В этом смысле государство, по Гоббсу, более **природно**, чем по Локку. Правовая **рефлексия** – это установленное общее. Только в гражданских законах даются критерии различения добра и зла.

Как видим, в творчестве Гоббса представлен более «жесткий», чем у Локка вариант механистического эмпиризма, отягощенный номиналистическими посылками. Недоверие Локка к врожденным принципам мышления у Гоббса оборачивается отрицанием абстрактных сущностей. Соответственно дефиниции права достаточно произвольны, являются результатом спонтанного выбора значений. Номиналистическая позиция вовсе не отменяет факта объективности прав индивида, понимаемого как естественное одушевленное тело. Гоббс предлагает своим современникам учение, в котором право носит предзаданно-конвенциональный характер. Отталкиваясь от автономно-эгоистической природы индивида, он обстоятельно формулирует запретительную часть естественных законов, «гасящих» эффект хаотичности и нестабильности социального бытия. Таким образом, право является результатом коллективной рефлексии в виде договора, а государство – формой выражения монистической силы. В учениях Локка и Гоббса право рассматривается в аспекте природных потребностей индивида и в контексте алгоритма социального познания.

7. Философско-правовые взгляды французских просветителей

В XVIII в. **теоретико-познавательный** контекст философско-правовых учений имеет подчиненное значение, становится вторичным по отношению к практическим задачам оптимального устройства общества. Феномен права мыслится в категориях **результата**, а не в интервале познавательного алгоритма. Представление о цикличной вечности природно-социальной системы заменяется идеей бесконечного **прогрессивизма** общественной жизни. Разум трактуется в инструментально-бытийном и социологически-ценностном планах. То, что в XVII в. выглядит эскизом, наброском, интуитивным предчувствием, в эпоху Просвещения получает мощное полноценное звучание. Гносеологические позиции, имеющие в XVII столетии онтологическое содержание, теперь окончательно оформляются в лоне представлений о **бытии**.

Сенсуализм смыкается с материализмом, а рационализм с историческим идеализмом.

Французские материалисты в отношении права берут на себя смелость отвечать на сакраментальные методологические вопросы «**почему?**», видимо, из-за убежденности в материальной основе мира. Деисты также отвечают на этот вопрос в силу усиления онтологического контекста их представлений, веры в рациональное устройство мира. Прежние метафизические и религиозные запреты сняты. С точки зрения двоичной диалектики право получает **целевое** и **причинное** объяснение. Человеческий разум, свойство, дарованное природой человеку, призван сыграть решающую роль в социальных преобразованиях. Совершенствование разума предстает как **цель, средство** и **результат** индивидуальной общественной жизни. Ранее познавательные возможности требовались индивиду для самосохранения, теперь для активного переделывания реальности. То, что в XVII в. выглядит как неоправданное применение априорных принципов, теоретических абстракций, в эпоху Просвещения называется процессом воспитания, совершенствования человека и общества.

Согласно эмпиризму XVII в. человек обязан быть счастливым, сохранить себя в качестве природной единицы. Согласно идеям Просвещения, человек обязан быть разумным, а общество устроено рационально на оптимально выраженных разумных основаниях. В XVII столетии предполагается, что политико-правовые институты защищают первичные природные потребности индивида. В XVIII столетии государственно-правовые преобразования являются следствием реализации разумно выстроенного плана. Другими словами, правильные социальные действия завершают естественный отбор, совершаемый самой природой. Соответственно, идеологи Просвещения мыслят в категориях общего, социально разумных преобразований, поиска основ разумного государства.

Противостояние рационализма и эмпиризма как альтернативных методологических стратегий XVII столетия в эпоху Просвещения трансформируется в монистическую установку прогрессивистски трактуемого разума. Ее основных параметров не отменяет даже противопоставление материализма и идеализма, атеизма и деизма. Момент **рациональности** в философско-правовой парадигме значительно усилен. Если в XVII столетии духовный и физический ряды бытия должны быть тождественны, то в XVIII столетии духовное должно быть **реализовано** в физическом бытии.

Конструктивную роль в философии права играет просвещенческий принцип **эволюционизма**. Причинно-следственная зависимость явлений приводит к тому, что одно преобразование вытекает из другого, и мы вправе получить ожидаемое следствие. Такая причинно-следственная цепь помогает создать более совершенное законодательство, оптимально обеспечивающее порядок в обществе. Поскольку не существует случайных и несущественных причин, право мыслится как необходимое отношение. Отождествление причинности и необходимости, свойственное мыслительной парадигме Просвещения, сказывается и на трактовке законов как отношений, вытекающих

из природы вещей. Уже нет комбинаторных представлений, но еще нет учений о целостной развивающейся системе. Поэтому онтологическая картина строится на постулировании монолитного целого, которое может лишь улучшить свои качественные характеристики, переводя их из потенциально предзаданного состояния в актуальное. Этим, в том числе, объясняется исключительное внимание к проблеме оправдания абсолютистских оснований государства. Монистическая форма имеет решающее значение, и вполне понятна мысль Вольтера о демократии, «похожей на дракона с множеством голов и хвостов».

Обозначим теперь некоторые характерные черты правовых учений с точки зрения базовых методологических позиций материализма и деизма. Казалось бы, приверженность **Клода Адриана Гельвеция (1715–1771)** к материализму гарантирует приоритет представлений о материальном единстве мира, органическом общем. Вместе с тем, основополагающей абстракцией в его учении является понятие человека как ощущающего материального существа. Можно предположить, что в отсутствие материалистического понимания истории атеистические устремления еще не способствуют появлению холистской социальной методологии. Иначе говоря, Бог исключается из ряда причин, создающих природное и социальное единство. Механистический характер материализма также приводит к акцентированию лишь сенсорных свойств человека.

Появление государства и права Гельвеций объясняет согласно модели «**порядок–хаос–порядок**». Однако она мало напоминает известную синергетическую формулу системной самоорганизации. По Гельвецию, после природного равенства при переходе к цивилизации возникает рукотворный социальный хаос. Человек как чувствующее существо получает неадекватные ощущения из окружающей социальной среды. Для сохранения его **нормальной** природы необходимо организовать эту среду правильным образом. Право ассоциируется с порядком, с субстанцией общественной жизни, близкой к материальной среде, из которой индивид получает ощущения. Мораль же является духовной средой, зависимой от права. Вот почему «реформу нравов следует начинать с реформы законов». Вновь организованный социальный порядок обеспечивает естественность и объективность ощущений индивида. Классическая посылка сохранения **сущности** мыслится здесь как взаимосвязь личного и общественного интересов. Правильные отношения как раз и предстают в виде сочетания частного и общего интересов. Вполне логичным оказывается обращение материалиста Гельвеция к **разуму** как союзнику чувств. Подготовить этого союзника можно путем воспитания и совершенствования законодательства. Гельвеций печется о правильно понятом личном интересе. Классический принцип атрибутивности **рациональности** подкрепляется просвещенческим тезисом о постепенном совершенствовании рефлексии.

Жан-Жак Руссо (1712–1778) представляет ту линию философии права Просвещения, которая с **деистических** позиций выражает правовой холизм. Как сенсуалист он начинает с абстракции чувствующего индивида. Уже изначально в естественном состоянии природа этих чувств амбивалентна:

любовь к себе (классическая посылка постулирования неизменной природной сущности) и чувство сострадания (классическая посылка системной организации, в данном случае задаваемая деизмом). В методологическом плане, сенсуалистические послы Руссо объясняются смещением акцентов в сторону коллективного самосознания. В моделируемой ситуации перехода от первобытного состояния к неистинному цивилизованному и истинному цивилизованному состоянию (**порядок–хаос–порядок**) в центре внимания Руссо находится социальный хаос. Руссо вопрошает «не будь людской несправедливости, зачем понадобилась бы нам юриспруденция»? Как представитель классической парадигмы и адепт прогрессивизма он не сомневается в наступлении искомой стадии порядка. В XVIII столетии исследовательский интерес направлен на момент **исправления** искаженной сущности. Для эпохи Просвещения с ее метафизично-эволюционистскими представлениями и не могло быть иных методологических средств. В таком интервале абстракции сущность права, выражаемая в понятиях свободы и равенства индивидов, не развивается, а **восстанавливается** в новых социальных условиях.

Как деисту Руссо как раз и близка тема восстановления субстанционального единства. Естественный порядок первобытного состояния обеспечивается атрибутивно заданными чувствами. На этом этапе рефлексия автономности означала бы нарушение порядка. С появлением государственной жизни под угрозу ставится второе атрибутивное чувство, в своем полном эгоизме человек подрывает природную основу. В то же время **рефлексия** естественного состояния, природного порядка остается единственным критерием успешности грядущих в обществе преобразований. Государство и право должны стать неким эквивалентом природного равенства и свободы.

Феномен правовой системности возникает на этапе социального порядка. У Руссо он выражается в достижении правильно понятого интереса. В XVII столетии подчеркивается значение факта **понимания**, а в XVIII в. правильно понятый интерес создает почву для **онтологического** сближения частной и общей воли. Иначе говоря, правильно понятый интерес приводит на этапе социального порядка к социально ориентированным чувствам.

Задача исправления искаженной социальной сущности еще не может решаться **социологическими** средствами. Руссо решительно выступает против усиления роли частных ассоциаций. Деятельность партий, групп, объединений лишь влияет на процесс совершенствования порядка, а не является игрой политических сил. Согласно Руссо, законодательная власть построена на принципе эволюционизма.

Руссо постоянно подчеркивает основность действий суверена как коллективного субъекта. Иначе говоря, народ является носителем естественного права, а судья – права разума. Благодаря деизму духовные и материальные формы власти суверена равнозначны, в политическом организме различают два «движителя» – силу и волю, последнюю под названием законодательной власти, первую – под названием власти исполнительной. Точно так же не особенно важны политические формы проявления власти.

Философско-правовое учение **Шарля Луи Монтескье (1689–1755)** в методологическом отношении выглядит как вариант синтетической концепции. Монтескье выступает как представитель последовательного деизма. В данном случае такая позиция позволяет подняться **над** противоборством эмпиризма и рационализма, материализма и идеализма.

В общей цепи обусловленности права (Монтескье мы можем с уверенностью назвать «певцом» детерминизма) не бывает существенных и несущественных причин. В конечном счете, единственной существенной причиной остается Бог. Вот почему для анализа права Монтескье требуются понятия обобщающего порядка. Такое понятие должно отражать всю палитру причинно-факторных связей. В концепции Монтескье оно называется «духом законов». Это совокупность факторов, которая влияет на характер законодательства. Таким образом Монтескье рассуждает об **историзме** в век абсолютного господства метафизики.

В методологическом плане социальная концепция Монтескье альтернативна будущей марксистской материалистической позиции. В задаваемой им картине общественной жизни есть только **факторно-причинная** детерминация **без** выявления искомым основы и обоснованного. Социальная система разбивается не на сферы общественной жизни (как мы уже знаем, экономическая сфера, производственные отношения – это абстракции, в принципе невозможные в XVIII столетии), а на отдельные места. Вот здесь и происходит интересная метаморфоза. С одной стороны, Монтескье рассуждает о природе государственной жизни, становлении права, необходимости законов. С другой стороны, он говорит о конкретно-исторических обстоятельствах, невозможности унификации законодательств.

В первом случае он использует **социальную** методологию, разрабатывая основания правового **атомизма**. Для защиты атомизма Монтескье достаточно указать на атрибутивность **рациональности**. Более того, его можно назвать также «певцом рациональности», столь последовательно отстаивает он данную тему в философии права. Как деист Монтескье говорит о двух видах рефлексии, о законах как результате Божественного ума и о законах, понимаемых как плод человеческого ума.

Во втором случае Монтескье из области философии права переходит в область **философии истории**. Здесь появляются элементы **цивилизационного** видения права. Так, согласно Монтескье, культурно-историческое различие законодательств различных народов не отменяет «единообразия и постоянства», задаваемого деизмом. В области философии истории исходной абстракцией правового атомизма, отражающей **единичность**, является не индивид, а детерминационные **факторы**. Так, Монтескье подробно описывает разнообразие законов и нравов, которое «отнюдь не вызвано единственно произволом, фантазией».

В творчестве Монтескье наиболее полно представлена идея разделения властей. Реконструируем возможную **методологическую** аргументацию такой позиции. Во-первых, в учении Монтескье природа индивидов лишь идеальный ориентир для выстраивания правовых отношений. Абстракция индивида не

имеет всепоглощающего детерминационного значения, как в методологии сенсуализма. Значит, для объяснения социального порядка нужно обращаться к социальным инструментам, к функционированию судебной власти. Во-вторых, последовательный деизм приводит к тому, что Бог в повседневном, практическом плане отдалается от мира. Необходимо иметь ближайший гарант организованности общества и государства. В-третьих, принципы двоичной диалектики и причинно-следственной взаимосвязи наиболее соответствуют идее разделения властей. Монтескье заботит функционирование институциональной стороны целого. При этом разделение властей выражается не столько в аспекте **структурности** государственной жизни, сколько в плане детерминации, **обусловленности** связей.

Итак, в учении Гельвеция право ассоциируется с механизмом удовлетворения интересов индивидов. В концепции Руссо право выступает способом восстановления социального порядка по образцу природного состояния. Согласно Монтескье, право, прежде всего, является способом эффективного функционирования общества, обеспечивающим свободу человека и гражданина в данном месте и в данное время. Можно резюмировать, что в философии Просвещения идея естественного права, связанного с природой индивида и его прогрессирующей рациональностью достигает методологического максимума. Данная идея повернута в практический аспект переустройства социального хаоса, возникающего после первобытного природного состояния. В учениях французских просветителей история появления права – это история самосохранения субъекта. Деистические методологические посылки оказываются **недостаточным** основанием для снятия «напряжения» между индивидуальными и коллективными формами бытия права.

8. Немецкая классическая философия и синтез классической философии права

Обращение **Иммануила Канта (1724–1804)** к моральным основаниям права объясняется определенным «разочарованием» в преимущественно гносеологических трактовках сущности человека, а значит, и права, свойственных концепциям Нового времени и Просвещения. Именно для них характерно наибольшее разведение идеала и действительности, того, что должно быть и того, что есть, естественного и позитивного права. Общеклассическая установка на **обязательное** существование сущности, на наш взгляд, проявляется у Канта в постулировании области практического разума. Помимо ссылок на природные основания **рациональности** индивида необходимы указания на социальные предпосылки, получающие олицетворение в морали. Соответственно, в гносеолого-онтологическом статусе индивида выражаются надсубъектные трансцендентальные структуры. Именно они, сопрягаясь с субъективным волеизъявлением, образуют решающую детерминационную силу, влияющую на индивидуальное поведение.

Субъектная нагруженность области практического разума напрямую зависит от вариантов **волеизъявления** индивида. Конечно же, он волен

поступать согласно любым эмпирическим мотивам поведения. Но поскольку человеческая цивилизация не распадается, то, значит, сохраняется механизм ее поддержания и воспроизводства. Так почему же **право** является средством регуляции поведения, а мораль служит последним его основанием? Возможно, методологические решения Канта объясняются целью **синтетического** видения индивидуальной и общественной жизни. С одной стороны, идея неотъемлемых естественных прав индивида указывает на сферу легального поведения, абсолютного атомизма личностных интересов. С другой стороны, опора на просветительский характер общественной жизни также не может служить последним основанием поведения. Такая трактовка уже **исчерпала** себя, отразив антагонизм эмпиризма и рационализма. Мы не все можем знать, но мы можем моделировать практическую ситуацию и принимать собственное решение.

От того, что сущность непознаваема, она не перестает существовать и детерминировать наше поведение. Полноценный детерминистский характер последнего основания связан **со всей** человеческой природой, а не отдельными индивидуальными притязаниями. Такой системный эффект достигается только в **моральном** основании, в то время как **право** сигнализирует о конкретно-историческом, ситуативном проявлении сущности.

Сопряжение юридического и морального законодательств позволяет Канту охватить **весь** диапазон мотивов поведения, без привлечения дополнительных онто-гносеологических аргументов. Если Гегелю придется облечь процесс реализации сущности в форму истории развития, то Кант основывает свой методологический выбор на синтетической связи этики и права. Видимо, Кант примиряет атомистскую и холистскую методологии путем сопряжения **внешних** и **внутренних** оснований поведения. Скорее всего, в момент выполнения договорных обещаний и совершается акт свернутой ранее виртуальной коммуникации.

Согласно Канту, **свобода** приобретает онтологический статус. Понятие свободы «доказывает свою реальность при помощи практических основоположений». Кант раскрывает механизм причинения поступков, связывая тем самым **индивидуальный** и **общественный** полюсы бытия. По нему, «обязательность – это необходимость свободного поступка, подчиненного категорическому императиву разума». Соответственно, «дозволенный поступок – это такой поступок, который не противоречит обязательности; и эта свобода, не ограниченная никаким противоположным императивом называется правомочием». По Канту, **психологическая** трактовка права лишь вытекает из морали. В современных концепциях правовые понятия играют роль **формального синтеза** в отношении конкретно-эмпирического материала. По Канту же, правовые понятия организуются **моральным** синтезом. Он считает, что «долг – это материя обязательности».

В его концепции в качестве исходного принципа **методологически** невозможно положение об открытом коммуникативном процессе, потому что «свободу нельзя усматривать в том, что разумный субъект может сделать выбор, противоречащий его (законодательствующему) разуму». Дело вовсе не в

консенсусе свободно аргументирующих свою позицию участников дискурса. Дело в том, что такого рода соглашения не будут иметь **достаточной** для классической парадигмы детерминационной силы. Привлечение практической коммуникации означало бы, по Канту, что такой опыт был бы «случайным и произвольным».

Вряд ли Канту стоит предъявлять обвинения в некоем нормативистском характере его правовой концепции. В рамках классического мышления подобный нормативизм является вариантом признания **основности** общественной жизни. Поэтому при определении понятия права Кант делает акцент на обязательности, имея в виду также ее моральную подоплеку. В то же время право само служит детерминационным средством регуляции сферы существования.

Обратим внимание на то, что Кант, определяя право, говорит не о системе норм, а о «совокупности условий», т.е. речь идет о втором по значению ряде детерминации. Указание в дефиниции права на признак совместимости с «произволом другого», как раз свидетельствует о **синтетическом** характере учения Канта, которое, безусловно, разворачивается также и на **субъектном** основании. Несмотря на наличие двух линий детерминации поведения, не следует говорить о дуализме сущности права.

О том, что Кант сводит воедино все линии детерминации поведения, свидетельствует, в том числе, предпринятое им деление правовых обязанностей. Первый вид обязанностей касается сущностной природы человека, однотипной по определению. Соответственно, они отражают внутренние правовые обязанности. Второй вид обязанностей, по словам Канта, относится к разряду внешних. Они касаются второй линии детерминации, определяемой юридическим законодательством. «*Не поступай с кем-либо не по праву*, даже если тебе ради этого надо будет прекратить всякую связь с остальными и избегать всякого общества». Как видим, Кант допускает факт исчезновения практической коммуникации индивидов (вещь, недопустимая в постнеклассической парадигме). Третий вид обязанностей отражает субординацию данных детерминант. Именно в этой рубрикации наиболее полно проявляется **синтетический** характер позиции Канта. «*Займи* такое положение, в котором каждому может быть гарантировано свое в отношении любого другого».

Исходя из мысли о разноплановой детерминации поведения, сущностная природа правового холизма не отождествляется Кантом с функционированием **государства**. Не государство – главный субъект социальности, а подданный, гражданин, имеющий нормальные условия для реализации своих прав; т.е. Канта интересует «правильно» существующее единичное. Видимо, в том числе и поэтому естественное право разделяется на частное право, регулирующее отношения индивидов как собственников, и публичное – регулирующее отношения людей в государстве. Другими словами. Канту удастся ассимилировать социологические, психологические, собственно естественно-правовые аргументы правопонимания. В варьирующемся диапазоне между моральным и юридическим законодательством, хорошими и дурными

последствиями поступка задается критерий определенной степени вменяемости субъекта.

С первых же страниц «Философии права» **Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831)** заявляет, что эта работа отличается «прежде всего, своим методом, который играет в ней руководящую роль». Принцип совпадения **исторического и логического** «поворачивается» таким образом, что, согласно Гегелю, не следует начинать с указаний на всеобщие признаки права. Сущность сначала должна проявиться и развиваться в своем содержании. Методологический замысел Гегеля масштабен еще и потому, что ему удается продемонстрировать сам процесс **системной самоорганизации права**.

С высоты классической точки зрения он обрушивается на методологический плюрализм. Адекватное постижение права достигается путем снятия противопоставления сущего и должного, **сущности и существования**. Сама научная **рефлексия** встраивается в механизм системной рефлексии – постижение понятия. То самое нормальное функционирование сущности, какая она есть без искажений, – исследовательская сверхзадача всех классических школ и направлений. У Гегеля она выражена в максимально концентрированной форме. В «Философии права» он говорит о «попытке постичь и изобразить государство как нечто разумное в себе». Любая сущность многопорядкова, в том числе и природа правовой рефлексии. По Гегелю, она выглядит «как единство формы и содержания».

Знание природы права – это этап в становлении сущности индивида. Правовая рефлексия – это понимание субъектом своей социальной природы. Однако монизм сущности не означает ее статичности. Она разворачивает свои характеристики на пути действительного содержания, а рефлексия есть и процесс, и результат. Позитивная юриспруденция, считает Гегель, ищет дефиницию права, в то время как «в философском познании главным является необходимость понятия».

Когда Гегель говорит, что «идея права есть свобода», то он, вероятно, имеет в виду результирующий итог **всех** видов правовой рефлексии, позволяющий зафиксировать полноту раскрытия сущностных свойств социального субъекта, немслящего себя вне государственного целого. В таком акте рефлексии достигается тождество гносеологии, онтологии и аксиологии. Субъект не определяет себя вне рамок всеобщности. Гегель последовательно реализует методологический потенциал принципа восхождения **от абстрактного к конкретному**. Он называет исходной точкой «волю, которая свободна». В онтологическом смысле Гегель начинает с индивида, в гносеологическом – с индивидуальной рефлексии. На начальном этапе становления сущности, этапе **абстрактного** права, его носителем выступает природный человек как таковой. В данном случае мера существования человека заключается в его автономности, качественной **отграниченности** от других. Поэтому свобода индивида выражается в собственности и в договорно-правовых отношениях собственников.

Известный методологический прием Гегеля – исследование объектов в качестве **соотнесенного** бытия, т.е. включение его в разные фрагменты

онтологической системы. Сначала право рассматривается в сфере субъектности, наличного бытия индивида, затем на первый план выходит сфера объективного. Теперь становится понятным истинное значение моральности. Носителем права является общественный человек. Право отражает не столько качество единичного, сколько **меру** его поведения. На этом этапе **онтология** и **аксиология** права, видимо, еще разделены, ценностная сторона составляет здесь сущность моральности. Индивид предстает, прежде всего, как моральный субъект, а затем как субъект права.

Обращаясь к моральности, Гегель исследует **предел** самоорганизации субъектной стороны как единичности, прослеживает все ступени индивидуальной рефлексии. Значимость сфер абстрактного права и моральности состоит в том, что в них предстают **превращенные** формы сущности, разрушающие общность индивидуальных связей. Однако в морали нет должного потенциала объективности, и Гегель переходит к анализу нравственности. Ему нужно проследить весь комплекс внутренних и внешних детерминаций. Теперь индивид конституируется как **форма** проявления всеобщности, а право закрепляет незыблемость этого статуса. Методологический принцип соотнесенного бытия задействован Гегелем максимально. Индивид включается в разные системные среды – семью, гражданское общество, государство.

Проследив единичное правовое бытие, Гегель переходит к решению аналогичной задачи в отношении **холизма**. Его интересуют разные формы **системной** самоорганизации и, соответственно, разные уровни рефлексии. Сфера гражданского общества оказывается сферой неорганического целого, где реализуются частные интересы. Это такой уровень социальной организации, когда «каждый для себя – цель, все остальное для него ничто». В исследовании Гегеля есть две линии анализа: **сущности** и **существования** права. Вплоть до ступени государства в центре внимания находится содержательная сторона, сфера существования. Вот почему в разделе о гражданском обществе он обсуждает вопросы функционирования системности, роль правосудия и полиции. Индикатором зрелости системной организации права оказывается свобода. Эволюция свободы – это ступени реализации идеи права. В терминологическом значении свобода – безусловно, синкретичное понятие. «Самый конкретный образ» свободы проявляется лишь на ступени государства. На этапе государства сущность права проявляется в истинной форме, и только теперь наступает **тождественность** онтологических, гносеологических и ценностных параметров права. Феномен права складывается окончательно в наличном бытии, находит отражение в индивидуальном и общественном сознании и получает **атрибутивную** ценность.

По Гегелю, для реализации индивидуальной сущности субъекта достаточно абстрактного права, для реализации его социальной сущности – необходимо государство. Зафиксируем еще раз момент **аксиологической** наполненности права. На ступени государства индивидуальная рефлексия выступает в виде социально-ценностной рефлексии. Теперь есть возможность

говорить о «субъективной субстанциональности». К таковой Гегель относит «политическое умонастроение», патриотизм.

На этом этапе источником действия и рефлексии оказывается уже не личность, которая «вернулась во всеобщее», а государство как субстанциональный субъект. По мнению Гегеля, идея государства проявляется тройко: 1) как непосредственная действительность в виде индивидуального государства (внутреннее государственное право); 2) в отношениях между государствами (внешнее государственное право; 3) во всемирной истории. Видимо, в первом случае государство осуществляет свои функции как качественно отличный от других государств субъект. Для ветвей власти оно служит органическим целым, что свидетельствует об их единстве. Сущность государства разворачивается естественно-исторически, поэтому оно не создается договором, основанном на «произволе и мнении». По Гегелю, все публичные дискуссии по этому поводу не уместны.

Соответственно, во втором случае в системном множестве отношения между государствами регулируются внешним правом. Внутреннее и внешнее право соотносятся как основа и обоснованное. Сфера межгосударственных отношений содержит элемент возможных, виртуальных следствий, зависящих от взаимодействия суверенных государств. В третьем случае в модели всемирного развития представлен синтез **конечного** и **бесконечного**. В рамках классической парадигмы бесконечное мыслится как смена исторических форм, принадлежащих одной и той же сущности. Сущность права уже не может трансформироваться, но она адекватно проявляется в истории народов, поступательно являющихся носителями мирового духа. В этом случае **социальное** и **историческое** образуют органическое целое.

По сути дела, Кант и Гегель исследуют превращенные формы сущностного бытия, не теряя из виду абсолютные ориентиры. Индивидуальному и общественному сознанию необходимо понять это расхождение и устранить данное искажение. Процесс осознания происходит не сразу. Гарантом успешности такой процедуры является самоорганизующийся природно-социальный процесс. Соответственно, в двух вариантах синтезирующих философско-правовых концепций находят выражение трансцендентальная структура субъектной деятельности и триадичная эволюция идеи права. Тем самым **рациональность** индивида как необходимая предпосылка существования права получает **предельное** для классической парадигмы концептуальное объяснение.

Взгляды Канта и Гегеля предстают в качестве **взаимодополнительных** и действительно **синтетических** моделей правопонимания. Необходимость их взаимодополнительности вытекает из резюмирования атомистского и холистского видения права. Полнота синтетичности определяется преодолением **всех** онтологических и гносеологических дихотомий, встречающихся в классической парадигме, в том числе противостояния природного и социального.

Концепция Канта демонстрирует методологические границы использования абстракции субъекта в классической парадигме. Эмпирическое

существование субъектов права, их волевые усилия все-таки предполагают трансцендентальные синтезы, задаваемые категорическим императивом. За акцентирование морали Канту приходится «платить» существенную методологическую цену, неизбежную в рамках классического мышления. Собственно субъективно-волевые предпочтения, конкретно-эмпирические их характеристики выхолащиваются под давлением **формальных** требований. Тем самым содержательное наполнение нормативного поведения все равно определяется тотальными целостностями – рамками права и сферой морали. В результате право и мораль соотносятся как содержание и форма общественной жизни.

В концепции Гегеля снимается классическое противостояние атомистских и холистских взглядов. Для этого он специально предпринимает ряд конструктивных методологических решений. Во-первых, сохраняется трансцендентальный субъект одновременно с природными и социальными характеристиками. Во-вторых, этот субъект исторически эволюционирует, и в предметных формах его эволюции (от семьи до государства) Гегелю удается отразить метаморфозы права. А они таковы, что **субъектная** форма существования права (правообладание) оказывается низшей, хотя и необходимой ступенью развития. Гегель органично включает субъектные характеристики права в общий контекст его обоснования как феномена государственной жизни. Он потому и обращается к государству, а не к морали как форме существования права, что истинные признаки общезначимости, нормативности и субстанциональности право обретает только в рамках **социального холизма** – государства.

Эволюция общественной жизни включается в более общий контекст эволюции природы. Трансцендентальный субъект вообще отождествляется с природно-социальной субстанцией, обладающей одновременно объектными свойствами. Заслуга Гегеля в том, что он включает учение о праве в масштабный проект эволюции **рефлексии**. Это не только рефлексия эмпирического субъекта права в лице индивида или конкретного государства. Это рефлексия всей природно-социальной системы с целью адекватного познания законов развития. Последнее позволяет ей воспроизводить себя в рамках той же самой сущностной меры при любых содержательных изменениях. **Право** как раз и выступает одним из механизмов субстанциональной регуляции общественной жизни именно потому, что является неотъемлемым компонентом трансцендентальной рефлексии холистского **образца**.

9. Философско-правовая концепция марксизма

Карл Маркс (1818–1883) – основатель марксистской школы политической и правовой теории. В его учении наблюдается методологический паритет материалистического и диалектического подходов к праву. Своеобразие позиции состоит в том, что, критикуя Гегеля в вопросах идеалистического обоснования сущности права, Маркс почти полностью сохраняет его методологический инструментарий. Предметом философии права

оказывается эволюция права как надстроечного феномена. Вслед за Гегелем Маркс решает задачу процессуального толкования права, сущность которого становится, имеет причину и условия своего существования. Осмысление условий задает конкретно-исторический взгляд на роль права, а понимание причины совпадает с выявлением классовой сущности права. Так, **Фридрих Энгельс** (1820–1995) в работе «Юридический социализм», объясняя роль исторических условий, говорит о «переменном элементе» в требованиях правового характера. Он с сарказмом замечает, что ни одной из существующих социалистических партий «не приходило в голову сделать из своей программы новую философию права».

Объективная правовая рефлексия предстает в марксизме в форме классового сознания. При этом Маркс последовательно устраняет идеалистические посылки толкования права. В совместной работе с Энгельсом «Немецкая идеология» он неоднократно упоминает о превращенной форме правовой рефлексии. Маркс называет «специфической иллюзией юристов» представление о самостоятельной политико-правовой истории, в которой воплощаются следующие друг за другом законы. В работе «Юридический социализм» Энгельс указывает на то, что вначале пролетариат «перенял от противника юридический способ мышления», а требование юридического равенства дополнил общественным равенством. По своей природе право связано с отражением классового интереса, но осознание этого факта происходит не сразу, а с усилением зрелости гражданского общества, т.е. с более полным развитием сущности. Маркс считает, что с развитием личных интересов до степени классовых интересов правовые отношения рассматриваются уже не как индивидуальные отношения, а как всеобщие. Вместо идеалистической интерпретации гегелевский принцип восхождения от абстрактного к конкретному получает материалистическое обоснование. Понятие интереса для Маркса – это не средство закрепления правовой единичности, а средство соотношения права с его «реальным базисом». Появление истинной правой системности связано с развитием субъекта социальной практики. Сама по себе сфера права в социальной системе несамодостаточна и формальная всеобщность законодательства на деле далека от социальной общности. По Марксу, буржуазия, организовавшись в национальном масштабе, придает своим обычным интересам всеобщую форму. В результате государство оказывается формой организации буржуа, в которой они взаимно гарантируют свою собственность и свои интересы.

Философско-правовая Гегеля – продемонстрировать реализацию понятия права в действительности; философско-правовая задача Маркса – отразить вторичный, зависимый характер бытия права, которое в социальной системе выступает в качестве обоснованного. Природа права раскрывается с учетом системной и функциональной обусловленности. В конечном счете, системная обусловленность задается экономическим базисом. В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Энгельс утверждает, что государственная воля определяется развитием производительных сил и отношений обмена. Сами по себе нормы гражданского права представляют

собой лишь юридическое выражение экономических условий общественной жизни.

Функциональной обусловленности права в марксизме также придается особое значение. Во-первых, такое понимание отражает контекст обратного влияния обоснованного на основу, в данном случае активность надстроечного компонента. При этом различие права и закона получает новое звучание. Материально-экономическая обусловленность права свидетельствует о «правовой природе вещей как таковой». В работе «Дебаты по поводу закона о краже леса» Маркс в духе классической методологии заявляет, что «государство не может идти против природы вещей», именно поэтому оно «гарантирует право от всяких случайностей». Другое дело функциональные воздействия. В работе «К критике гегелевской "Философии права"» Маркс упоминает о формах государственного строя. Он сопоставляет правовой потенциал демократии, монархии и республики, используя гегелевские категории содержания и формы. Собственность, договор, брак, гражданское общество определяются как содержание, к которому политическое государство относится как организующая форма.

Функциональное обоснование права необходимо, во-вторых, потому, что существует специфическая взаимосвязь между элементами надстройки. В сущностном плане политика и право выступают в ряду обоснованного бытия. В функциональном плане они взаимосвязаны теснейшим образом. Так, по Марксу, государство существует лишь как политическое государство, а стремление гражданского общества превратиться в политическое общество проявляется как стремление «к возможно более всеобщему участию в законодательной власти». Правовая системность при этом осуществляется в сфере взаимодействия права и политики. По мысли Маркса, законодательная власть должна организовать всеобщее. С точки зрения функциональной взаимосвязи, положение Маркса о том, что законодательная власть выше государственного строя и в то же время она подчинена государственному строю, не кажется логически противоречивым. Лишь в сущностном определении права невозможно постулирование его многомерной природы. В дефиниции права как права экономически господствующего класса прослеживаются классические монистические установки. В конечном счете, все общие установления опосредуются государством и получают политическую форму. Отсюда и происходит иллюзия, замечает Маркс, будто закон основывается на свободной воле. По мнению Энгельса, государство выступает первой идеологической силой над человеком и становится самостоятельной силой по отношению к обществу. Однако теоретикам государственного права и юристам не следует терять связи с экономическими факторами. По Энгельсу, формула «юридическая форма – это все, а экономическое содержание – это ничто», по меньшей мере, является несостоятельной.

В плане сущностной обусловленности право не может коренным образом изменить характер социальной системы. Гегелевское положение о проявлении сущности в своих, а не «чужих» явлениях интерпретируется здесь материалистическим образом. Буржуазное общество изначально оказывается

несправедливым, и никакие справедливые закона не могут его изменить. В марксизме справедливость ассоциируется с равенством всех перед законом и перед собственностью. Маркс вновь опирается на учение Гегеля о сущности как единстве основы и обоснованного. Равенство перед законом – это равенство в сфере обоснованного, которое не является самодостаточным параметром справедливости. При социализме еще сохраняются остатки буржуазного права, так как сохраняется основа – собственность. Это обстоятельство не мешает говорить Марксу о подлинном государстве, в котором осуществляется способность сословия «быть действительно всеобщим, то есть быть состоянием всякого гражданина».

Показателен тот факт, что понятие класса служит в марксизме опорной правовой абстракцией. В ней одновременно отражается субъектная и объектная трактовка феномена права, единство деятельностного и естественно-исторического взгляда, фиксируется взаимосвязь единичного и общего, индивидуального и коллективного. Итак, с исчезновением основы исчезает обоснованное. Право – это характеристика общества, в котором еще сохраняется собственность. Тезис о «свободном развитии каждого» при коммунизме уже не является по сути правовым. Соответственно, в марксистском учении о праве не существует методологической необходимости обоснования свободы индивида. В то же время нельзя не заметить влияния классических гегелевских принципов. Появление бесклассовых коммунистических отношений весьма напоминает реализацию идеи, осуществление понятия, окончательное воплощение сущностных свойств социальности. Как бы то ни было, дальнейшее функционирование публичной власти уже не будет связано с правовыми основаниями.

10. Философская правовая мысль России XIX века

Для философско-правовых воззрений данного периода характерны следующие методологические позиции¹. Во-первых, сближение философско-правовой и социальной методологии, трактовка права в контексте метафизически-ценностного (Владимир Соловьев [1853–1900]), метафизически-рационального (Борис Чичерин [1828–1904]) и сциентистского понимания (Николай Коркунов [1853–1904], Лев Петражицкий [1867–1931]) общественной жизни. Во-вторых, связь правовых учений с установками правового и позитивистского либерализма. В-третьих, моделирование общественной жизни в виде взаимодействия различных автономных сфер – права, политики, экономики, науки и т.д.

В дискуссии Соловьева и Чичерина затрагиваются фундаментальные вопросы правового бытия. Исходя из ценностных представлений, Соловьев признает «безусловную идею добра достаточным основанием человеческих действий», Б.Чичерин как сторонник гносеологических взглядов не согласен с этим положением по существу. При определении роли права правовой

---

¹ При написании этого раздела использовались материалы монографии А.В. Деникина. См.: Деникин А.В. Консерватизм и либерализм в социально-философской мысли России XIX века: становление методологии. – М.: Изд-во МПУ «Народный учитель», 2000.

либерализм широко использует возможности классической метафизической рациональности. Чичерин дает отповедь позитивистским попыткам обоснования нравственности, констатируя несостоятельность опытной психологии, которая «хочет, безусловно-общее, вывести из частного». Концепции Чичерина и Соловьева сходны в том, что уделяют детальное внимание метафизическому обоснованию нормативной картины общественной жизни, однако, по Чичерину, метафизическое обоснование права представляет собой не что иное, как научную процедуру. С. Соловьев, в свою очередь, настороженно относится к гносеологии и метафизике, понятой как теоретическая философия. Он убежден в том, что нравственная необходимость есть "возвышение" над механической и психологической необходимостью. Профессиональные философские комментарии Б. Чичерина высвечивают тончайшие методологические нюансы. Он критикует известные на то время теории нравственности: натурализм Спинозы, материализм, утилитаризм – с единственной целью доказать, что нравственность и право имеют своим источником разум.

Русскому консерватизму потребовалось описать механизм социального понимания, освоения социальных ценностей. Аналогичную задачу, но другими методологическими средствами, выполняет и либерализм. Он определяет социальный механизм действия нравственного и правового закона, благодаря которому неуклонно проявляется социальная основность. Таковым является свобода воли индивида, обеспечивающая принятие решения, осознанный выбор поведения. Как и социальное понимание (в консервативном варианте), свобода воли исключает принуждение и присуща человеку по природе. С этих позиций не выглядит "странным" сочетание антидемократической тенденции раннего русского либерализма с принципом личной свободы. Дело не только в "дворянских" корнях раннего либерализма. Демократия еще не ассоциируется с механизмом социальной стабильности, а тем более основности. Либералы потому и обращаются так охотно к праву, что в нем полным образом выражена нормативная сторона общественной жизни, последняя, как мы знаем, заботит либералов не меньше, чем консерваторов. Личная же свобода, оказывается не столько политическим принципом, сколько основополагающей мировоззренческой идеей. Свобода индивида – тот столп, на котором держится все знание социальной нормативности.

Согласно Чичерину, поведение человека, не обусловливается неким эфемерным Добром, свобода воли как неотъемлемое качество человека ни в коем случае не представляется иррациональным началом. Напротив, ее изучение приземляет социальную науку, обеспечивает знание истинных мотивов поведения, гарантирует предвидение желаемых результатов. Что касается нравственности, "это - не естественное качество, данное природою раз и навсегда». Утверждение В. Соловьева о том, что личность «всегда была деятельным началом исторического прогресса», лишь внешне совпадает с утверждениями Чичерина. Для либерализма личность – замкнутая монада, с фиксированным набором прав и обязанностей, а ее свобода заключается в осуществлении функций разума. Поскольку свобода личности является

основным принципом общественного развития, то для ее осуществления нужна соответствующая среда. Освобождение от крепостного состояния, обращение к представительским формам правления и другие требования выливаются в известную либеральную программу.

Либерализм использует социологическую абстракцию взаимодействия сфер жизнедеятельности общества. В дальнейшем по мере развития гуманитарного знания политическая сфера приобретет превалирующее значение. Для Соловьева государство – внешняя форма исторической эволюции, он не сомневается в деятельности, инструментальной его природе. По его мнению, общественная нравственность имеет принудительные формы во внешнем своем осуществлении. По Чичерину, принуждение – одна из функций государства. Он не считает достаточно обоснованной договорную теорию происхождения государства. Для либерализма государство – это социальное поле общегражданского порядка, опирающееся на достаточные политико-правовые основания. Юридическое равенство, частная собственность, сословное деление, постепенное расширение избирательных прав и т.д. способствуют консолидации общественных сил. Если какая-нибудь политическая сила останется вне совокупной деятельности, она "становится источником брожения". По мнению Чичерина, существуют абсолютные начала, позволяющие оценивать правовые явления. И хотя они предстают в гегелевском духе, как рациональная сущность, их реализация ставится в прямую зависимость от степени развитости нравственного сознания общества. Индивиды должны быть нравственно готовы к выполнению норм. Может быть, близостью к отечественному консерватизму объясняется тот факт, что возрождение естественного права в России происходит раньше, чем в западноевропейской юриспруденции. Идея "подтягивания" эмпирии к нормативной планке – одна из основных в "охранительном" либерализме. По Соловьеву, отклонение от абсолютного Добра не отменяет его безусловности, а осуждению подлежит не общественный характер нравственности, а безнравственный характер общества. Для Чичерина, значительные отклонения возможны, прежде всего, в личностной сфере. Преодолению подобных коллизий служит право. Как бы осознавая "рукотворный" характер правовых норм, Чичерин прилагает значительные усилия для оправдания их детерминационного статуса. В его аргументации сочетается, казалось бы, несочетаемое: гегелевский рационализм и аксиологические характеристики права. Юридическое понятие правильности и моральное понятие справедливости одинаково необходимы в общественной жизнедеятельности человека. В конце концов, право и нравственность, по мнению Чичерина, «исходят из одного и того же начала – из признания человека разумно свободным существом, а потому ответственным за свои действия».

Для либерализма коллективное сознание вторично по отношению к личностному миру. Источник абсолютных норм локализуется в основополагающей онтологической единице – индивиде. Соответственно, сфера естественного права оказывается в ином онтологическом срезе, более низкого порядка, "по ту сторону" от личностного сознания. Личностное и

коллективное отдаляются друг от друга настолько, насколько могут быть отделены основа и обоснованное. Затем, в функционировании естественного права совершается синтез личностного и общественного, а в позитивном праве, с его меняющимся содержанием, и вовсе "угасает" дух абсолютной нормы. В этом различие онтологических представлений консерватизма и либерализма.

Константин Кавелин (1818–1885) подвергает ревизии философские корни правового либерализма, который целиком находится в сфере идеализма. Безусловно, Кавелин находится под влиянием позитивизма О. Конта. Согласно Кавелину, есть один мир духовных и материальных явлений, который не требует причинного объяснения, а нуждается в фактуальном описании. Метафизическая рациональность правового либерализма замещается научной рациональностью. По мысли Кавелина, субъектная методология представляется адекватной для научного описания сферы правоотношений.

Так, по мнению **Н. Коркунова**, конвенциональный характер правовых норм, хотя и не придает им субстанциональности, тем не менее, обеспечивает их универсальную распространенность. Несмотря на то что Н. Коркунов различает нравственные (субъективные) и правовые нормы, наделяя последние объективно-субъективными характеристиками, ему уже не удается провозгласить объективистски-деятельностную концепцию общественной жизни. Поворот к социальной методологии произошел, индивидуальное правосознание становится источником всех социальных смыслов. Не случайно взгляды Коркунова оказывают значительное влияние на психологическую теорию права Петражицкого. Коркунов оговаривается, что право не ограничивает своих определений внешней стороной человеческих действий, а всегда принимает в соображение и внутренние их стимулы. В этом нет ценностно-консервативного контекста, социально-аксиологическое видение действительности замещается психологическим. В концепции Коркунова политические и правовые реалии трактуются как особые психические значения. Истинный механизм функционирования общества осуществляется от субъекта к объекту. Субъект вновь, как и во всех либеральных воззрениях, организует социальную онтологию. Индивид, выступающий носителем Абсолютного разума (по Чичерину), генератором правосознания (по Коркунову) – вариации основополагающих принципов либерального видения общественной жизни. Признание полной относительности различия правового и неправового имеет весьма важное значение. Коркунов убежден, что нет препятствий подводить под понятия права вырабатываемые субъективным сознанием нормы. Соответственно, Коркунов предлагает неэссенциалистское, функциональное определение права, которое охватывает собой всякое разграничение интересов. Он утверждает, что в действительности право никогда не обособляется вполне от нравственности. Коркунов верен принципу двойной детерминации общественного развития, внешней и внутренней, физической и идеальной и критикует крайние индивидуалистические теории. Нравственный плюрализм сочетается с **общезначимым** правом. Нормативное пространство становится дуальным, юридические нормы определяют только отношения к другим, а не к самому себе. Нравственные правила, напротив, устанавливают обязанности в

отношении к самому себе. Из общественной жизни "вымывается" ценностная сторона. Нравственность есть дело более индивидуальное, право – более общественное.

Уже в представлениях Л. Петражицкого индивид укрепляется в правах самодостаточного субъекта смыслообразования и действия. Он подхватывает "психологическую эстафету" Коркунова, согласно которой осознание властных отношений равнозначно осуществлению правовых реалий. По Петражицкому, право вообще возникает не на стадии действия закона, а в момент его первоначального осмысления. Социальная реальность все время предстает в качестве внешней данности, которую застает каждое новое поколение. Право появляется в момент эмоционального переживания, когда в индивидуальном сознании осуществляется оценка настоящего, адекватная текущей ситуации и состоянию психики. Соответственно, исчезает системное социальное качество, а социальный мир дробится на локальные правовые системы. Согласно Петражицкому, правовые и нравственные нормы создают иррациональный фон в индивидуальном сознании. Индивид не **знает** общезначимые социальные смыслы, а **чувствует** их как свою индивидуальность. Концепция интуитивного права Петражицкого лишь на первый взгляд выглядит спорной и обособленной от остального либерализма. Она является логическим завершением эволюции гносеологической парадигмы в либеральном исполнении. С принятием субъективного права выносятся за скобки мир абсолютных метафизических начал, и остается мир согласуемых идеальных значений. Общественная жизнь объявляется результатом индивидуальных и коллективных творческих усилий и познается в политико-правовом опыте. Проблема же нравственных начал находится за пределами эмпирического опыта. Отчасти поэтому в правовом либерализме преобладает функция объяснения явлений, а в позитивистской ветви либерализма отдается предпочтение описанию явлений. Школа "естественного права" оставляет общественную мысль в рамках социальной нормативности и стабильности. Оценка социальной ситуации определяется должным состоянием, на этой основе субъект делает выбор и принимает решение. В психолого-социологической разновидности либерализма оценка общественной ситуации уже и есть выбор, тот материал, в котором позже актуализируется цель. В правовом либерализме социальная деятельность развертывается как безусловно объективный процесс, в ней воспроизводятся экономические и политико-правовые основы общественных отношений. В позитивистском крыле либерализма деятельность субъекта конституирует правовое пространство и за субъектно-субъектным комплексом уже нечего познавать.

Усиление к концу XIX в. позитивистских тенденций приводит к освобождению либерального мышления от "метафизического довеска". Либерализм пытается вписаться в лоно науки, рационально обосновывая программу социальных действий, и постепенно смещается в политико-социологическую плоскость. Либерализм как практическая программа сближается с установками демократов и социалистов.

11. Неклассическая философия права и герменевтика

Укажем на некоторые методологические основания неклассического видения права. Правовая рефлексия осуществляется в рамках философии науки, социологии, феноменологии, герменевтики, философии религии и т.д., которые в западноевропейской философии права становятся **взаимодополнительными** исследовательскими подходами. Это преимущественно рефлексия **ценности** в условиях равновесно-неравновесной онтологии. Акцент делается на многомерности феномена права, ценностном плюрализме, рефлексии автономности субъекта и в то же время его социально ориентированном поведении. Соответственно, право характеризуется **субъектно-социальной** рациональностью. Потеря минимума рациональности означала бы личностно-групповой и социально-ценностной идентификации, исчезновение качественных различий в оппозиции *Я – Другой*, невозможность признания прав Любого. **Правовой атомизм** как приоритетная методологическая стратегия связан с личностной идентификацией, выбором особенной онтологической и ценностной системы отсчета. В неклассическом понимании, с его превалирующей онтологической моделью «элемент-множество», **правовой холизм** связан с обоснованием легитимности общезначимых норм. В виду дополнительности культурного и социального пространства правовой атомизм и холизм соотносятся как ценностно-телеологическая и функциональная детерминация права. В большинстве случаев рациональное понимание единичного дополнительно иррациональному пониманию общего.

В неклассический период учение о праве, с одной стороны, конституируется в борьбе с классическими метафизическими постулатами, а с другой – трансформируется в процессе самоопределения научного и ненаучного знания. Эволюция западной неклассической парадигмы права во многом зависит от становления социологии как науки. В поисках механизма социальной интеграции социологи обращаются к миру смысла. Соответственно, феномен права конституируется в момент поддержания внешнего нормативного смысла на уровне личностного сознания, допущения его во внутренний мир человека в силу рациональных телеологических ожиданий.

Социологическая герменевтика **Макса Вебера (1864–1920)** формируется в условиях автономности дисциплинарных исследований права. Вебер решает задачу изменения онтологических установок в рамках сциентистского видения права. Основной онтологической единицей становится субъект социального действия, а классическая оппозиция «часть–целое» уходит в прошлое. Философия права сводится к философии субъекта целерационального действия. Типичный неклассический прием – исследование интенциональности, изучение не вещей, а связей – применяется Вебером в полной мере. Поскольку ценностно-рациональные действия ведут к дефрагментации общественной жизни, только целерациональные действия способствуют образованию общего нормативного пространства. Если в классическом мышлении порядок оказывается основополагающей онтологической характеристикой природного и

социального мира, то в неклассической парадигме порядок ассоциируется с одной из систем отсчета, он может быть или не быть. На этом этапе неклассической парадигмы формы правовой рефлексии представлены в виде личностной рефлексии с ее базовой естественно-исторической рациональностью и в виде рефлексивных особенностей социологии права и юриспруденции.

Под типичными правовыми случаями в социологической герменевтике имеется в виду идеальный тип, конструируемый адекватно смыслу. Правовые отношения перестают быть социальными отношениями в случае, когда исчезает взаимная соотнесенность поведения. Таким образом, правовой холизм объясняется с номиналистической точки зрения и пока еще не наполнен ценностным содержанием. Нормы права логически правильны для данного исторического периода, а этические нормы содержательно релятивны и конкретны. В последующей «несоциологической» эволюции неклассической методологии в значительной степени преодолевается наметившийся в сциентистском ракурсе ценностный разрыв между различными видами правовой рефлексии.

Логика развития неклассической философии права определяется усилением методологической роли принципа дополнительности, поиска ценностных оснований правовой рефлексии. От сциентистской трактовки права необходимо переходить к многомерному его описанию. Соответственно, место субъекта действия занимает субъект понимания, трактуемый не как внешний беспристрастный наблюдатель (в понимающей социологии единственным трансцендентальным наблюдателем остается сама социология), а как основополагающее звено подвижной линии интерпретации. Герменевтический метод снимает в себе социологический настолько, что последний выглядит как конкретное, локальное его выражение.

Анализ юридической герменевтики **Ханса-Георга Гадамера (1900–2003)** показывает, что диапазон правового смысла может быть представлен в рамках исторического пространства, не имеющего ограничения в векторах времени. Иными словами, в первой половине XX в. наряду с социологическим знанием роль методологической основы берет на себя историко-филологическая наука. Гадамер затевает широкую дискуссию по поводу методологических коллизий классической герменевтики. В его критике позиции В. Дильтея обнаруживается ответ на вопрос, почему на этой стадии развития неклассической философии права еще не востребована абстракция эволюционирующей рефлексии монистического типа. Гадамер видит в такого рода герменевтике подражание классическим приемам «расшифровки объективного смысла». В обновленной герменевтике решается проблема параллельного существования исторического и социального мира. Нормативные ценностные феномены мыслятся в общем, пространственно-временном континууме, в котором настоящее протяжено настолько, насколько протяжен жизненный опыт субъекта понимания. Если Вебера еще заботит вопрос об объективности подлежащего пониманию смысла, то Гадамер вообще снимает разделение субъективного и объективного, в связи с чем холистские идеи максимально сближаются с атомистскими. Социально-

историческое целое подвижно и предполагает каждый раз достижение новой общности с Другим. Знания о праве постоянно пополняются за счет единичных случаев и актуализируются в процессе исторического, когда по единичному изучается общее. В неклассической юридической герменевтике речь идет о значении событий. Каждый раз они конституируются в опосредовании прошлого настоящим.

В ситуации онтологизации и аксиологизации исторического Гадамер указывает на онтологическое равенство интерпретаторов. Последнее гарантирует нормальное функционирование права, справедливое рассмотрение ситуации. Согласно юридической герменевтике, субъект права находится «внутри» воспринимаемого им смысла, а значит, принадлежит всей социально-исторической дистанции. Таким образом, Гадамер демонстрирует несовместимость неклассической юридической герменевтики с объективистскими социологическими взглядами на право. В равной степени ему чуждо психологическое истолкование права, характерное для романтической герменевтики. Процедура понимания, являющаяся одновременно видом действия и познания, оказывается адекватным механизмом правовой рефлексии. Право как объект изучения обладает ипостасным характером, и этим объясняются различия в дисциплинарном его изучении. В концепции Гадамера решаются некоторые методологические затруднения «социологического» периода юридической герменевтики. В частности, снимаются противоречия научного и ненаучного, субъективного и объективного изучения права, смягчается противостояние целерациональных и ценностно-рациональных действий благодаря устранению темпоральности значений. Вместе с тем, постулирование ситуационности, «дробности» бесконечного исторического пространства потребовала определенной методологической корректировки.

Для неклассических концепций синтетического типа конструктивным оказывается методологический союз герменевтики и феноменологии. Анализ концепции **Поля Рикёра (р. 1913)** показывает, что в многомерном мире существуют субъект с многомерной прогрессирующей рефлексией. Он идентифицирует себя в отношении права, морали и политики. Для приведения к общему знаменателю этих форм многоступенчатой рефлексии Рикёр выходит на проблему природных и социальных оснований рациональности субъекта. Природная посылка заключается в понимании себя, «в нашем желании быть». Такая рефлексия является не знанием значений, а ценностно-оценочным пониманием. Целерациональная деятельность субъекта в этом случае возможно только как ценностно-рациональная. Ценностный холизм проявляется в фундаментальной смысловой детерминации, идущей от религии. Так неклассическая философия права неизбежно приходит к онтологизации ценностных понятий.

В неклассической философии права методологически продуктивно различение культурных и социальных ценностей. Первые имеют отношение к атомизму, к групповому и личностному самоопределению качества, отличающего от Другого. Символы такого размежевания закрепляются в

законодательстве различных стран. Вторые связаны с социальным холизмом и имеют отношение к взаимосвязи Я с Любым. В феноменологической герменевтике оппозиция *Я – Другой* приобретает диалогичность в контексте этической трансцендентной детерминации. С этих позиций изучаются условия возможности существования права. Эти условия появляются при взаимодополнении социальной и ценностной идентификации. Основание субъектных действий и самоидентичность определяются при вступлении в общественное пространство ответственности. Имманентная диалогичность действий, задаваемая трансцендентным основанием в сфере существования, подкрепляется деонтологическим измерением юридического пространства. Субъектом права является Любой с развитым чувством долга, идентифицирующий себя как общественное существо. Как резонансное следствие трансцендентного холизма появляется правовой холизм, предполагающий онтологическое равенство субъектов права. Право способствует сохранению идентичности культурных групп и одновременно является механизмом функционирования солидарности. При этом не ставятся под сомнение привилегированные антропологические константы, отнюдь не сводимые к разрушительному индивидуализму.

Герменевтическая линия анализа правового атомизма и холизма разворачивается в следующем диапазоне. По Веберу, субъекту права достаточно социальной идентификации, основанной на целерациональных действиях. По Гадамеру, в исторической вневременной перспективе происходит «оборачиваемость» единичного и общего, и субъекту для идентификации достаточно объединить в своем опыте доступные ему горизонты понимания. Акт понимания помещает субъекта в синкретичное культурно-социально-историческое пространство. На каждом его отрезке субъект права осуществляет полную для этих локальных границ рефлексю. Следующим шагом в методологической эволюции могло бы стать придание ипостасного статуса всем видам рефлексии в рамках их взаимодополнительности. Вместо нейтрально ценностной социологии права Вебера и синкретичного исторического пространства Гадамера необходимо ввести представление о многомерной онтологии, в которой сосуществуют надситуативные морально-религиозные ценности, этно-культурные и социальные ориентации субъекта. Все это имеет место в творчестве Рикёра. По Рикёру, эффективная правовая система и оптимальная политика являются условиями коллективной рефлексии. Он предостерегает от одностороннего увлечения процедурным толкованием идеи справедливости. На самом деле договорной и процедурный формализм является лишь этапом коллективной рефлексии. Таким образом, в творчестве Рикёра проявляется пока еще слабо изученная тенденция исчерпания неклассического решения правовых проблем на определенном уровне абстракции.

12. Философия права экзистенциализма

Экзистенциалистская философия права, сформировавшаяся в XX столетии, является разновидностью неклассических правовых учений.

Представление о многомерном бытии права приобретает в экзистенциализме новое звучание. Оно связано со способностью человека к выбору норм поведения. Жизненный мир индивида проективен и в ценностном отношении не имеет однозначных критериев. В различных направлениях экзистенциализма в той или иной степени обосновывается общая методологическая посылка. В определенных ситуациях, не смотря на факторы отчуждения, индивид выбирает от имени «каждого». В этом плане наиболее ортодоксальной философско-правовой доктриной представляется **неотомизм**.

После Второй мировой войны многие католические теоретики права пытаются трансформировать учение Ф. Аквинского. За совокупностью причин, связанных с обновлением естественно-правовых взглядов католицизма, скрывается одно и то же методологическое обстоятельство – появление неклассических представлений на этом направлении правовой мысли. Характерное для классических учений противостояние рационалистической и волюнтаристской теологии уже не выглядит столь актуальным. Неотомизм обращается к ценностной природе права, в обосновании которой важны рациональные и нерациональные моменты. Обозначим появившиеся неклассические методологические предпосылки правопонимания. В экзистенциализме действует субъектно-объектный принцип понимания права. Ранее в классических учениях на первое место выдвигалось объектно-объектное рассмотрение права с точки зрения вторичности, обусловленности сотворенного бытия. Теперь сильны персоналистские мотивы и точкой отсчета служит антропологическая методология.

Австрийский богослов **Й. Меснер** ищет основания социального порядка в подлинном существовании человека, в природе его влечений. Конечно же, природные влечения заданы Богом и носят телеологический характер. Другими словами, теперь не универсалии, совпадающие с рациональным отражением божественного замысла, а субъект служит посредником между трансцендентным бытием, естественным и позитивным правом. В лице неотомизма представители юридического позитивизма и формально-социологического видения права получают непримиримого оппонента. Если в классических учениях уделяется внимание первичной данности априорного принципа справедливости, то теперь необходима вторая линия обусловленности, идущая от индивида. Человек должен переживать априорно-разумные принципы в жизненном опыте и постигать их в конкретно-исторической ситуации.

В неклассических учениях речь идет о различных формах проявления всеобщего, в то время как в томизме акцентируется его универсальный характер. В неотомизме ценностные вариации в рамках трансцендентных принципов представляются абсолютно нормальным ходом вещей. Неклассические принципы конкретности и историзма указывают на значимость жизненного мира человека. Это уже не аристотелевское субстанциональное место вещи или томистская индивидуация общего – это включенность экзистенциальных условий в существенные параметры права. Не случайно

Меснер заявляет, что право основывается в экзистенциальных человеческих целях.

Показателен факт эволюции неклассических представлений. Социологические мезоуровневые взгляды на роль сообществ в бытии права замещаются антропологическими концепциями, в которых в единое целое объединяются макровидение (богословие), мезоуровень (институциональная и этнокультурная среда существования права) и микроуровень (внутренний мир человека). Соответственно, ценностный план бытия права проявляется на всех уровнях. Во-первых, как априорные естественно-правовые принципы; во-вторых, как определенный порядок межчеловеческих взаимоотношений; в-третьих, как личная ответственность. Как это бывает в концепциях, в которых религиозные ценности выполняют роль регулятора, право определяется, по Меснеру, как минимум нравственности, необходимый для существования общества. Несмотря на текстуальную близость к известному высказыванию В. Соловьева, мы имеем дело с неклассической концепцией естественного права. В учении Меснера все методологические посылки имеют антропологический контекст. Томистская формула «замысел Бога – природа вещей – человеческие универсалии» смещаются в пользу последнего звена. Не столь уж важно, каким способом человек причастен к вечному закону. Или он прислушивается к своей чувственной природе, согласно Меснеру, или полагается на освященный вечным законом разум, как считает австрийский богослов А. Ауэр. В любом случае эти богосотворенные способности служат средством открытия для человека его естественных прав, которые в неклассическом духе трактуются как выражение уникальности человека, его свободы. В концепции А. Ауэра принципы конкретности и историзма значительно усилены. Правовая рефлексия выглядит как созерцание исторической ситуации. То есть естественное право опосредовано универсальным божественным законом мироздания, однако его содержательно-ценностное наполнение зависит от конкретных условий, не фиксируемых на надпозитивном уровне. В результате усиливается ситуационная сторона толкования справедливости. Деятельно-субъектное понимание права постепенно устраняет промежуточные звенья в учении о бытии. Согласно Ауэру, только человек как персона имеет право.

Неклассичность неотомизма проявляется также в усилении деятельностного аспекта правопонимания. Концепция Ауэра посвящена обоснованию судебно-административных решений. Томистская дилемма (единичное – общее) в судебном правотворчестве трансформируется в системное образование «общее – конкретные условия – объект». Общее выступает в виде ценностного фона, определяемого вечным законом. Объектом являются постоянные факторы права, выражаемые в законе; конкретные условия – это изменчивые факторы права, и именно судья интерпретирует их как индивидуальное выражение порядка всех вещей. Представление Аристотеля о двуединстве материи и формы в неотомизме используется для обоснования неоднозначных герменевтических посылок в судебном правотворчестве. Судебно-административные решения составляют

потенциально-многомерную область материи, а значит, форма актуализируется в различных системах отсчета.

В неотомизме все чаще говорится не о нормах, а о природе справедливости. Последняя мыслится в категориях изменчивости социальных отношений, относительности ситуации. Французский неотомист М. Виллей в осмыслении правовых явлений продвигается дальше своих коллег, предлагая особенную методiku искусства диалога, судебных дебатов в качестве способа соединения правовой формы и материи. Казалось бы, он апеллирует к классической диалектике, ссылаясь на опыт Платона и римских юристов. Однако в своей статье «Диалектика и естественное право» Виллей отрицает многие классические параметры права. По его мнению, феномен права – это бесконечный процесс юридической аргументации, «живой диалектики», идущей не от общего к частному, а от решения юриста к закону. Он считает, что в формально-логическом дедуктивном методе слишком много рационализма. Долг судьи, опираясь на трансцендентную интуицию, выходить за рамки писаного закона. Согласно Виллею, невозможно построить научную теорию права и рационально определить критерии справедливости. Отсутствие фундаментальных антропологических оснований в концепции французского правоведа снижает порог естественно-правовых представлений. Бытие права замыкается на судебных дебатах, игре диалога, т.е. на «посюсторонней», субъектно-деятельностной бесконечной реальности, в которой непонятным образом рождается истинное, конечное право, совпадающее со справедливостью.

В монографии известного немецкого юриста **Э. Цахера** «Понятие природы и естественное право» предпринимается еще одна попытка трансцендентного обоснования естественного права. Исповедуя персоналистский вариант права, Цахер ставит под сомнение «святая святых» классической доктрины естественного права – понятие природы. Его не устраивает томистское рассмотрение природы через категорию бытия. Неклассический тезис о включенности субъекта в бытие права проводится последовательно и целеустремленно. По мнению Цахера, без встречи субъекта и объекта, объективного мира и субъективного духа невозможно полноценное учение о праве. Человек завершает все существующее, он вездесущ, в том смысле, что способен представить всю природу. Поэтому от природы вещей нужно переходить к природе человека, и это методологический ключ к пониманию естественного права. Точно так же, как человек охватывает всю природу, так и в понятии естественного права содержится бесконечная действительность. Представление о многомерной сущности права подкрепляется неклассической гносеологической посылкой. Цахер считает, что в принципе невозможно дать однозначную дефиницию понятия права. Трансцендентные истоки права и его трансцендентальная действительность бесконечны. Следует приветствовать плюрализм трактовок естественного права и его содержательную неопределенность. Впрочем, остается обязательный для неотомистских концепций «всеединый» императив как непреложный фактор обусловленности конкретных норм.

Творчеством немецкого философа **К. Ясперса** очерчивается другая линия религиозно-экзистенциальной трактовки права. Для нее в целом характерны две взаимодополнительные методологические установки: признание трансценденции и экзистенции в качестве оснований бытия права. В учении Ясперса усиливается аспект экзистенции. В результате индивидуальной рефлексии у человека возникает ясность жизненных задач. Понимание права связано с осознанием связи личного и коллективного в бесконечной исторической перспективе. В книге Ясперса «Смысл и назначение истории» постулируются неклассические установки правопонимания. Представление о предметном и нормативно-ценностном бытии опираются на принцип дополнительности. Согласно Ясперсу, человек создает предметный мир, который может стать искаженной действительностью. Ему предстоит создать мир законов, подчинение которым обрело бы метафизический смысл. Создание мира норм не является результатом своеволия или индивидуализма. Напротив, это подлинное подключение субъективного к объективному. Включенность субъекта в нормативное объектное бытие мыслится Ясперсом вне рамок социологических взглядов на общественно-политическую жизнь. В социальном бытии как раз и наблюдаются кризисы и катастрофы, разорванное личностное сознание и превращенное социальное бытие. Только в результате экзистенциальной рефлексии человек способен к подлинной коммуникации и становится подлинным субъектом права. Данное обстоятельство имеет множество форм выражения вплоть до проявления оппозиции существующему порядку. Во всех этих формах решающую роль играет различие уголовной и политической ответственности.

Уголовная ответственность должна иметь место в любой социальной системе. А вот гражданская и политическая вина зависят от состояния государственно-политических отношений. Согласно Ясперсу, гражданская и политическая вина может оказаться мнимой. Утрачивая метафизическую свободу, человек, тем не менее, уверен в правильности своих действий. Он является законопослушным гражданином, выпадая при этом из подлинного бытия. Чистая совесть, законопослушность еще не служат критериями истинного существования, а нормативность поведения и подчинение социальным институтам недостаточны для преодоления социального хаоса. Ясперса заботит проблема подлинности социального порядка. Если он искажен и не способствует проявлению человеческой сущности, то нивелируются и его общезначимые формы. Без метафизической свободы человек перестает быть социальным субъектом и субъектом права. Социальный субъект не тот, кто исправно выполняет социальные функции, а тот, кто через прояснение экзистенциальных значений создает подлинную коммуникацию, и тогда социальный порядок наполняется общезначимым смыслом. Лишаясь экзистенциальной рефлексии, человек отдает себя во власть стихийных или направленных злым умыслом событий, или, что еще хуже, во власть догматических идеологий. Искаженное бытие человека, несмотря на развитую сеть политико-правовых факторов, каждый раз воспроизводит хаос в порядке. Никакие эффективные социальные средства (образование, СМИ, наука, право и

т.д.) не могут заменить экзистенциальную обусловленность. Состояние государственно-политической жизни будет относительно равновесным в случае прояснения человеком своей экзистенции и налаживания подлинной коммуникации. В этом смысле можно говорить о подлинном социальном порядке в его метафизическом значении. Даже проводимые в обществе коренные реформы являются формой выражения адекватно понятой свободы. По Ясперсу, возможны опасные ситуации, когда в условиях тоталитарного режима человек утрачивает способность к экзистенциальной рефлексии. В этом случае даже видимое проявление правопорядка означает наличие сильно неравновесных состояний.

По мнению Ясперса, взаимосвязь целей и средств в общественной жизни такова, что они меняются местами. С одной стороны, укрепление порядка является непреложной целью любой политической власти, а социальные институты подчиняют себе поведение масс. С другой стороны, эти «структуры существования» могут оказаться ложно используемыми социальными средствами и ложно поставленной целью. Укрепление правовой системы не всегда совпадает с созданием действительного социального порядка. Отсутствие метафизической свободы и подлинных коммуникаций даже при наличии великолепно налаженной законодательной системы может привести к глубокому социальному кризису и стать прологом катастрофы. Именно поэтому основания нормальной правовой системы следует искать в религиозно-опосредованной рефлексии субъекта права.

13. Постнеклассический правовой дискурс

Обозначим некоторые методологические посылки постнеклассического понимания права. Правовая рефлексия осуществляется в междисциплинарных исследованиях, которые в западноевропейской философии права выступают в качестве когерентного целого. Право конституируется в форме рефлексии **соглашения**, интерсубъективной нормативности в рамках неравновесно-равновесной онтологии. Соответственно, право характеризуется **процедурно-рефлексивной рациональностью**. Потеря минимума рациональности означала бы отсутствие конструктивного дискурса, а значит, формально-конвенциональной и содержательно-конвенциональной универсальности. Атомизм связан с принятием общественно ориентированных ценностных предпочтений субъектов дискурса или представлен функционально как способ самоорганизации общественной подсистемы. В постнеклассическом мышлении, с его превалирующими онтологическими моделями «система-множество» и «система-целое», правовой холизм совпадает с обоснованием легитимности системных норм. Правовой холизм выражается в формально-конвенциональном и системно-функциональном планах. В первом случае речь идет о социально значимых, конструктивных результатах бесконечного дискурса, во втором – о системном эффекте социальной самоорганизации.

При неклассическом понимании бытие права складывается из «горизонтально-структурированных» этнокультурных и социальных пространств, а в постнеклассическом мышлении наблюдается «вертикально

организованная системность». Потребность выхода в макросоциальное пространство возникает тогда, когда неравновесной становится содержательно-ценностная сторона общественной жизни и значимость норм ставится под сомнение.

Как показывает анализ раннего творчества **Юргена Хабермаса (р. 1929)**, открытые структуры коммуникации обеспечивают подвижное единство правосознания и покоятся на утилитаристских основаниях. В противном случае коллективная рефлексия нуждалась бы в дополнительном метафизическом обосновании. Общество представляется открыто-закрытой структурой, и от того, в каком компоненте оно программируется через законы, зависит его нынешнее «лицо». Общество функционирует как закрытая система в сфере управления и как открытая в сфере формирования общественного мнения. Согласно Хабермасу, в различных фрагментах социальной системы право может кардинально изменять свои характеристики. Законодательная практика локализуется в открытой системе, а правоприменительная – в закрытой. Соответственно, действуют и несколько уровней рациональности, при этом дискурс общности выступает естественной саморефлексией. Ее усилия запрограммированы на выработку конкретных правовых решений, и в этом смысле над ней не довлеет идеологический вид телеологизма. Коммуникативная власть олицетворяет «дух» права, что же касается «тела» права, оно принадлежит административной системе. В научном дискурсе не должно быть никаких тоталитарных мотивов, считает Хабермас, поэтому область методологической и дисциплинарной определенности в изучении права остается комплексной и открытой. Таким способом в философско-правовых постнеклассических исследованиях объясняется феномен «поглощения» предметной области социальной философии и социологии практической философией. Коллективно выработанные правовые нормы напоминают социальные «кванты» с их формальной универсальностью. Хабермас не оперирует категориями истины и лжи, а просто постулирует нашу способность следовать за аргументами. Соответственно, роль права неизмеримо возрастает, когда в социальной системе и жизненных мирах возникает ситуация фундаментальной неопределенности.

В концепции **Карл-Отто Апеля (р. 1922)** несколько изменяется парадигмальный алгоритм понимания права. Так, в раннем творчестве Хабермаса остается непроясненным момент ценностного правового холизма. В связи с этим Апель разрабатывает теорию коммуникативных действий и этику дискурса в трансцендентальном ключе. Право как вид коммуникации принадлежит к конвенционально устанавливаемым правилам, нуждающимся в отсылке к трансцендентальным метаправилам. Апель задействует методологические возможности герменевтики, в которой субъект понимания оказывается в макросфере человеческих жизненных интересов. В учении Апеля рождается вариант постнеклассического правового холизма, связанный с этикой солидарной ответственности. Апель выступает против изъятия «моральных аргументов из основ права», в результате чего оно оказывается «инструментально-технической» частью человеческой практики. Процесс

понимания рассматривается в контексте предельных оснований человеческой аргументации, а рефлексия исходных норм поведения является ценностной рефлексией. В этом Апель усматривает необходимый минимум рациональности, а не только в требовании свободы индивидуальной и коллективной рефлексии. Хабермас признает intersubъективную значимость для области права. Апель же считает значимость конвенции, по меньшей мере, предварительным условием.

Концепция **Никласа Лумана (1927–1999)** не без оснований претендует на самый высокий уровень метатеоретической комплексности. Пробным камнем в становлении постнеклассической системности выступает проблема взаимосвязи политики и права. По Луману, система рациональна в операциональном смысле, и операции не различаются по ценностной значимости. Он смягчает акценты в понимании рефлексивности общества. В области исследования любой подсистемы общества, в том числе и юридической, нужно отказаться от ценностного монизма (точка зрения Апеля) и от ценностного плюрализма, несводимого к единству (позиция Хабермаса). Методологической основой изучения права не может быть философия субъекта в ее герменевтическом или прежнем социологическом вариантах. Луман пытается найти приемлемую междисциплинарную «основу общей теории права». Превалирование ценностных рефлексий, согласно Луману, прерывает бытие права. В этом случае бытие юридической системы разбивается на многочисленные конкретно-исторические отрезки, не нуждающиеся в воспроизводстве. Проблема синтеза общего и единичного не решается на уровне элемента (прав человека). Она также не решается при телеологическом объединении элементов вокруг исходной нормы как ценности, и уж тем более она не решается на уровне однолинейной зависимости юридической подсистемы от других подсистем общества. В классической и неклассической парадигмах правовая рефлексия является преимущественно рефлексией среды. В современном же обществе, считает Луман, нужна рефлексия решений. Соответственно, правовая рефлексия указывает не на ментальный, а на операциональный смысл.

Синтезирующий характер концепции Лумана проявляется в экспликации посылок самодостаточности юридической подсистемы. Он выступает против сближения права и политики по схеме «основа – обоснованное», а также против их разделения в качестве естественной и искусственной форм общественной жизни. Юридическая подсистема функционирует таким образом, что сохраняются возможности репродукции меняющегося правового смысла. Наличие кода «законное/незаконное» обеспечивает онтологическую и ценностную однонаправленность происходящих событий в плюральном, многофакторном, но системном мире. Луману удается отразить онтологическую амбивалентность правовых ценностей. Они предстают как сторона действий и решений и как состояние сознания.

Видимо, юридическая система представляется в качестве слабонеравновесной системы. В юридической системе велика роль случайностей, в ней присутствует широкий спектр вариативных возможностей.

Поднимая проблему позитивного права, Луман уделяет особое внимание малоизученному вопросу онтологии правовой случайности. В его концепции обозначается еще один синтезирующий для постнеклассической парадигмы момент. От онтологии случайности он переходит к онтологии необходимости, которая зиждется на феномене законности. Важнейшим следствием этого является постулирование системной правовой рациональности. Луман прилагает значительные усилия к ее экспликации, для чего осуществляет исторический экскурс и последовательно критикует позицию Хабермаса. В системной рациональности, считает Луман, рациональность взаимопонимания (точка зрения Хабермаса) является лишь частным случаем. Хабермас не может избавиться от процедуры привнесенного обоснования норм. В результате, считает Луман, возникает функциональная разомкнутость юридической системы. Процедурная рациональность, за которую ратует Хабермас, опирается на приобретаемую однозначность смысла. Поскольку она достигается до практики правоприменения, то юридическая система теряет свои внутренние степени свободы. Луман заботит не столько правильность аргументации, сколько непрерывность действия кода «законное/незаконное». Юридическая система открыта к дальнейшим изменениям по завершению цикла рефлексии, который может быть проверен на практике. Там, где Хабермас видит окончание правовой рефлексии, Луман фиксирует ее начало. Свободу, которую Хабермас предполагает в рациональном дискурсе, Луман переносит в функциональную плоскость образования правовых норм.

Таким образом, системная рациональность позволяет говорить о «поликонтекстуальном самонаблюдении» системы. Иначе говоря, в версии Лумана, рациональность означает способность юридической системы редуцировать свою комплексность. В системных представлениях Лумана правовая рефлексия всегда завершена как средство коммуникации, вызывающее другие коммуникации. Он критически переосмысливает методологический опыт Хабермаса и Апеля, которые в своих трактовках системности вынуждены были усилить субъектную сторону правового дискурса. Социальная онтология, по Хабермасу, состоит из соответствующих действий. Апель с помощью этики солидарной ответственности объясняет, почему система способна к действию. По Луману, такие отсылочные суждения не нужны вообще. Юридическая подсистема является одновременно субъектом и объектом действия и рефлексии. То, что в концепции Хабермаса является поводом для онтологического «беспокойства» (представление о бесконечном дискурсе), в системной модели Лумана выглядит условием конституирования юридической системы. То, что в концепции Апеля выглядит уступкой одностороннему холизму (ценностные основания правовых действий), в концепции Лумана предстает как составляющая коммуникаций. Однозначность кода «законное/незаконное» делает юридическую подсистему закрытой в плане управления и открытой в плане рефлексии. Никакая система извне не может ее «перекодировать». Синтезирующий характер концепции Лумана заключается в том, что в рамках межкодового пространства право приобретает различные

определения. В политической системе – право инструмент политики, в системе воспитания – дидактическое средство.

Луман различает личностные ценностные притязания как линию обусловленности и личностную правовую рефлексию как факт комплексности юридической системы. Как и Хабермас, он уповает на значимость права для субъекта. Сам момент рефлексивного выбора превращается в онтологический механизм воспроизводства права. Меняющиеся условия социальной среды, накопление прецедентов в судебной практике создают атомистский фон, который обязательно должен организовываться в холистских рамках кода юридической системы. Луману удастся замкнуть друг на друга эмпирический, теоретический и метатеоретический уровни правовой рефлексии.

На последующем этапе эволюции постнеклассическое понимание права ставится в прямую зависимость от этики ответственности. В условиях, когда субстанциональна только жизнь, мораль становится основной формой рефлексии. В своих последних работах Хабермас уделяет особое внимание социальной евгенике, поднимая вопросы о подрыве природно-социальных оснований прав индивида. Невозможно решить правовые проблемы, если индивид в силу каких-либо причин не является однопорядковым с нами участником интеракции. С утратой ответственности за сохранение жизни человечества мы одновременно лишаемся мерности коммуникации. Если политика характеризует эмпирическое содержательное изменение общественной жизни, то право выступает организационной формой, отражающей правильность коммуникативных действий. В этом смысле право процедурно и является вторичной формой интерсубъективной рефлексии. Сфера права находится по ту сторону жизненного мира, однако взаимодействует с ним в той степени, в какой соотносятся формальные и трансцендентальные синтезы.

Хабермас критикует Лумана за возрождение философии трансцендентального субъекта. Он считает ложной методологической посылкой ориентацию на модель самовоспроизводства юридической системы и холистскую версию Лумана он называет «системным функционализмом». Луман абсолютизирует системную детерминацию, и его философия субъекта, считает Хабермас, упраздняет рефлексию разума. Уязвимое место концепции Лумана – понижение онто-гносеологического статуса рефлексивности. Тем самым ставится под сомнение потенциал системной рациональности. Феномен права, по мнению Хабермаса, невозможен без способного к самосознанию субъекта, а в концепции Лумана его место занимает «смыслоперерабатывающая система». В этом случае распадается искомая для права взаимосвязь значений и значимости. Хабермас скептически относится к гипостазированию юридической организации коммуникативных действий. Автономная юридическая подсистема оперирует лишь с отдельными смыслами. Значимость же права, считает Хабермас, экстраполируется лишь из жизненного мира, который у Лумана выносится за скобки. Другими словами, Хабермас видит в праве один из способов конституирования социальной значимости. В определенные моменты возникает потребность в предельном на данный момент

времени обосновании юридических норм. Видимо, учение Лумана «более» постнеклассично, чем концепция Хабермаса. Последний отстаивает социогуманитарные, а не «метабиологические» позиции в толковании холизма. Дискуссия между Луманом и Хабермасом помогает определиться с ответом на вопрос: насколько самодостаточна институциональная рациональность, способна ли она стать искомым смыслом правовой реальности? Ответ Лумана положителен, ответ Хабермаса отрицателен. По Хабермасу, смысл имеет операциональный характер, значения задаются догматикой, а значимость – ценностными ориентациями. Юридической же подсистеме, в понимании Лумана, не достает внутренних взаимосвязей смысла, идентичного значения и intersубъективной значимости. Таким образом, постнеклассические споры Лумана и Хабермаса актуализируются в контексте определения базовых параметров единства и различия гуманитарного и социального видения правовых феноменов

Вопросы для самопроверки

1. С каких методологических позиций в современной литературе трактуется предмет философии права?
2. Каково соотношение теории права и философии права?
3. Чем объясняется методологический плюрализм в современной отечественной философии права?
4. Каковы методологические параметры классической философии права?
5. Каковы мировоззренческие основания русской философии права XIX?
6. В чем синтетический характер философско-правовых позиций Канта и Гегеля?
7. Каково значение герменевтического метода для становления неклассической философии права?
8. Почему религиозный экзистенциализм обращается к позиции естественного права?
9. Каковы итоги философско-правовой дискуссии Ю. Хабермаса и Н. Лумана?

Глава 2. История и философия экономики

Свое самосознание экономика приобретает на основе философской рефлексии, задачей которой является осознание ее оснований. Следует исходить из того, что экономическая теоретическая мысль, конкретно-историческая практика хозяйствования не изолированы от влияний, идущих от философии и других форм мировоззрения. Поэтому с философско-методологической точки зрения интересно проследить процесс формирования экономических идей в аспекте отмеченных влияний. Однако это не означает, что философ лишь повторяет то, что сделано теоретиком и практиком экономики. Позиция «некритического» позитивизма уже со времен Гегеля получила решительный отпор. Философия экономики пытается понять сущность экономических процессов, придав им антропологическое измерение,

выяснить их природу и закономерности развития. Исторический и логический подход к экономическим учениям в этом случае является наиболее оправданным, им и воспользуемся.

1. Философские основания учений классиков политэкономии

Методологически правильным является изучение более развитых форм. Экономические учения уходят своими корнями вглубь веков, но в своей развитой форме они были представлены лишь в XVIII–XIX вв. Здесь имеет место общая закономерность становления научных идей. Первоначально они включены в общие философские размышления, а лишь затем идет процесс выявления собственного предмета научного исследования.

История капиталистической экономики берет свое начало с физиократов, к которым непосредственно примыкает творчество английского экономиста А. Смита (1723–1790). В своем знаменитом труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» он развивает положение физиократов о естественных законах производства, ставшее предметом глубоких теоретических размышлений, которые в значительной степени нашли отражение в философии.

Как справедливо указывал К. Маркс, первыми теоретиками политэкономии были философы, большей частью философы-моралисты и государственные деятели, либо же люди практики – предприниматели и финансисты. Так на творчество А. Смита большое влияние оказали Д. Локк и особенно Д. Юм, с которым у него при жизни сложились дружеские отношения.

Свое первое наиболее значительное сочинение «Теория нравственных чувств» (1759) Смит написал в духе моральной философии Д. Юма, пытаясь обосновать политэкономия в рамках категорий морали. Опираясь на юмовское положение, что «почти все науки охватываются наукой о человеческой природе и зависят от нее», Смит обосновывает принципы свободно конкурирующего капитализма. Механизмы экономики он ищет в природе человека. Поскольку каждый человек стремится к удовлетворению своего частного интереса, то из этого вытекает польза и для всего общества. Полная независимость обособленного товаропроизводителя является, полагает Смит, отправным пунктом в теоретическом обосновании политэкономии.

Опираясь на теорию полезности И. Бентама, которая в настоящее время получила широкую известность под именем «утилитаризм», Смит переступил за ее рамки, выдвинув принцип: человеческая природа базируется на чувствах эгоизма и симпатии. Нравственные законы он стремится вывести на основе анализа феноменологии эмпирической деятельности, присущей раннему капитализму, придавая большое значение, помимо прочих факторов, определяющих поведение, моменту симпатии.

Смит формулирует в духе этики Канта основной принцип либерализма: каждый человек в той мере может преследовать свои собственные цели, в какой это не нарушает свободу других людей. Он предлагает свой вариант теории разумного эгоизма, согласно которому каждый человек в соответствии с

велением природы стремится к своему благу, и из этого стремления рождается общее благо, которое распространяется на отношения частных лиц и отдельных обществ. Уже здесь фактически сформировалось представление об «экономическом индивиде» – нормальном человеке либерального общества свободной конкуренции, борющегося за свои цели и потому сотрудничающего со всеми другими людьми.

Свое учение о морали Смит постепенно преобразует в экономическую и политическую теорию свободной конкуренции. Его работы – это не просто описание эмпирических фактов, но вместе с тем программа необходимых социально-экономических преобразований, так как описанный им «естественный общественный строй» осуществился в Англии только спустя несколько десятилетий. Концепция Смита – это идеология раннего либерального капитализма, а его человек – идеальный человек экономики более позднего периода.

В теоретическом аспекте важно отметить, что Смит методологически правильно различает эмпирию и теорию. Он является основоположником теории трудовой стоимости, где проводится четкое различие потребительной и меновой стоимости и дается обоснование их взаимной независимости. Сама же стоимость равна сумме трех видов доходов: заработной платы, прибыли и ренты. Согласно данной теории, заработная плата с необходимостью ограничивается средствами, обеспечивающими минимальный уровень поддержания жизни, и вокруг этого уровня она колеблется.

Отсюда не следует, что Смит был против улучшения благосостояния трудящихся слоев населения, так как это ведет, по его мнению, к улучшению благосостояния большинства населения и общества в целом. Как писал Смит, «ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительная часть его членов бедна и несчастна»¹. К этому он добавляет, что следствием роста заработной платы является не только благосостояние, но и увеличение прилежности работников и рост их профессионального мастерства, что оказывает обратное позитивное влияние на экономику.

Существеннейшим фактором совершенствования экономики является развитие производительных сил труда, зависящее от уровня образованности производительной силы, в качестве которой Смит в первую очередь подразумевает деятельного человека, предпринимателя, а не рабочего. Поэтому понятие «товаропроизводящий индивид» более относится к капиталисту, нежели к наемному работнику. Сам же труд, и особенно труд физический, Смит трактует не как свободную деятельность, а как состояние, противоположное счастью, как своего рода жертву, а не как раскрытие творческих сил и способностей человека.

Следует обратить внимание на антропологические основания теоретических размышлений виднейшего экономиста. Поставив проблему производительного труда в основу своих размышлений об экономических реалиях нарождающегося буржуазного общества, Смит по сути дела стремился создать такую концепцию человека, по отношению к которой политэкономия и моральная философия выступали бы как прикладные науки.

Если А. Смит – классик первого этапа экономической теории капитализма, эпохи его возникновения, то **Д. Рикардо (1772–1823)** по праву можно считать главным теоретиком экономики «чистого» капитализма.

Абстрагируясь от привходящих факторов, Рикардо, заявлял о свободном предпринимательстве в условиях конкуренции, а также выступал за невмешательство государства в экономическую деятельность. Он считал, что общество является по своей структуре однотипным и изменяется только по своим количественным параметрам, обусловленным действием определенных экономических законов.

В своем главном произведении «Начала политэкономии и налогового обложения» Рикардо свою экономическую концепцию основывает на теории трудовой стоимости, полагая, в отличие от Смита, что стоимость определяется рабочим временем, т.е. трудом, затраченным на производство товара.

Для разработки общей количественной теории труда Рикардо абстрагируется от качества продукта труда. Провозглашая количественную независимость потребительной и меновой стоимости (в духе А.Смита), он делает вывод, что полезность (потребительная стоимость) не является мерой стоимости, хотя она существенно необходима для последней. Он пишет, что «товары, обладающие полезностью, черпают свою меновую стоимость из двух источников: своей редкости и количества труда, требующегося для их производства»². Он подчеркивает, что существуют такие товары, стоимость которых определяется исключительно их редкостью (например, шедевры искусства), а потому их количество никаким трудом увеличить невозможно. Стоимость их совершенно не зависит от количества труда, первоначально необходимого для их производства, и изменяется в зависимости от изменения богатства и склонностей лиц, которые желают приобрести их.

Следует обратить внимание на то, что теория Рикардо выдвигает на первый план социальные факторы и стремится отграничить товары, включаемые в понятие общественной редкости, от мира трудовой стоимости. Товары, которые относятся к этому миру, он определяет, руководствуясь количественным критерием массового производства. Поэтому Рикардо специально подчеркивает, что, говоря о товарах, их меновой стоимости и законах, регулирующих их относительные цены, нужно иметь в виду только такие товары, количество некоторых может быть увеличено человеческим фактором.

Вместе с тем, в то время стал значим и технический фактор развития экономики. Рикардо придает большое значение технике, механизмам и показывает, что рост заработной платы побуждает владельца капитала к применению машин, которые постепенно вытесняют рабочих из производства и увеличивают нищету рабочего класса. Он хорошо видит, что в связи с неуклонным прогрессом общественного производства имеет место тенденция к падению нормы прибыли, которая фактически свидетельствует об ухудшении материального положения рабочих.

Правильно уловив тенденцию капитализма к прогрессирующей механизации труда, которая влечет за собой изменения в положении рабочего

класса, Рикардо неоднократно указывал на то, что объект и субъект производства постепенно меняется местами, в силу чего машина начинает использовать рабочего, а не наоборот.

Рикардо был представителем уже гораздо более развитых экономических отношений, чем А. Смит, а потому более предметно сосредоточился на реалиях товарно-рыночной экономики, сформулировал ее основной принцип: «производство ради производства». Он был убежден, что капитализм является максимально беспрепятственным развитием производительных сил общества; и пока оно устроено таким образом, изобилие часто будет вредным для производителей (безразлично, являются они капиталистами или рабочими), а недостаток – благодетельным для них.

Вопрос о прогрессе капиталистического производства ставит представитель французской политэкономии **Ж. де Сисмонди (1773–1842)**, который пытается дать социально-философское обоснование и моральную оценку капитализма. Он в известном смысле продолжает линию социалистов-утопистов Ш. Фурье и А. Сен-Симона и вступает в полемику с Д. Рикардо, подвергая критике его теорию стоимости.

В своей главной работе «Новое начало политической экономии, или о богатстве в его отношении к народонаселению» Сисмонди обосновывает политэкономическое учение как моральную науку. Он подчеркивает противоречивый общественный характер труда, создающего меновую стоимость, противопоставляет системе Рикардо систему общественных потребностей и распределения совокупного рабочего времени. Если Рикардо выступает, по сути дела, с микроэкономических позиций, то Сисмонди – с макроэкономических позиций национальной экономики в целом, опираясь на общественно-политические и этические воззрения.

Задачей политэкономии Сисмонди считал обеспечение «наибольшего счастья» для широких масс населения, а потому делал основной акцент на политической стороне экономики, придавал большее значение деятельности правительства и законодателей, нежели самой экономической теории. Политическая экономия, полагал он, является практическим средством в руках законодателей, которые, руководствуясь важнейшими моральными и политическими принципами, могли бы направлять экономику и обеспечивать тем самым общее благо. «Наука об управлении, – пишет Сисмонди, – ставит или должна ставить себе целью счастье людей, соединенных в общество»³, однако, с сожалением констатирует он, «я ищу этого счастья среди всех классов общества, но нигде его не нахожу»⁴.

Сисмонди рассматривал капитализм в качестве не естественного, а искусственного состояния общества и тем самым подвергал сомнению всемирно-историческую необходимость капитализма вообще. Однако он, выступая за общественный прогресс, за увеличение благосостояния людей, вовсе не желает ликвидации частной собственности и установления полного социального равенства, что, по его мнению, привело бы к ликвидации движущих сил общественного развития. Сисмонди выступает за уравновешенное развитие с помощью правительства или некоего

централизованного управления, планирования, а также наряду с этим – с помощью объединенных мелкособственнических товариществ. Он полагал, что, если правитель или законодатель заботятся об общественном благополучии и развитии отдельных личностей, если им удастся организовать общество так, что отдельные личности могут достигнуть наивысшего умственного и нравственного совершенства и пользоваться самыми утонченными наслаждениями и в то же время всем обеспечены защита, образование, нравственное развитие и физическое довольство, то можно считать, что они выполнили свою задачу.

Сисмонди в число важнейших экономических понятий наряду с коммерческой прибылью включает и общественное благосостояние, исследуя его на примере положения трудящегося класса, который борется за увеличение заработной платы. Трактую величину заработной платы на основе принципа прожиточного минимума, он требует, чтобы рабочий получал сверх этого минимума еще некоторую «надбавку», «излишек» для собственного блага, индивидуального развития. Он утверждает, что «с точки зрения нации несчастье также такое обогащение, при котором голодают те, кто производит это обогащение других».

В этой связи можно отметить и такой методологический аспект. С позиций общего более адекватно видны цели и задачи экономики, но не всегда осознаваемы ее внутренние побудительные мотивы. Однако нужно отдать должное проницательности ума Сисмонди. К примеру, он критически характеризует американское общество начала XIX в: «Нет американца, который не стремился бы разбогатеть и притом быстро. Основным интересом в жизни – барыш, и в самой свободной стране свободу стали ценить меньше, чем прибыль... Духовный рост страны замедляется, интерес к искусству, литературе, наукам гложет, коррупции доступны даже агенты свободного правительства... Дух этот накладывает на моральную физиономию народа такое пятно, которое нелегко будет стереть»⁵.

Однако иллюзии, исходящие из абстрактного понимания общества продолжают довлеть. Сисмонди полагает, что эффективное общественное управление в интересах удовлетворения общих потребностей и для достижения социального благополучия вполне возможно, если принять соответствующие меры, например, ужесточить законодательство, ибо цивилизованное общество зачастую поддерживает мир, жертвуя отдельными индивидами.

Выступая против лозунга Риккардо о «прогессе любой ценой», Сисмонди считал, что технические открытия, повышающие производительность труда, и увеличивающие богатство общества, должны служить человеку, способствовать росту его благосостояния и не должны быть направлены против человека.

Сисмонди как альтернативу негативным факторам экономической жизни выдвигает сильное государство как творческую силу общества, способную «силами всех защитить каждого от обид со стороны другого; оно противопоставляет государственный интерес всем частным интересам». Сисмонди соглашается со Смитом в том, что человеком как частным лицом

движет эгоизм, поэтому, полагает он, осуществлению частного интереса необходимо поставить идущие от государства ограничения, причем даже в сфере свободной конкуренции. Согласование уважения к индивидуальной свободе со стремлением к общему благу должно быть на теоретическом уровне задачей политэкономической науки, а на практическом – государства.

Конструируя своеобразную социальную утопию, Сисмонди усматривает истинный путь общественного развития в новом воссоединении труда посредством создания мелкособственнических товариществ, апеллируя к тем временам, когда люди «весь труд выполняли своими руками», и это было основой их собственности. Фактически он критикует промышленный прогресс с позиции защиты докапиталистических форм хозяйственной деятельности. Можно сказать, что если Рикардо согласен принять все негативные стороны капитализма в качестве цены за развитие, то Сисмонди для преодоления этих негативов пожертвовал бы самим развитием.

На этих примерах ярко видны теоретические и методологические трудности, связанные с правильным определением оснований экономической мысли, выявлением ее предметной области исследования. В экономических трудах видного английского философа **Дж. Ст. Милля (1806–1873)** нашли отражение идеи утилитаризма, которые опирались у него на либеральные политические принципы, имевшие социалистическую окраску.

Главная работа Милля «Основы политической экономии» (1848 г.) представляет собой систематическое политэкономическое сочинение с большой долей социально-философских рассуждений и комментариев.

Центральной мыслью Милля, которая проходит красной нитью через все его сочинения, является утверждение, что большое влияние на экономическое состояние общества оказывает духовное развитие народов. Он вслед за А.Смитом обозначает проблему «вложений в человека», считает уровень подготовленности рабочей силы весьма важным фактором развития экономики. Он связывает это исключительно с применением машин и развитием науки, которые обуславливают тенденцию к сокращению рабочего времени. Милль борется за то, чтобы был признан один недостаточно признанный факт: всеобщее распространение знаний составляет национальный экономический интерес. Он подчеркивает важность, экономическую пользу и значение «народного воспитания», обращает внимание государственных руководителей на необходимость развития образования, так как образованный рабочий заслуживает большего доверия и в моральном, а не только в профессиональном отношении.

Милль полагает, что правильная политика государства, улучшая положение рабочего класса, исключает действие сил, вызывающих социальную напряженность, способствуя достижению классового мира. Кроме того, это выгодно и чисто экономически, так как способствует повышению производительности и качества труда.

По мнению английского философа, в мире материального производства господствуют объективные законы, которые не могут быть изменены по субъективному желанию людей. Этими законами определяются

производственные отношения, а отношения «распределения имущества», напротив, есть «человеческие установления», они могут быть преобразованы и даже с необходимостью изменяются в ходе истории.

Касаясь проблем «общей теории человеческого прогресса», Милль приходит к анализу социально-экономической концепции коммунизма (ликвидация частной собственности) и социализма (государственно регулируемое и ограниченное равенство) в связи с индивидуалистическими принципами своей философии. Он задается вопросом: будут ли существовать какое-либо прибежище и свобода для проявления индивидуального характера, не станет ли общественное мнение тираническим ярмом, не превратит ли все общество в унылое единообразие мыслей, чувств и поступков абсолютная зависимость каждого от всех и надзор всех за каждым? Наконец, совместима ли коммунистическая доктрина с разнообразием человеческой природы, с уникальным развитием каждого человека и вытекающими отсюда несходствами людей друг с другом? Ведь именно это разнообразие делает человеческую жизнь интересной, стимулирует деятельность умов столкновением разнообразных мнений, а стало быть, является главной движущей силой интеллектуального и нравственного прогресса⁶. Милль отдает должное принципу коммунизма, который содержит идею полноты развития человеческой личности. «Признанной предпосылкой коммунистической системы является необходимость в развитии каждого», – писал он, усматривая в просвещении, развитии человека источник подъема общественного благосостояния.

Рост «трудовой способности громадной массы населения», полагает Милль, является основой исторического прогресса общества. Буржуазный социально-экономический строй в ходе своей эволюции способствует не только развитию индивидуальных способностей индивидов, но и росту готовности их к сотрудничеству, которое находит выражение в экономическом разделении труда и социальном умиротворении. Кроме того, подчеркивает Милль, когда будут улучшены показатели, которые обычно отражают уровень процветания нации, произойдет огромное увеличение совокупности богатства и даже в известной мере улучшится его распределение.

Все же следует отметить, что Милль вовсе не испытывал оптимизма в отношении перспектив индустриально-экономического прогресса, ставил под сомнение весь смысл дальнейшего экономического развития. Предвосхищая современных теоретиков «нулевого роста», он подчеркивал позитивное значение достижения состояния покоя, социально-экономического равновесия, как истинную цель человечества. «Я не могу – писал он, – рассматривать застойное состояние капитала и богатства с тем безусловным отвращением, которое повсеместно проявляли к нему политэкономы старой школы. Я склонен считать, что такое состояние в целом будет означать весьма существенное улучшение по сравнению с нашим современным положением. Сознаюсь, что я вовсе не очарован жизненным идеалом тех, кто считает нормальным состоянием человеческих существ борьбу за преуспевание, и не уверен, что необходимость раздавить, уничтожить, растолкать локтями,

обогнать всех остальных – составляющая основную черту современной общественной жизни – представляет собой лучшую судьбу, которую человечество может себе пожелать, а не всего лишь неприятные проявления одного из этапов прогресса производства»⁷.

Как видно, Милль, подобно Сисмонди и другим экономистам своего времени, наблюдая и прогнозируя возможные негативные проявления прогресса рыночной экономики, готов отказаться от самого развития. Он анализирует возможное будущее общественных классов не с позиции «имущественного накопления», а с позиций общечеловеческой заинтересованности и нравственного прогресса.

Дальнейшие шаги в направлении критики негативных сторон капиталистической экономики были предприняты т.н. младорикардianцами, или, как их часто называли, социальными рикардianцами, в лице Р. Джонса, У. Томпсона, Т. Годскина, которые использовали теорию Рикардо для обоснования ряда своих социалистических выводов.

Так, **Р. Джонс (1790–1855)** основательно изучил всю мировую историю (не только европейскую, но и азиатских стран) и пришел к выводу, что капиталистическое производство в мировой истории занимает определенное место и отнюдь не представляет собой вечное и всеобщее явление, как думало большинство представителей политэкономии. Джонс полагал, что мировая история – это история развития «производительных сил труда», которые соответствуют различным производственным отношениям. При этом он неоднократно подчеркивал, что именно от производительной силы труда зависит вся производственная и социальная система.

Сравнивая азиатские и европейские цивилизации, Джонс замечает, что меру «вложений в человеке» определяет минимальный уровень развития субъективной производительной силы. А поскольку в Европе он существенно выше, то здесь хозяин капитала вынужден присваивать себе гораздо меньшую, нежели в азиатских странах, долю прибавочного продукта, создавая условия для развития наемного рабочего. Вместе с тем, в европейской цивилизации имеет место и отчетливо проявляется исторически сложившийся антагонизм между капиталистом и рабочим.

Характерной чертой капиталистического общества Джонс считает производительный труд, отличая его от непроизводительного труда докапиталистического общества. И хотя в то время капитал выступает в других, подчиненных, но исторически более ранних формах, своей подлинной мощи и своего полного развития он достигает лишь с вступлением в эпоху промышленного капитала. Помимо этого, Джонс подмечает, что с изменением материальных производительных сил меняются экономические отношения, а вместе с тем происходят изменения социального, морального и политического состояния народов.

Мысль о соединении антропологии нового типа и экономики нашла отражение в названии работы **У. Томпсона (1785–1833)** «Исследование принципов распределения богатства, наиболее способствующих человеческому счастью». Он убежден, что главное богатство общества – это субъективная

производительная сила, т.е. трудящийся человек, а потому выдвигает следующую аргументацию. Так как накопление всего общественного капитала сосредотачивается не в руках рабочих, а в руках иных людей, то неизбежно замедляется рост всего производства. Растет только прибыль на капитал, которую время от времени получают его владельцы. И если раньше формы трудовой деятельности и сами работники способствовали увековечению существующих способов производства, то современное состояние экономики, способы распределения и накопления должны быть подчинены самим агентам производства, прежде всего – самим рабочим. Томпсон писал, что немногие задумываются над тем, как ничтожно и по величине, и по своему влиянию фактическое накопление общества (вещественные продукты человеческой деятельности) по сравнению с производительными силами человечества, т.е. с развитием самого человека. Он подсчитал, что соотношение человеческого и вещественного факторов общественной жизни соответствует пропорции 40 : 3 в пользу человеческого фактора.

На важность субъективного фактора в развитии экономики и общества в целом также обращал внимание **Г. Годскин (1787–1869)**, который выступил с требованием увеличения свободного времени, находящегося в собственном распоряжении работника. Его труды, которые имеют характерные названия: «Защита труда от притязаний капитала» и «Популярная политическая экономия» – написаны в форме памфлетов и фактически являются «политэкономией рабочих».

Касаясь принципа «человеческого накопления», Годскин подчеркивал, что накопление мастерства и знаний самих рабочих является основным накоплением и несравненно важнее, чем идущее рука об руку с ним и лишь отражающее его накопление объективных, вещных условий деятельности. Он придавал большое значение просвещению, развивающему субъективную производительную силу, самого производящего человека, провозглашал принцип единства труда и знания. Годскин считал, что действительно накапливается не мертвый, овеществленный, а живой труд – искусство рабочего, степень развития труда.

Таким образом, в философско-методологическом аспекте теоретическая экономическая мысль встретила с трудностями определения предмета своего исследования. Такие трудности, как это известно из истории становления науки, являются необходимым элементом научного поиска. Лишь построение идеализированных моделей, вскрывающих сущностные моменты, позволяет преодолеть теоретические и методологические трудности.

2. Методологические основания марксистского экономического учения

К марксистскому экономическому учению можно подходить с разных сторон: негативной или позитивной. Но несомненно то, что это учение представляет собой развитую теоретическую модель, что свидетельствует о теоретической зрелости экономической мысли.

Первыми политэкономическими произведениями марксизма являются работа **Ф. Энгельса (1820–1895)** «Наброски к критике политической экономии» и «Экономическо-философские рукописи» **К. Маркса (1818–1883)**, написанные в 1843–1844 гг. Хотя посвящены они чисто экономическим вопросам: накоплению капитала, частной собственности как исходной базе капитализма, концентрации и централизации капитала, экономическим кризисам, соотношению труда и капитала, динамике заработной платы, тем не менее, в этих работах впервые особо подчеркивается что капитал – это накопленный труд, а основу человеческого общества составляет материальное производство. В вышедшей позднее совместной работе Маркса и Энгельса «Немецкая идеология» (1846) сформулированы основные положения учения об общественно-экономических формациях, о взаимоотношении общественного бытия и общественного сознания, об историческом процессе как смене формаций революционным путем.

Теоретическая модель экономики капитализма содержится в главном сочинении Маркса «Капитал», который состоит из четырех томов, вышедших в свет в разное время. Первый том «Капитала» (1867) посвящен анализу производства прибавочной стоимости, характеристике товара и товарного производства, в нем дается определение понятия капитала и других экономических категорий. Сам «Капитал» был задуман Марксом вместе со своим соратником Энгельсом как теоретико-практическое обоснование социально-философских идей, доказывающих историческую ограниченность товарно-рыночной экономики, т.е. капиталистического способа производства, основанного на господстве частной собственности, и его неизбежную смену, обусловленную необходимостью перехода к общественной собственности на средства производства, присущей коммунистической общественно-экономической формации. Основанием и причиной этого перехода являются непримиримые противоречия во взаимоотношениях двух антагонистических классов капиталистического общества – пролетариата и буржуазии.

Экономика капитализма, по мнению Маркса, внутренне противоречива. Наряду со стремлением к безграничному росту (непрерывное совершенствование и обновление производительных сил) она обнаруживает также и кризисные состояния. Когда-нибудь, убежден Маркс, этому должен наступить конец по ряду причин, которые порождены самой капиталистической экономикой. Раскрывая субъективную причину, он вместе с Энгельсом указывает, что буржуазия сама в силу объективных факторов (например, необходимость повышения качества и производительности труда работников) воспитывает собственного «могильщика» – пролетариат. В ходе развития капитализма растет сознание пролетариата, который борется за свои права и не только стремится улучшить свое экономическое положение, но готовится также к социально-экономическому перевороту, социалистической революции, требуя перераспределения собственности в интересах всех трудящихся, всего общества.

К числу основных объективных причин ликвидации капитализма Маркс относит частную собственность на средства производства – главный и

решающий тормоз общественного прогресса, так как собственник преследует личные материальные цели (обогащение) и не стремится делиться с трудящимися своими доходами, источником которых является, по Марксу, неоплаченный труд рабочего. Подавляющее большинство людей в обществе трудится, а результаты труда присваивает горстка собственников, которые фактически выступают в роли рантье, т.е. бездельников. Справедливость требует, полагает Маркс, чтобы общественные богатства принадлежали тем, кто их производит, а именно трудящимся. Сами же пролетарии, дойдя до осознания необходимости передела собственности, т.е. ее обобществления, и осуществив в дальнейшем социальный переворот, сначала распределяют общественные богатства пропорционально количеству и качеству затраченного на их производства труда (социализм), а впоследствии с ростом производительности труда и соответственно с резким увеличением общественного богатства начинают распределять его равномерно среди всех трудящихся (коммунизм). С приходом коммунизма начинается подлинная история человеческого общества. Маркс и Энгельс были твердо убеждены, что переход от капитализма к коммунизму является исторически неизбежным, так как вытекает из открытого ими общесоциологического закона развития и смены общественно-экономических формаций.

Активно привлекая и используя данные из экономической практики своего времени, опираясь на политэкономические идеи и категории экономики, а также диалектику Гегеля, Маркс пытается детально обосновать свои философско-экономические выводы. Прежде всего, он старается доказать, опираясь на идеи утопического социализма и социальных рикардянцев, что капиталистическая экономика не способствует полному раскрытию сущностных, т.е. творческих, сил человека, препятствует его всестороннему и гармоническому развитию, превращая его в «машину для производства прибавочной стоимости».

В обоснование антропологической ограниченности капитализма Маркс выдвигает ряд аргументов. Так, он считает, что капиталистическая экономика приносит человека в жертву производству. Стремясь к получению максимальной прибыли, капиталист эксплуатирует рабочего (например, увеличивает продолжительность трудового дня, сокращает размер заработной платы, приближая ее к прожиточному минимуму), уменьшая тем самым нормальную продолжительность существования рабочей силы человека. Буржуазный культ «производящего человека» есть, по Марксу, отрицание подлинного человеческого богатства – развития человеческой личности, раскрытия сущностных сил трудящегося человека как творческого индивида.

Объективная диалектика умножения форм деятельности при капитализме требует всесторонне развитого и образованного работника. Однако капиталист, по мнению Маркса, выплачивая низкую зарплату, тем самым обкрадывает работника, снижает его творческий потенциал, не дает ему развиваться духовно. Таким образом, в обществе складывается материальное и духовное неравенство людей «образованных» и «необразованных», что выгодно капиталу. Человек в силу своей природы стремится к сложным видам труда,

желает, как пишет Маркс, «творить по законам красоты», а капитализм внедряет в производство систему простого труда, превращает человека в «частичного» рабочего.

Для развития работника требуется свободное время, предпосылкой которого является повышение производительности труда. Маркс замечает, что применение машин в производстве ведет к сокращению рабочего времени и росту заработной платы, что, в свою очередь, способствует увеличению свободного времени рабочего, которое может быть использовано главным образом для его профессиональной подготовки. Однако сам процесс механизации производства всячески препятствует всестороннему развитию человека. При капитализме, указывает Маркс, усиливается процесс превращения продуктов деятельности человека, а также его способностей, в нечто независимое от него и господствующее над ним, т.е. имеет место отчуждение, которое представляет собой искаженное и извращенное представление людей об их реальных жизненных отношениях. Капитализм развивает чуждые человеку вещные и субъективные условия труда, отрывая их от самого производящего работника. В процессе развития производства отчуждающее влияние разделения труда сменяется технологическим подчинением машине – новой формой отчуждения. В машинной (заводской) системе мы видим «обделенного человека»: не человек использует машину, а машина – человека, происходит овеществление личности и олицетворение вещей (т.н. товарный фетишизм). Человек образует с машиной некий гибрид, вещное единство «машина-человек», что уродует самого производителя. Это технологическое подчинение работника средствам труда препятствует развитию сущностных сил человека.

Маркс отмечает, что капиталистическая экономика ориентируется не на потребительную стоимость (*что* производить), а на меновую стоимость (*по какой цене* производить), вследствие чего она равнодушна к жизненным потребностям большинства людей. Безразлично, что производить, какие услуги оказывать – главное, какие деньги за них платят, т.е. какова их меновая стоимость. Маркс, опираясь на открытый им закон тенденции нормы прибыли к понижению, делает вывод, что капитализм является серьезным препятствием для развития производительных сил общества (в первую очередь главной производительной силы – человека), так как он руководствуется лишь сиюминутными выгодами извлечения максимальной прибыли, а не решением проблемы все более полного удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей людей.

Человек у Маркса – социальный индивид, продукт времени, главным образом – социально-экономических отношений. Люди утверждают себя в качестве людей именно и прежде всего благодаря производству, материально-практической деятельности, а не благодаря сознанию, поскольку оно, согласно Марксу, производно от практики, вторично. У человека, стоящего вне общества, нет заранее определенных потребностей. С другой стороны, исторически возникающие или формирующиеся человеческие потребности

общество может удовлетворить лишь при соответствующей системе общественных отношений.

При капитализме акцент делается на меновой стоимости, там все решает количество, а человек, его труд являются только воплощением времени. Коммунизм, идущий на смену капитализму, придает главное значение потребительной стоимости и представляет собой, по мнению Маркса, последовательное регулирование и удовлетворение потребностей через «социальное пространство». В коммунистической формации общественная полезность вещи будет определять время, выделяемое на ее производство, которое ориентируется на потребительную стоимость, на всю систему динамически развивающихся потребностей. Это дает мощный импульс для роста производства, обеспечивает необходимый простор для непрерывного и безграничного развития производительных сил общества. Тем самым, «ограниченное развитие человека» при капитализме, обусловленное ограниченным развитием капиталистического производства, меняется на «полное развитие человека» в коммунистическом обществе.

Безграничному развитию человека при коммунизме способствует наука – разновидность «всеобщего труда». Если, указывает Маркс, при капитализме наука является средством производства богатства, средством обогащения и обособляется в самостоятельную силу, противостоящую труду, то при коммунизме она получает широкое распространение, воплощаясь в деятельности трудящегося человека. По мере распространения и расширения «всеобщего труда», когда производитель по самим условиям труда принуждается к тому, чтобы быть всесторонней личностью, может быть, полагает Маркс, осуществлено коммунистическое общество.

Таким образом, выстроив теоретическую модель экономики, Маркс включает ее в более широкую систему общественных отношений, полагая в ней найти векторы дальнейшего развития форм общественных отношений. Экономика в определенной степени становится не только философией, но и идеологией.

3. Философско-методологические проблемы обоснования экономики в работах М. Вебера

Обратимся к творчеству одного из крупнейших социологов и философов рубежа XIX–XX вв. **Макса Вебера (1864–1920)**, главным образом к тем его сочинениям, в которых предпринята попытка понять реалии товарно-рыночной экономики и вытекающие отсюда социальные, моральные и политические черты капитализма. М. Вебер, сделав главный акцент на исследованиях в области социологии, все же разрабатывал ее главным образом как социологию экономического поведения людей. Он начал свою научную деятельность как исследователь в области экономической теории и занимался проблемой идентификации экономических явлений прошлого, давая их теоретическое осмысление на основе анализа капиталистического общества. В этом заключается особая ценность теоретических построений и выводов Вебера, которому, по нашему мнению, удалось дать наиболее глубокую, сравнительно с

другими авторами, характеристику капиталистической системы хозяйства. Здесь его соперником можно поставить, пожалуй, только К. Маркса – его главного теоретического оппонента и идейного антипода.

Философия М. Вебера пыталась дать обоснование науке о социальных фактах с помощью подходящей методологии, которая бы схематически описывала и классифицировала исторические и социальные явления и экспериментально выводила из них системы социальных законов. В своей работе «Методология социальных наук» Вебер задался вопросом: что именно представляет собой капиталистическое общество не только по своей организации, но и по цели и мотивации, ради которых эта организация существует? Применительно к экономике этот вопрос касается причин и динамики всего механизма системы экономических законов.

Основываясь на философских учениях Канта и неокантианцев, Вебер создал свой оригинальный метод для анализа сути общественного и экономического устройства капитализма. Он обращает внимание на то, что человеческая жизнь чрезвычайно многообразна и изменчива, где люди руководствуются изменяющимися мотивами и намерениями, преследуют свои интересы и цели. Зная мотивации человеческого поведения, можно понять, что происходит в обществе. Вебер пытается найти исходные цели и мотивы в общественной жизни, обнаружить конкретную мотивацию конкретного общества, чтобы понять, какими намерениями руководствуются люди в своей деятельности, к каким целям они стремятся, в чем состоят их ценности. Исходя из этого, мы должны выбрать для анализа те типы действия, которые объясняются этими мотивами и намерениями и которые раскрывают их смысл. Эта отобранная по определенным критериям мотивация дает нам определенный тип человеческого поведения.

На этой основе Вебер создает теоретическую модель, которую он назвал «идеальный тип» и которая становится схемой для данного общества в целом, а также для всей его деятельности. Как указывает сам Вебер, «идеальный тип» суть некоторая мысленная конструкция, «свободный от противоречий комплекс мысленно создаваемых связей». Эта конструкция носит характер утопии, которая получается путем мысленного выдвижения на первый план определенных элементов общественной жизни. «Идеальный тип» образуется путем одностороннего выдвижения одной или нескольких точек зрения и соединения множества рассеянных и раздельно существующих явлений. Поэтому в каждом отдельном случае исторического или социологического исследования возникает задача установить, как далеко или близко от этого идеального образца отстоит изучаемая действительность.

Из сказанного видно, что «идеальный тип» представляет собой не обобщение, установленное на основе проверки социальных фактов, не является он также теорией социальной жизни. Он суть схема, которая носит гипотетический характер, является как бы теорией. Но эта схема, по мысли Вебера, придает смысл нашему социальному опыту, нашей собственной жизни и жизни других людей в обществе. Это модель, но если эта модель правильная, то она заставляет людей вести себя тем или иным образом, а потому не следует

рассматривать ее лишь как отчасти верную или вероятную. Конечно, исходная модель, выбор исходных мотиваций общества являются ценностно-ориентированными, субъективно пристрастными. Но если модель сформулирована, тогда мы должны показать, как она работает, показать ее естественную логику. Эта логика выбранной нами системы мотиваций является свободной от всякого рода произвольных оценок, основанных на субъективных моральных стандартах.

Вебер рассматривает свой «идеальный тип» как парадигму формы жизни, как универсум рассуждений и языка буржуазного общества. С понятиями «идеальный тип» и «парадигма» можно было бы соотнести весьма распространенное понятие «языковая игра». Как известно, язык помимо дескриптивной функции всегда был тесно связан с областью деятельности и с формами жизни. Существуют также специфические области деятельности, которые мы называем «играми», где имеется множество правил и объектов, совместно образующих своеобразную основу, логику формы деятельности, называемую «игрой». Каждая «игра» имеет свой «язык», которым люди пользуются в ходе игры. Формы жизни и языка, в которых воплощаются и реализуются понятия, идеи и образ жизни, могут быть способами действия, или «игрой», присущей целому народу определенной эпохи и культуры и проявляющейся в разнообразных социальных аспектах и схемах поведения.

Вебер рассматривает через призму своей модели капиталистическую социально-экономическую систему и, по сути дела, воссоздает действующие правила «игры» капиталистического строя. На основе этой модели он делает вывод о коммерческой природе капитализма, приходит к заключению, что в рамках данного общественного уклада все наши мотивации являются денежными. Фактически, это – настоящая «языковая игра», а именно «игра денежная», в ходе которой «игроки» разоряют своих соседей, покупают дешевле, а продают дороже, играют на фондовой бирже, манипулируют финансами, прибыльно помещают капитал и т.д. Денежная игра, как и любая другая, имеет определенную цель: сделать как можно больше денег. И эта игра, как любая другая, не переносит вмешательства в установленные ею правила, поскольку имеет свои собственные ценности и организуется так, чтобы гарантировать их.

Вебер заявляет, что моральные принципы и идеи, свойственные капитализму, есть не что иное, как субъективные и классовые предпочтения, привилегии класса буржуазии. Сама капиталистическая система построена именно на таких предпочтениях, а потому неразумно жаловаться на несправедливость и жестокость капитализма. Это все равно, что критиковать футбол как игру, ссылаясь на неумелые действия футболистов на поле.

Мыслитель создает «идеальный тип», который фиксирует модель капиталистического общества во всем его объеме, со всеми его ценностями, целями и методами. Эта модель есть результат действия людей, имеющих общие мотивации и находящих соответствующие средства для достижения избранных целей путем производства товаров, дающих прибыль. Подобная ориентация, считает Вебер, полезна всем разумным людям, поскольку она

делает осмысленным все то, что происходит в обществе, основанном на данной модели.

Вебер задается вопросом, каким образом появляются те причины, которые служат для достижения преследуемых людьми целей. Для этого он разработал метод «адекватной причинности», который служит для выявления системы объективных возможностей, выражающих регулярные взаимосвязи в обществе. Суть данного метода в том, что на основе гипотетического анализа выявляется некий причинный фактор как адекватное объяснение событий. Причина является адекватной, если без нее выбранная цель не может быть достигнута или событие, которое мы хотели бы подвергнуть анализу, не произойдет.

Метод адекватной причинности в наибольшей степени применим при объяснении уникальных исторических событий, связанных с человеческим поведением. Всякое явление социальной действительности не может быть объяснено или осмыслено, если не будет выражено с помощью моделей «идеального типа», которые объясняют мотивацию, лежащую за причинными процессами. Мотивация означает установление выбранных целей, поскольку они обладают ценностью. Таким образом, в обществе всякая причинная связь, каждый закон олицетворяют ценность и не имеют никакого смысла без них. Социальные законы, или правила, или обобщения рассматриваются только в той мере, в какой они гарантируют достижение этих ценностей.

Так, экономические законы капитализма не являются законами, обособленными от самого человека, подобно законам физики. Они не являются абсолютными и окончательными. Правильность экономических законов целиком зависит от конкретной мотивации общества, в котором они реализуются, и от его целей. Они поэтому не являются правильными для какого-то другого общества. Именно так Вебер трактует экономические законы. Поняв общие принципы капитализма, его, так сказать, «правила игры», а именно получение прибыли как единственный мотив производства, наличие частной собственности, системы заработной платы, капиталовложений, мы можем представить себе, каким образом они принимают форму специфических экономических процедур, законов, экономических институтов капиталистического общества.

Касаясь происхождения и природы капитализма, Вебер рассматривает его не только как экономическую систему и не только как результат технического развития, связанного с изобретением и широким применением механических машин, а как определенную цивилизационную форму, как специфическую форму социальной организации. Возникновению капитализма способствовало множество факторов, каждый из которых играл существенную роль в формировании этоса, характеризующего жизнь современного западного общества.

Согласно Веберу, капитализм не был исторической случайностью, а явился неизбежным следствием принципа рациональности, во все более распространяющегося в жизни Запада, начиная с момента возникновения естественных наук в XVII веке. Он попытался показать, что капитализм возник

на основе рациональной экономики и соответствующей ей системы социальных отношений.

Вебер рассматривал капитализм как результат существования некоторого числа состоятельных людей с деньгами, которые те были готовы обратить в дело. Эти люди обладали общим духом, порождавшим некий комплекс рациональных способов производства, нацеленный на получение прибыли. Основопологающий признак капиталистической экономики – использование методов бухгалтерского учета в промышленности, счет наличных средств и признание абсолютной важности контроля прибылей и убытков. Капитализм возникает как завершение «экономии» в обычном смысле этого слова, т.е. стремится накапливать, и в этом смысле он есть результат трудовой дисциплины и известного аскетизма, основанием которого выступала протестантская этика.

В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма»⁸ Вебер указывал, что протестантизм в отличие от католицизма придавал значение спасению не только и не столько с помощью молитвы, сколько с помощью стремления к правильной, соответствующей христианским заповедям жизни в земном мире, посвященной исполнению наших талантов и призваний. Таким призванием для многих были их повседневные дела в торговле и бизнесе, т.е. жизнь, наполненная постоянным усердным трудом и ставшая для этих людей религиозным эквивалентом монашеского аскетизма.

Приведем текст псалма, ставшего гимном всех протестантских церквей Англии в эпоху раннего капитализма:

Чтобы быть верными Богу,
Мы не уйдем от людей в монастырь.
Будем нести повседневную ношу
И выполнять ежедневный труд.
Это и есть наша жертва Богу,
Наш путь служения ему.

Протестантизм был только одним из источников рационального стиля жизни, создавшего дух капитализма. Но если этот элемент оказался бы теоретически исключенным, по мнению Вебера, это привело бы к совершенно иным результатам. Благодаря протестантизму, экономическая деятельность выступает как нечто святое, а потому приобретает духовно-религиозное значение.

Рационализм – фундаментальный принцип, основанный на господстве во всех сферах жизни общества разумного начала, благодаря которому не только возникла наука, но сформировался мир капитализма. Вебер пытается сформулировать закон увеличивающейся рациональности, так как полагает, что судьба нашего мира зависит от его дальнейшей рационализации и интеллектуализации. Согласно этому закону, не существует никаких факторов и таинственных сил, которые невозможно было бы предвидеть, поскольку человек может господствовать над всем благодаря разуму и учету. Таким образом, капитализм есть конкретная форма господства, говоря словами Вебера, «объективный и неизбежный технологический закон». Экономическая

рациональность предполагает и требует рационального господства – господства практически любой ценой.

Капитализм, по Веберу, становится математизированным, технологическим господством, отрицающим вмешательство в экономический процесс с любыми заявлениями о морали и гуманности. Раз приняты определенные «правила игры», утверждена некая система ценностей, определены цели, которые должны быть достигнуты, то уже ничего нельзя изменить, ибо сами ценности предопределяют методы их достижения. Поэтому моральные принципы не могут и не имеют права вмешиваться в этот процесс. Такое вмешательство неуместно постольку, поскольку интересы всех участников капиталистической экономики (в том числе и рабочих) обеспечиваются эффективностью действия самой экономики. То, что рационально необходимо для достижения выбранного идеала, является единственным моральным критерием и апелляционной инстанцией. Это как раз и есть экономика, свободная от ценностей, свободная от вмешательства незаконного морализирования. Разумеется, мы признаем ценности, выбранные нами самими, но они встроены в модель и не действуют вне рамок экономического процесса. Вебер допускает, что существует этика ответственности, т.е. этика, анализирующая подходящие средства для достижения своих собственных ценностей; но она делает это посредством рациональной оценки, а не с помощью неких отвлеченных моральных принципов.

Важным дополнением рациональности (и, по-видимому, ее неизбежным спутником) является бюрократия, существование которой основывается на следующих принципах:

- 1) создание специальных сфер компетенции путем распределения постов и должностей и определение объема власти, какой обладает каждое должностное лицо при решении вопросов;
- 2) каждое должностное лицо, находясь на своем посту, наделено правами и обеспечено работой, пока оно выполняет свой служебный долг;
- 3) система является иерархической, в которой каждый вышестоящий имеет власть над нижестоящим и подчинен вышестоящему;
- 4) вышестоящий имеет право регулировать деятельность своих подчиненных.

Вебер полагает, что неизбежным следствием действия экономических законов и деятельности бюрократии является грубое насилие над вещами и людьми, которое предполагает политический контроль, поскольку сама система требует строгой экономической дисциплины «свободного» работника и поддержки этого требования со стороны правящих властей. Чтобы добиться добровольного согласия всего общества с принятой строгой системой требований, необходимо опираться на особые методы и формы политического руководства.

Вебер не верил в демократическое правление, рассматривал свободное волеизъявление людей как чистую фикцию, психологически внушенную пропагандой или харизматическим руководством. Правление, по его мнению,

должно быть элитарным, поскольку сам народ не способен решать проблемы. Если развитие техники и административного управления движется в направлении политической демократии, то последняя также должна быть управляемой. Избирательная система и парламентская машина обеспечивают законность демократической формы правления, которая хотя формально и вытекает из воли управляемых, но по существу целиком зависит от способности управлять со стороны представительной политической машины, через которую действует реальная экономическая диктатура. Победившая партия, в конце концов завоевавшая политическую власть, добивается поддержки своей политики благодаря своей «способности управлять и манипулировать сознанием людей». Эта «демократия вождей», как назвал ее Вебер, суть неизбежное следствие развития капитализма, свободного от ценностей, что полностью соответствует его доктрине «этической нейтральности».

Вебер показал, что капитализм как рациональное выражение любой экономики порождает некий механизм эксплуатации и некую систему господства, направленную на ее поддержание. При этом он заметил, что капиталистическая экономика служит в первую очередь интересам капитала и лишь опосредованно – интересам общества. Это обстоятельство обусловило определенный пессимизм Вебера в отношении перспектив развития капитализма, что особенно заметно в ряде его последних работ, где он назвал существующее общество «домом рабства».

Вебер полагает, что мир постепенно становится некоей управляемой машиной. Это обусловлено, во-первых, доминирующим влиянием техники, и, во-вторых, деятельностью бюрократии. Вследствие этого жизнь становится тусклой, унылой, утилитарной, она опустошает душу человека. Но такова неизбежность, считает Вебер, с которой человек сталкивается в век разума. Он приходит к выводу, что по мере возрастания рациональности сам реальный мир становится все более иррациональным. Человек успешно рационализирует отношения, представленные его «идеальным типом», свойственным данной экономической системе, однако за ее пределами жизнь и мир остаются иррациональными. Поскольку все ценности субъективны, то эмпирически наблюдаемая жизнь представляет собой хаос. И у нас нет возможности наше личное интуитивное понимание добра согласовать с ценностями, которые провозглашает капиталистическая экономика. Выбирая одни ценности, мы отвергаем другие, поэтому привести в гармонию экономику, мораль и искусство невозможно.

Вебер приводит конкретные примеры того, как формальная рациональность системы приводит к «субстанциональной иррациональности», которая присутствует как неизбежный элемент внутри экономической системы. Он отмечает, что производство благ на предприятиях, приносящих прибыль, регулируется не нуждами как таковыми, а эффективным спросом, вследствие чего продаваемые блага появляются на рынке, но вовсе не в тех масштабах, чтобы удовлетворить текущие человеческие потребности. Происходит это либо оттого, что такие товары не являются наиболее выгодными для производства и

продажи, либо потому, что те, кто в них нуждается, не обладают достаточной покупательной способностью. Вебер как бы предвосхищает «Великую депрессию» 1929–1933 гг., понизившую уровень мировой торговли на две трети и уменьшившую объем производства наполовину.

С точки зрения Вебера, рациональность означает научный взгляд на человека в обществе, который опирается на эволюционные идеи Ч. Дарвина и совпадает с признанием борьбы людей за существование в ходе эволюции. Он считает, что в экономической борьбе за существование нет мира. Только те, кто признает мир ради истины, могут верить, что будущее несет с собой мир и счастливую жизнь для наших потомков. В экономических условиях капитализма «война всех против всех» (Гоббс) достигает наивысшей точки. Те, кто живет в относительном комфорте, обязаны такой жизнью или безжалостной борьбе за существование, в которой из года в год гибнут физически и духовно сотни миллионов, или тем людям, которые вынуждены усвоить неизбежность такого положения дел. Вебер отмечает, что в этой борьбе наиболее важные ценности устраняются из общественной жизни и либо переходят в сферу трансцендентного и мистического, либо превращаются в братство непосредственных личных отношений. В целом европейская цивилизация постепенно преобразуется в цивилизацию, основанную на все более и более безличных отношениях, где каждый подчиняется установленному порядку. Тому же, кто не желает подчиняться, не может, говоря словами Вебера, «выдержать судьбу времени», он советует «молча вернуться в лоно церкви». Тот, кто сегодня ждет новых пророков и избавителей, ничего не найдет впереди. Вебер пессимистично заключает: «не летний луг, полный цветов, простирается перед нами, а скорее суровая, темная, ледяная полярная ночь».

Вебер критически относился к марксизму за его «метафизичность» и односторонность и высказал ряд аргументов против некоторых его выводов. Он полагал, во-первых, что социализм, подобно капитализму, только усилит бюрократию и, во-вторых, социализм все сводит к материальной мотивации человека и ослабляет значение духовных факторов жизни людей и общества. Критикуя марксистское учение об общественно-экономических формациях, он утверждал, что понятийные конструкции марксистской политэкономии и исторического материализма являются не отражением реальных этапов или тенденций исторического процесса, а лишь «идеальными типами», т.е. идеальными образцами, «мысленными утопиями», как их понимал сам Вебер.

4. Методологические основания модели экономики социализма

М.И. Туган-Барановского

В своей главной работе «Социализм как положительное учение» (1918) **М.И. Туган-Барановский (1865–1919)**, видный русский экономист и социолог, соединяя теорию трудовой стоимости К. Маркса и теорию предельной полезности австрийской экономической школы, изображает возможный механизм социалистической экономики.

Туган-Барановский признает важность централизованного планирования. Разрабатывая план организации производства определенного продукта, нужно

исходить из экономической целесообразности, которой можно добиться только при объединении национального производства в руках государства. Социалистическое государство должно стать важнейшей хозяйственной организацией общества, когда капиталистическое товарное хозяйство исчезнет и пропорциональность общественного производства будет достигаться путем планомерного распределения общественного труда, которое возможно только при общественном руководстве экономикой.

Планомерность и согласованность в развитии общественного хозяйства создают, по мнению Туган-Барановского, условия для наибольшего развития производительных сил, а потому являются сильной стороной централизованного планирования. Однако у него есть и слабая сторона, так как оно противоречит экономической свободе личности, поскольку централизм исключает всякую хозяйственную инициативу и ответственность членов социалистического общества за развитие общественного производства. Кроме того, благоприятствуя умножению общественного богатства, централизация превращает человека в простое орудие общественного целого. Поэтому в интересах свободы личности, считает Туган-Барановский, нужно дополнить централизованное планирование элементами муниципального и кооперативного социализма, т.е. организациями самоуправления, а также непосредственным контролем со стороны самих производителей. Эта концепция планирования исходит из трактовки социалистического хозяйства как натурального, а потому государство должно при составлении плана руководствоваться теми же соображениями, что и частный хозяин, ведущий натуральное хозяйство.

Исходной категорией социалистического хозяйства у Туган-Барановского являлась субъективная хозяйственная ценность, которую он считал вечной категорией, присущей любому экономическому строю. При построении хозяйственного плана необходимо сопоставление по отношению к каждому продукту двух основных категорий: полезности каждой его единицы и ее трудовой стоимости. Туган-Барановский утверждал, что при социализме сохраняется субъективная ценность, которая будет определять цену товара наряду с трудовыми затратами. Величина ценности в социалистическом хозяйстве определяется теми же факторами, что и в капиталистическом хозяйстве, с тем лишь отличием, что при социализме влияние трудового фактора будет более непосредственным и решающим.

Туган-Барановский писал, что непосредственным регулятором цены при социализме, как и при капитализме, будет соотношение общественного спроса и общественного предложения. За пределами рынка регулятором общественного предложения при социализме будет трудовая стоимость каждого продукта, между тем как при капитализме таким регулятором являются издержки производства. В социалистической экономике необходимо отклонение цен от стоимости для равномерного удовлетворения потребностей всех граждан, поскольку если исходить из принципа пропорциональности цен трудовым затратам, то это приведет к нарушению принципа равенства, что

равнозначно эксплуатации одних другими и категорически неприемлемо для социализма.

Что касается денег при социализме, то Туган-Барановский трактует их как продукт «сознательного общественного творчества», который не является товаром, представляя собой чисто условные знаки, не имеющие стоимости. Он указывал, что в социалистическом хозяйстве весь процесс выражения цен в денежной единице приобретает идеальный характер, так как сама денежная единица становится всецело идеальной. Содержание денежной единицы устанавливается произвольно и не выражает стоимости денежного товара, каковым, например, является золото. Это содержание определяется соотношением количества денег в обращении и суммой цен товаров; при этом деньги при социализме являются по своей сути бумажными (номинальными) деньгами.

Туган-Барановский среди социалистических систем в широком смысле слова выделяет социализм в узком смысле слова и коммунизм, которые у него выступают, в отличие от марксистской трактовки, как две сосуществующие во времени и пространстве различные модели социализма. Главное их отличие состоит в способах распределения произведенного продукта, которые в действительности оказываются различиями в способах обмена и потребления.

В системах первого типа, относящихся к социализму в узком смысле слова, распределение осуществляется при посредстве денег и цен на предметы потребления, так как здесь сохраняются личные денежные доходы и личная собственность на предметы потребления. Все члены общества имеют право свободно распоряжаться личными доходами.

В социалистических системах второго типа, т.е. коммунистических, распределение продуктов происходит без денег, путем непосредственной передачи предметов потребления в распоряжение отдельных лиц. Туган-Барановский называл коммунизм «натуральным хозяйством», в котором распределение ресурсов осуществляется путем непосредственного сопоставления полезности и затрат труда, а не опосредованно, т.е. через деньги, как в системах первого типа. При коммунизме упраздняются личные доходы, а следовательно, и личная собственность на предметы потребления. Хотя Туган-Барановский допускает полную свободу потребления при коммунизме, от тем не менее в большинстве случаев изображает его как уравнилельный казарменный строй, где предметы потребления распределяются между отдельными лицами на основе принудительного нормирования натуральными продуктами.

Основываясь на методологии неокантианской философии, Туган-Барановский рассматривал социализм как общественно-хозяйственный строй, который возникает на базе априорных теоретических соображений об общечеловеческих идеалах. Социализм в этом смысле является «надысторическим идеалом человечества» и представляет собой «искусственную, придуманную форму человеческого общежития». Социализм не рождается естественным путем, а потому он не только не закономерен, но и не жизнеспособен. Тем не менее, социализм имеет философское обоснование в

идее Канта о «равноценности» человеческой личности, т.е. опирается на этические принципы.

Этическое обоснование социализма было положено Туган-Барановским в основу не только его экономического учения, но и его размышлений о человеческой личности. Личность человека есть «верховная ценность мира», поэтому общеобязательным нравственным идеалом социализма является требование свободы и равенства для всех членов общества. Каждая личность должна представлять собой «самоцель», интересам которой должен быть подчинен весь строй общества. Идеальное общество, полагал Туган-Барановский, должно быть «царством целей», где всестороннее развитие личности составляет «конечную и верховную цель общественного союза». В этом смысле социализм явится возрождением гуманистических ценностей и идеалов для всего человечества.

5. Методологические идеи философии экономики в работах А.В. Чаянова и Н.Д. Кондратьева

Остановимся на философско-методологических взглядах **А.В. Чаянова (1888–1937)** и **Н.Д. Кондратьева (1892–1938)**, работы которых касаются различных сторон хозяйственно-экономической деятельности.

Главным предметом исследований Чаянова было семейно-трудовое крестьянское хозяйство. В опубликованной им в 1920 г. фантастической повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» под псевдонимом Ив. Кремнёва содержится положение, что в основе общественного производства лежит сельскохозяйственный труд. Он связывал перспективы развития народного хозяйства с тем, что сельское хозяйство в будущем станет доминирующей сферой приложения общественного труда.

В крестьянской утопии Чаянов рисует картину, как крестьянское правительство свергает диктатуру пролетариата и, придя к власти, принимает декрет об уничтожении городов, так как запрещает существование городских поселений с числом жителей свыше 20 000 человек. Различные предприятия – фабрики, заводы, мастерские – рассредоточиваются по стране, растворяются в море крестьянских хозяйств.

Основу экономики в стране крестьянской утопии составляет сельскохозяйственное производство, представленное «совершеннейшим типом хозяйственной деятельности» – мелким крестьянским хозяйством, основанным на ручном труде и воспроизводящим «грядковую культуру», вплоть до «индивидуализации ухода за каждым колосом». Чаянов считает, что в этой стране будущего необходимо наряду с кооперативами (коллективно управляемыми предприятиями) сохранить и частную инициативу капиталистического типа в тех областях, где бессильны коллективно управляемые предприятия, и вообще сохранить ее в качестве постоянного конкурента, спасающего от технического застоя. Управлять крестьянским государством должны были интеллигенты-кооператоры.

В своих воззрениях Чаянов, вслед за С.Н. Булгаковым, определял природу сельскохозяйственного производства как производства

«биологического», в котором в качестве средств труда выступают сами растения и животные, что неизбежно влечет за собой увеличение в этой отрасли производства значения индивидуального труда, а следовательно, сохранение мелкого частного производства. Он особо подчеркивал, что мелкое крестьянское хозяйство не имеет ничего общего с капиталистическим хозяйством и выступает как самостоятельная, некапиталистическая «семейная» форма производства, не подверженная социальному расслоению и имеющая при условии поддержки со стороны государства перспективу развития.

Первоначально Чаянов был сторонником модели «натурального социалистического хозяйства», поскольку, как полагали ее приверженцы, в плановом социалистическом хозяйстве целью производства будет создание продуктов, предметов потребления, а не товаров меновых ценностей, так как по самому своему существу социалистическое хозяйство должно быть безобменным и натуральным с авторитарным распределением продуктов. В соответствии с этим Чаянов определял социалистическое хозяйство как «единое колоссальное натуральное потребительское трудовое хозяйство», цель которого состоит в создании благ, необходимых для удовлетворения свойственных ему моральных и материальных потребностей. Он строит модель экономики социализма, исходя из концепции «потребительно-трудового» крестьянского хозяйства, трактуя социалистическое хозяйство как подчиняющееся в своем функционировании потребностям участников производства и их семей, а также как соединяющее в одном лице предпринимателя и работника.

Исходя из широко распространенного в 20-е г. отрицания существования товарного производства и закона стоимости при социализме, Чаянов рассматривал стоимость как категорию обмена, а не производства. Стоимостные категории при социализме произвольно устанавливаются государством для соизмерения хозяйственных благ с целью справедливого их распределения, а потому хозяйственный учет при социализме неизбежно носит технический характер. В этой связи Чаянов предлагал создать систему натурального учета, ограничивая хозяйственный учет учетом вещей в натуре. Эта система целиком основывалась на технических коэффициентах и показателях, предусматривающих сравнение отдельных элементов затрат и отдельных видов продукции в натурально-вещественной форме. Роль центрального органа управления в этой системе играет главк, который составляет программу для предприятий, устанавливает нормативы производственных затрат для отраслей народного хозяйства и различных видов продукции. Оценка эффективности отдельных предприятий и производств осуществляется путем сопоставления фактических материальных затрат с общественно полезными нормами, которые разрабатывает главк. Как писал Чаянов, норма главка при социализме «выполняет совершенно ту же работу, как и соотношение цен капиталистического рынка. Центр социалистического производства сознательно учитывает и обрабатывает тот же материал, который капиталистический рынок учитывал автоматически, без продумывания его каким-либо хозяйствующим сознанием». Если при капитализме результаты

хозяйственного учета выражаются в чистой прибыли, уровне ренты и других категориях, то критерием народнохозяйственной оценки социалистического производства призваны служить нормы, которые соответствующий глава признает общественно полезными. Что касается самих общественно полезных норм, то это нормы «предельной общественно полезной производительности». Прежде всего это относится к нормам затрат живого труда, которые ориентированы на предельное время, затрачиваемое в наихудших условиях производства, но которое необходимо для удовлетворения плана потребления страны.

В своих поздних работах «Краткий курс кооперации» (1925), «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» (1927) Чаянов высказывает соображения относительно социалистического развития деревни. Он выступил с теорией «предельности кооперативной коллективизации», центральным положением которой являлось отрицание возможности производственного кооперирования крестьянских хозяйств, т.е. создания «полных кооперативов», колхозов. Одновременно в этой теории содержалось утверждение о необходимости ограничения процессов кооперирования сферой обращения. Чаянов выдвигает положение о дифференциальных оптимумах, согласно которому каждая отрасль сельского хозяйства имеет свой специфический предел («оптимум») концентрации, дающий наибольшие экономические выгоды.

В качестве базиса кооперации, согласно Чаянову, сохраняется мелкое крестьянское хозяйство, а вся система кооперации способствует укреплению и развитию частного хозяйства, которое окружено кооперативными организациями. Он неоднократно подчеркивал, что кооперация является дополнением к самостоятельному крестьянскому хозяйству, обслуживает его и без такого хозяйства не имеет смысла. Он представлял кооперацию как «сложное социальное построение, многоэтажную конструкцию», где для каждой отрасли сельского хозяйства взят оптимальный размер и в основе которой лежит частное хозяйство. В обозримом будущем кооперация должна привести к тому, что в результате получится «конструкция коллективистского порядка», поскольку только незначительное количество сельскохозяйственной собственности будет в руках индивидуальных крестьянских хозяйств. Высшей формой организации общественного хозяйства, по мнению Чаянова, должны стать снабженческие кооперативы – основные начала будущей социалистической организации земледелия.

Чаянов выступал против пропагандируемой в 20-е г. «горизонтальной концентрации» и массового создания сельскохозяйственных артелей и товариществ по совместной обработке земли, предлагая и теоретически обосновывая «вертикальную концентрацию» крестьянских хозяйств в кооперативной форме. По его глубокому убеждению, только кооперация является единственно возможным в условиях России способом внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства, индустриализации и государственного плана. Чаянов считал, что кооперация не является ни капиталистической, ни социалистической формой хозяйства, так как

представляет собой независимую форму экономической организации хозяйственных единиц общества. В этом плане кооперативные организации могут образовать самостоятельную систему, которая вполне может конкурировать с промышленностью (например, взять в свои руки выработку полуфабрикатов). В перспективе появляется возможность утвердить кооперативную систему во всех областях экономики, что откроет новую эру в развитии народного хозяйства.

Один из выдающихся экономистов XX столетия **Н.Д. Кондратьев** был универсальным исследователем, осознающим значимость философско-методологической рефлексии. В своих ранних работах (1915–1922) он интересовался аграрной проблематикой, полагая, что эффективный аграрный сектор способен обеспечить подъем всей экономики, стать гарантией устойчивости всего народного хозяйства. Кондратьев считал необходимой первоочередную помощь хозяйствам фермерского типа, которые способны обеспечить быстрое наращивание сельскохозяйственной товарной продукции.

В 20-е г. Кондратьев работал над проблемами хозяйственного планирования, принимал участие в составлении первых планов, ставил задачу создания макроэкономической теории планирования и прогнозирования. Будучи директором Конъюнктурного института при Наркомфине СССР (1920–1928), он изучал объективные характеристики и тенденции рыночной экономики, разрабатывал стройную концепцию научного планирования, сочетающую методы сознательного воздействия на экономику при сохранении механизмов рыночного регулирования, так как, по его убеждению, только рынок создает «автоматический счетчик», показывающий результаты деятельности каждой отрасли хозяйства, каждого предприятия.

Касаясь в своих работах проблемы взаимоотношения плана и рынка, Кондратьев считал, что в план должны включаться только качественные характеристики без точного цифрового выражения даже наиболее общих тенденций, так как, по его мнению, современная экономическая наука и статистический метод не дают оснований для точного прогноза количественных изменений хозяйственной деятельности.

Экономическая наука, писал Кондратьев, до сих пор не овладела методом точного количественного измерения экономических явлений и количественного выражения законов экономического роста, давая лишь некоторые основания для построения прогноза в смысле указания общих тенденций развития. В связи с постоянными изменениями экономической действительности построение плана никогда не может считаться окончательно завершенным и по самой своей сути является перманентной работой. Сам план должен носить рекомендательный характер и содержать предвидение общих направлений хозяйственного развития, опираясь на объективно складывающуюся в экономике ситуацию. Если же мы пытаемся, полагает Кондратьев, осуществить какие-либо регулирующие мероприятия в действующей экономике, то такая экономика неизбежно вырождается в плановое хозяйство типа военного коммунизма.

Кондратьев обосновывает существование двух методов планирования: для сельского хозяйства – «генетического», а для промышленности – «телеологического». Первый метод исходит из объективно складывающихся тенденций развития сельскохозяйственного производства, второй – из поставленных целей и задач. При этом Кондратьев полагает, что сельское хозяйство является динамическим началом всего народного хозяйства. Он не только изображал промышленность и сельское хозяйство как две равнозначные отрасли, но, более того, подчеркивал первенство сельского хозяйства над промышленностью. Кондратьев считал, вслед за физиократами и А. Смитом, что экономическое развитие в целом определяется возможностями сельскохозяйственного производства. Он доказывал, что индустриальные отрасли страны не могут быть развиты больше, чем позволяют естественные ресурсы, которые дает сельское хозяйство, а потому необходимо согласовывать размеры государственных расходов с возможностями, имеющимися в сельском хозяйстве. Подвергая критике мероприятия советского правительства в отношении деревни, он считал, что политика индустриализации разоряет сельское хозяйство, а баланс стоимостных обменов между городом и деревней складывается для деревни в советской экономике гораздо печальнее, чем в довоенное время.

Кондратьев решительно выступал против проведения в деревне дифференцированной политики, против классового подхода к различным слоям крестьянства, считал коллективизацию села проблемой «будущих 600 лет». Он был против оказания экономической помощи бедняцким слоям деревни, которые являлись, по его выражению, «хозяйственным бедствием», полагая, что только крепкий хозяин может быть основой накопления, развития всего народного хозяйства. Те же слои крестьянства, которые еле сводят концы с концами, больше пригодны для борьбы на баррикадах, а не для накопления. Кондратьев утверждал, что, делая бедноту фаворитом и сдерживая рост хозяйственно мощных слоев деревни, мы не только подрываем возможности индустриализации страны, но и лишаемся возможности оказывать реальную помощь самой бедноте. Он считал, что государственное промышленное производство в стране осуществляется нерационально, ведется внеэкономическими методами, а потому предлагал обратиться к тем формам экономической деятельности, которые характерны для развития мелких хозяйств, где накопление происходит наиболее быстрым и рациональным путем. По мнению Кондратьева, следовало бы сократить некоторые отрасли государственного хозяйства, которые питаются главным образом «соками сельского хозяйства» и не способствуют развитию последнего. Промышленность в связи с ее монопольным положением, высокими издержками производства, льготными условиями кредитования поставлена в привилегированное положение. «Подъем нашего сельского хозяйства и возможности этого подъема, – писал Кондратьев, – упираются в проблему широкого выхода сельскохозяйственных товаров на мировой рынок», где они только и могут получить «полный эквивалент».

Кондратьев и его сторонники пытались доказать необходимость определения перспектив экономического развития СССР на основе развития мирового капиталистического хозяйства, рассматривая экономику государства как неотъемлемую часть мировой экономики. Они полагали, что направление и структура развития производительных сил страны определяются с учетом ведущей роли международного разделения труда и мировых рыночных связей. Темп накопления в советской экономике не может быть выше, чем в развитых капиталистических странах, а потому экономическое развитие СССР будет неизбежно идти по «затухающей кривой» вследствие исчерпания «восстановительных возможностей» социалистической экономики. Осуществляющаяся коммунистической партией в 20-е г. XX в. политика планомерной ломки унаследованных от капитализма объективных механизмов хозяйственной деятельности, ставка на «сверхиндустриализацию», по мнению Кондратьева, неминуемо ведет страну к катастрофе.

6. Философско-методологические идеи «технократической» и «менеджеральной» моделей экономики

Технократические идеи зародились в XIX в. В описанном А. Сен-Симоном «обществе индустриалов» обществом и производством управляют инженеры и ученые. Родоначальник позитивизма О. Конт, по сути дела, развивал учение о власти техников и инженеров, интеллигенции в целом.

Наиболее весомый вклад в развитие технократических идей внес американский экономист **Т. Веблен (1857–1929)**. Будучи сторонником институционализма, объяснявшего закономерности экономического развития эволюцией социальных институтов, он полагал, что главный фактор, лежащий в основе их изменения, – техника, которая влияет на образ жизни людей, изменяя тем самым их нравы, обычаи и образ мышления. Технологизм лежал в основе впервые выдвинутой Вебленом теории «индустриальной системы» – предшественницы современных концепций «индустриального общества»

Согласно данной теории, опубликованной в книге «Теория коммерческого предприятия» (1904), в развитии капитализма выделяются две ступени: на первой господствует предприниматель, на второй – финансист. В начале XX в. финансисты вытеснили «капитанов» индустрии и завоевали господство в бизнесе. Тем самым произошла «потеря» собственности, она стала безличной во всех ее связях и делах, так как контроль и управление промышленностью – это финансовый контроль и финансовое управление, цель которых – прибыль. Главным стимулом для бизнеса служит не производство благ, а делание денег; при этом интересы бизнеса для контроля и управления индустриальной системой являются решающими.

Веблен подверг критике мнение большинства экономистов, согласно которому мотивы прибыли являются основной движущей силой общественного развития. Он полагал, что гонка за прибылью становится препятствием технического и социального прогресса; а те бизнесмены, которые руководят промышленностью, фактически препятствуют ее развитию. В силу этого происходит расхищение ресурсов, перепроизводство товаров, недостаточное

использование оборудования, рост безработицы. На «финансовой ступени» капитализма обостряется противоречие между индустрией и бизнесом, который использует технический прогресс в интересах извлечения максимальной прибыли магнатами финансового капитала. Практика показывает, что внедрение новой техники и технологии требует финансовых затрат, которые окупаются не сразу, что тормозит скорейшее получение прибыли. Веблен подчеркивает, что машинная индустрия несовместима с быстрым ростом бизнеса, который не может в течение длительного времени сотрудничать и идти вперед вместе с машинной индустрией. Он полагает, что разрешить указанное противоречие может переход руководства бизнесом к техническим специалистам, которые являются противниками финансовой олигархии – главного тормоза социального прогресса.

В опубликованной в 1921 г. работе «Инженеры и система цен», которую экономисты назвали «манифестом технократии», Веблен призывает ликвидировать господство финансовой олигархии («праздного класса») и быстрее передать экономическую власть в руки технической интеллигенции. Материальное благосостояние общества напрямую связано с деятельностью индустриальной системы, над которой необходим необходим контроль со стороны инженеров, которые одни компетентны управлять ею.

Веблен связывает свои надежды с молодым поколением инженеров, которые не заражены психологией бизнеса, духом стяжательства. Поскольку многие технические специалисты стали «преданными финансистам лейтенантами», он полагает, что именно молодые специалисты должны перестроить индустриальную систему на новых началах. Они проведут всеобщую стачку, которая парализует промышленность и вынудит бизнес отступить и сдать свои полномочия. В более поздних своих работах Веблен писал, что такая всеобщая стачка вряд ли осуществима и что преобразования в экономике следует производить постепенно, путем реформ.

Некоторые экономисты называли Т. Веблена «американским Марксом» за его попытки построить технократическую модель «нового общества». Он утверждал, что технократия в первую очередь откажется от стяжательских устремлений финансистов, от свойственной им погони за прибылью. Переход к новому обществу должна осуществить группа производственных инженеров, которые будут руководить промышленным производством, двигать технический прогресс, используя его для общего блага, т.е. в интересах общества, а не крупного бизнеса.

Власть в новом обществе будет принадлежать генеральному штабу индустриальной системы, или «совету техников». Непосредственное управление производством будет возложено на объединенные по отраслям союзы инженеров, которые будут осуществлять плановое руководство производством, стремясь устранить диспропорции, а также производственные издержки, вызванные господством финансистов. Только эти союзы смогут эффективно распоряжаться ресурсами, оборудованием и рабочей силой, вследствие чего ускорятся темпы роста производства и установится справедливое распределение предметов потребления.

Упреждая кейнсианские идеи государственного регулирования рыночной экономики, Веблен еще в 1918 г. выступил за создание специального государственного органа (он его назвал «Управление доходами»), который осуществлял бы справедливое распределение доходов. Это учреждение, по его мнению, должно было стать важным шагом к осуществлению экономического планирования в целях уравнивания доходов, поддержания занятости, предотвращения расхищения ресурсов. «Управление доходами» было призвано обеспечивать справедливое и достаточное снабжение общества товарами и услугами.

Веблен в ряде работ указывал, что социализм связан с требованием рационального ведения хозяйства, однако его модель социалистической экономики фактически отрицала необходимость государственного управления экономикой, представляя собой самоуправляющуюся индустриальную организацию. Усматривая в социалистической революции в России технократические тенденции, подчеркивая, что большевизм является угрозой имущественным правам и привилегиям собственности, он, тем не менее, считал, что подобное, сделанное большевиками в России, невозможно в Америке. Советы победили потому, что русский народ не индустриализовался даже в отдаленной степени так, как его западные соседи. Поэтому Веблен считал невозможной социалистическую революцию в условиях высокоразвитого капитализма, полагая, что любая социальная революция в XX веке может быть побеждена или нейтрализована индустриальными путями и средствами.

В разгар «Великой депрессии» появилась книга учеников и последователей Т. Веблена Г. Минза и А. Берли «Современная корпорация и частная собственность» (1932), которые доказывали, что власть капитала исчезает или исчезла совсем вследствие отделения капитала-собственности от капитала-функции. Они связывали это обстоятельство с широким распространением акционерной формы предприятий, что создало необходимые условия для развития капитализма в направлении к новому общественно-экономическому строю.

Эти идеи были подхвачены американским экономистом Д. Бернхэмом, который в своей книге «Менеджеральная революция» (1948) пытался обосновать тезис об автоматической трансформации социальной структуры капитализма и потере капиталистами контроля над обществом вследствие перехода власти к организаторам производства, управляющим, которые руководят им вместе с инженерами. По его мнению, капиталистическое общество фактически исчезает вследствие самоустранения капиталистов от власти, и на смену им приходит новый государственный класс – администраторы. Союз трех групп: менеджеров, бюрократов и технократов является некапиталистическим по своей природе, так как не руководствуется стремлением к прибыли.

«Новый господствующий класс» может планировать экономику в целом, как это имеет место при социализме. Однако, в отличие от формы проявления последнего в бывшем СССР, в «менеджеральном обществе» на место частной

эксплуатации приходят «корпорационная» эксплуатация. А поскольку социализм суть разновидность «менеджерального» строя, то и социализм представляет собой эксплуататорский строй. Бернхэм трактовал государственную социалистическую собственность как собственность государственной бюрократии, «нового правящего класса». Его идеи легли в основу достаточно распространенной и популярной на Западе модели социализма как «государственного менеджериализма».

7. Философско-методологические основания теории «саморазрушения» капитализма Й. Шумпетера

Анализу экономических и общественных систем капитализма и социализма посвящены работы американского экономиста Й. Шумпетера (1883–1950). В наиболее известных из них «Капитализм, социализм, демократия» (1942) и «Социалистические возможности сегодня» (1951) он признавал возможность смены капитализма социализмом и подчеркивал ряд преимуществ последнего, в частности, создание сознательной дисциплины труда и мобилизация ресурсов накопления. Тем не менее, он заявлял, что не может признать русский опыт полновесной реализацией модели социализма.

Шумпетер с сожалением констатировал падение популярности капитализма в широких слоях общественности Запада, стараясь обратить внимание на такие его положительные качества, как развитие техники, науки и искусства, рост масштабов производства (главным образом товаров народного потребления), совершенствование социального законодательства, ликвидация бедности и др. Развивая концепцию механизма функционирования капиталистического хозяйства на основе новаторской деятельности предпринимателя, он выступает защитником крупных корпораций, подчеркивая их тенденцию к техническому и экономическому прогрессу, ведущую к трансформации, саморазрушению капитализма и к неизбежному переходу в социализм, который является его законным наследником. Шумпетер полагал, что общей закономерностью исторического процесса выступает постепенное, эволюционное «врастание» капитализма в социализм и что основной движущей силой социальных изменений является интеллигенция.

Главная предпосылка перехода в новое общество – уничтожение ряда социальных институтов в ходе развития капитализма. В первую очередь, в условиях современного капитализма, полагает Шумпетер, а именно в условиях бюрократизации, управления экономическим процессом теряет свое значение активная, творческая функция предпринимателя. На определенном высоком уровне развития производства и потребностей, а также по мере насыщения последних отпадает необходимость в увеличении производительности труда, и капиталистическая экономика из динамической превращается в статическую. Наряду с этим, в процессе концентрации крупной собственности в руках немногих магнатов финансовой олигархии и широкого развития акционерной формы приложения капитала происходят «испарение» и самоликвидация индустриальной собственности. Однако Шумпетер считал, что упадок экономической функции предпринимателя, разрушение свойственных

традиционному капитализму социальных слоев, подрыв капиталистической собственности и экономических стимулов приведут не только к саморазрушению капиталистической системы, но и к замедлению социального прогресса.

Смена капитализма социализмом представлялась Шумпетеру хотя и возможным, но не закономерным процессом. В этой связи он, стоя на позициях «новой социалистической школы», считает осуществление социализма практически возможным, если предположить, что, во-первых, достигнут необходимый уровень индустриального развития и, во-вторых, успешно решены проблемы перехода в новое социальное состояние. Шумпетер неоднократно подчеркивал, что социализм – это логическая конструкция, модель, доказательства эффективности которой может дать лишь будущее. Он выдвигает тезис о «культурной неопределенности социализма», сближающий его с позицией приверженцев концепции «множественности моделей социализма», согласно которой формы экономической организации социалистического общества, а также его политической и культурной надстройки могут быть самыми разнообразными.

Шумпетер придерживается распространенного взгляда, согласно которому существует рациональная общая логика экономического процесса, нейтральная по отношению к общественному строю. По его словам, имеет место «родственное сходство» социализма и капитализма, которое объясняется не тем, что социализм наследует отдельные элементы капитализма, а тем, что им обоим свойственна «общая логика рационального поведения», ведущая к определенному формальному сходству.

В книге «Капитализм, социализм и демократия» дано следующее определение социализма: «Социалистическим обществом мы будем обозначать институциональную систему, в которой контроль над средствами производства и над самим производством принадлежит какой-либо центральной власти, или ... в которой главные экономические интересы общества лежат в общественной, а не в частной сфере»⁹. По сути дела, перед нами модель «государственного капитализма», где частная собственность отсутствует, так как является категорией «коммерческого общества».

Шумпетер считает, что выдвинутое им положение о необходимости государственной формы общенародного обобществления средств производства противоречит теории марксизма-ленинизма. Сам факт абсолютного господства государственной собственности в СССР он рассматривал как свидетельство правоты ряда экономистов о прогрессирующей бюрократизации и о неизбежном переходе к «государственному социализму». Сам Шумпетер предлагал распространить государственный контроль только на крупные предприятия, а сельское хозяйство и прочие сферы экономики (торговля и некоторые отрасли промышленности) должны быть освобождены от опеки государства или его влияние должно быть ограниченным. Государственный контроль над экономикой вплоть до ее национализации постепенно может осуществиться в рамках существующего социально-экономического строя. Как отмечал Шумпетер, постепенная социализация в рамках капитализма,

представляющая собой его дальнейшее развитие, – дело не только возможное, но и наиболее вероятное. Сам капитализм имеет настолько известные сильные преимущества, что, говоря словами Шумпетера, «смертельно побеждает сам себя», уступая место социализму.

Новому состоянию экономики свойственна общая логика экономического выбора, способная дать оптимальные решения. Так, центральные плановые органы на основе наличной информации могут однозначно определить, что и в каком количестве следует производить. Регулятором, обеспечивающим экономический оптимум, по мнению Шумпетера, должен быть механизм рыночных цен, ориентированных на предельные издержки. В сфере потребительских товаров этот механизм должен действовать стихийно, автоматически, т.е. цены на предметы потребления должны колебаться в соответствии с колебаниями спроса и предложения и динамикой запасов.

В сфере производства, где факторы и средства производства товарами не являются, оптимальное распределение ресурсов достигается при имитации плановыми органами рыночного механизма. Шумпетер отмечал, что в условиях капитализма каждое предприятие какой-либо отрасли промышленности, находящейся в условиях совершенной конкуренции, знает, что и в каком количестве оно должно производить, если известны технические возможности, реакция потребителей (их вкусы и доходы) и цены на средства производства. Точно так же и в условиях социализма отраслевые органы управления будут знать, что им производить и какое количество факторов производства они должны «купить» у центрального органа управления, если эти «цены» объявлены и если потребители сообщили о своем «спросе». Отраслевые управления могут расширять производство тех благ, «цена» которых превышает предельные издержки, и, наоборот, сокращать производство на тех предприятиях, где «цены» не покрывают предельных издержек. Тем самым обеспечиваются оптимальные размеры производства всех видов продукции.

Шумпетер полагал, что единственно возможной формой связи между производством и распределением является рынок, причем формы распределения не зависят от политического устройства общества и произвольны с экономической точки зрения. Рассматривая вопросы личного потребления, он, например, предлагает рассматривать членов социалистического общества как владельцев акций, своеобразных трудовых сертификатов, дающих право на получение определенного количества потребительских товаров. Покупательная способность каждой акции определяется соотношением между имеющимся количеством товаров и совокупной потребностью в них. По мысли Шумпетера, таким образом может быть реализован принцип одинаковой доли всех членов общества в потреблении данного продукта, при этом он категорически выступает против выравнивания доходов.

По сути дела, Шумпетер выдвигал модель «смешанного социалистического хозяйства», решающими критериями которой являлись прибыль и рентабельность экономики. Анализируя сравнительную экономическую эффективность социализма и капитализма, он полагал, что

социалистическая экономика статична, неизменна, в ней все повторяется и ничего не происходит. Однако социализм с точки зрения экономической эффективности имеет ряд преимуществ перед капитализмом. Так, социализм ликвидирует наличие нетрудовых элементов, а планирование научно-технического прогресса, систематическая координация и распределение новых инвестиционных проектов приводят, по мнению Шумпетера, к устранению причин циклических колебаний в экономике.

Необходимым условием эффективного функционирования социалистической экономики Шумпетер считает использование опыта «динамического предпринимателя», капитанов бизнеса, которых он рассматривает как представителей творческой элиты современности. Необходимо, чтобы буржуазии и при социализме разрешили выполнять ту работу, к которой она по традиции имеет способности, сделать так, чтобы для руководящих должностей существовал метод отбора, основанный на критериях, не дискриминирующих представителей буржуазии.

8. Философские аспекты модели «центрально управляемого хозяйства»

Разработка данной модели связывается с именем основоположника неолиберализма, видного немецкого экономиста В. Ойкена. В своих работах, опираясь на методологические принципы социальной философии М. Вебера, он разработал понятия «идеальный тип хозяйства», «хозяйственный строй», «центрально управляемое хозяйство», «свободное рыночное хозяйство».

Развивая учение об «идеальных типах хозяйственной организации», Ойкен пытался рассмотреть всю систему экономических связей в целом путем анализа индивидуального хозяйства в лице конкретных предприятий, домашних хозяйств и плановых органов. На основе микроэкономического подхода он рассматривал целесообразные действия предприятий и домашних хозяйств в «свободном рыночном хозяйстве» как плановые действия.

Ойкен различает два «идеальных типа» – «центрально управляемое хозяйство» и «свободное рыночное хозяйство». В последнем хозяйствующие субъекты связаны друг с другом через рынок. В центрально управляемом хозяйстве такая координация осуществляется из единого центра: горизонтальная координация действий отдельных звеньев хозяйства заменяется их подчинением центральному органу управления, т.е. субординацией.

«Хозяйственный строй» – это комбинация указанных двух типов хозяйства. Причем, если преобладает «центрально управляемое хозяйство», то имеет место «центрально управляемый хозяйственный строй» и наоборот. В этом плане Ойкен предлагал отказаться от неточных, с его точки зрения, понятий «капитализм» и «социализм» и заменить марксистскую категорию «общественно-экономическая формация» понятием «хозяйственный строй», который рассматривается им как комбинация неизменных «идеальных типов хозяйственной организации» на различных ступенях экономического развития. Ойкен специально подчеркивал, что каждое изменение хозяйственной организации влечет за собой изменение хозяйственного строя, но не каждое

изменение хозяйственного строя ведет к изменению хозяйственной организации.

Развивая теорию «центрально управляемого хозяйства», Ойкен рассматривает следующие его формы: 1) тотальное; 2) со свободным обменом потребительских товаров; 3) со свободным выбором потребителя; 4) со свободным выбором профессии и рабочего места. Первая форма является экстремальной формой центрально управляемого хозяйства, в ней оно находит свое наиболее законченное выражение. Центрально управляемое хозяйство характеризуется высокой степенью централизации планирования, единственным субъектом которого выступает центральный плановый орган. Экономические связи между предприятиями в этом хозяйстве полностью вытесняются административными вертикальными связями центра с предприятиями. Считая централизованное управление исключительно формой экономической политики государства, Ойкен рассматривал централизованное регулирование хозяйства в индустриально развитых странах как перенесение уже известных из истории централизованных форм управления (например, в Египте и государстве инков) на современный экономический процесс.

Исходя из того, что планирование при социализме осуществляется из единого центра, Ойкен относил социалистическое хозяйство к «центрально управляемому». Отрицая экономическую обособленность первичных звеньев хозяйства, он рассматривал централизованное управление в форме сверхцентрализации, исключающей всякую экономическую самостоятельность предприятий и их объединений. Сверхцентрализация управления предполагает, что все процессы общественного воспроизводства, вплоть до мельчайших деталей, определяются из единого центра и только им. Экономическое управление при социализме осуществляется на основе глобальных, а не индивидуальных оценок, вследствие чего рациональное ведение хозяйства становится невозможным. Характерной чертой всякого «центрально управляемого хозяйства», по мнению Ойкена, является разрыв высшего и низшего уровней планирования, что с неизбежностью обуславливает нарушение производственного процесса на отдельных предприятиях и делает невозможным для центральных плановых органов точный расчет затрат. В этой связи он изображал разработку планов как перенесение цифр из старых планов в новые, нередко без предварительной проверки.

Помимо этого, Ойкен отмечает, что центральное управление и его плановые органы совершенно не учитывают задач удовлетворения индивидуальных потребностей. Потребители фактически не влияют на производство в социалистическом хозяйстве, поскольку центральные органы, во-первых, планируют завышенную долю накопления и, во-вторых, не могут правильно определить структуру потребления. В то же время потребности, по мнению Ойкена, составляют основу данных хозяйственного плана, который формируется в соответствии с определенными эмпирическими правилами, поскольку законов, по которым вынуждена развиваться история и хозяйственная политика, мы не знаем. Он считал эмпирические правила общими как для «свободного рыночного хозяйства», так и для «центрально

управляемого хозяйства», изучение которого позволяет лучше понять функционирование «свободного рыночного хозяйства».

Признавая связь собственности с социально-экономическим строем общества, Ойкен утверждал, что общественная собственность на средства производства и централизованное планирование несовместимы с экономической свободой и справедливостью, поскольку коллективная собственность порождает в более высокой степени и острой форме возможность социальной несправедливости, нежели частная собственность. Для социализма характерно постоянное отсутствие равновесия в экономике, что ведет к хронической необеспеченности широких слоев населения, которые, несмотря на полную занятость, недостаточно снабжаются предметами потребления. Недостаток товаров широкого потребления, по мнению Ойкена, является главной социальной проблемой социализма.

Характерным признаком «центрально управляемого хозяйства» является инфляция, которая, полагает Ойкен, выступает главной предпосылкой централизованного планирования. Он писал, что в центрально управляемом хозяйстве нет равновесия в сфере денежного обращения, так как в странах с центральным руководством хозяйственным процессом на длительное время пускается в оборот большее количество денег, чем необходимо для реализации товаров по установленным ценам. Все сказанное отрицает возможность бесперебойного эффективного функционирования социалистической экономики, вследствие чего она обречена на неминуемую гибель.

9. Теория «логической и практической неосуществимости социализма»

Признанными лидерами и активными защитниками этой теории являлись Людвиг фон Мизес и Фридрих Хайек – представители венской школы анτισоциализма. В вышедшей в 1936 г. книге «Социализм. Экономический и социологический анализ» получили развитие идеи Мизеса о невозможности рационального использования ресурсов, а следовательно, эффективного функционирования социалистического хозяйства. Выдвинутые Мизесом положения легли в основу дискуссии об экономическом расчете при социализме.

В соответствии с неоклассической традицией Мизес считает свободное предпринимательство наиболее эффективной формой ведения хозяйства, так как оптимальная пропорциональность в распределении ресурсов, обновление капитала, удовлетворение потребностей осуществляются только при наличии частной собственности и при посредстве стихии рынка. «История учит нас лишь одному, – писал Мизес, – что частная собственность на средства производства является необходимым реквизитом цивилизации и материального благосостояния»¹⁰. В условиях частной собственности блага находятся в руках тех, кто лучше знает, как их использовать. Таким образом, она наиболее желательна с точки зрения счастья общества, мира, свободы и производительности, предпочтительна главным образом общими интересами, а не интересами собственников.

Мизес отрицал историческое значение победы революции в России для теории и практики социализма. Он полагал, что советский опыт не может служить доказательством в пользу социализма, так как может быть истолкован различно, и сам по себе не говорит ни о чем.

Методологической базой теории «логической и практической неосуществимости социализма» является субъективный подход, согласно которому рациональная экономическая деятельность есть, прежде всего, индивидуальное действие. Сама же экономическая теория является частью более универсальной науки – праксеологии, представляющей собой философское учение об общей логике всякого рационального действия, направленного на максимизацию какой-либо величины.

Суть любой экономической деятельности, полагает Мизес, составляет осуществление актов обмена одних благ на другие. В основе этих актов лежит сопоставление полезности потребительских благ и тяжести труда. Мерилом эффективности экономической деятельности является меновая ценность (аналог понятия «меновая стоимость» в марксистской политэкономии), которая выступает как равнодействующая индивидуальных субъективных оценок участников купли-продажи, складывающаяся только стихийно и в условиях частной собственности на средства производства. Отсюда логически следовал вывод в отношении экономики социализма: поскольку в условиях господства общественной собственности на средства производства нет стихийного рынка, постольку в социалистическом обществе отсутствует объективный критерий соизмерения затрат и результатов производства, а решения плановых органов носят произвольный характер.

Мизес выдвигает альтернативу: «план или рынок». Главной целью социализма, по его мнению, является ликвидация рынка и переход к экономике натурального хозяйства. Отсюда вытекает возможность и необходимость составления социалистическим обществом народнохозяйственного плана только в натуральных показателях и осуществления всех расчетов в натуре. Причем расчет в натуре не может быть редуцирован к некоей единой мере. Если же попытаться использовать для расчета ценовой механизм, то это является прямым заимствованием у рыночной экономики и является чуждым для экономики социализма.

В концепции Мизеса важное место занимает тезис об отсутствии в условиях социализма рынка и цен на средства производства, хотя признается существование рынка и цен на предметы потребления. Рынок и цены средств производства присущи лишь капитализму, где действует конкурентная борьба за факторы производства. Поскольку при социализме рынок факторов производства (труда, капитала, земли) отсутствует, то отсутствует и подлинно экономический механизм вообще. Отсюда следует, что хозрасчет социалистических предприятий невозможен, так как без рынка и образующихся на нем цен на средства производства невозможны подсчет издержек производства, сравнение результатов производства с затратами. В условиях социализма расчет трудовых затрат может производиться лишь в единицах рабочего времени, следовательно, хозрасчет при социализме невозможен.

Социалистические предприятия, по мнению Мизеса, не имеют побуждений к изменению производства, а потому являются «мертворожденной ячейкой экономического организма», поскольку у них отсутствуют частнохозяйственные интересы и стимулы.

Доказательство невозможности эффективного функционирования социалистической экономики на предприятии дополняется доказательством невозможности эффективного функционирования социализма и на уровне народного хозяйства. Мизес считает, что в условиях господства общенародной собственности невозможно осуществление экономического принципа достижения наилучших результатов при наименьших затратах, а это неизбежно ведет к хозяйственному хаосу. Он предсказывает проедание капитала, нарушение нормальной кооперации труда и т.д., что на деле ведет к ликвидации рациональной экономики, разрушению того, что было создано тысячелетиями цивилизации.

Последователи Л. Мизеса пытались смягчить радикальные положения его концепции, исходя из которых он доказывал, что всякая попытка создать действующую рациональную социалистическую экономику обречена на провал.

Определенные уточнения и конкретизации в концепцию Мизеса попытался внести Ф. Хайек, который полагал, что вывод первого о невозможности социализма является случайным и что Мизес имел в виду только невозможность экономического расчета при социализме. Сам Хайек также отрицал практическую осуществимость социализма, но признавал теоретическую возможность рационального распределения ресурсов в социалистической экономике. Под теоретической возможностью понималась возможность нахождения системы уравнений равновесия, описывающей статическое состояние социалистической экономики. Однако практически такую систему уравнений решить невозможно, поскольку это потребует составления миллионов уравнений на основе миллионов статистических таблиц, основанных в свою очередь на миллионах других уравнений. Причем ко времени, когда эти уравнения будут решены, информация, на основе которой они составлены, устареет, и все необходимо будет считать заново. Ведь экономические показатели имеют тенденцию к увеличению в силу развития потребностей и постоянно изменяются. Кроме того, указывает Хайек, принимая такие решения «приходится все время иметь в виду сложный баланс различных индивидов и групп. В конце концов кто-то находит основания, чтобы предпочесть одни интересы другим... Так рождаются привилегии, возникает неравенство, навязанные правительственным аппаратом»¹¹.

Хайек выдвигает тезис о более низкой эффективности социалистического производства по сравнению с капиталистическим, поскольку там, где использование ресурсов определяется центральным органом, продукции будет меньше, чем в условиях действия рыночного механизма цен при прочих равных условиях. Стихийный рынок имеет то преимущество, что там происходит автоматическая координация экономических показателей, тогда как

централизованная экономика является невероятно громоздкой, примитивной и ограниченной по своим масштабам.

Л. Мизес и Ф. Хайек положили начало трактовке планового социалистического хозяйства как «командного», в котором отсутствует экономический механизм, а связи между отраслями и предприятиями осуществляются по «команде» центральных органов, т.е. носят чисто административный характер. Согласно такому пониманию, воплощенный в жизнь социализм по сути своей является бюрократическим, что ранее предсказывал в своих трудах М. Вебер.

10. Методологические основания неоклассических экономических теорий

Оппонентами теории «логической и практической неосуществимости социализма» выступила группа экономистов, куда входили А. Пигу, А. Лернер, Г. Дикинсон, О. Ланге. Эти экономисты, стоя на левом фланге буржуазной демократии, признавая в целом теоретическую возможность оптимального распределения ресурсов в капиталистической экономике, вместе с тем полагали, что в ней народнохозяйственный оптимум не реализуется.

Теоретик кембриджской школы экономики А. Пигу в работе «Социализм против капитализма» (1937) усматривал причину этого в господстве монополий, расточительстве, неравномерности распределения доходов и ресурсов в пользу зажиточных классов и др. Он признавал преимущества социализма перед капитализмом в области стимулирования труда, обеспечения полной занятости, мобилизации ресурсов для накопления, а также в сфере просвещения и здравоохранения. При этом он прямо ссылаясь на практический опыт СССР и подчеркивал необходимость его использования в жизни государств с товарно-рыночной экономикой. Как писал А. Пигу, «я высказался бы за общую структуру капитализма, но постепенно изменял бы ее через систему налогообложения для уменьшения неравенства имуществ и возможностей, я использовал бы страницу из книги "Советская Россия" для увеличения вложений в здравоохранение и просвещение»¹². Будучи сторонником кейнсианства, он фактически призывал к реформированию капиталистической экономики, к использованию в ее рамках отдельных достижений советской экономики. Пигу поддерживал тезис о множественности вариантов социализма, подчеркивая, что и капитализм, и социализм включают большое число моделей, различающихся своими основными чертами.

Пожалуй, наиболее ярким представителем рассматриваемой нами теории является американский экономист А. Лернер. В своей книге «Контролируемая экономика» (1944) он характеризует экономику развитых стран как антиколлективистскую, так как существующие там экономические институты по сути дела игнорируют интересы общества. Лернер конструирует модель «контролируемой экономики», где ставятся следующие задачи: 1) использование всех наличных ресурсов (прежде всего трудовых); 2) уменьшение неравенства доходов и богатства; 3) ликвидация монополий со свойственной им эксплуатацией и расточительством. Он именовал

«контролируемую экономику» еще и «прагматическим коллективизмом», что по сути означало отказ от трактовки как коллективизма, так и частного предпринимательства в качестве принципов организации общества и признание их обоих как одинаково правомочных средств организации самой экономики. По-видимому, это один из первых вариантов теории «конвергенции», получившей широкое распространение в 60-е годы.

Лернер вовсе не против либерализации в экономике, так как, по его мнению, свободная конкуренция может и должна доминировать там, где это возможно, а коллективная организация допустима в том случае, если конкуренция по техническим причинам оказывается невозможной. Контроль государства над экономикой – это, по мнению Лернера, самостоятельный фактор, независимый от формы собственности на средства производства и способный подчинить деятельность частных предприятий удовлетворению интересов общества. Регулирующая роль государства в экономике состоит в том, чтобы использовать свой контроль с целью установления в каждом отдельном случае господства такой формы собственности (частной или государственной), которая наилучшим образом служит интересам общества.

Лернер вслед за А. Пигу разрабатывал «экономiku благосостояния», согласно которой максимум благосостояния – это максимум полезности, т.е. совокупного удовлетворения потребностей всех индивидов, достигаемый при таком распределении их доходов, которое уравнивает предельную полезность последних. Механизмом, автоматически реализующим такое оптимальное распределение, является совершенная конкуренция. При этом перераспределение доходов выступает главным фактором, обеспечивающим максимум полезности. Лернер признавал, что принцип распределения доходов по потребностям чреват злоупотреблениями и неравенством, и специально подчеркивал, что предельные полезности доходов различных индивидов несоизмеримы. Поэтому он высказывался в пользу распределения доходов по принципу равенства, предполагая, что именно в этом случае достигается максимум вероятного всеобщего благосостояния.

Английский экономист Г. Дикинсон в книге «Экономическая теория социализма» (1939г.) исходил из того, что сам рыночный механизм способен решить проблемы оптимального распределения ресурсов и достижения экономического равновесия. Однако этому в условиях капитализма препятствуют два фактора – привилегии и эксплуатация. Дикинсон полагал, что частная собственность на все вещественные средства производства, в том числе и на естественные ресурсы, является преградой для полного использования мировых ресурсов на пользу человечества. Вместе с тем, необходимо сохранить самую сильную сторону капиталистической экономики – рыночную конкуренцию.

Полагая, что капиталистическое общество является несовершенным приближением к экономическому идеалу, Дикинсон предпринял попытку разработки модели экономики социализма («конкурентного социализма»), основанной на индивидуальной концепции благосостояния, предполагающей, что распределение ресурсов общества должно осуществляться на основе

индивидуальных предпочтений миллионов отдельных экономических субъектов. В этом смысле социализм представляет собой общество, которое, по словам Дикинсона «может впервые в истории установить эффективный индивидуализм». Индивидуализм предполагает микроэкономический подход к экономическому процессу, где основной приоритет принадлежит интересам отдельных экономических единиц: семей и предприятий.

Что касается центрального планового органа, то, по мнению Дикинсона, он в основном должен ограничиваться делением национального дохода на фонды накопления и потребления и разработкой правил поведения для управляющих фирмами. Плановый орган должен давать только общие директивы, не препятствуя свободному ценообразованию и распространяя свои функции на небольшое число наиболее значимых отраслей экономики.

Развивая идею «децентрализованного социализма», Дикинсон исходит из того, что экономическая деятельность ведется множеством отдельных органов коллективистской экономики, независимых в финансовом отношении друг от друга и управляемых так же, как и отдельные предприятия при капитализме. Главным координатором экономической деятельности здесь должны быть цены и издержки производства, а не директивные указания «сверху».

Несколько отличных взглядов на экономику социализма придерживался польский экономист О. Ланге. В работе «Об экономической теории социализма» (1938) он рассматривал три варианта ликвидации противоречий капитализма: либо переход к социализму, либо возврат к экономике свободной конкуренции, либо государственный контроль над производством и капиталовложениями. По мнению Ланге, возврат к капиталистической экономике свободной конкуренции невозможен вследствие крупных размеров современных предприятий. Если ввести государственный контроль над производством и инвестициями при господстве частной собственности, то это было бы планированием, которое происходило бы под контролем со стороны корпораций и банков и в их интересах. Ланге выдвигал идею ликвидации частной собственности на средства производства, что только и может устранить монополии, рестрикционизм и прочие негативные явления рыночной экономики. Следовало бы, по его мнению, как можно скорее осуществить переход к социализму, произвести немедленную и быструю социализацию крупной промышленности и банков.

Ланге представил три модели регулирования пропорций производства. В первой модели они устанавливаются исходя из суверенитета потребителей и реальных цен на рынке потребительских товаров. Во второй – допускается свобода выбора потребителей и используются рыночные цены для распределения потребительских товаров, но пропорции в их производстве и распределении устанавливаются на основе расчетных цен и шкалы предпочтений центрального планового органа. В третьей модели свобода выбора потребителей и свобода выбора рабочего места отсутствуют, все цены носят расчетный характер, распределение ресурсов осуществляется на основе решений и оценок центрального планового органа, потребительские товары распределяются путем нормирования и рациирования.

Ланге усматривает специфику социализма в характере распределительных отношений. Подчеркивая преимущества социализма, он считал оптимальное распределение доходов решающим условием для экономического равенства всех членов общества. Суть в том, что в социалистическом обществе отсутствует нетрудовые доходы, которые при капитализме служат экономической формой реализации частной собственности на естественные ресурсы, землю, производственные фонды, денежные фонды накопления, т.е. на объективные факторы производства. Еще одним важным преимуществом социализма Ланге считал доступность информации об экономических данных и возможность учета на ее основе всех альтернативных комбинаций факторов производства. Это делает невозможными спады спроса и производства, позволяет избегать циклических колебаний и кризисов при социализме.

Поскольку Ланге в своих моделях предполагал отсутствие стихийного рынка средств и факторов производства, его функции переходили к центральному плановому органу, действия которого должны воспроизводить или имитировать механизм рыночной конкуренции. Таким образом, этот орган опытным путем, методом последовательных приближений (методом итераций) должен устанавливать цены на средства производства и определять тот ценовой уровень, при котором спрос равен предложению. Остальные расчеты призваны осуществлять руководители отраслевых объединений и предприятий, пользуясь правилами, установленными центральным плановым органом. Одним из этих правил может быть, например, минимизация совокупных издержек производства, которая должна обеспечить оптимальное использование факторов производства в самом производственном процессе. Другим правилом может быть требование равенства цен предельным издержкам, на основе чего можно установить оптимальные размеры производства. Последнее требование призвано, по мнению Ланге, выполнять в социалистической экономике такую же функцию, какую выполняет при свободной конкуренции перелив капитала из одной отрасли в другую, и между отраслями должна происходить конкурентная борьба за использование рынка ресурсов. Причем плановые органы обязаны так устанавливать на них цены, чтобы эти ресурсы направлялись в те отрасли, которые в состоянии уплатить за них по этим ценам.

Кратко остановимся на некоторых идеях других представителей «новой социалистической школы» (Р. Моссе, Ф. Тейлора, Э. Хеймана, Р. Холла и др.), которые касаются различных сторон и критериев теоретической возможности практической реализации моделей социалистической экономики.

Одной из центральных была проблема экономической эффективности социализма. Оппоненты Л. Мизеса и Ф. Хайека стремились доказать осуществимость при социализме хозяйственного расчета, т.е. возможность рационального использования ресурсов, и делали вывод, что социализм превосходит капитализм по экономической эффективности или, во всяком случае, не уступает ему. Однако при этом они либо фактически отрицали существование специфических экономических форм и законов социализма, либо конструировали его хозяйственный механизм по образу и подобию

товарно-рыночной экономики. Реальный хозяйственный механизм мыслился ими как основанный на объективных экономических отношениях со связями стихийного рынка. И поскольку при социализме фактически отсутствует свободный рынок факторов производства (капитала, земли, труда), то хозяйственный механизм в этом случае, по мнению большинства сторонников «новой социалистической школы», является имитацией «нормальной» экономики. Единственно реальными в социалистической экономике являются товарно-денежные связи между поставщиками предметов потребления и их потребителями. Однако средства производства не являются товаром, так как в условиях социализма как производственные фонды, так и продукция предприятий, производящих средства производства, не совершают реальный экономический оборот.

Главной экономической единицей хозяйственной деятельности при социализме, первичным звеном признается отрасль, т.е. объединение предприятий в масштабе отрасли. При этом, однако, отрицается хозрасчетный характер их отношений с обществом в целом. Специфика социализма усматривается в отсутствии реального экономического оборота и экономических связей между первичными звеньями хозяйства. Единственно возможными признается механизм конкуренции как регулятор экономики социализма.

«Новая социалистическая школа» опирается на тезис об «идентичности экономических функций при капитализме и социализме», а потому социалистическая система, чтобы быть рациональной, т.е. свободной от произвольных и насильственных искажений, должна применять в особых формах общие законы экономической теории. В условиях же реального социализма (например, в СССР) обыкновенные экономические отношения отсутствуют и все происходящее в экономике носит полностью произвольный характер. Отсюда следует, что если центральный орган власти навязывает обществу определенные формы экономической деятельности, то он может навязать все, что в его силах провести в жизнь.

Что касается цели производства, то, как полагают, она в социалистическом государстве задается центральным плановым органом и существует независимо от производственных отношений. Существует множество целей хозяйственного развития при социализме, откуда вытекает и множество моделей социализма. В частности, предполагается, что теоретически может существовать два типа плановой экономики: с общественной собственностью и без нее.

Представители рассматриваемой школы в своем большинстве отрицали определяющее значение собственности на средства производства для хозяйственного механизма социализма. На основе объективного факта отделения собственности на средства производства от управления и перехода власти к управляющим был сделан вывод, что при эффективном централизованном контроле над экономикой собственность общества на средства производства или вовсе не является условием, необходимым для осуществления коллективного присвоения, или приобретает второстепенное

значение. Предпринимательские функции переходят при социализме к экономическому административному органу, вследствие чего факт наличия частной собственности постепенно становится несущественным. Тем не менее, она должна сохраниться и играть важную роль на всех стадиях развития социалистического хозяйства и, главным образом, в мелкой промышленности, в ремесленном производстве и в сельском хозяйстве. В этом смысле социализации не подлежат те сектора экономики, которые удовлетворяют трем условиям. Первое из них – господство свободной конкуренции; второе – небольшие размеры частного капитала; третье – продукция мелких предприятий должна быть не дороже продукции крупных.

Процесс распределения национального дохода при социализме, по мнению представителей «неоклассической экономической теории социализма», осуществляется произвольно и в соответствии со следующей схемой: сначала между факторами производства, а затем денежные доходы перераспределяются между обществом и его членами. В конечном счете, эти деньги поступают в личное распределение в виде социального дивиденда, который не зависит от личного вклада каждого члена общества. Сам социальный дивиденд выступает, прежде всего, как вспомогательный механизм выравнивания денежных доходов, так как каждый индивид должен получить свою долю из общественного фонда потребления, образованного за счет доходов факторов производства, принадлежащих обществу. Таким образом, достигается экономическое равенство путем выравнивания денежных доходов через сферу распределения.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы философские основания учений классиков политэкономической мысли?
2. Каковы методологические основания марксистского экономического учения?
3. Какое значение для обоснования экономических моделей имеют категории «идеального типа» и «рациональности» в работах М. Вебера?
4. Каковы философско-методологические идеи модели экономического социализма М.И. Туган-Барановского?
5. В чем заключаются методологические идеи философии экономики А.В. Чаянова и Н.Д. Кондратьева?
6. Каковы философско-методологические основания «технократической» модели экономики? В чем их отличия от идей «менеджеральной» модели экономики?
7. Каковы философско-методологические основания теории «саморазрушения» капитализма Й. Шумпетера?
8. В чем заключаются философские аспекты модели центрального управления экономикой?
9. Какова методологическая основа теории логической и практической осуществимости социализма?

10. Каковы методологические основания неоклассических экономических теорий?

Заключение

Рассмотренные в данном учебном пособии вопросы истории и философии науки убедительно свидетельствуют о важности формирования философско-методологической культуры исследователя. Перед исследователем всегда стоят две важнейшие проблемы: *что* исследовать и *как* исследовать. Интуитивное видение этих проблем, оправданное лишь на первых этапах исследования, должно быть дополнено философско-методологическим анализом. Ответ на вопрос *что исследовать* предполагает четкое выявление предметной области исследования, не тождественной реально существующему объекту, ибо объект по своей природе многогранен и может изучаться множеством разных наук. Поэтому определение предметной области исследования всегда являлось и будет являться труднейшей теоретико-познавательной задачей науки. Решив данную задачу, наука обретает свою дисциплинарную самостоятельность.

Ответ на второй вопрос *как исследовать*, несомненно, является ключевым для науки. Решение этого вопроса свидетельствует о достигнутой степени зрелости научного познания. Современная философская и научная мысль располагает знанием о множестве методов и средств познавательной деятельности. Но это не означает того, что перед конкретной наукой вновь и вновь не возникает вопрос о методах и средствах познания, ибо метод определяется как природой исследуемого объекта, так и познавательными задачами, уровнем зрелости методологической рефлексии, а также зрелости самой науки.

Вступающим в науку необходимо будет самим дать ответы на множество возникающих перед ними по мере проведения научного исследования (им и является кандидатская диссертация) вопросов, проблем. Цель данного пособия состояла в том, чтобы оказать помощь молодым исследователям, познакомить их с содержанием философско-методологической рефлексии, с тем опытом, который накоплен в философии науки, философии права и философии экономики.

Примечания

Раздел I

Глава 1

¹ См.: Лебедев С.А. Структура и развитие научного знания // Философия: проблемный курс. Учеб. – М., 2002. – С. 156.

² Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – М., 1988. – С. 51–52, 74.

³ См.: Элиаде М. Азиатская алхимия. – М., 1998.

⁴ Цит.: Философско-религиозные истоки науки. – М., 1997. – С. 97.

⁵ Визгин В. П. Герметизм, эксперимент, чудо: три аспекта генезиса науки Нового времени // Философско-религиозные истоки науки. – М., 1977. – С. 106.

⁶ Вернадский В.И. Живое вещество и биосфера. – М., 1994. – С. 26–27.

- ⁷ Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – М., 1988. – С. 58.
- ⁸ Бэкон Ф. Соч: В 2 т. – М., 1972. – Т. 2. – С. 514.
- ⁹ См.: Декарт Р. Правила для руководства ума // Избр. Произв. – М., 1950.
- ¹⁰ См.: Кант И. Критика чистого разума. – Симферополь, 2003. – С. 36.
- ¹¹ См.: Там же. – С. 97–98.
- ¹² Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. – М., 1974. – С. 57.
- ¹³ Там же. – С. 58.
- ¹⁴ Там же. – С. 59.
- ¹⁵ Там же. – С. 98.
- ¹⁶ Цит.: Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб., 1997.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. – С. 253.
- ¹⁹ Джемс В. Прагматизм. – СПб., 1910. – С. 126.
- ²⁰ См.: Стеклова И.В. Автономность и сингулярность в науке. – Саратов. 2002. – С. 5–25.
- ²¹ См.: Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М., 1988. – С. 63–191.
- ²² См.: Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры, искусства: В 2 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 47–76.
- ²³ Там же. – С. 48.
- ²⁴ Там же. – С. 50.
- ²⁵ См.: Павлова Т. П. История науки: Проблема поиска парадигмы // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Научные труды гуманитарного факультета. – М., 2003. – С. 42–49.
- ²⁶ Койре А. Очерки истории философской мысли. – М., 1985. – С. 279.
- ²⁷ Дунь Луи. Методологические проблемы историко-научного исследования // Вопросы истории естествознания и техники. – 2000. – № 3. – С. 94.
- ²⁸ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 486.
- ²⁹ Наука России на пороге XXI века: проблемы организации и управления. М., 2000. – С. 3.

Глава 2

- ¹ Аргуэльес Хозе. Фактор майя: Пер с англ. Киев; – М., 2002. – С. 176–177.
- ² Там же, – С. 178.
- ³ См.: Степин В.С., Розов М.А., Горохов В.Г. Философия науки и техники. – М., 1995.
- ⁴ См.: Домников С.Д. Мать-земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. – М., 2002.
- ⁵ Там же. – С. 12.

⁶ Тюрюканов А.Н., Федоров В.М., Н.В. Тимофеев-Ресовский: Биосферные раздумья. – М., 1996. – С. 60.

⁷ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1999. – С. 339.

⁸ Там же. – С. 345.

⁹ Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. – М., 1980. – С. 246.

Глава 3

¹ См.: Кузнецова Н. И. Статус и проблемы истории науки // Философия и методология науки. – Ч.11. – М., 1994. – С. 35–38.

² См.: Нейгейбауэр О. Точные науки в древности. – М., 1968.

³ Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1986. – С. 313.

⁴ См.: Кириллин В.А. Страницы истории науки и техники. – М., 1986. – С. 67.

⁵ Галилей Г. Избранные труды. – Т. 11. – С. 233.

⁶ Цит.: Курашов В.И. Познание природы в интеллектуальных коллизиях научных знаний: Научная мысль России на пути в XXI век. – М., 1995. – С. 11.

⁷ См.: Степин В.С., Розов М.А., Горохов В.Г. Философия науки и техники. – М., 1995. – С. 279.

Глава 4

¹ См.: Лебедев С.А. Структура и развитие научного знания // Философия: проблемный курс. Учеб. – М., 2002. – С. 154–155.

² Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988. – С. 115.

³ Там же.

⁴ Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. – М., 1997. – С. 322.

⁵ См.: Деникина З.Д., Захаров А.П., Кузнецов М.А., Старченко Н.Н. Научная проблема: Учеб. пособие. – М., 2005.

⁶ См.: Степин В.С., Розов М.А., Горохов В.Г. Философия науки и техники. – М., 1995.

⁷ Тюрюканов А.Н. Избранные труды. – М., 2001. – С. 284–291.

⁸ См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992.

⁹ См.: Еремеев В.Е. Чертеж антропокосмоса. – М., 1993.

¹⁰ См.: Степин В.С., Розов М.А., Горохов В.Г. Философия науки и техники. – М., 1995. – Гл. 8.

¹¹ См.: Философия и методология науки: Учеб. пособие. – Ч.1-2. – М., 1994.

¹² См.: Степин В.С., Розов М.А., Горохов В.Г. Философия науки и техники. – М., 1995. – Гл. 8.

¹³ Там же.

Глава 5

¹ См.: Степин В.С., Розов М.А., Горохов В.Г. Философия науки и техники. – М., 1995. – Гл. 9.

² См.: Тюрюканов А.Н. Избранные труды. – М., 2001.

³ См.: Степин В.С., Розов М.А., Горохов В.Г. Философия науки и техники. – М., 1995. – Гл. 9.

⁴ Тюрюканов А.Н. Избранные труды. – М., 2001. – С. 124–133.

⁵ Докучаев В.В. Соч: В 7 т. – М.;-Л., 1953. – Т. 6. – С. 398–399.

⁶ Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. – М., 1980. – С. 99.

⁷ Там же. – С. 101.

⁸ См.: Степин В.С., Розов М.А., Горохов В.Г. – Философия науки и техники. – М., 1995. – Гл. 9.

Глава 6

¹ См.: Джеймонат Людовико (Италия). К проблеме рационального развития науки // Вопросы истории естествознания и техники. – 1983. – №1. – С. 3–5.

² См.: Кун Т. Структура научных революций. – М., 2001. – С. 83.

³ Там же. – С. 72.

⁴ См.: Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. – М., 2000. – С. 280.

⁵ Там же. – С. 273.

⁶ Поппер К. Логика и рост научного знания. – М., 1983. – С. 351.

⁷ Лататос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Т. Кун. Структура научных революций. – М., 2001. – С. 323.

⁸ Там же. – С. 329.

⁹ Там же. – С. 350.

¹⁰ См.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988. – С.72.

¹¹ Там же. – С. 73.

¹² Там же. – С. 86.

¹³ Там же. – С. 74.

¹⁴ Там же. – С. 91.

¹⁵ См.: Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – М., 1988. – С. 80–174.

¹⁶ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988. – С. 110.

¹⁷ См.: Канке В.А. Основные философские направления и концепции наук. Итоги XX столетия. – М., 2000. – С. 307.

Глава 7

¹ См.: Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): В 5 т. – М., 2005. – Т.1.

² См.: Федоров В.М. Синтетические тенденции в современном естествознании. – М., 1979; Его же. Учение о биосфере и интеграция наук. – М., 1986.

³ Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988. – С. 124.

⁴ Хакен Г. Синергетика. – М., 1980. – С. 5.

⁵ Хакен Г. Основные понятия синергетики // Синергетическая парадигма. – М., 2000. – С. 37.

⁶ Струминский В.В. Как и зачем возникла жизнь на Земле и других планетах Космоса // Вестник РАН. – 1995. – Т. 65. – № 1. – С. 43.

⁷ См.: Тюрюканов А.Н., Федоров В.М. Н.В. Тимофеев-Ресовский: Биосферные раздумья. – М., 1996. – С. 359.

⁸ Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. – М., 1990. – С. 225–226.

⁹ Цит.: Тюрюканов А.Н., Федоров В.М. Н.В. Тимофеев-Ресовский: Биосферные раздумья. – М., 1996. – С. 57.

Глава 8

¹ См.: Юдин Б.Г. Институализация науки в ценностных измерениях // Философия и методология науки. – Ч.11. – М., 1994. – С. 113–131.

² Кара-Мурза С.Г. Идеология и мать ее наука. – М., 2002.

³ См.: Наука на пороге XXI века: проблемы организации и управления (под общей ред. С.А. Лебедева). – М., 2000.

Раздел II

2.1

¹ Моторина Л.Е. О методологических подходах в социальногуманитарном знании // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сб. науч. тр. гуманитарного факультета МАИ: – Вып. IV. – М., 2005. – С. 8–11.

² Цит.: Казаринова Н.В., Филатова О.Г., Хренов А.Е. Социология: Учеб. пособие для вузов. – М., 2000. – С. 157.

2.2

¹ Дробницкий О.Г. Природа и границы сферы общественного бытия человека // Проблема человека в современной философии. – М., 1969. – С. 229.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 363.

³ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 44.

⁴ Бахтин М.М. Там же. – С. 333.

⁵ Там же. – С. 310.

⁶ Гуревич А.Я. Еще несколько замечаний к дискуссии о личности и индивидуальности в истории культуры // Одиссей. Человек в истории. – 1990. – С.76.

2.3

¹ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 413.

² Там же. – С. 413.

³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – СПб., 2002. – С. 591.

⁴ Там же. – С. 593.

⁵ См.: Полани М. Личностное знание. – М., 1985.

⁶ Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М., 1994. – С. 112.

⁷ Там же. – С. 116.

⁸ Там же. – С. 121.

⁹ См.: Чижевский А.Л. На берегу Вселенной. Годы дружбы с Циолковским. Воспоминания. – М., 1995.

2.4

¹ Риккерт Г. Философия жизни. – Киев, 1998. – С. 459.

² Там же. – С. 460.

³ Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. – М., 1992. – Т.2. – С.298.

⁴ Там же. – С. 437.

⁵ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 593.

⁶ Шохин В.К. Ценность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2002. – Т.4. – С. 320–323.

⁷ См.: Иванов М.А. Ценностные начала научного познания (социогуманитарный аспект) // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: Сб. науч. тр. гуманитарного факультета МАИ. – Вып. IV. – М., 2005. – С. 18–20.

⁸ Там же. – С. 20.

2.5

¹ См.: Гарин И.И. Ницше. – М., 200.

² Соловьев В.С. Идея сверхчеловека // Соч. – М., 1989. – Т. 2.

³ См.: Дильтей В. Категория жизни // Вопросы философии. – 1995. – № 10.

⁴ См.: Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993.

⁵ См.: Бергсон А. Творческая эволюция. – М., 2001.

⁶ Риккерт Г. Философия жизни. – Киев, 1998. – С. 269.

⁷ Там же. – С. 275.

⁸ См.: Бойцов Б.В., Крянев Ю.В., Кузнецов М.А. Качество жизни. – М., 2004.

2.6

¹ См.: Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. – М., 1988.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.

³ См.: Цвык И.В. Пространственно-временные факторы цивилизационного развития: хронотипический контекст // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сб. науч. тр. гуманитарного факультета МАИ. – Вып. IV. – М., 2005. – С. 35–41.

⁴ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 297.

⁵ Там же. – С. 298.

⁶ Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб., 2000. – С. 9.

⁷ Там же. – С. 177.

⁸ Цвык И.В. Пространственно-временные факторы цивилизационного развития: хронотипический аспект. – С. 38–39.

2.7

¹ См.: Федотова В.Г. Коммуникация и диалог в науке и за ее пределами // Общественные науки и современность. – 2004. – № 5. – С. 75–82.

² См.: Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. – М., 2000.

³ См.: Языки как образ мира. – М.; СПб., 2003.

⁴ См.: Канке В.А. Основные философские направления и концепции науки. Итоги XX столетия. – С. 78–83.

⁵ Павлова Т.П. Особенности коммуникации в контексте социально-гуманитарного знания // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сб. науч. тр. гуманитарного факультета МАИ. – М., 2005. – Вып. IV. – С. 43.

2.8

¹ См.: Лавров П.Л. Избранные произведения. В 2 т. – М., 1965. – Т.2. – С.43.

² См.: Михайловский Н.К. Соч. – СПб., 1906. – Т.1 – С. 3.

³ См.: Социология: Учеб. для вузов / Под ред. В.Н. Лавриненко. – М., 2002. – С. 104.

⁴ Косарева Л.М. Социокультурный генезис науки Нового Времени. Философский аспект проблемы. – М., 1989. – С.40.

⁵ Вебер М. «Объективность» познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век: Антология. – М., 1975. – С. 558.

⁶ Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С. 610.

⁷ Там же. – С. 606.

⁸ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Разум. Нравственность. – М., 1992. – С. 14–15.

⁹ Франк С. Предмет знания. Душа человека. – Минск; – М., 2000. – С. 137–138.

2.9

¹ Каган М.С. О месте науки в системе культуры. Наука и культура. – М., 1984.

² См.: Кузнецов В.Г. Гуманитарное познание. – М., 1991.

³ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 363.

⁴ Там же. – С. 292.

⁵ Там же. – С. 292.

⁶ Там же. – С. 298.

⁷ Там же. – С. 300.

⁸ Там же. – С. 371.

⁹ Там же. – С. 239.

¹⁰ Визгин В.П. Научный текст и его интерпретация: Методологические проблемы историко-научных исследований. – М., 1982. – С. 320.

¹¹ Там же. – С. 321.

¹² Там же. – С. 322.

¹³ Там же. – С. 324.

¹⁴ Там же. – С. 330–331.

2. 10

¹ См.: Познание в социальном контексте / Отв. ред. В.А. Лекторский, И.Т. Касавин. – М., 1994.

² См.: Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. – М.; – СПб., 2003. – С. 227.

³ Там же. – С. 253.

⁴ Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. – М., 1994. – С. 164.

⁵ Там же. – С. 327.

⁶ Там же. – С. 414.

⁷ См.: Познание в социальном контексте / Отв. ред. В.А. Лекторский, И.Т. Касавин. – М., 1994.

⁸ Бердяев Н.А. Философия свободы. – М., 2004. – С. 39.

⁹ Там же. – С. 58.

¹⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. – М., 2003. – С. 9.

¹¹ Там же. – С. 18.

¹² Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1991.

¹³ Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. – М., 1997. – С. 310.

2.11

¹ Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – 2-е изд., испр. – М., 2003. – С. 3.

² Дильтей В. Описательная психология. – СПб.: Алетейя, 1996. С. 15.

³ Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. – М.: Наука, 1988. – С. 28–29.

2.12

¹ Курашов В.И. Познание природы в интеллектуальных коллизиях научных знаний: Научная мысль России на пути в XXI век. – М., 1995. – С. 10.

² См.: Кузнецов В.Г. Гуманитарное познание. – М., 1991.

³ См.: Печчеи А. Человеческие качества. – М., 1980.

⁴ См.: Тюрюканов А.Н., Федоров В.М. Н.В. Тимофеев-Ресовский: Биосферные раздумья. – М., 1995.

⁵ См.: Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. – М., 1988.

2.13

¹ Бэкон Ф. Соч. В 2 т. – М., 1972. – Т.2. – С. 504.

² Там же. – С. 505.

³ Там же. – С. 514.

⁴ Там же. – С. 522.

⁵ См.: Тоффлер Э. Третья волна. – М., 2002. – С. 484–489.

⁶ Там же. – С. 489.

⁷ Там же. – С. 494.

⁸ Франк С.Л. Духовные основы общества. – М., 1992. – С. 56.

Раздел III

История и философия права

¹ Алексеев С.С. Философия права. – М., 1997.

- ² Антология мировой философии. В 4 т. – М., 1969–1972.
- ³ Апель Карл-Отто. Трансформация философии. – М., 2001.
- ⁴ Аристотель. Сочинения: В 4-х т. – М., 1983.
- ⁵ Вебер М. Избранные сочинения. – М., 1990.
- ⁶ Воробьев В.Ф., Остапенко В.С., Попов Е.В., Пристенский В.Н. Проблемы философии права: Уч. пособие. – Воронеж, 2000.
- ⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: Пер. с нем. – М., 1988.
- ⁸ Гегель. Философия права. – М., 1990.
- ⁹ Гоббс Т. Соч. В 2 т. – М., 1989–1991.
- ¹⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. Кн. 1-3. – М., 1956.
- ¹¹ Деникин А.В. Консерватизм и либерализм в социально-философской мысли России XIX века: становление методологии. – М., 2000.
- ¹² Жоль К.К. Философия и социология права: Учеб. пособие для вузов. – М., 2005.
- ¹³ Иконникова Г.И., Ляшенко В.П. Основы философии права. – М., 2001.
- ¹⁴ История философии права. – СПб., 1998.
- ¹⁵ Кант И. Соч. В 8 т. Т. 6. – М., 1994.
- ¹⁶ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). / 2-е изд. – М., 2001.
- ¹⁷ Леонова Л.Л. Философия права: к становлению новой концептуальной парадигмы. – Новосибирск, 1998.
- ¹⁸ Локк Дж. Соч.: В 3 т. – М., 1988.
- ¹⁹ Луман Н. Общество как социальная система. – М., 2004.
- ²⁰ Макиавелли Николо. Государь. Пер. с ит. – М., 1990.
- ²¹ Малахов В.П. Философия права. – Учеб. пособие. – М., 2002.
- ²² Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике). – Екатеринбург, 1995.
- ²³ Моисеев С.В. Философия права. Курс лекций [Текст]. – Новосибирск, 2004.
- ²⁴ Монтескье Ш. Избранные произведения. – М., 1955.
- ²⁵ Нерсисянц В.С. Философия права. Учеб. для вузов. – М., 1999.
- ²⁶ Осипов И.Д. Философия права: конспект лекций. – СПб., 2000.
- ²⁷ Платон. Соч. В 3 т. – М., 1968–1971.
- ²⁸ Поздняков Э.В. Философия государства и права. – М., 1995.
- ²⁹ Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций. – СПб., 2004.
- ³⁰ Поскониная О.В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. – М., 1997.
- ³¹ Правовая мысль: Антология. – М., 2003.
- ³² Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. – М., 1995.
- ³³ Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. В 3 т. – М., 1961.
- ³⁴ Спиридонов Л.И. Избранные произведения: философия и теория права. – СПб., 2002.

- ³⁵ Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. – М., 2000.
- ³⁶ Тихонравов Ю.В. Основы философии права. – М., 1997.
- ³⁷ Философия науки / под ред. С.А. Лебедева: Учебное пособие для вузов. – М., 2004.
- ³⁸ Хабермас Юрген. Демократия. Разум. Нравственность. (Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г.). – М., 1992.
- ³⁹ Цицерон. Диалоги. – М., 1994.
- ⁴⁰ Цицерон. Об обязанностях. – М., 2003.
- ⁴¹ Черненко А.К. Философия права. – Новосибирск, 1997.
- ⁴² Чукин С.Г., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: Учебник. – М., 2002.
- ⁴³ Ясперс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. – М., 1999.

История и философия экономики

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М., 1962. – С. 73.
2. Риккардо Д. Сочинения. Т. I., – М., 1955. – С. 33.
3. Сисмонди Ж. Новые начала политической экономии. Т. I. – М., 1937. – С. 145.
4. Там же, – С. 134.
5. Там же, – С. 359.
6. Милль Дж. Ст. Основы политической экономии. Т. I. – М., 1980. – С. 352–353.
7. Милль Дж. Ст. Основы политической экономии. Т. III. – М., 1980. – С. 78–79.
8. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1991.
9. Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия. – М., 1995. – С. 238.
10. Mises L. Socialism. An Economic and Sociological Analysis. – London, 1951. – 583 p.
11. Хайек Ф.А. Дорога к рабству. – М., 1992. – С. 62.
12. Pigou A. Socialism versus Capitalism. – London, 1937. – 137–138 p.

Реферативные работы по дисциплине «История и философия науки»

Написание рефератов по общенаучной дисциплине «История и философия науки» является обязательной частью подготовки аспирантов и соискателей и одним из условий допуска к сдаче кандидатского экзамена. Реферат является органичной частью выполняемого соискателем диссертационного исследования. Поэтому тематика реферативной работы напрямую зависит от избранной темы диссертационного исследования.

В реферате необходимо раскрыть очень важные в методологическом аспекте проблемы диссертационного исследования: в чем заключается актуальность избранной темы? какова степень ее разработанности? в чем заключается новизна выполняемого соискателем исследования? что понимается под объектом исследования? каков предмет исследования? каков круг источников исследования? каковы методологические принципы исследования? Проработка отмеченных вопросов позволит диссертанту более осознанно подойти к самому диссертационному исследованию и более эффективно его осуществить. Рекомендуем воспользоваться учебным пособием «Научная проблема» (ВГНА, 2005), в котором подробно изложена методология диссертационного исследования.

Объем реферата в пределах авторского листа, т.е. 1 п.л. (40 тысяч знаков). Реферат рецензируется как научным руководителем, так и преподавателями общенаучной дисциплины «История и философия науки». С учетом его содержания ставится либо «зачет», либо «незачет». Работы с оценкой «незачет» подлежат переработке и вторичному их представлению научному руководителю и преподавателям, ведущим дисциплину «История и философия науки».

Реферат представляется в печатном виде. Обязательными его элементами являются: титульный лист, оглавление, список использованной литературы, включающей не менее 10 источников.

Сроки сдачи рефератов определяются преподавателем, но не позднее 15 марта. Более поздняя сдача реферата может привести к переносу сдачи кандидатского экзамена. Вначале реферат сдается научному руководителю, а лишь затем, после получения положительной оценки («зачет») научного руководителя, что должно быть отражено на титульном листе, он сдается преподавателю общенаучной дисциплины «История и философия науки». Оценка реферата преподавателем общенаучной дисциплины является основанием для допуска к сдаче кандидатского экзамена.

Кузнецов Михаил Алексеевич,
доктор философских наук, профессор

Деникина Зоя Дмитриевна,
кандидат философских наук, доцент

Захаров Александр Петрович,
кандидат философских наук, доцент

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Учебное пособие

Редакторы М.М. Мартынова, О.Ф. Федосова
Компьютерная верстка И.А. Сидоровой, Т.В. Дьячковой

*При подготовке рукописи к изданию
использована СПС «КонсультантПлюс»*

Подписано в печать
Формат 60x90/16. Гарнитура «Таймс». Печать цифровая.
Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. . Тираж экз.

Заказ №

Адрес: 109456, Москва, 4-й Вешняковский пр-д, 4